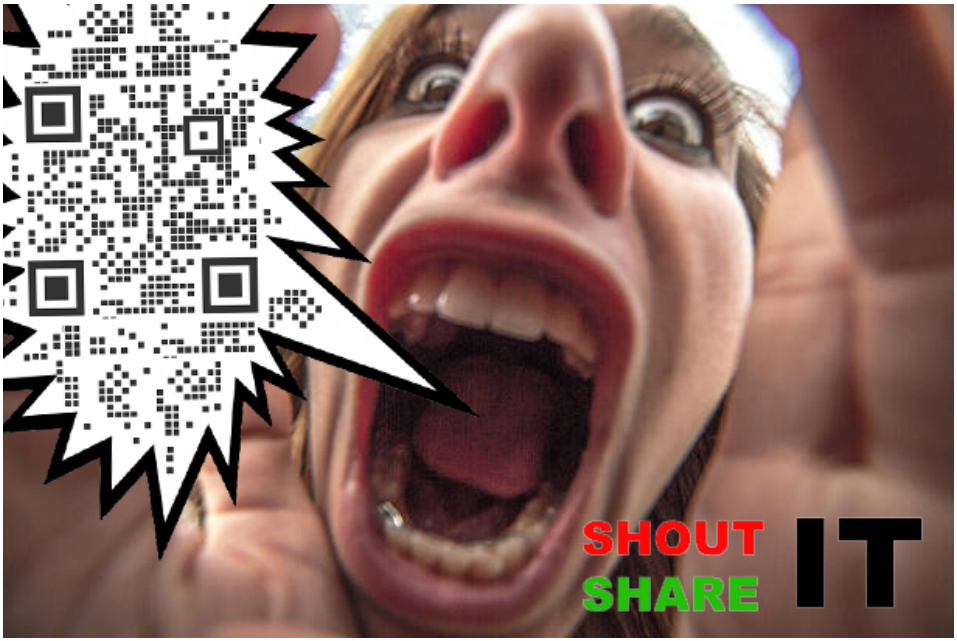
АНДРЕС
ИНЬЕСТА
Я ЭТО ЗАСЛУЖИЛ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Андрес считается одним из самых загадочных игроков. Редкие интервью и отсутствие скандалов делают его еще более недосягаемым для фанатов. Именно поэтому его автобиография является настоящим откровением. Вся жизнь, взлеты и падения, победы и поражения. Он рассказал все. В свойственной ему простой манере, без надуманности и агрессии.

- Андрес Иньеста
  - ○
  - ○ Пролог
  - ○ Первый тайм
    - ■ I. Бездна
    - ■ II. Фуэнтеальбилья
    - ■ III. Брунете
    - ■ IV. «Ла Масия»
    - ■ V. Папа
    - ■ VI. Мудрец
    - ■ VII. Первая команда
    - ■ VIII. Франк
    - ■ IX. Братья
    - ■ X. Пеп
    - ■ XI. Боль
    - ■ XII. На вершине мира
    - ■ XIII. Соперники
    - ■ XIV. Дель Боске
    - ■ XV. Дани
    - ■ XVI. Номер «8»
    - ■ XVII. Одиннадцать метров
    - ■ XVIII. Луис Энрике
    - ■ XIX. Ангел-хранитель
  - ○ Второй тайм
    - ■ XX. «Другие Иньесты»
    - ■ XXI. Сине-гранатовый
    - ■ XXII. Направляющие руки
    - ■ XXIII. Анна
    - ■ XXIV. Мама
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4

○ 5
○ 6

Андрес Иньеста
Я это заслужил

Andrés Iniesta
THE ARTIST: BEING INIESTA

© 2016, Andrés Iniesta
© Качалов А., перевод на русский язык, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Анне

Просто за то, что ты есть, за то, как ты меня любишь, и за то, какой ты человек. Ты вернула мне радость жизни и придала смысл моему существованию. Встреча с тобой была самым волшебным событием, которое только могло со мной произойти; судьба свела нас вместе, чтобы мы могли разделить друг с другом свои жизни. Ты дала мне возможность стать отцом, главой замечательной семьи и помогла почувствовать полноценное, настоящее счастье рядом с тобой и нашими детьми. Мы уже пережили вместе столько незабываемых, уникальных моментов, но я знаю, что рядом с тобой лучшее всегда впереди.

Моя жизнь не имела бы без тебя смысла, *‘Mami’*.

Маме

В жизни у нас только одна мама, а я не мог и мечтать о лучшем примере для подражания в жизни, чем ты. Ты сделала меня тем человеком, которым я являюсь сейчас. А тому, чему ты научила меня, я буду учить своих детей. Ты мой эталон и пример для подражания. Я не могу представить себе, через что ты прошла, когда я, будучи всего 12 лет от роду, покинул дом, чтобы жить в «Ла Масии». Без тебя все то, от чего я получаю удовольствие и радость в жизни, было бы невозможным. Ты всегда была довольна своим местом за кулисами, вдали от света софитов, но на этом свете для меня нет никого другого такого незаменимого, как ты. Мы много пролили вместе слез и много страдали вместе, но теперь я наслаждаюсь каждым моментом, который провожу с тобой, и ценю это очень высоко. Я буду вечно благодарен тебе за все, что ты для меня сделала, мама.

Папе

Ты всегда был моим проводником, моим тренером. Ты – отец, которого мечтает иметь рядом каждый взрослеющий ребенок.

Мне было бы очень трудно ценить все то, чего я добился сегодня, и то, как далеко зашел, если бы тебя не было рядом. Ты никогда не мечтал о победах в Лиге чемпионов, на Евро или Чемпионате мира – ты просто мечтал о том, чтобы твой сын стал профессиональным футболистом, и нам это удалось. По пути мы пролили немало слез и немало настрадались, но зато теперь мы оба можем получать удовольствие от достигнутой цели. Я навечно буду благодарен тебе за то, что ты мне дал. И главным образом за те бесчисленные вещи, которым ты меня научил на этом пути, папа.

Марибель

Ты всегда будешь моей девочкой. Жить без тебя целых пять лет было непросто; и пусть мы даже ругались и конфликтовали в молодости, а мне нравилось время от времени тебя поддразнивать, я должен сказать, что лучшей сестры, чем ты, и пожелать себе не мог. У тебя такое большое сердце!

В нас течет одна кровь, и благодаря ей мы ближе друг к другу, чем кто-либо. Я очень тебя люблю, гораздо сильнее, чем ты думаешь.

Я знаю, что ты всегда готова прийти на помощь. Спасибо за то, что ты всегда рядом, «моя девочка».

Валерии и Паоло Андреа

Мои сокровища. Моя принцесса и мой маленький сорванец. Каких замечательных детей подарила нам жизнь! Какое абсолютное счастье! Принцесса нашего дома и его главный чемпион. Вот так парочка!

Однажды вы прочтете эту книгу и поймете очень многое. Вы – мое вдохновение.

Андресу младшему

Как могу я забыть тебя? Люди тебя не знают, зато знаю я. Я знаю тебя и знаю, что ты прекрасен. Пусть ты не рядом с нами во плоти, но ты всегда с нами в наших душах; наш ангел, за жизнь которого мы так сражались и которого никогда не забудем.

Эта биография написана не по общепринятым канонам. Она нетрадиционна. Эта книга гораздо больше книга Андреса, нежели книга Иньесты, – вот так, ни больше ни меньше. Может показаться, что в этой длинной истории он редко появляется на переднем плане – по сравнению с привычными нам автобиографиями, где главный персонаж выступает в роли супермена, эдакого героя боевика собственной жизни; в таких

книгах эпические моменты всегда подают под особенно острым соусом, тогда как страхи и сомнения всегда приглушаются.

Андрес решил подойти к книге иначе. Но даже в те моменты, когда вы не будете видеть его на страницах, знайте: он там. Он в каждой строчке, которые мы начали записывать в 2012 году. Он присутствует на страницах книги гораздо чаще, чем кажется на первый взгляд, а если бы вы спросили у него лично, он, наверное, ответил бы, что его в этой книге слишком много. Что он совершенно точно хотел передать, – это все до единой детали его долгого и терпеливого восхождения на Олимп, добраться до которого ему, как он думал, никогда не удастся.

Даже в самых безумных фантазиях он не мог представить себе карьеру, которую в итоге сделал. Равно как никто и не говорил ему, 12-летнему мальчику, приехавшему в «Ла Масию» и разлучившемуся с родителями, как тяжело и трудно ему будет временами. Футбол, как оказалось, не всегда мог освободить его от оков жизненных трудностей. Впервые он начал бегать с мячом в ногах в Фуэнтеальбилье, в Альбасете, и в действительности он до сих пор поддерживает незримую связь с крохотной испанской деревушкой, которая его стараниями появилась на мировой футбольной карте. Достигнув этой точки своей карьеры, он, капитан «Барселоны» и олицетворение футбольного стиля, покорившего Европу и мир, – неважно, будет ли это «Барса» Райкарда, Гвардиолы или Луиса Энрике, или сборная Испании Луиса Арагонеса и Висенте дель Боске, – он захотел остановить время, поставить ногу на мяч и оглянуться в прошлое.

Всем читателям, ожидающим прочитать типичную автобиографию футболиста, вынуждены принести свои извинения – вас ждет разочарование. Не вините его; ответственность за это лежит на нас. Но Андрес, как это обычно бывает, когда он играет в футбол, думал о других. Он хотел, чтобы миру была рассказана история о том, как с бетонной площадки его школы в провинции Ла Манча, никогда не имевшей никаких футбольных традиций, он попал на «Камп Ноу», на «Соккер-Сити», на «Уэмбли» и «Стэмфорд Бридж». И он хотел, чтобы эту историю поведали члены его семьи, друзья, тренеры, партнеры по команде и соперники.

Андрес захотел сыграть ту же роль в написании этой книги, какую играет на поле. Он подхватил мяч и начал пасовать, ассистировать, а узнав какие-то неизвестные подробности собственной жизни, открытые ему другими, испытал приятное удивление. Он никогда не спускал глаз с мяча в этой долгой игре. Он был на каждом шагу этого пройденного пути. Мы говорили со многими людьми, а он был нашим проводником по каждому

матчу, будь то Лига чемпионов, Ла Лига, Чемпионат мира или Евро, остановки в отелях или тренировки. Двери нам всегда были открыты – все и каждая, вплоть до самых тяжелых. «Если это для Андреса, никаких проблем, только назначьте время» – эти слова мы слышали от своих собеседников постоянно. Даже самое плотное расписание не могло нам помешать. Если поначалу не находилось свободного времени для встречи, мы находили возможность связаться с людьми во время поездок, по телефону, почте, через сообщения в WhatsApp – мы искали любые решения. Все эти методы служили нашей цели – получить откровенные свидетельства людей, и для этого мы потратили долгие часы, ведя беседы, участие в которых было настоящей привилегией для нас. А Андрес, бывший главным персонажем повествования, был одновременно нашим продюсером и гидом, помогавшим нам освоиться на огромной и новой для нас территории.

Нам потребовалось четыре года, чтобы завершить работу, но если бы решать мог только он, книга бы до сих пор не была бы закончена. Он всегда находил (и до сих пор находит) нового человека, которому мы могли бы позвонить, или новую историю, которой он хотел бы поделиться с нами. Эта книга – новый способ взглянуть на очень необычного футболиста, многие слои жизни которого до сих пор предстоит открыть: сними один – и увидишь, что под ним следующий. Но эта книга – не просто книга о футболисте, пусть его волнующее путешествие и пересекалось с путем «Барселоны» и сборной Испании. Эта книга об Андресе-человеке, одержимом достижением идеала во всем и стремлением все делать правильно. И когда мы говорим «все», мы подразумеваем *все*. Начиная от шрифта текста и цвета обложки книги, которую вы держите в руках, до подбора правильного названия английской версии, которое пришлось бы ему по вкусу.

Найти подходящее название было непросто, и в конечном итоге мы остановили свой выбор на названии *The Artist*, которое отлично иллюстрирует эту историю о том, как он «играл» в свою жизнь. Всегда изобретательно, пышно, с почти что сверхъестественным пониманием законов времени и пространства.

Вот почему мы утверждаем, что эта книга – *его* во всех смыслах. Мы, наверное, сделали бы ее другой. Наверное. Но это не наша книга, это книга Андреса. Он всегда хотел, чтобы блистали другие. Мы старались, работая над тем, чтобы так и произошло, и никогда не теряли мяч – его мяч, мяч, который он бросил себе под ноги, будучи мальчиком из Ла Манчи, и который до сих пор ведет на матчах «Барселоны» и сборной Испании.

Рамон и Маркос

Пролог

Препятствия, встречающиеся на нашем пути, помогают нам увидеть жизнь с другой стороны и подняться после их преодоления с еще большей внутренней силой.

Марк Аврелий, римский император

Если вы загуглите «Андрес Иньеста» и прочтете материалы, которые выдаст вам поисковик, вы можете решить, что знаете обо мне все.

Вы и тысячи других людей, конечно же, за секунду узнаете все о моей жизни. С той лишь оговоркой, что на самом деле нет. Существует масса вещей и фактов, которые не освещались нигде. О других я бы хотел рассказать вам в контексте или в правильном порядке. Я верю в старую поговорку, которая гласит, что каждый человек должен стать родителем, посадить дерево и написать книгу. К счастью, дочь и сын у меня есть; моя футбольная карьера всегда будет ассоциироваться с деревом, растущим на детской площадке в Фуэнтеальбилье, где я когда-то играл; так что мне осталась только книга, эта книга – *The Artist*.

Я отношусь к вещам очень серьезно. Если я настроился сделать что-то, я делаю это, потому что по-настоящему считаю это правильным и необходимым, я не буду делать что-либо ради самого факта или потому, что считаю, что это может положительно повлиять на мой образ. Так что я написал эту историю с тем же убеждением, желанием и стремлением, которые руководят мною, когда играю в футбол или забочусь о своей семье. Я хотел, чтобы текст этой книги был «скроен по моей мерке». Я хотел, чтобы он получился таким, каким я его представлял в своем воображении. Я хотел, чтобы у истории были структура и основа, я не хотел, чтобы книга превратилась в бесконечный поток сантиментов и воспоминаний. А для этого мне понадобилась помощь людей, которые знают меня и которые умеют интерпретировать мои чувства; люди, знающие подробности моей карьеры и способные выразить мысли, которые я записывал на бумагу с тех пор, как в мае 2012 года начался процесс написания книги.

Написание заняло так много времени потому, что я не хотел ставить себе никаких конкретных сроков или привязывать ее

публикацию к какой-то определенной точке своей карьеры в «Барселоне» или в сборной Испании – это решение было продиктовано сугубо личными, а не коммерческими мотивами.

Опыт, который я хотел раскрыть читателю, было необходимо правильно понять тем, кто собирался помочь мне написать эту книгу. В лице Маркоса Лопеса и Рамона Бесы я нашел двух людей, которым мог доверить составление этой истории: они оба журналисты, хорошо знающие мою карьеру как в «Барселоне», так и в сборной, они отлично разбираются в футболе. Не просто наборщики текста или нанятые авторы, а профессионалы, которым можно доверять. Люди, которым я мог раскрывать секреты, ничего не боясь и не стесняясь, не переживая, что материал может быть использован неправильным образом; кроме того, я знал, что каждый, кто внес свой вклад в эту книгу, примет этих людей и будет готов говорить с ними.

Я не знаю никого, кто лучше подходил бы для этого задания, чем Маркос Лопес, очень трудолюбивый журналист и замечательный человек. Он идеально дополняет собой Рамона Бесу, который всегда решительно настроен найти смысл, задать истории правильный тон и рассказать ее в стиле, соответствующем личности протагониста. Мы втроем составили команду, работавшую на одном условии: мы напишем книгу без посредников и не будем выпускать ее в свет, пока она не будет написана нами до конца. Обязанность вести переговоры с издателями мы возложили на Пере Гвардиолу и Жоэля Борраса. Так все и шло вплоть до того момента, как Hachette и Malpaso приобрели права на работу. Также нам повезло, что переводчиками с испанского на английский стали Сид Лоу и Пит Дженсон, хорошие наши друзья, а Малькольм и Хулиан, редактировавшие испанскую и каталанскую версии, внесли значительный вклад в редактуру и улучшение этой книги.

Собирая воедино историю для книги, я наверняка сам того не желая, кого-то забыл, а может быть, среди читателей найдутся те, кто пожалуется на недостаточную критичность оценок или упрекнет меня в том, что я не упомянул определенных персонажей. Но я хочу сразу прояснить: книга вышла такой, какой я хотел ее видеть. Это моя книга, и ее финальная версия, ее композиция принадлежат мне, а не моим соавторам, которые, я уверен, в некоторых моментах предпочли бы поменять историю или иначе расставить в ней акценты. Я хотел объяснить то, как вижу или, если так вам будет проще, как чувствую некоторые важные вещи, и показать, каким видят меня люди, которые, на мой взгляд, хорошо меня знают. Я разобрал свою жизнь на составные элементы, разбил ее на главы, чтобы читателю было

проще уследить за развитием истории. Вопрос никогда не стоял так: я должен сочинить роман – нет, дело было в стремлении сконструировать, собрать воедино журналистские записи о моей жизни и карьере.

МОЯ СТРАСТЬ К ФУТБОЛУ ВСЕГДА БЫЛА ДВИЖУЩЕЙ СИЛОЙ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Мне почти нечего сказать о вещах, которые – хотя они и могут представлять интерес для определенных людей – я счел всем известными и уже изложенными в каких-то других источниках. Я говорю о своей каждодневной жизненной рутине и своих привычках. Хорошо известно, что я люблю проводить время с семьей, с Анной, Валерией и Паоло Андреа, а также с родителями и сестрой Марибель. Я не могу возвращаться в деревню так часто, как хотелось бы, но мне нравится то драгоценное время, что я провожу с дедушкой и бабушкой, своим дядей Андресом, с которым перед каждой предсезонкой вместе бегаю, и другими дядьями, тетками и кузенами, даже несмотря на то, что некоторые из них живут аж в Альмерии или на Майорке. Мне нравится водить Валерию в школу и забирать ее оттуда, нравится видеть ее заразительную улыбку. Нравится проводить время с моим маленьким хулиганом Паоло Андреа. И я обожаю проводить время с Анной. Когда получается, мы стараемся выбираться куда-нибудь, чтобы что-нибудь вместе поделать: отправляемся на ужин в разные новые рестораны, ходим на прогулки. Иногда в кино. Музыка? Estopa все еще моя любимая группа: мне нравятся их песни и личности самих музыкантов группы, а кроме того, я в большом долгу перед Алексом де Гуирьором, который создает для меня музыкальные миксы, смешивая все понемногу – реггетон, хаус, испанскую поп-музыку, – так что в моем распоряжении всегда есть эклектичная подборка музыки. Ну а также, будучи спортсменом, который старается держать себя в тонусе, я люблю поспать, чтобы чувствовать себя хорошо отдохнувшим.

Однако я никогда не имел желания написать книгу о таких банальных, каждодневных вещах. Вместо этого я хотел поведать о своей страсти к футболу – страсти, захватившей меня, когда я еще был мальчиком. Маркос и Рамон иногда говорят мне, что я был маленьким мальчиком без детства. Понимая их слова, я все же хотел восстановить это детство, написав о нем, и попытался в процессе показать, что я очень горжусь этим мальчиком. Был ряд эпизодов, переживать которые заново было нелегко и отнюдь не приятно – касались они как молодых моих лет, так и более поздних, как, например, моменты, предшествовавшие Чемпионату

мира в ЮАР. Но я постарался раскрыть и объяснить их максимально искренне, так, как я переживал их сам, не придумывая «правильный» способ изложения их в тексте.

Уезжать из Фуэнтеальбильи в «Ла Масию» было очень и очень непросто – это факт. Мне потребовался год, чтобы обжиться и обустроить свою жизнь в резиденции, но в итоге все вышло так, что у меня там появилось свое место в библиотеке, своя комната, свой шкаф, где я хранил свои вещи и сладости. Я любил пирожные, которые привозили мне родители, и бисквитный торт, что готовила бабушка Жорди Месальеса, кусочки которого мы неизменно макали в шоколадное молоко, перед тем как пойти спать. От «Ла Масии» у меня остались замечательные воспоминания. Одно, особенно дорогое моей семье, было связано с Жоаном Сесаром Фарресом, директором «Ла Масии», который выбрал меня представлять клуб на встрече с Иоанном Павлом II, приуроченной к столетию ФК «Барселона». Мама купила мне новый костюм, и в тот раз я принял первое причастие.

Иногда душа зовет меня в Фуэнтеальбилью. Там *мой* дом. Там живет добрая часть членов моей семьи, там знакомые соседи, там наш виноградник и все те жители деревни, что прожили там всю жизнь и видели мое становление. Мне нравится помнить о том, откуда я родом, но не меньше, чем говорить, что теперь я и отсюда, из Барселоны. Иногда мне нравится погрузиться в размышления и покопаться в своих чувствах. Человек должен знать, кто он такой, и уметь позаботиться о тех, кто рядом: для меня это Анна, мои дети, родители, сестра Марибель. Мы должны уметь приглядывать за теми, кто нас окружает, чтобы они не чувствовали себя одиноко, пусть даже время от времени каждый из нас ненадолго погружается в одиночество.

Я не такой уж тихоня, каким меня представляют люди. Неправда, что я никогда ни с кем не ссорился и никогда не соревновался в дисциплине «у кого громче глотка». Люди, которые хорошо меня знают, даже обвиняли меня в том, что я порой излишне властный или что пытаюсь организовать их жизни. Но мне нравится слышать, когда люди говорят: Андрес знает, как собрать семью вместе и как найти нужных людей для работы. Я очень упрямый, и я естественным образом начинаю бунтовать, когда кто-либо говорит мне, что я не могу заполучить то, чего хочу.

Кроме того, я очень благодарный человек и я хотел бы донести это до всех в этой книге. Я благодарен каждому, с кем работал в сборной Испании, и за все, что пережил в начале своего пути в «Альбасете». Я благодарен своей семье и «Барсе». Я не буду выделять каких-то директоров или президентов по отдельности. Я

предпочитаю выражать свою благодарность клубу в целом, и в этих словах отражается благодарность всем директорам, с которыми я работал. Для меня лучший способ продемонстрировать любовь к клубу – с честью носить его футболку, быть хорошим партнером по команде, отдавать всего себя на поле в каждой игре и всегда представлять клуб как институт, с честью и преданностью его идеалам. Это, как мне кажется, я делал с самого первого своего дня здесь, даже когда был всего лишь мальчиком, подающим мячи из-за рекламных щитов, которые были больше меня самого и не давали разглядеть моих кумиров на поле. Ничто не мотивирует меня сильнее, чем попытки сделать клуб и страну максимально успешными, настолько, насколько это возможно.

ЕСЛИ БЫ Я РОДИЛСЯ ЗАНОВО, Я БЫ ИГРАЛ ТОЧНО ТАК ЖЕ.

Я глубоко уважаю свою профессию. Уважаю партнеров по команде и соперников. И уважаю тех, кто смотрит матчи. Моя преданность делу абсолютна, я никогда не пытаюсь никого обмануть. Мне нравится, что люди мне аплодируют, и делают они этого не из учтивости, а потому, что искренне испытывают эти чувства. Лучшее ощущение, какое только может испытать игрок, – это ощущение того, что ты отдал все и никого не подвел.

Эта книга также служит доказательством того, что мне нужно иметь возможность выражать себя, что мне нужно получать подтверждение правильности своих решений, как сказано во фразе, которую видит каждый, кто входит в мой дом: «Препятствия, встречающиеся на нашем пути, помогают нам увидеть жизнь с другой стороны и подняться после их преодоления с еще большей внутренней силой». Иногда нам нужно освободиться от оков, но это можно сделать только в том случае, если мы сначала осознаем, что закованы в них.

Моя страсть к футболу всегда была движущей силой моей жизни, и теперь лучше, чем когда-либо, я ощущаю, что мне крупно повезло быть капитаном команды и слышать благодарности от тех, кто помогал мне получать от жизни удовольствие, тех, кто протягивал мне руку помощи и жертвовал собой, чтобы я мог посвятить себя любимому делу, быть тем, кем хотел быть, в составе лучшей команды мира. Это привилегия. Нет ничего лучше в том, чтобы делать свою работу, получать признание за нее, а потом благодарности от тех, кто ее оценил. Это бесценно. Мы выиграли столько трофеев, даже смогли сделать два требла в течение шести лет, а хотим выиграть гораздо больше. Как бы невероятно это ни звучало, но наша жажда успеха

не утолена, она не прошла и все так же движет нами.

Маркос и Рамон часто просили меня специально для книги рассказать, каково это – находиться в окружении шести-семи соперников, что я чувствую в этот момент. Иногда они спрашивали у меня, не напоминает ли мой собственный стиль игры стиль Роджера Федерера – скоростью и синхронностью движений. А что по-настоящему заставляет меня краснеть, так это их слова о том, что в одном моем маневре они могут видеть отражение многих качеств игрока, которого можно было бы считать совершенным: скорость принятия решений; качество паса; способность вовремя притормозить, ускориться, взять паузу; первое касание, которым я ухожу от соперников; способность менять направление атаки. Я не знаю, что сказать. Я лучше предпочту, чтобы такие вещи вместо меня говорили другие люди.

Разумеется, я верю, что очень важно иметь хорошую технику, пользоваться интуицией, уметь находить свободные зоны и вести команду за собой во время атаки – это будет верным признаком того, что партнеры тебе доверяют, а соперник отступает. Есть люди, считающие, что мой секрет кроется в первых десяти метрах окружающего меня пространства, которое я покрываю, начиная движение. Другие говорят, что я пожертвовал своим талантом бомбардира, отличавшим меня в детстве, чтобы уметь покрывать такие дистанции, какие я покрываю на поле теперь. Не знаю. Как я уже говорил, я просто делаю то, что интуитивно чувствую. Если бы я родился заново, я бы играл точно так же. Когда я выхожу на поле, я более-менее представляю себе, как впишусь в игру, на меня немедленно находит ощущение, на каких скоростях будет проходить матч и как он будет развиваться. Иногда чувство, подсказывающее, что произойдет в игре, приходит за день до матча. Я представляю все это в голове, а потом все случается именно так. Или делаю что-нибудь на голой интуиции, ни на секунду не задумываясь об этом заранее. Мой мозг соображает очень быстро. Моя мама говорит, что иногда он работает так быстро, что недалеко до взрыва – это очень свойственная Луханам черта.

Члены семьи Иньеста-Лухан очень упорные и аскетичные люди. Мы трудяги, а спорт воспринимается нами как сама жизнь: для нас его смысл в том, чтобы никогда не сдаваться и каждый день биться за свое, оставаясь верным своим принципам. Я хотел напомнить самому себе об этом в этой книге. Хотел увидеть годы, на протяжении которых рос и взрослел как человек и профессионал, рассказанные на страницах книги голосами тех, кто помогал мне на этом пути, и соучастников моей работы, Маркоса и Рамона, судящих меня по моей работе и моему

поведению в каждодневной жизни.

Я хочу от всего сердца поблагодарить каждого, кто так или иначе выделил немного своего времени за эти четыре года, что потребовались для написания этой книги. Я никогда не мнил себя «всемирным наследием», как однажды окрестил меня тренер Луис Энрике (хотя я никогда не смогу до конца отблагодарить его за это определение). Мне не нужны все эти индивидуальные награды, которых у меня нет. Также я больше не чувствую потребность как-то самоутверждаться. Я чувствую себя отлично там, где я сейчас, в Барселоне, в Фуэнтеальбилье, играя за «Барсу» или сборную Испании, в Каталонии или Ла Манче, в Испании или где-то еще.

Я считаю себя гражданином мира, которому очень повезло заслужить любовь и признание людей. И именно этим людям я хочу поведать свою историю – историю, которую не найти на страницах Google-поиска. Историю моей жизни, которую расскажут вам я и люди, знающие меня лучше всех. Надеюсь, вам понравится то, как я все сделал. Я был бы счастлив, узнав, что люди получили настоящее удовольствие, читая эту книгу, так же как получают удовольствие от моей игры. Я могу сказать, что для ее создания я трудился с тем же интересом и преданностью делу, с какими играю на поле в прекрасной футболке «Барселоны» или сборной Испании. Таким, по крайней мере, было мое стремление.

Спасибо вам.

Андрес

Первый тайм
На поле

I. Бездна

Мне казалось, что я словно лечу в свободном падении, было чувство, будто все вокруг потемнело. Я занялся поисками доктора: «Я больше не могу это терпеть, с меня хватит».

Андрес Иньеста, лето 2009-го

Мы искали что-то, что могло объяснить происходящее, как-то оправдать то, что он ощущал. Но простого ответа не было.

Доктор Рикард Пруна, глава медицинского штаба ФК «Барселона».

Это не вопрос нужды. Я хочу рассказать свою историю.

Идея сама по себе хороша. Рассказать свою историю, поведать о вещах, которые я пережил, о своей жизни и все это собрать в книгу. Это возможность выразить благодарность людям, оставившим след в моей жизни, тем, кто был рядом со мной всегда. Такой уж я человек, мне нужна компания. Мне нужны люди рядом, чтобы я мог самовыражаться. Чтобы они помогали мне быть тем, кто я есть на самом деле.

У меня была тысяча способов начать повествование в этой книге, потому что в моей жизни было множество моментов, которые, когда они случались, казались мне самыми важными из всех, что я пережил. Я уверен, что, когда я оглянусь в прошлое и начну вспоминать их все, мне на ум придут и какие-то другие воспоминания. И я думаю, что совершил ошибку, начав книгу таким образом. Но я выбрал для начала один из самых свежих в памяти моментов, быть может, потому, что он всегда со мной, всегда в моей голове и никогда меня не покидает.

Я хочу начать книгу с самого наихудшего момента. Это не вопрос дней, месяцев или года – это некий неопределенный период моей жизни. Я не могу делить все только на победы и поражения – нет, речь идет о моменте, когда я не мог разглядеть никакого света в конце туннеля, когда не видел никакого пути, по

которому можно было бы следовать, так как утратил уверенность в Андресе.

Словно я стоял на краю пропасти, где-то, где еще никогда не бывал, ничего подобного не переживал. Уверенность в себе двигала моей карьерой. Я всегда был уверен в себе и своих способностях. Уверенность всегда присутствовала. Так что, когда она покинула меня, я почувствовал себя уязвимым, словно пал жертвой чего-то ужасающего, пугающего, с чем не мог совладать. На меня нашло настроение фаталиста. В жизни нет ничего более тяжкого, чем ощущение, что ты – это уже больше не ты. Оно пугает.

* * *

Худшие моменты в жизни всегда наступают после лучших. В хорошие времена пессимисты предупреждают, что впереди всех ждут трудные времена. Для Андреса лето 2009-го было славным, даже несмотря на то, что его достижения, как он сам говорит, «дались трудом, напряжением и требовали от меня еще большего». Сезон завершился так здорово – выигрышем уникального исторического требла. В 2009-м «Барселона» выиграла чемпионат, Кубок и Лигу чемпионов. Но что потом?.. «Потом внезапно, сам не знаю почему, я стал чувствовать себя плохо», – говорит он. «В какой-то день вдруг стало ясно: я не в порядке. Ощущение не прошло и на следующий день. И через день. Меня обследовали, тестировали, но результаты всегда были хорошими. Но каким-то образом тело и разум не были одним целым; казалось, что они движутся в разные стороны. Ты не можешь найти равновесие между ними, и тут тебя начинает одолевать тревога. Твоя голова перестает отдыхать, а тело в то же время кричит тебе, чтобы ты начал внимательнее приглядывать за ним, особенно за этой треклятой мышцей бедра, поставившей под угрозу участие в финале Лиги чемпионов в Риме и начавшей болеть еще сильнее после него. Ты постоянно занят обдумыванием каких-то вещей, событий. Ты спрашиваешь себя, почему мне так плохо, пусть даже и пытаешься убедить себя, что на самом деле наслаждаешься отпуском или, по меньшей мере, изображаешь удовольствие. Она растет, проблема растет как снежный ком, – продолжает Андрес. – Ты не в порядке, у тебя плохи дела, но люди вокруг не понимают этого, потому что этот Андрес не тот Андрес, которого они знают; они не видят, что внутри ты теперь странным образом пуст. Это очень тяжело».

Лето прошло скверно. Потом началась предсезонная

подготовка, которая всегда стартует после медобследования. Это рутинная процедура для игрока, следящего за своей формой, особенно когда он чувствует себя хорошо. Это рутинная процедура и для Андреса в обычном его состоянии. «Но на той первой тренировке я сделал себе больно. Это было логично, ведь лето прошло под таким давлением, с таким напряжением, словно на меня свалились все проблемы мира. После такого лета было невозможно себе представить, что мышца будет в нормальном состоянии. Сканирование, которое сделали доктора, показало, что все в норме, но мышца была недостаточно сильной, а потому предсезонку я провел, будучи травмированным, и две недели тренировался в одиночестве в США. Только я и Эмили Рикарт, физиотерапевт «Барселоны».

ЭТО НЕ ВОПРОС НУЖДЫ. Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ СВОЮ ИСТОРИЮ.

Никто не знал тогда, как мучился Андрес, так же как никто не подозревал, как ему пришлось страдать, когда он маленьким попал в молодежную академию «Барселоны» «Ла Масию», находившуюся так далеко от его родного дома. Он поведал об этом только годы спустя. «Я все держу в себе. Я не люблю перекладывать груз своих проблем на плечи других; я справляюсь с ними самостоятельно. Но наступает момент, когда ты оказываешься в тупике, откуда нет выхода. Я не мог даже тренировку до конца довести, потому что странное чувство не покидало меня».

В заключительные дни предсезонной подготовки показалось, что дела пошли на поправку, а до решения уже рукой подать. Казалось, что грядут перемены. «Я не провел ни одного матча с того финала Лиги чемпионов в Риме и первого требла, оформленного тремя месяцами ранее. Я не мог тренироваться с первой командой на протяжении тех двух недель в США, но потом в один из дней доктора сообщили мне, что им, наконец, удалось найти причину моей проблемы. И тогда началась работа. Я стал приближаться к возвращению в строй, дела шли на лад, лекарство помогало. И в этот момент я узнал новости… хуже которых придумать было нельзя.

Приехал Карлес Пуйоль: он отыскал меня, чтобы передать, что Иван де ла Пенья звонил ему с новостями.

«Дани умер».

«Что? Ты уверен?»

Я застыл. Я не мог понять. Я не знал, что делать, о чем думать. Я не мог поверить в случившееся. Дани, мой дружище Дани, умер. Как? Почему? Не может быть…»

Андрес и Даниэль Харке, центральный защитник городских соперников «Барселоны» «Эспаньола», вместе прошли через многое. Они играли вместе в молодежных сборных Испании; вместе ездили в тренировочные центры своих клубов в Барселоне. Они были близкими друзьями. Дружили с детства; у них было столько общего.

А теперь Дани умер, став жертвой сердечного приступа, настигшего его в Италии, где «Эспаньол» проводил предсезонную подготовку.

«Следующие несколько дней были кошмарными, – говорит Андрес. – Мне казалось, что я лечу в свободном падении, было ощущение, будто вокруг все потемнело. Я отправился на поиски доктора: «Я не могу больше это выносить».

Андрес не знает, как это назвать: не совсем депрессия, но и не болезнь, нет, скорее ощущение беспокойства. Словно что-то не так.

«Не знаю, как это объяснить, – говорит он. – Но тогда я узнал, что, когда твое тело и разум уязвимы, тебе кажется, что с тобой может произойти все, что угодно, что ты способен принести очень много вреда. Делая абсолютно все, что угодно. Может, это прозвучит слишком сильно, не знаю, правильно ли говорить так, но мне тогда казалось, что я каким-то образом научился «понимать», как люди доходят до сумасшествия, что подталкивает их совершать безумные вещи, совершенно им не свойственные».

Иньеста нашел защиту и утешение в лоне семьи. «Родители, супруга Анна, все… без них я бы никогда не смог пережить этот стресс, никогда не почувствовал бы себя снова нормальным. Я перед ними в огромном долгу. Мне бы, конечно, хотелось думать, что для них я сделал бы то же самое, но ты никогда не знаешь, что случится в такой ситуации, пока не окажешься в ней сам».

Семья поддержала его, но усилий их одних было недостаточно. Иньеста нуждался в профессиональной помощи, в ком-то, кто мог бы выслушать его.

«Иногда достаточно просто объяснить кому-то свои чувства, рассказать, что с тобой происходит, чтобы тебя выслушали и поняли. Я нашел такую помощь в лице медиков «Барселоны» Пепе, Бругеры и Имме».

Пепе стал первым, кто помог ему раскрыть глаза на действительность. «Я больше не могу, – сказал Андрес доктору Пруне, главе медштаба «Барселоны». – Можете найти кого-нибудь, кто меня посмотрит?» В тот же день к нему домой приехал Пепе. Несколько дней спустя Имма. И именно она порекомендовала Андресу отправиться на прием к доктору Бругере.

«Моя жизнь – это моя жизнь, так я всегда к ней относился. *Таков порядок вещей, разбирайся с ним сам.* Все, что происходило со мной в жизни, то, как я всегда подходил к решению проблем, как в хорошие времена, так и в печальные: полагаю, что таким меня воспитали, вот и все. Таков уж я есть».

Иньеста все держал в себе, сам в этом копался и не делился этим ни с кем. Пока в один момент все не рухнуло. «Словно мое тело сказало мне: «Хватит, больше нельзя… ты долгие годы потратил на выслушивание других, на удовлетворение их нужд и желаний, теперь настало время выслушать меня, настало время посвятить свое время мне. Посвятить время себе». Я всегда считал, что сам смогу разобраться со всеми трудностями в жизни, словно я какой-то супермен. Я не мог объяснить себе, почему вдруг стал чувствовать себя опустошенным внутри, утратившим чувство надежды, всякие стремления и желания. Я не мог объяснить себе, почему ничто вокруг больше не радует меня. Вы, должно быть, спрашиваете себя: «О чем это он? У него же все есть: он играет за «Барселону», за сборную, у него куча денег, он все выиграл, люди восхищаются им, уважают его». Можете думать и так, я тоже задавал себе эти вопросы. Знаю, что некоторым людям будет не суждено понять меня. Но я чувствовал себя абсолютно пустым внутри. А когда ты ощущаешь пустоту, ты должен каким-то образом возвратить себе энергию, перезарядиться, найти что-то, что будет подпитывать тебя и вернет тебе силы. Иначе ты покойник».

* * *

То лето должно было стать счастливейшим в жизни Иньесты. Он завершил сезон выигрышем требла с «Барселоной» и приближался к пику игровой карьеры. Но вместо этого лето обернулось кошмарным адом. Не было ни утешения, ни возможности от всего этого убежать. Отпуск не помог, равно как не спасали и воспоминания об историческом сезоне 2008/09: ни гол на «Стэмфорд Бридж», ни выигрыш чемпионата, ни победа в финале Кубка. Да он даже не сыграл тогда: перелом носа лишил его этой возможности. Может, даже в те дни нечто такое ощущалось где-то рядом: не на поверхности, но где-то там, в глубине. Даже несмотря на то, что «Барселона» выиграла требл, а он продолжал играть так, словно ничего не произошло, нашлись те, кто заметил, что что-то с ним не так. Андрес не был Андресом.

В один из дней Сеси, один из лучших его друзей, смотрел за тренировкой «Барсы», проходившей на том старом поле, что

когда-то находилось рядом с «Ла Масией», недалеко от «Камп Ноу». Посреди тренировки у Сеси зазвонил телефон. Хосе Антонио, отец Иньесты, был на другом конце провода.

«Он не в порядке; что-то с ним не так».

«Расслабьтесь, Хосе Антонио, он вон там, тренируется».

«Как я могу расслабиться? Он единственный несчастный член семьи. Это ненормально».

Несмотря на внешнее спокойствие, Сеси и сам беспокоился за Андреса, особенно с того семейного ужина в Кадакесе, во время которого жена Иньесты Анна обратила внимание, что с мужем что-то не так.

«В чем дело?» – спросила она у Андреса.

За столом воцарилась тишина.

«Ни в чем, ни в чем. Я в порядке, все хорошо…»

Но сидевшие за столом знали, что он не в порядке. Сеси, Анна, родители… все видели, что с ним что-то неладно.

Он нуждался в профессиональной помощи, и тут на авансцене появилась клубный психолог Имма Пуиг. «В лице Иммы я нашел кого-то, с кем мог поделиться абсолютно всем, – говорит Андрес. – Есть люди, с которыми ты можешь что-то обсудить, а есть те, с кем ты поговорить не можешь. С ней я мог говорить обо всем. Я выпустил наружу все, что скопилось, начиная почти с самого своего рождения. И она так мне помогла! Помню, когда у нас была назначена встреча на шесть, я приезжал минут за десять до начала и уже был готов. Одно это уже должно подсказать вам, что эти встречи с ней были мне полезны, что мне было просто делиться с ней переживаниями, – а мне, разумеется, приходилось очень многое рассказывать.

Она помогла мне понять и улучшить мое состояние, а главное, она помогла мне научиться выбирать. Иногда ты не осознаешь, что делаешь. Никто из нас не осознает. Ты делаешь что-то просто на автомате, потому что должен. Ты просто проживаешь день за днем, день за днем… пока в какой-то момент не оказывается, что ты больше не в силах продолжать. Она помогла мне понять это и стала важной частью моей жизни. Она сыграла важнейшую роль в том, что я смог перебороть это и продолжить двигаться дальше».

Андрес искал какую-то возможность вырваться на свободу и искал ее везде, где мог. Находился в постоянном поиске.

Он не называет имен или мест, но он обследовал и узнал каждый сантиметр этого длинного темного коридора, в котором оказался, места, которое стало для него ловушкой, словно он застрял в лимбе. Большинство людей понятия не имело о том, через что он проходил. В раздевалке «Барселоны» лишь несколько

близких друзей знали об этом и старались поддержать его, дать пространство, в котором он нуждался, чтобы преодолеть свои страхи. Они не давили на него, не топтались вокруг, понимая, каких размеров гора выросла перед ним. За пределами раздевалки почти никто не знал, что он испытывал.

Два мира, два разных Андреса. На поверхности: улыбка, искусственная, как маска. Внутри: сомнение, беспокойство. Поиск абсолюта, который никогда не найти. Как из это выбираться? Как он мог сбежать из этого места – неведомого, мрачного, в котором оказался?

* * *

«Было трудно, очень трудно, – говорит Эмили Рикарт, физиотерапевт «Барселоны» и друг Андреса. – Время прошло, но боль того лета 2009-го до сих пор живет в нем. Он говорил мне: «Харке умер, и я больше не мог сдерживать это все». Момент тревоги, в который все в одночасье наложилось друг на друга: травма, давление, печаль и тоска… в результате в какой-то момент понимаешь, что у тебя что-то не так с головой. И хотя люди не верят в это, мозг способен влиять и на мускулы. Твое тело начинает разваливаться. Мускулы сдаются или получают надрывы. И в этот момент Андрес начинает испытывать то же ощущение, которое наносит спортсменам такой урон: чувство уязвимости, ощущение, что ты на грани срыва, после которого тебя уже невозможно будет «починить». «Я сделан из стекла», – сказал он мне однажды. Казалось, он думал, что никогда не придет в норму, никогда вновь не наберет хорошую форму».

Эмили хорошо подобрал слова. Иньеста ломался и внутри, и снаружи. «Он был более худым, чем обычно, он был не в порядке. Он работал усерднее, чем когда-либо, но путь вперед был просто закрыт. И конечно, это мучает. Ему нужна была помощь, чтобы вновь стать самим собой. Как он из всего этого выбрался в конечном счете? Усилием воли, благодаря стремлению, энергии и превращению каждого дня в движение стрелки на часах, ведущих обратный отсчет. Я уверен, что очень многие спортсмены не сумели бы преодолеть ту ситуацию, в которой оказался Андрес».

И хотя Андрес чувствовал себя одиноким, ему повезло, что рядом оказались люди, оказавшие поддержку, люди из близкого круга семьи и друзей, всегда стоявшие с ним рядом и готовые подставить плечо – именно они помогли ему заложить фундамент, на котором он принялся заново строить себя. «Конечно, мы все опасались, что все развалится, что он не

выдержит и все закончится, – говорит Эмили. – Мы все об этом думали. Но никто не произносил этих мыслей вслух. Его семья и друзья очень близки с ним, и они помогли ему пережить эту черную полосу. Как-то раз, во время восстановительной сессии, которую мы проводили в комнате физиотерапевтов, работая над излечением этих проклятых мышечных травм, никак не хотевших уходить, он рассказал мне о Рафе Надале, теннисисте. Надаль тоже переживал кошмарный период травм и утраты уверенности в собственных силах. И тогда Андрес сказал мне: «Эмили, я слушал слова Надаля и в точности понял, что он имел в виду: я переживаю то же самое».

НА ПОВЕРХНОСТИ: УЛЫБКА, ИСКУССТВЕННАЯ, КАК МАСКА. ВНУТРИ: СОМНЕНИЕ, БЕСПОКОЙСТВО.

Эмили, больше психолог, нежели физиотерапевт, на мгновение умолк. Он вспоминает, как говорил Андресу то, что говорил всегда: биологические часы своего организма нужно всегда знать и уважать. «Нельзя торопить природу. Он уважал эти постулаты, но у него не было часов. Не было никакого примера для подражания, он был заперт в каком-то незнакомом месте. Не было никакого подготовленного заранее плана восстановления, никаких ясных инструкций. Он был так истощен, так разбит…»

Иньесте было больно не только физически. Эта боль и привела его сюда: поднять его дух было непросто.

«Андрес очень близок своим корням – к своему дому, к людям. Он прошел с ними все, эти узы очень крепки. Он борется вместе с ними. Эти узы никогда не рвались и никогда не будут разорваны. Он ничего не может с этим поделать. И он беспокоится о каждой этой ниточке».

Он так беспокоился обо всех дорогих ему людях, что в какой-то момент забыл побеспокоиться о самом себе. И все это вместе сошлось внутри него, образовав идеальный шторм.

* * *

«Андрес прошел через очень непростой период», – говорит его бывший партнер по команде Боян Кркич. Он тоже осторожно подбирает слова, осторожно описывает эти мрачные углы опыта, которые не знакомы никому, кроме самого человека, проходящего через такой период жизни. Но если кто-то и способен их понять или хотя бы близко подобраться к пониманию, так это Боян. Экс-форвард «Барселоны» тоже пережил что-то подобное.

«Шел мой первый год в первой команде на «Камп Ноу», –

говорит он. – Примерно тогда же Арагонес впервые вызвал меня в сборную, год 2008-й. И в какой-то момент меня стали одолевать приступы тревоги». Как и Андрес, Боян был выпускником академии «Барселоны» – «Ла Масии». Андрес был на шесть лет его старше; для Бояна он был гигантом. Кркич восхищался им и смотрел на него как на идола, в нем он видел свое вдохновение. Они почти не разговаривали друг с другом: оба очень застенчивые. Но было нечто такое, что их связывало – безмолвно.

«Так что я сильно удивился, когда как-то раз после тренировки Андрес подошел ко мне и сказал: «Боян, мне надо с тобой поговорить». А когда такое говорит Андрес, сразу понимаешь, что творится что-то неладное. Он вкратце объяснил мне, что с ним происходит. Пока он продолжал говорить, я осознавал, что его проблемы очень схожи с моими. Я чувствовал, будто что-то связывает нас; о таких вещах не поговоришь с первым встречным. И я сразу же понял, о чем он говорит. Его слова заставили меня ощутить, что я словно заново переживаю весь тот свой опыт. Заново чувствую то, что еще не умерло во мне: шрамы никуда не делись. И он хотел поделиться этим со мной. Я знал, что тем, о чем он мне рассказывал, обычно ни с кем не делишься, кроме своих близких. Это так скверно, так неприятно, так болезненно, что ты просто держишь это в себе. Ты не хочешь, чтобы другие знали; не хочешь нагружать их этим и не хочешь, чтобы они страдали от этого. Но в конечном счете так ты только делаешь себе больнее».

Сев в углу раздевалки, Андрес и Боян стали разговаривать. «Настал момент, когда мы осознали: мы проживали одно и то же. Мы чувствовали себя одинаково. Знали, что проходим через одинаковые страхи, и оба чувствовали, что выхода нет». Андрес говорил, Боян слушал. «Я думал про себя: «Я не дам Андресу пережить нечто подобное». Я сидел там, говорил со своим идолом и кумиром, человеком, выигравшим Чемпионат Европы и Лигу чемпионов, а он открывал мне свою душу. Это уже во многом раскрывает то, какой он на самом деле, одно это говорит о его скромности и чувствительности. Он позвал меня на помощь. Он сам подошел ко мне и сказал, что хочет поговорить. И я захотел помочь ему всем, чем только мог».

С того момента взаимоотношения между Андресом и Бояном изменились. «Мы стали общаться все чаще. Мне было комфортно говорить с ним, а он чувствовал то же самое по отношению ко мне. Для нас обоих это была своего рода терапия. И мы стали ближе, узнали лучше друг друга. Помогали друг другу. Андресу предстояло начать непростой год, учитывая все случившееся; травмы породили страх, что он не сможет попасть в заявку на

Чемпионат мира. Он выходил на финал Лиги чемпионов, едва восстановившись, не будучи до конца здоровым. Он был очень хрупким».

Боян вспоминает свое знакомство с Андресом. «Дело было в Египте, во время товарищеского матча. Я никогда прежде не тренировался с первой командой, так что эта возможность была словно дверью в мечту. Любопытно выходило: для игроков первой команды приезд в Египет на товарищеский матч был неприятными хлопотами. Для меня это был прекрасный новый опыт. Мы прибыли на стадион за три часа до игры, а он уже был заполнен до отказа. Помню, что я тогда очень нервничал. На разминке Андрес подошел ко мне и сказал: «Расслабься, не переживай так». Не знаю почему, я до сих пор не могу себе этого объяснить, но тогда его слова придали мне невероятной энергии. Я и сейчас могу воспроизвести этот момент в своей голове, вплоть до цвета манишки, в которой мы тогда разминались. Она была красной».

На дворе был апрель 2007 года, Бояну было 16. Он дебютировал и забил. «Момент для меня был колоссальный, – говорит он. – Я сыграл в том матче, вернулся в молодежную команду, где провел весь остальной сезон, а летом меня вызвали на предсезонку с первой командой». Промотаем на два года вперед и увидим, как Боян общается с совершенно другим Андресом в сравнении с тем, которого впервые повстречал тогда. Андресом, за которого очень беспокоились люди, особенно Карлес Пуйоль, капитан «Барселоны».

* * *

Пуйоль был человеком, рассказавшим Андресу о смерти Дани Харке. Сам переживая это горе, он беспокоился об Андресе. Боялся, что его друг может плохо отреагировать на эти новости. Именно Пуйоль позвонил Раулю Мартинесу, физиотерапевту национальной сборной, чтобы у него поискать какую-то надежду, какое-то решение, а также призвал на помощь Эмили.

«Андрес все принимает близко к сердцу, взваливая на себя груз, который давит на него, но который он никому не покажет, он все держит в себе, – говорит Пуйоль. – Может, поэтому он так часто травмируется. Иногда думаешь, что можешь совладать со всем и сам разрешить свои проблемы, но не получается. Он говорил мне: «Пуйи, моей икре кранты, это нечестно! Почему это происходит снова и снова? Дерьмо. Я как раз был в своей лучшей форме! Ну почему?»

«Я четыре месяца не играл вообще, – говорит Андрес. – Казалось, что этому не будет конца. Четыре месяца казались вечностью. Все это было очень тяжело. Все эти вопросы, остававшиеся без ответов. Сложилось ощущение, что никакого прогресса нет вовсе. Все только повторяется и повторяется по кругу. Лекарство, лечение, обследования и тесты изо дня в день. Я старался тренироваться вместе с командой, но не мог завершить тренировку со всеми, потому что чувствовал себя отвратительно. Но все равно продолжал. Что-то внутри меня говорило мне, что это просто еще один шаг, еще один этап. Когда я, наконец, возвратился на поле в сентябре, в матче с киевским «Динамо», прошло ровно 4 месяца и два дня с финала [Лиги чемпионов] в Риме. Я смог провести только первый тайм. Почему? Потому что не мог отыграть больше, не мог справиться с нагрузкой. Мне казалось, что моя голова вот-вот разорвется. У меня были очень странные ощущения. Я даже не знаю, как их описать, но в мире должны быть люди, которые переживали нечто подобное и которые могут это описать, кто поймет, о чем я говорю. Впрочем, я знал, что вообще выход на поле – это уже маленький шаг вперед. И также я знал, что, каким бы маленьким он ни был, он был важен. Шаг за шагом, понемногу я начал чувствовать себя лучше; впервые я ощутил, что могу вернуться к нормальной жизни».

Но до нормальной жизни было далеко.

* * *

«Андрес, тебе решать, хорошо? Как только почувствуешь, что что-то не так, уходишь. Не спрашивай разрешения, просто уходи. Хорошо? Уходи. Не волнуйся насчет тренировки. Как только почувствуешь что-то не то, останавливайся. Все нормально. Нам важен ты; ты и только ты».

Посыл Пепа Гвардиолы был четким, и исходил он не от Пепа-тренера, но от Пепа-друга. «Если чувствуешь себя неважно, не дави на себя, не переживай, не надо продолжать, даже не думай об этом, просто уходи. Пожалуйста».

И он уходил. Было бесчисленное множество тренировок, когда команда не успевала отработать и десяти минут, как Андрес уже разворачивался и шел в раздевалку. Он даже не смотрел на Пепа. А Пепу не нужно было смотреть на него. Слов не было, да и нужды в них тоже. Только что он был там, а теперь его уже нет, словно что-то огромное проглотило его целиком.

«Всегда хочется, чтобы люди вокруг тебя были в порядке,

были счастливы и здоровы; хочется, чтобы им было комфортно и их не беспокоили никакие проблемы, – говорит Андрес. – Но тебе никогда не приходит в голову мысль, что не в порядке можешь быть ты сам. Всегда думаешь, что с тобой-то подобное точно не произойдет. Но никто не застрахован от этого. Тебе кажется, что это происходит только с другими людьми. Пока это не случится с тобой. Со мной вот случилось».

«Андрес очень, очень чувствительный человек, – говорит Гвардиола. – Бывают моменты, когда все идет наперекосяк – такова жизнь. Но его жена, дети, семья вытащили его из этой трясины. Мы были рядом, предлагая ему всевозможную помощь, но он тоже был силен и хорошо держался. Все, чего мы хотели, – это помочь ему, убедиться, что он знает: мы будем рядом, если наша помощь потребуется».

> МЕДЛЕННО, ПОНЕМНОГУ ОН СМОГ СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРЫМ ЯВЛЯЕТСЯ СЕЙЧАС. И НЕТ, Я НЕ ИМЕЮ В ВИДУ ФУТБОЛИСТА. Я ГОВОРЮ О ЧЕЛОВЕКЕ, О ЛИЧНОСТИ.

Но Андрес не искал этой помощи, он предпочел закрыться в себе. «Он как я. Когда он поступает так, нет никакой возможности достучаться до него, – говорит его близкий друг и бывший партнер по команде Виктор Вальдес. – Его проблемы со здоровьем в придачу к тревоге и беспокойству довели его до точки. Все эти травмы превратили рутину его будней в кошмар, заставив его считать, что он не в состоянии справиться с собственной жизнью. Все было неправильно, как-то странно. Он был разрушен до основания. Я это видел».

Вальдес в буквальном смысле прошел каждый шаг Андреса по пути на вершину карьеры, они были вместе с тех самых пор, как познакомились в «Ла Масии». Теперь Андрес спрашивал своего друга, почему с ним происходят подобные вещи, что вообще происходит, как это возможно: «Я просто не понимаю».

Тот же вопрос он повторял снова и снова. Вальдесу, Пуйолю, Бояну, Эмили, Раулю… но никто не знал ответа. Они понятия не имели, что происходит. «Оно там, внутри моей головы», – говорит Андрес…

У него тоже не было ответов.

* * *

Доктор «Барселоны» Рикард Пруна знал, что ясного и четкого медицинского объяснения проблем Иньесты не было. «То были

исключительно деликатные моменты, худшие из всех, через которые Андрес проходил на моих глазах, – говорит Пруна. – Он осознал, насколько каждый из нас уязвим, когда голова не работает, как должна. Неважно, футболист ты или кто-то еще, в какой-то момент ты доходишь до точки, в которой готов пожертвовать всем, что у тебя есть, лишь бы только вновь стать «нормальным», снова обрести контроль над своей жизнью; снова почувствовать себя сильным и научиться ладить с собой. Быть собой. Да, нормальным. Подходящее слово.

Андрес боролся с личными проблемами и пришел ко мне за помощью. Он хотел медицинского обследования. И мы тестировали его, анализировали все, что только могли. Искали что-то, что могло объяснить его состояние, его чувства. Но простого ответа не было. Потихоньку, шаг за шагом на передний план вышли человечные объяснения личного характера. Наступило осознание, что подобное происходит с людьми. И когда оно наступило, оно придало Андресу дополнительных сил».

«Ему нужны были не обследования, – продолжает Пруна. – Он нуждался в гармонии, в равновесии. И постепенно он их обрел. Медленно, понемногу он смог стать человеком, которым является сейчас. И нет, я не имею в виду футболиста. Я говорю о человеке, о личности».

Спустя многие месяцы безмолвной борьбы и страданий, месяцы, на протяжении которых люди со стороны мнили, что он, должно быть, счастливейший человек на земле, Иньеста смог найти это равновесие, обрести гармонию. Без поддержки таких людей, как Пепе, Имма и Бругера, он мог потеряться навсегда.

II. Фуэнтеальбилья

Мы увидели его на просмотре и спустя пять минут сказали: «Хватит, убирайте этого малыша с поля, мы увидели достаточно».

Бало, тренер «Альбасете»

Ему было едва ли лет восемь: этому тощему маленькому пареньку, белому и тонкому, как хлопковая нить. Некоторые говорили, что у него всегда было это лицо идеального, невинного ребенка. Другие подмечали тысячи разных его масок: умение адаптироваться к окружению и каждому моменту матча, всегдашнее его следование за мячом и игрой, но также и умение вести ее самому через контроль; он был везде и всюду, в каждом углу поля. В тот день полем была жесткая гравийная площадка, а матчем – просмотр в клубе. Там вместе с ним просмотр проходили сотни детей, там решались их судьбы, а он играл так, словно до сих пор был на *своем* поле: бетонной площадке около школы в Фуэнтеальбилье, где его всегда можно было отыскать.

Изо дня в день он приходил туда. Оставался там до тех пор, пока не стемнеет, а приходил, как только светало. «Я часами играл там, особенно после школы, – говорит Иньеста. – Как жаль, что тогда не было прожекторов. Когда темнело, мне приходилось идти домой. Иногда приходили мама или бабушка, искавшие меня. Если бы там были прожекторы, как сейчас, я бы никогда не уходил с поля».

Тогда он не знал, что там, рядом со школой – меньше, чем в сотне метров от бара «Лухан», которым заправляла его мама Мари, пока отец Хосе Антонио собирал из каменщиков с округи свои бригады, – пишется история. Никто из них не знал. Ни семья, ни друзья, игравшие с ним в тех матчах; они до сих пор с ним дружат.

Абелардо по прозвищу *El Sastre* (Портной) до сих пор видит перед глазами картину: крохотная фигурка идет в сторону его дома. «Я был старше его на четыре года. Андресу было шесть, мне десять, но он был в три, а то и четыре раза круче меня, – говорит он. – Мои отношения с Андресом крутились вокруг футбола. Футбола, футбола и еще раз футбола. Ничего больше в наших жизнях не было. Он каждый день приходил к моему дому с мячом под мышкой. Единственным, который у нас был. Он больше напоминал комок непонятного нечто, чем мяч, но для наших игр

годился.

Он приходил и просил меня играть. А если он не приходил и не звал меня, я направлялся в бар «Лухан», чтобы отыскать его там. Оттуда мы направлялись на игровую площадку около школы, по пути пиная мяч. Там мы играли так долго, как только могли, пока кто-нибудь не приходил, чтобы забрать нас оттуда. Обычно это была его бабушка. Она приходила, чтобы утащить его с поля. Но так как я был старше, я шел домой сам. Никакого другого «поля» в Фуэнтеальбилье тогда не было».

Футбольное поле, превращенное в баскетбольную площадку, можно было найти на школьном дворе по ориентиру, которым служило дерево в одном из его углов. «Я не знаю почему, но это дерево я помню всегда; оно всегда у меня в памяти, – добавляет Абелардо. – Родители рассказывали мне, что раньше там были пруд и дерево. А потом уже построили игровую площадку. Хулиан [еще один друг детства], Андрес и я проводили там все свое время, целыми днями играя в мяч. Мы тренировали пенальти, отрабатывали навесы и «черпачки», тренировались по полной программе».

Все есть мяч, и мяч есть все. «Как бы я хотел снова отыскать этот мяч, – говорит он. – Жесткий, резиновый, верхнее покрытие стерлось, цвета поблекли и исчезли».

«Я даже не уверен, что он *был* белым, – признается Хулиан. – Я не помню уже. Но до сих пор вижу перед глазами Андреса, пинающего мяч по дороге. Даже сейчас всякий раз, когда я его вижу, этот образ всплывает в памяти. Он был как Оливер Атом из мультика «Оливер и Бенджи». Мяч никогда его не покидал, а он не расставался с ним».

Для Хулиана по прозвищу Пето одна и та же сцена повторялась каждый раз после школы. «Он приходил к дверям моего дома с сэндвичем в одной руке и мячом в другой…

«Пойдем попрактикуем удары».

«Хорошо, Андрес», – отвечал я».

Потом они отправлялись на поиски Абелардо и втроем формировали первый *трезубец* в футбольной карьере Андреса Иньесты. Хулиан жил прямо за баром «Лухан». И до сих пор живет.

Он вспоминает: «Мы изобретали разные игры, соревнования штрафных ударов, турниры по пенальти… мы долгие часы проводили на этой игровой площадке. Когда нам нужен был голкипер, мы просили кого-нибудь из пацанов помладше сыграть с нами. Вокруг обязательно кто-нибудь крутился. Андрес, конечно, был одним из самых маленьких, но он не считался за «мелкого». Он всегда играл в нашей команде. Он был слишком

хорош, чтобы играть с пацанами своего возраста. Ему становилось скучно. Другие мальчишки его возраста могли только стоять на воротах да в «стенке» во время турниров по штрафным ударам. Но не Андрес, Андрес был другим.

Иногда мы с мячом проводили вечера в городе, – продолжает Хулиан. – Проблемы начинались, когда мяч перелетал через чей-нибудь забор или падал кому-нибудь во двор».

Тогда кому-нибудь из них приходилось лезть доставать его. И соседей это зрелище не очень-то впечатляло. Абелардо или Хулиан отправлялись за мячом, пока Андрес ждал. Он был самым маленьким, в конце концов. «Видели бы вы лица соседей… но в конце концов они всегда возвращали нам мяч, даже если пребывали в ярости. «Вот ваш проклятый мяч, забирайте».

Проклятый? Благословенный. Особенно для Андреса.

«Это правда, – признает Хулиан. – Мяч почти всегда был его. Он всегда приходил с ним под мышкой… а в конечном итоге ему даже удалось превратить нас в наполовину неплохих футболистов. И в половину не таких замечательных, как он, но не бездарных. Он мог выйти против лучшего, самого большого и умелого пацана в городе и оставить его лежащим на земле».

Даже когда солнце садилось и опускались сумерки, ребята находили себе поляну для игры. «В баре «Лухан» было служебное помещение, и последнюю игру мы всегда устраивали там, – говорит Абелардо. – Родители ужинали в баре, пока мы в задней его части играли в мяч, роль которого играли слепленные степлером комки бумаги. Один из нас сидел на полу, стоя «в воротах», а другие двое пытались прокинуть мяч мимо него. Соревнования выходили упорными; нас прошибал пот».

По выходным Хулиан, Абелардо и Андрес «подписывали» в свою команду еще одного игрока: Ману, который был кузеном Андреса. Именно он известил мир о том факте, что на улицах никому не известного городка в Ла Манче, чье название большинство людей даже не захочет запомнить, творится что-то невероятное.

* * *

«Андреса уже порекомендовал нам его кузен, Ману де Мануэль, игравший тогда за «Альбасете», – вспоминает Виктор Эрнандес, один из первых тренеров Иньесты в «Альбасете», клубе, откуда он начал свой путь к профессиональной карьере.

История начинается с Педро Камачо, брата бывшего главного тренера сборной Испании Хосе Антонио Камачо, легендарного

игрока «Реала», ставшего одной из икон клуба. Педро был тренером Дани в «Атлетико Ибаньес». Дани – это Хосе Антонио Иньеста, отец Андреса и по собственному признанию «болельщик «Атлетика» в то время». Его прозвали Дани в честь Дани Руиса Басана, форварда «Атлетика Бильбао», игравшего в 70-е и 80-е. «Он [Хосе Антонио] не был так хорош, как его сын, но играть умел – он был центральным полузащитником и звездой в дивизионах Преференте[1] и Терсера[2]», – говорит его бывший тренер Педро.

Хосе Антонио надеялся, что его сын сможет преуспеть там, где не удалось ему. Но для начала он не мог даже устроить ему просмотр. Хосе Антонио прочитал объявление в местной газете, оповещавшее о том, что в «Альбасете» в скором времени должны состояться просмотры молодых футболистов. Но когда он приехал на них с сыном, их «завернули». «Он слишком мал у вас», – сказали они. И он действительно был мал. Ему было всего семь лет от роду. Слишком юн и слишком мал.

Так что отец обратился к Педро и попросил открыть его сыну дверь хоть куда-нибудь. Дверь, которую тот открыл, открывала путь к полю Федерации; только это было не поле, по крайней мере, не полноразмерное. Вместо футбольного поля там была гравийная площадка для матчей семь на семь без раздевалок. Так что игрокам приходилось переодеваться в раздевалках, примыкавших к другому полю, располагавшемуся неподалеку.

Итак, Педро поддался уговорам. Хосе Антонио был доволен, как и Ману. «Ты не пожалеешь, он потрясающе хорош, – повторял Ману снова и снова. Он не ошибался: – Я все твердил им, что до тех пор, пока они не увидят его игру своими глазами, они не поймут, насколько он хорош».

В тот день они увидели. В тот день Хосе Антонио сел в машину, в старый Ford Orion, и повез Андреса в «Альбасете», что в 46 километрах от родной деревни. Там было много детей. Мужчинами, что просматривали их и выносили свои вердикты, были Хинес Мелендес, в то время возглавлявший молодежную структуру клуба, и тренеры Андрес Эрнандес, его сын Виктор и Бало.

«Мы посмотрели на его игру во время просмотра и пять минут спустя сказали: «Убирайте этого мальчишку с поля, мы увидели достаточно», – говорит Бало.

Бало вспоминает, что просмотр даже пяти минут не занял. Впрочем, это было неважно. «Много времени ему не потребовалось; нас он вполне убедил. После всего того, что мы наслушались о нем, и того, что он нам показал, стало ясно, этого более чем достаточно. Смотреть на него было сплошным

удовольствием: такой маленький, что мяч в его ногах казался больше него самого. Почему мы так рано убрали его с поля? Потому что были уверены в нем на все сто и оставшееся время нужно было потратить на просмотр других детей, тех, на чей счет у нас были сомнения. Насчет Андреса же у нас никаких сомнений не было.

Андрес играл в центре, и как только мяч оказывался у него, отнять его не было никакой возможности. Это было нереально. Прямо как сейчас», – говорит Бало. В то холодное утро он едва верил своим глазам.

«Не было никакой нужды смотреть на него дальше; мы уже все увидели», – говорит Виктор.

«Он отличался ото всех остальных», – подтверждает Педро.

Он помнит свой разговор с Хосе Антонио: «Не волнуйтесь, – сказал я. – Я пригляжу за командой младших ребят. Он будет со мной». И в тех первых матчах, едва завершалась 15-минутная разминка, как Андрес подхватывал мяч, обводил всех подряд и забивал гол. И так изо дня в день, пока однажды я не подошел к нему и не сказал: «Ты должен *пасовать* своим партнерам тоже. Делись мячом и с ними, идет?»

И он стал делиться. Мяч перестал быть исключительно его собственностью. Он делился им с другими мальчиками и девочками. Но была одна маленькая проблема. Когда нужно было поделиться на команды, все до единого хотели играть в команде Андреса. Они знали, что так им удастся победить. И тренироваться они тоже хотели с ним. Что же до него, то он едва открывал рот. Его губы были плотно сжаты.

«Я был одним из худших, – вспоминает Марио, повстречавший Андреса в тот самый первый его день. – Нас было, кажется, двенадцать или около того, а я был, наверное, 10-м по уровню игры. Андрес, разумеется, был номером один. Со временем он стал капитаном. Каждый хотел стать его партнером на тренировке, а потому мы все сбивались в кучу вокруг него. Он, тихий как всегда, просто стоял и ничего не говорил. Потом отвечал: «Я пойду с Марио». Он выбирал детей послабее, чтобы помочь им научиться игре. Так мне кажется. Он мог выбрать и кого-нибудь получше; не спрашивайте у меня, почему он предпочитал поступать иначе».

> АНДРЕС ИГРАЛ В ЦЕНТРЕ, И КАК ТОЛЬКО МЯЧ ОКАЗЫВАЛСЯ У НЕГО, ОТНЯТЬ ЕГО НЕ БЫЛО НИКАКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ.

Марио и Андрес до сих пор дружат. «Он родился в Фуэнтеальбилье, а я в Альбасете. Я совсем не знал его. Но в тот

первый день он забил дважды, и я забил дважды. Сделать это было очень просто. Мы просто караулили мяч у границы штрафной: нам было по восемь лет, так что всякий раз, когда вратари должны были производить удар от ворот, у них не получалось выбить мяч далеко, и он падал к нам. Андрес подхватывал его, пасовал мне и… гол!»

Матч закончился со счетом 4: 1, и теперь каждый раз, когда Марио видит Андреса, перед его глазами встает одна и та же картина. «Помнишь те огромные красные шорты?» – говорит Андрес.

Тогда повторялась еще одна картина. Каждый раз, когда в «Альбасете» начиналась дневная тренировочная сессия, у поля в самый последний момент появлялась маленькая фигурка в бутсах и спортивной форме. «Что ему нужно было преодолеть, чтобы попасть туда… – говорит Марио. – Его отец работал на стройках и не всегда мог его привозить. У нас таких проблем не было, потому что мы жили в Альбасете; мы покидали школу, шли тренироваться, а потом шли обратно в школу. Он так делать не мог. Ему нужно было преодолевать гораздо большие расстояния, так что он всегда немного опаздывал на тренировки».

По дороге в машине он переодевался. По пути назад он поглощал сэндвич, приготовленный мамой Мари, и выпивал пачку сока. В конце концов, время было обеденное. Он уезжал так же быстро, как приезжал.

«Почему мы тренировались днем? Главным образом потому, что позже все поля оказывались занятыми: их использовали для тренировок дети всех прочих возрастных групп, – говорит Марио. – А также потому что Бало, тренер, работал в казино в Альбасете. Андрес появлялся уже обутым в бутсы, из машины он выходил в полной экипировке».

Каждый вторник и четверг связка Марио/Андрес крепла и оттачивала взаимопонимание. Но по выходным они играли вместе нечасто, потому что Марио не был игроком стартового состава. Да и возможности поболтать вдоволь у них особо не было: один жил в Альбасете, другой – в Фуэнтеальбилье. Друг друга они видели только на тренировочном поле. К тому же Андрес не отличался разговорчивостью.

Понемногу люди стали обращать внимание на кузена Ману. А как иначе? Он был маленьким, но по игре был на две головы выше всех остальных. «Этот мальчишка просто невероятный! – говорили люди Виктору. – Какой игрок!» Каждую игру одно и то же. «Он творил какие-то ненормальные вещи. Обеими ногами. Он был потрясающим. Можно ли такому научить? Я бы очень хотел сказать, что «да», что это моя заслуга, – говорит Виктор. – Но на

самом деле нет, такому нельзя научить. У него это шло изнутри. Видеть, как он играет, было здорово, это была фантастика».

С того первого дня их всех охватило странное чувство. «Дело было не только во мне одном, чувство охватило всех нас, – признается Педро Камачо. – Этот малыш был потрясающим, хотя тогда никто из нас и не представлял, как высоко он заберется. Для своего возраста он был просто каким-то благословением свыше. Но казалось, что он совершенно не вписывается в окружение, будто мы не знаем, откуда он явился или что с ним делать… он был словно инопланетной формой жизни».

В Альбасете слухи расползаются быстро. «Никто не мог с нами соперничать; мы побеждали в каждом матче», – с гордостью вспоминает Виктор. У «Альбасете» U-10 была такая команда: Андрес и его друзья. Бруно, левый инсайд; Хосе Карлос, голкипер; Марио; Карлитос Перес, в конечном итоге оказавшийся в первой словацкой лиге после того, как Рафа Бенитес пригласил его в «Валенсию», но лишь для того, чтобы так никогда и не устроить ему дебюта на «Месталье»; и Чапи, прозванный так в честь крайнего защитника «Барселоны» Чапи Феррера, чьим настоящим именем было Хосе Давид: он никогда не переставал бегать взад-вперед по флангу, играл жестко и агрессивно, прямо как его каталонский прототип. Но дело было не только в этом: он тоже болел за «Барселону» (а теперь, конечно, болеет за нее еще сильнее, чем раньше) и даже был похож на Феррера и до сих пор похож, особенно с учетом того, что оба облысели. «Если бы я не был болельщиком «Барселоны», я бы не позволил им называть меня Чапи», – говорит он теперь.

Насчет Андреса, впрочем, ему волноваться не приходилось. «Все вокруг называли меня Чапи, кроме него, – говорит он. – Не знаю почему. Может, он стеснялся. Он был единственным, кто называл меня Хосе. Я всегда играл крайнего защитника. Я оказался в клубе «Хинета» в дивизионе Терсера, женился, ну и… знаете, как это бывает…»

В тот день Чапи знал. Все знали. «В день просмотра я взглянул на Андреса и подумал: «Откуда он такой взялся?!» На просмотре было человек двести детей, а он опережал всех на целую милю.

Помню, что он редко говорил, но мог рассмешить. Он был таким же бледным, как сейчас. И ему ничего не подходило. Любая футболка, какую бы он ни надевал, была ему слишком велика.

Другой его чертой было то, что он, несмотря на неразговорчивость, обладал невероятным характером на поле. Это было так необычно. Он просто тащил команду на своих плечах. Ничего не боялся. Сам пробивал пенальти.

Андрес никогда не жаловался арбитру, не злился и всегда очень четко представлял себе, чего хочет. Я делил с ним номер, когда мы отправились на турнир в Брунете. Помню, что в какой-то момент я начал беситься, скакал по кроватям, бегал по отелю, играл с детишками из других команд… Так продолжалось до тех пор, пока он не обратился ко мне: «Хосе, закрой жалюзи и выключи, пожалуйста, свет! Завтра у нас игра. Отправляйся спать! Нам нужно отдохнуть». Он уже тогда вел себя как профессионал».

Профессионал, но все еще ребенок. Как и все они: дети, родившиеся в 1984 году, они просто получали удовольствие, играя в футбол. От школы к полю и обратно.

«В то время учеба в школе делилась на две части, так что в середине дня они ее покидали, – говорит Виктор. – Андрес покидал школу, держа в руке сэндвич, который ему делала мама, и направлялся в Альбасете. Мы тренировались с 12.30 или чуть позже до двух часов дня. У нас не было возможности тренироваться в какое-либо другое время и не было полей, которые можно было использовать». Иногда Андрес останавливался в доме Ману, чтобы переодеться.

«Ему дозволялось покидать класс чуть раньше, – вспоминает Бало. – Потом он наверстывал все днем. Но господи боже, каких же усилий это стоило его семье!»

Они приезжали, смотрели как он тренируется, а потом везли его обратно. Сто километров за три часа дважды в неделю. Его поочередно возили то отец, то дедушка, но Андрес всегда вел себя одинаково: тихонечко сидел с сэндвичем с чоризо и фруктовым соком.

«Андрес был тихим ребенком. Он даже не здоровался, когда приезжал, и не прощался, уезжая от нас. Каждую субботу мы играли в матчах, не соревновательных, а просто так, веселья ради. Он был мал и очень техничен, настолько техничен, что мог спрятать от тебя мяч лучше, чем кто-либо. Он весил максимум килограмм 40. Не думаю, что хотя бы раз с ним заговорил», – откровенничает Хуанон, тренер Андреса в школе Салесиано в Альбасете.

Бало вспоминает одну пятницу, которая всегда была днем встреч тренеров, собиравшихся на обсуждение детей в молодежной системе клуба во всех возрастных группах. «Они говорили мне: «*Madre mia*, Бало! Просто дождись следующего года, когда будешь работать с Андресом». Я еще не видел его игры, помимо того просмотра, потому что моя возрастая группа играла в одно время с его… Мне только предстояло увидеть его в деле».

Бало так много рассказывали об Андресе, что он решил

посмотреть на него своими глазами. Он никому не сказал, решив отправиться на следующую тренировку Андреса инкогнито. И в этот раз ему повезло: «Я пришел и занял место на углу поля». Бало не хотел вмешиваться; не хотел, чтобы кто-нибудь его заметил. Вдали от родителей, вдали от друзей и семей игроков, он стоял в одиночестве и смотрел. Вышло так, что коллеги оказались правы: мальчик и правда был *хорош*.

«*Madre mia*! – сказал он себе. – Следующий год будет отличным!»

С каждым касанием мяча Андресом он чувствовал себя все более везучим; с этим мальчиком ему предстояло работать в следующем году. Когда потом его увидал Хинес, Бало повернулся к своему боссу и сказал: «Делайте что хотите, но только не увольняйте меня до следующего сезона!»

* * *

Бало получил огромное удовольствие от того года. «Я помню, что пробор на голове Андреса, по самому ее центру, был таким четким, таким прямым, что можно было подумать, будто кто-то уронил ему на голову лезвие топора, – вспоминает он. – Он не выглядел как футболист. Совсем наоборот на самом деле».

«Год вышел замечательным, – продолжает Бало. – Здесь меня знают очень многие люди, потому что я играл за «Альбасете». Я мог идти по улице, и люди спрашивали у меня: «Когда играете? В субботу? В воскресенье? В какое время?» Трибуны были полны народу каждую неделю. Впечатление было такое, что мы на «Карлос Бельмонте» – домашнем стадионе первой команды «Альбасете». Было абсолютно неважно, против кого играли мальчишки; никто никогда не спрашивал. Люди хотели посмотреть на Андреса. Распространились слухи: «У Бало в команде играет пацан, он просто невероятный…»

Эту фразу теперь слышал весь Альбасете, люди то и дело повторяли ее друг другу. Вскоре Андрес стал знаменит.

«Арбитры стали просить Бало: «Сними его с игры ненадолго, чтобы команды подровнялись, – вспоминает Бруно Мораль, другой член той команды. – Я собственными ушами это слышал. Ты смотрел на его игру и понимал, что он слишком хорош. Ему все давалось очень легко.

ВСЯКИЙ РАЗ, КОГДА МЯЧ «ОБЖИГАЛ» НАМ НОГИ, МЫ ОТДАВАЛИ ЕГО АНДРЕСУ.

Это и было проблемой, я думаю. Он делает все так просто, и

все это выглядит таким легким со стороны, таким не требующим усилий, что мы перестаем осознавать, как же это на самом деле сложно. Нам думается, что мы тоже так можем. Не-а, никаких шансов! Он играет словно футболист из PlayStation. Он обладал – и до сих пор обладает – периферическим зрением, которое позволяет ему всегда видеть выход из ситуации. Я не знаю, как он это делает. С трибун еще можно увидеть, само собой, но на поле… прямо там? Ни за что. Только он может найти лазейку. Временами кажется, что он ходит по полю пешком: ты смотришь на него и думаешь, что он всегда делает одно и то же, но все равно не можешь отыскать никаких возможностей помешать ему. Порой думаешь: «Тут вот мяч немного далеко ускакал от него, тут он слегка споткнулся, он не контролирует его полностью…» Ничего подобного. Он изменит свою скорость и оставит тебя догонять. Он дурачит тебя, обманывает. Каждый раз.

У детей в матчах бывали такие ситуации, когда они оказывались под прессингом соперника и не знали, что делать с мячом. Все просто: отдай его Андресу, и проблема решена. Он никогда не терял мяч. Всякий раз, когда мяч «обжигал» нам ноги, мы отдавали его Андресу. Он всегда принимал верное решение, всегда делал точный пас. Он позволял нам переиграть эпизод, начав заново. И это уничтожало соперников. Они приходили прессинговать его, вдвоем-втроем гонялись за ним, но он разворачивался и каким-то неведомым способом выходил из ситуации с мячом в ногах. Такой вот прессинг! Что делает его великим, так это то, что он до сих пор вытворяет то, что творил с нами в детстве, и неважно, финал ли чемпионата мира идет или Лиги чемпионов.

Все только и говорят, что о его голе в финале чемпионата мира, и правильно делают. Но вы забудьте про гол, посмотрите, как он играл. Приглядитесь внимательнее. Он отошел на пять метров назад, в точности как делал это в играх с нами в детстве; попросил мяч и начал играть в «стеночки», наслаждаясь своим футболом. Оттуда он и контролировал ход игры. Он каждый раз обводит тебя вокруг пальца. Кажется, что он не силен, но посмотрите на нижнюю половину его тела. Кажется, что он не быстр, но взгляните, как он уходит от соперников. Кажется… забудьте, что вам кажется! Не доверяйте первому впечатлению – Андрес всякий раз будет ловить вас на ошибках. Андрес не выглядел как футболист, а посмотрите, где он теперь».

Жаль, что Бруно не смог быть с ним на этом Олимпе. В конечном счете он забросил футбол. «Я добрался до первой команды «Альбасете» в 16-летнем возрасте, – говорит он. – Но чувствовал себя немного перегоревшим. Я так никогда и не

дебютировал. В совете директоров происходили какие-то изменения, за пределами поля то и дело появлялись какие-то проблемы… Я отправился в другие клубы, а мне там даже не платили зарплату первые три месяца. Я играл под нападающими, как Андрес. Раньше это я пасовал ему мяч, а теперь он пасует Неймару, Месси… ха-ха-ха!

Помню турнир в Сантандере: мы тогда играли против «Расинга», в составе которого выступал Хонатан Валье. Каждое такое путешествие было для Андреса сродни Одиссее. Ему становилось плохо, он начинал тосковать по семье, его рвало. В первый день у нас было соревнование по технике, а ему пришлось отказаться, потому что по приезде он чувствовал себя кошмарно и блевал.

К счастью, к началу самого турнира он поправился. Мы играли семь на семь, хотя дальше все пошло совсем не по плану. Перед турниром нам прислали письмо, в котором сообщалось, что мы не имеем права использовать бутсы с шипами. Мы должны были играть в шиповках для искусственного газона, у них были резиновые подошвы. Если я правильно помню, Андрес купил себе синие Umbro, но они были ему слишком велики, и ему приходилось набивать их ватой, чтобы они нормально сидели. А когда мы пришли на поле, оказалось, что там трава. Другая команда явилась в бутсах с шипами. Они все знали, конечно же. Мы проиграли 4: 5, а Андрес забил все четыре наших гола. На следующий год мы туда возвратились и выиграли турнир, но он уже перешел в «Барселону». Мы позаботились о том, чтобы он непременно об этом узнал: «Тебе пришлось уйти, чтобы мы хоть что-то выиграли!»

* * *

Хосе Карлос был вратарем в «Альбасете», и у него есть особый сувенир, оставшийся с тех времен. «Я до сих пор храню письма, которые Андрес присылал мне из «Ла Масии» после того, как перешел в «Барселону», – говорит он. – Тогда текстовых сообщений не было, а Андресу нравилось писать. Мы говорим не о кратких очерках на скорую руку – то были настоящие письма длиной в шесть-семь страниц. Иногда я звонил в «Ла Масию», и мы с ним разговаривали. Мы могли часами провисеть на телефоне, рассказывая друг другу истории. Время от времени я поглядываю на эти письма: ну, знаете. Эмоции переполняют порой.

О чем он писал? Обо всем понемногу: о жизни в Барселоне.

«Сегодня мы играли с «Кастельдефельсом» и победили 40: 0. Знаешь что, Хосе? Тут тебе сильно упрощают жизнь: когда приходишь в раздевалку, там уже все разложено. Ни о чем не надо волноваться…» Впрочем, не всегда все было так позитивно. «Хосе, тут сурово. Я очень скучаю по семье. Очень. Это тяжело». Разумеется, было тяжело. Не знаю, справился бы с этим я».

АНДРЕС ОГЛЯДЫВАЛСЯ В ПРОШЛОЕ С ЛЮБОВЬЮ, ВСПОМИНАТЬ О ДОМЕ ЕМУ ЕЩЕ НИКОГДА ПРЕЖДЕ НЕ БЫЛО ТАК ПРИЯТНО.

Каждый час был битвой; и с каждым часом, проведенным в «Ла Масии», часы и дни в Фуэнтеальбилье и Альбасете становились в его восприятии все счастливее. Андрес оглядывался в прошлое с любовью, вспоминать о доме ему еще никогда прежде не было так приятно. Он скучал по нему. По тому полю, по игровой площадке. По тем дням.

«Детство я вспоминаю с ностальгией и счастьем, – говорит Андрес. – Я проводил долгие часы на школьной игровой площадке, игры там были бесконечными. По окончании утренних уроков в школе я шел к Хулиану и Абелардо – если не было тренировки в «Альбасете», – и вместе мы устраивали себе матчи. Мы почти всегда играли против ребят старше нас на 3–4 года. Игра была простой: пять пенальти, пять штрафных ударов и пять дальних ударов, которые наносились с центра поля и без вратаря на линии.

Я обожал эти турниры, так же как эти длинные летние матчи пять на пять, которые продолжались, кажется, целую вечность. Нужно было собрать достойную команду, потому что, если гол забивали соперники, ты должен был уйти с поля: оставались на нем только победители, а мы хотели играть. Не хотелось стоять у края поля и мерзнуть. Я с огромным удовольствием участвовал в этих играх.

Против нас всегда играли одни и те же пацаны, и наш соперник всегда был старше нас. Так было лучше. Еще были августовские турниры, проходившие во время деревенских фиест. У нас была крутая команда. И мы очень серьезно относились к матчам; хотели обыграть всех, пусть даже они были выше нас ростом. Мы были очень мотивированы: даже устраивали командный сбор перед матчем. Безумие. Мой кузен и я все записывали на бумагу: счет, команды, мы даже заставляли некоторых ребят проходить просмотры в нашу команду… мы были своего рода мини-профессиональной командой. И это было так весело! Я всегда вспоминаю эти моменты с теплотой: они всегда будут частью меня».

А еще были «домашние» матчи. В буквальном смысле. «Гостиная в моем доме тоже была стадионом, – вспоминает Ману. – Мы делали «мяч» из носков, чтобы сильно не шуметь и не слишком раздражать соседей».

Главной задачей было ничего не разбить. «Когда первая команда «Альбасете» проводила матчи, мы должны были идти смотреть. Но порой мы так увлекались игрой между собой, что начинали искать оправдания, лишь бы только не идти и продолжать играть. «Ой, у меня живот болит»… «Голова раскалывается»… «Нам лучше остаться дома, на всякий случай».

Срабатывало каждый раз. Ну, почти каждый. Так оно и проходило, детство: вместе с детьми из Фуэнтеальбильи. Так продолжалось, пока однажды не вмешался футбол. Серьезный футбол. Переезд в Барселону.

В родном городе было немало тех, кто с неодобрением смотрел на семью Андреса, решившую поддержать его футбольные устремления, и их долгие поездки в «Ла Масию».

«Может показаться странным, но некоторые люди считали нас идиотами, думали, что мы сумасшедшие. Конечно, мы были сумасшедшими, – говорит Андрес. – Мой отец был сумасшедшим, раз верил, что его сын может однажды стать профессиональным футболистом. Аналогично и мама: «Как вы с этим справитесь?» – спрашивали у нее.

Но с чем с этим? Какая разница, даже если ничего не получится в итоге? Что ты потеряешь, если попытаешься? Что бы изменилось, если бы однажды мне пришлось вернуться домой, в родной город, с пониманием, что мне не хватило удачи, чтобы закрепиться там? Ничего из этого не имеет значения, если ты занимаешься тем, чем хочешь заниматься, если делаешь то, что должен. Когда у тебя есть надежда, энтузиазм, когда ты во что-то веришь. Какая разница, если ты делаешь что-то, что искренне любишь и чему отдаешь всю душу?»

Этот маленький мальчик верил в себя; он был убежден, что у него все получится. Он не знал наверняка, где именно, но был уверен, что для него жизнь есть игра в футбол, как это было всегда. Впрочем, он не позволял себе слушать и тех окружающих, кто был далеко не так критично настроен по отношению к нему, а напротив, пытался запрыгнуть в уходящий поезд вместе с ним, этих ребят, составлявших его свиту, странствующий цирк, всюду следовавший за ним по Ла Манче.

Андресу действительно удалось реализоваться. И каждый его шаг изумлял его тренеров. «Я был центральным полузащитником старой закалки. «Пятым номером», оборонительным хавбеком, разрушителем. Всякий раз, когда я получал мяч, я просто хотел

поскорее отдать его. Так я видел футбол. А потом увидел Андреса… он всегда знал, что делать. Мне ничего не нужно было ему говорить, – утверждает Катали, один из тренеров Андреса в «Альбасете». – Еще до того, как получить мяч, он знал, что творится вокруг него. Я говорил детям:

– Прежде чем получить мяч, поднимите голову, оглянитесь, оцените, что к чему…

Андресу я такого не говорил; не приходилось как-то. Я смотрю на него теперь, и он до сих пор поражает меня. Мяч еще не пришел к нему, а он уже знает, что случится дальше; он знает кто, где, кого нет, а самое главное, что делать.

Когда он играет за «Барселону» или сборную, я внимательно за ним наблюдаю. «Как, черт возьми, он это сделал?!» Ты просто не понимаешь, как он смог увидеть игру, не говоря уже о том, как он ее ведет».

У АНДРЕСА НЕ БЫЛО НИКАКИХ ШАНСОВ СТАТЬ ВЫСОКОМЕРНЫМ, УЧИТЫВАЯ ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ.

Катали до сих пор не выяснил это. Это не под силу и Виктору, Хуанону и Бало другим его тренерам в «Альбасете». Они следили за ним тогда, следят сейчас, а он все еще удивляет их. Он, этот мальчик, благодаря которому они ездили по всей провинции Альбасете, словно Бразилия Пеле. «Мы рвали всех. На местном уровне, на уровне провинции… обыгрывали всех подряд. Между нами и остальными была такая огромная разница… Люди говорили: «Какая команда у Катали! – вспоминает тренер. – Но команда была хороша не благодаря мне, а потому что мальчишки были талантливые. Был, разумеется, Андрес и еще четверо-пятеро других тоже очень хороших игроков. Одним повезло – у них получилось, у других не было такой решимости и стремления. Такова жизнь.

Я сделал Андреса капитаном. В футбольном плане он был лидером. Мне нравится видеть его теперь с капитанской повязкой в клубе; даже нравится смотреть, как он отвечает арбитру. С нами он такого никогда не делал. Ему и с нами-то было трудно разговаривать, что же говорить про судей?!»

Команда Катали летала по полю. А он всегда был рядом, готовясь их предостеречь: «Если решите, что вы лучшие, станете высокомерными и ничего не добьетесь».

У Андреса не было никаких шансов стать высокомерным, учитывая его происхождение. Скромные, работящие родители всегда трудились очень много. «Часто у родителей не хватало денег оплатить счета, но деньги на новые Adidas Predator, которые только вышли, у них нашлись. Почему? Потому что они

хотели, чтобы у их сына были лучшие бутсы в округе. Какое им было дело до того, что в следующем месяце им могло не хватить средств на оплату дома, когда их сын был счастлив, играя в футбол в своих новых бутсах?» – говорит Андрес.

Больше Adidas он не носит. Он уже много лет на контракте с Nike. Забавно, какие зигзаги порой выписывает жизнь. Прошло уже десять лет с тех пор, как представители американского бренда увидели то, что видели своими глазами Педро, Виктор, Хуанон, Бало и Катали…

«За очень многое из того, что произошло со мной, ответственны мои родители, – говорит Андрес. – Тогда я не знал, удастся ли мне стать профессионалом. Ты молод, и случиться может всякое. Живешь в маленьком городке. Если ты вырос в маленьком городке, ты знаешь, как там все устроено. Моим родителям приходилось со многим справляться и многим жертвовать. Большим, чем представляют себе люди. Нелегко слышать, как тебя обсуждают люди, видеть, как они смотрят на тебя и осуждают. Я знаю, каково это, и я благодарен родителям. Спасибо вам. Жизнь доказала вашу правоту».

Так что спасибо, Хосе Антонио и Мари. И Ману, он это предвидел. Он произнес это вслух.

«Мой кузен умеет играть, знаете ли. Он хорош, очень хорош. Вам бы на него посмотреть».

III. Брунете

Поговорите с моим папой, пожалуйста. Поговорите с папой.

Андрес – Альберту Бенайхесу, тренеру

Огромная рука Альберта Бенайхеса обхватила за плечи маленького Андреса Иньесту.

Год был 1996-й, и Иньеста играл за «Альбасете» в турнире семь на семь в Брунете, что на задворках Мадрида. Участие в Torneo de Brunete, в третьем его сезоне, принимали младшие команды клубов первого испанского дивизиона, и на тех полях внимание людей привлекали своей игрой многие будущие звезды футбола. «Альбасете» тогда даже не должен был участвовать в турнире, но в итоге попал в него потому, что «Сельта» из Виго и «Севилья» покинули дивизион, перейдя под внешнее управление. На тот момент это позволило мальчишкам из Ла Манчи сыграть на стадионе «Лос Аркос» матч всей своей жизни.

После турнира к Андресу подошел Альберт Бенайхес, опытный футбольный скаут с многолетним стажем, тренер, а впоследствии и координатор «Ла Масии», известной на весь мир футбольной академии «Барселоны». Бенайхес хотел поздравить 12-летнего Иньесту, но тот, скорее больше уклончивый, нежели скромный – словно бы он приехал на турнир инкогнито, – почти ничего не сказал в ответ.

Турнир того года был престижнее, чем когда-либо прежде, и престиж этот он обрел стараниями промоутера Кармело Субияура и журналиста Хосе Рамона де ла Морены, работавших на популярном радиошоу El Larguero, поздним вечером выходившем в эфире национальной станции Cadena SER. Альфредо Реланьо, руководивший в то время Canal+ TV, тоже помог прорекламировать турнир.

«Поговорите с моим папой, пожалуйста. Поговорите с папой», – повторял Андрес каждый раз, когда его спрашивали, не хочет ли он играть за большой клуб, такой как «Барса», который представлял Бенайхес. Де ла Морена никогда не забудет сцену, которая разыгрывалась в каждом матче, когда Бенайхес искал Андреса.

«Нет, я никогда не разговаривал с его отцом, – вспоминает Бенайхес. – Не было никаких шансов на то, что я подойду к нему в своем спорткостюме с эмблемой “Барселоны”. Все тогда решили

бы, что мы хотим подписать с мальчиком контракт».

Поначалу он даже не знал имени своей самой свежей находки. «Мальчик под номером 5 очень сильно выделялся на фоне остальных… своей филигранной техникой, а также удивительным игровым интеллектом», – говорит Бенайхес, вспоминая тот день, когда впервые увидел Иньесту.

«Я направил господина Фабрегаса, официального представителя «Барсы» на турнире, переговорить с отцом игрока. Он был одет в костюм и галстук, но никто не знал, чьи интересы он представляет. «Посмотрите, вон тот человек – его отец. Пойдите и поговорите с ним, сообщите ему, что мы хотим подписать его сына».

«Альбасете» Иньесты, обычно играющий в белом, а иногда в красном, пробился в полуфинал турнира, где уступил «Расингу» из Сантандера, в составе которого блистал Хонатан Валье, ставший одной из главных сенсаций турнира того года.

«Брунете? Ах да, какие воспоминания, – говорит Валье. – Мы одолели «Атлетико Мадрид» Фернандо Торреса в четвертьфинале 3: 1, а в полуфинале разбили «Альбасете» Андреса 4: 2. Я забил три гола. Это был мой, наверное, последний хет-трик в карьере.

Все сложилось просто идеально. Мы играли по схеме 3–2—1, а я был полузащитником, игравшим под форвардом, прямо как Бакеро в «Барсе» той эпохи. Мы здорово провели там время. Мне стали поступать предложения от «Барсы», «Мадрида», «Аякса» и «Арсенала», но я остался в «Расинге».

Тогда для Валье все начало складываться очень стремительно: он тренировался с первой командой «Расинга», когда ему едва исполнилось 14 лет. Он дебютировал в Кубке Короля в 16-летнем возрасте, а два года спустя уже был игроком первой команды в высшем дивизионе.

Но Радомир Антич, экс-наставник «Реала» и «Барселоны», в то время руководивший мадридским «Атлетико», больше заинтересовался Андресом, несмотря на все превосходные таланты Хонатана Валье.

Андреса было нетрудно заметить. Он был капитаном, а потому на руке у него была повязка. В предыдущем году он носил короткую стрижку из-за пари, которое заключил с кузеном Ману. Он хотел походить на «Маленького Будду» – Ивана де ла Пенью, который в ту пору начинал блистать на «Камп Ноу». Немногие могли оторвать взгляд от его прически и игры. В 1996-м стрижка Иньесты привлекала к себе меньше внимания, но зато все обращали внимание на то, как он играет в футбол.

«Мы верили, что можем выиграть турнир, – говорит Андрес. – Мы были очень взволнованы перспективой победы, но нам

пришлось утешиться третьим местом. Меня назвали лучшим игроком турнира. Для меня и «Альбасете» этот турнир имел огромное значение».

Хонатан Валье вспоминает: «Выбирать судьям предстояло между мной и Андресом. Он забрал себе награду лучшему игроку турнира, опередив меня всего на один голос, если я правильно помню. А еще он забрал себе приз, которым была поездка в парк развлечений Port Aventura – если увидите его, передайте ему, что он должен мне и моим детям выходной там!» Профессиональная карьера Хонатана Валье так и не стартовала, и в конечном счете он оказался в составе команды свободных агентов, которые тренировались на базе испанской федерации футбола – он перегорел из-за раннего успеха. Он начал альтернативную спортивную карьеру, решив стать боксером, но не преуспел и на этом поприще. Тогда на турнире в Брунете он стоял плечом к плечу с Иньестой у дверей «в рай»: казалось, что успешная профессиональная карьера предначертана обоим.

«Он отправился в «Барселону». Я тоже мог, но решил остаться с матерью, – говорит Валье. – Андрес был гораздо более расслабленным, чем я. Он всегда выделялся. Достаточно было раз увидеть, как он касается мяча, чтобы понять, что он отличался ото всех.

У меня тоже были удачные моменты в футболе, как и у большинства игроков, но он всегда был на виду. Он – лучший испанский полузащитник из всех на моей памяти, кого я только видел. Я бы даже сказал, что лучший за все времена. Что больше всего поразило меня тогда в Брунете, так это его умение взять *паузу*. В то время оно было таким же, каким остается сейчас. Это было нечто такое, чего не было ни у кого из нас. Помню, как мы играли за сборную Испании на юношеском уровне. Всегда был игрок, которому можно было отдать пас, если ты не знал, что делать. Андрес был таким игроком. Он всегда принимал верные решения. Если у Андреса был мяч, всегда можно было сказать себе: «Расслабься, все будет в порядке».

Он всегда обладал этим даром. Думаю, что он исходит изнутри, – объяснение ему кроется в характере и личности Андреса. Остальные игроки… мы были напряженными, скованными, нервными, мы чувствовали давление. Если же ему нужно было очень быстро взять мяч под контроль, он это делал. Но всегда кажется, что у него больше свободного времени на решение, чем у остальных. В этом и заключается разница между хорошим игроком и гением.

Он никогда не паникует и всегда делает точный пас. Для меня честь быть пусть и крошечной, но частью его истории.

Иногда я говорю своим детям: «Я играл с этим монстром».

Хосе Карлос, ныне полицейский, а тогда голкипер «Альбасете», пришедший в команду за неделю до старта турнира, вспоминает: «Моя мама поехала в Брунете, даже не взяв с собой запасной одежды. Все полагали, что после первого же матча мы вылетим. Мы поехали на турнир без багажа и не сняли номер. Каждый день я ходил с Марио в школу, и однажды он спросил у меня: Нам нужен вратарь, не хочешь им стать? Мы очень мало потренировались вместе. Совершенно точно я был последним, прибывшим в команду. Никогда не забуду голы, которые мне тогда забил Хонатан, но ничто не сравнится с тем, что случилось в четвертьфинале, когда мы играли с «Мадридом».

ОН ПРОШЕПТАЛ ЕМУ НА УХО: «СКАЖИ, ЧТО СТОИШЬ МИЛЛИАРД. ДАВАЙ, СКАЖИ ЕМУ».

Ожидалось, что «Альбасете» ждет на турнире в Брунете печальная участь, однако вот они, мальчишки из маленького провинциального клуба, – противостоят могучему мадридскому «Реалу». «Я получил огромное удовольствие, – говорит тогдашний левый вингер «Альбасете» Карлос, или Карлитос, как его звали все партнеры. – Мы были на турнире по целому ряду причин, но главным образом из-за него [Андреса]. Он был игроком, который вел за собой команду от одного конца поля к другому. А так как я был единственным левоногим игроком в команде, я получал огромное удовольствие от игры с ним рядом. Он неизменно вырезал нам передачи на великолепные позиции. На его игру даже в том возрасте было любо-дорого смотреть. Поля были меньших размеров, и все, что бы ни делал Андрес, со стороны выглядело очень просто.

Мы были на четыре-пять порядков выше остальных. В день, когда мы играли с «Мадридом», нас определили на поле, вокруг которого даже не было трибун, но так как матч собирались смотреть Лоренсо Санс [президент «Реала»] и Радомир Антич [главный тренер «Атлетико»], игру перенесли на самое лучшее поле с трибунами и прочими атрибутами. «Мадрид» изрядно намучился с нами. И да, помню, что родители ехали в Брунете, представляя, что это будет поездка максимум на день! Им пришлось идти в магазины и покупать себе новое нижнее белье, потому что мы далеко продвинулись и остались на турнире надолго».

Ко времени матча с «Мадридом» ажиотаж среди родителей игроков достиг апогея. «Мы прекрасно отыграли групповую стадию, а затем нам выпал «Мадрид» в первом же раунде плей-офф. Родители поверить не могли в случившееся, – восклицает

Карлитос. – Но мы заслуживали победы. Мы были одной из лучших команд на турнире в коллективном плане, вдобавок у нас в команде был настоящий зверь. Даже «Мадрид» не испугал бы нас. Дело дошло до пенальти. Реми, один из наших капитанов, исполнил первый удар, потом пробивал Андрес, а после него, третий и последний удар, должен был бить я. Когда я стал подходить к мячу, ужас охватил меня. Они промахнулись только раз».

«Бил капитан «Мадрида», и он не промахнулся, я отбил его удар, – встревает в разговор вратарь Хосе Карлос. – У нас была отличная команда, мы парили на крыльях нашего капитана. Мы были словно братья по оружию. Я до сих пор поддерживаю связь со своими партнерами по команде, у каждого из которых теперь своя жизнь. Нас объединяет тот турнир, время тогда было великолепное – чистый футбол, абсолютная невинность и простодушие спорта».

Шестнадцать лет спустя Хосе Карлос услышит очень необычный телефонный звонок от президента «Альбасете». «Андрес хочет, чтобы вы произнесли речь по случаю открытия нового тренировочного комплекса», – говорил голос в трубке. Он должен быть назван в честь Андреса Иньесты, и Хосе Карлосу предстояло сыграть маленькую роль в церемонии открытия. Он дрожал, переполняемый эмоциями; об этом президента просил не Андрес, его старый партнер по команде, а легенда испанского футбола Иньеста.

«Андреса вы видите куда чаще, чем нас, – начал он, – но никто из нас не изменился так уж сильно с тех пор. Некоторые поднабрали лишний вес, другие подрастеряли волосы на голове, а кто-то вместо дедушкиного Ford Orion приехал сюда на BMW. Но мы все так же вместе, как и раньше. Все, кто смог приехать сюда сегодня, равно как и все, кто не смог, хотят крепко обнять тебя как можно крепче. В благодарность от всех нас, от старой команды, игравшей вместе на грязном поле Федерации. Добро пожаловать домой, Андрес».

Этих слов было достаточно, чтобы Иньеста слегка наклонил голову и погрузился в детские воспоминания. После совместной фотографии и шуток вроде «Сейчас брюки порвешь» и «Моим коленям хана» настало время для заключительного послания от самого Андреса. «Альбасете» – клуб с корнями, и его корни лежат в академии для молодежи. Именно в этой академии начался мой путь», – сказал он, вновь вспоминая серию пенальти в игре с «Мадридом».

Действительно, Хосе Карлос сделал тогда очень важный сэйв. Правда и то, что сэйв имел бы смысл, только если бы Карлитос

реализовал свой удар, и ему это тогда удалось. Три пенальти, три гола – они помогли изменить жизнь Андреса.

«Странно, но по ходу турнира никто не называл его по имени, – говорит де ла Морена. – Видели игру пятого номера «Альбасете»? Посмотрите, что он творит с мячом». Он не был Андресом, точно не был Иньестой. Он был просто пятым номером «Альбасете». Та самая футболка «Альбасете» с пятым номером хранится в доме радиоведущего – ее подарил ему сам Андрес.

Тренер Иньесты в «Альбасете» Виктор говорит: «В четвертьфинале мы обыграли «Мадрид», а в полуфинале к перерыву обыгрывали «Расинг» 2: 1, но в итоге проиграли ту игру 2: 4. Команда у нас была отличная, мы заслуживали победу на турнире».

Андрес говорит: «Я никогда не думал о том, что этот турнир станет ступенькой на пути в команду первого дивизиона. Я никогда не думал о том, что мы доберемся аж до полуфинала. Я просто ехал в Брунете весело провести время».

По словам де ла Морены, самым ярким игроком турнира был Хонатан Валье. «Он ловко жонглировал мячом и напоминал многим Рабадана – мальчишку, ставшего главной звездой предыдущего турнира в составе «Мадрида». Андрес привлекал внимание, но не так, как Хонатан. Люди были очарованы этим парнишкой из «Расинга», забивавшим голы а-ля Марадона.

Однако тренер «Атлетико» Антич всех поставил на место парочкой замечаний, которые я помню до сих пор. «Никто из вас понятия не имеет о футболе, вы абсолютно ничего в нем не смыслите. Лучший игрок турнира – пятый номер «Альбасете»! Пятый номер!» Помню, что поймал себя на мысли: «А ведь он, должно быть, прав». Я начал больше концентрировать внимание на пятом номере «Альбасете». И разумеется, Антич был прав в своих оценках. Пятый номер «Альбасете» в итоге стал звездой сборной Испании, а другой парнишка так ни разу и не сыграл в высшем дивизионе. Он очень убедительно говорил тогда об Андресе: «Смотрите, он никогда не совершает ошибок, никогда не теряет мяч, каждое его решение – верное».

В следующей игре «Альбасете» выбил «Мадрид», и для турнира это был тяжелый удар в каком-то смысле, поскольку все хотели, чтобы «Мадрид» дошел до финала. «Смотрите, смотрите, он [Андрес] никогда не сомневается ни в одном своем решении, – говорил мне Антич. – Он просто концентрируется на игре. Он здесь лучший с большим отрывом».

«Расинг» в итоге стал чемпионом, и настало время выбирать лучшего игрока турнира. Выслушав Антича, я был уверен, что им должен стать Андрес. У нас состоялась встреча, на которой все

сошлись во мнении, что лучшим должен быть Иньеста. Я отправился на его поиски в отель Alcala de Madrid, где во время турнира жили мальчики, участвовавшие в нем. Я приехал в отель и нашел его сидящим на скамейке – ноги едва доставали до земли, – он плакал.

«Что случилось, Андрес?» – спросил я у него.

«Альбасете» вылетел во второй дивизион; они выбыли из Примеры», – сказал он.

Де ла Морена посадил Иньесту и Хонатана Валье в машину и отвез их в студию радиостанции Cadena SER, где их ожидало интервью в эфире программы *El Larguero*.

«Твой отец, Хонатан. Чем он занимается?» – спросил де ла Морена.

«Мой отец возглавляет министерство», – ответил Хонатан.

Настал черед Андреса. «А твой отец, Андрес, чем он занимается?»

«Мой отец каменщик, – ответил Иньеста, – но он бросит работу, как только я стану футболистом. Может, он будет строительным магнатом, не знаю, но я бы хотел, чтобы он перестал лазить по строительным лесам».

На этом разговор не закончился. Время уже было за полночь, а Андрес и Хонатан все еще болтали в студии. Тренер «Альбасете» Виктор в ту ночь заменял Андресу отца. «Не волнуйся, я буду там с вами все время передачи. Просто отвечай на вопросы, как считаешь нужным. Ни о чем не волнуйся», – сказал он Иньесте, чтобы помочь ему справиться с нервами – ведь это было его первое интервью, а слушало его свыше миллиона человек.

«Теперь, Хонатан, скажи, как думаешь, сколько ты стоишь?» – спросил де ла Морена у мальчика из «Расинга».

«Пятьсот миллионов песет», – таким был ответ.

«А ты Андрес?»

Наступила тишина. Ведущий нетерпеливо ждал. «Он выглядел ужасно напуганным, – вспоминает де ла Морена. – Виктор вмешался, опасаясь, что озадаченный юноша ничего не скажет в ответ. Он прошептал ему на ухо: «Скажи, что стоишь миллиард. Давай, скажи ему».

Мальчик из Фуэнтеальбильи ответил не сразу, но свой ответ все-таки дал. Он сказал так, как и просил его тренер: «Я? Миллиард песет».

* * *

«Знаете, в тот день в Брунете я тоже слушал радио, – говорит

Санти Касорла, который на том турнире остался незамеченным. Впрочем, его здорово вдохновили игра миниатюрного полузащитника из «Альбасете» и его робкий дебют на радио. – Тогда я впервые прознал об Андресе. Я никогда с ним не разговаривал, но слышал его голос в эфире *El Larguero* вместе с Хосеррой [де ла Морена].

Тогда я был игроком «Овьедо», но мне давали мало игрового времени, потому что собирались избавиться от меня: они считали меня слишком маленьким. В Брунете мы все увидели, что Андрес обладает каким-то особенным талантом. В то время я даже не знал его имени, но он выделялся наряду с Хонатаном Валье, Фернандо Торресом и Диего Леоном».

> КЛЮЧ К УСПЕХУ В ФУТБОЛЕ КРОЕТСЯ В ПОИСКЕ И ВЫЯВЛЕНИИ МОЛОДЫХ ТАЛАНТОВ, ТЕХ, КТО РОЖДЕН ДЛЯ КАКОГО-ЛИБО ДЕЛА.

Даже несмотря на то что он всегда был скромным мальчиком, Андрес не мог не чувствовать себя важной персоной, сидя перед микрофоном и уже зная обо всех лестных словах, что высказал в его адрес Антич. Также ему польстила похвала Бенайхеса, который подошел к нему после финала, положил руку ему на плечо и сказал: «Если хочешь перебраться в «Ла Масию», ты знаешь, где нас искать». Андрес повторил ему те же слова, что и раньше: «Поговорите с моим папой, поговорите с ним».

Судьба приберегла еще один сюрприз для него, как вспоминает сам Иньеста. «Лучший игрок турнира получал в качестве приза поездку в Порт Авентуру с семьей, а поскольку этот парк развлечений находится неподалеку от Барселоны, мы все отправились в «Ла Масию», чтобы увидеть, как там устроена работа и чем там занимаются люди. Это был важный визит, после которого я совершил большой прыжок в сторону «Барсы»».

Андрес не знал этого, но «Барса» наблюдала за ним еще до турнира в Брунете. Кто-то порекомендовал Ориолю Торту обратить на Иньесту внимание. «Первосвященник» и легендарный скаут «Ла Масии» получил информацию, что у «Альбасете» подрастает выдающийся молодой талант. Торт позвонил своему другу Мани. «Пожалуйста, сходи посмотри на этого парнишку, о котором мне рассказывают столько хорошего». Посему Мани, как все называют Хермана Вару, опытный экс-скаут «Бетиса», ставший теперь главным специалистом «Барсы» по региону Андалусия, отправился в Пласенсию, чтобы понаблюдать за игроками, принимавшими участие в турнире семь на семь, который должен был там состояться.

«Я составил первый скаутский отчет об Иньесте, – говорит

Мани. – Некоторые говорят, что я ответствен за его переход в клуб, но на самом деле первым его увидел в «Альбасете» голландский скаут, который рассказал о нем Торту. Затем Торт отправил меня в Пласенсию, чтобы я за ним понаблюдал».

Едва Мани начал следить за его игрой, как тут же пришел к мнению, которое и озвучил Торту: «Я бы подписал его прямо сейчас. Он маленький и весит, наверное, не больше тридцати кило, но он блестяще читает игру». И эти слова были им сказаны, несмотря на то, что, по воспоминаниям самого Мани, «турнир Андрес начал не то чтобы здорово». К концу его, впрочем, он получил награду лучшему игроку, так же как это произойдет несколько недель спустя в Брунете. «Тогда он играл точно так же, как сейчас», – говорит Мани.

Те же габариты, то же мастерство, тот же соблазнительный футбол – только тогда он представлял сборную команду Кастилии – Ла Манчи. Там, в Пласенсии, она уступила Эстремадуре, выигравшей благодаря единственному голу в матче, забитому Хорхе Тройтейро, которому суждено будет стать одним из лучших друзей Андреса в «Ла Масии». Чемпионат же выиграла сборная Каталонии, обыгравшая Кастилию – Леон со счетом 2: 1 в финале. Однако собравшиеся на турнире тренеры и скауты уезжали с него с именем Андреса на устах; мальчика, танцевавшего с мячом и мечтавшего о том, чтобы его отец больше не лазил по строительным лесам.

* * *

Ключ к успеху в футболе кроется в поиске и выявлении молодых талантов, тех, кто рожден для какого-либо дела. Многие годы у «Барселоны» был человек, чьи способности по этой части великолепным образом служили Сесару Луису Менотти, Терри Венейблсу и Йохану Кройффу. Звали его Ориоль Торт, но в клубе он был известен под прозвищем Профессор.

Наметанный глаз Профессора не единожды сослужил хорошую службу клубу, и в случае с Иньестой, по крайней мере, помог наметанный глаз Мани, который предоставил Торту такой восторженный и пылкий отчет об игроке, что Торту даже не пришлось самому ехать в «Альбасете» смотреть на Андреса собственными глазами. Торт всегда умел одним взглядом определить, футболист стоит перед ним или нет.

Жауме Оливе, глава молодежного футбола в «Барсе», вспоминает: «Профессор часто повторял: «Значение имеет первое впечатление, потому что чем дольше ты наблюдаешь за игроком,

тем больше дефектов в его игре начинаешь подмечать. Нужно вернуться к тем мыслям, которые посетили тебя, когда ты увидел его в первый раз. Думал ли ты: «А в нем что-то есть. Он мне нравится»?»

Ориоль Торт наблюдал за молодыми игроками, все тренеры и скауты наблюдали за Ориолем. Было достаточно лишь увидеть, как он тушил свою сигарету, чтобы понять, увидел он нового талантливого игрока или нет: если сигарета ярко разгоралась, а он делал глубокую затяжку, можно было быть уверенным, что Торт наблюдает за восходящей звездой. Никто не понимал Торта лучше Оливе. Они вдвоем были отличной командой: делились друг с другом мнениями, а затем непременно заносили их в печатный лист, набивая тексты на старой печатной машинке.

В прежние времена, когда «Ла Масия» еще не имела своего нынешнего высокого статуса, Торт любил пошутить, отвечая на вопросы о том, останется ли он в клубе и дальше. Он говорил, что присутствие в офисе старой примитивной машинки гарантировало и его присутствие в «Ла Масии».

«Профессор, с вами уже продлили контракт?» – спрашивали его коллеги.

«Ну, мой стул и печатную машинку еще не забрали», – отвечал он.

КОГДА ЛЮДИ ДЕРЖАТСЯ С ТОБОЙ РЯДОМ И НЕ ПРЕДАЮТ, ТЫ НАЧИНАЕШЬ ИХ УВАЖАТЬ И ЦЕНИТЬ.

Это был знак – по крайней мере вербальный, – что его будущее определено. В первые годы своей работы в «Барсе» Торт подрабатывал днем продавцом фармацевтических товаров. Он и Оливе были в числе многих тренеров, совмещавших основную работу днем с тренировочной деятельностью в молодежной академии «Барселоны». Он был членом группы добровольцев, среди которых были Пужоль, Кармона и Урсикинио, чьей главной наградой была не финансовая, а эмоциональная главным образом радость открытия игрока, который со временем стал бы членом первой команды, а может быть, даже одной из ее звезд вроде, Гвардиолы, Хави или Иньесты.

«В Брунете моя жизнь изменилась», – говорит Иньеста, и он прав, но без звонка Торта Мани турнир в Брунете никогда не привел бы его в «Ла Масию».

«Я хочу кое о чем порассуждать сейчас, – говорит Андрес, подводя итог своим воспоминаниям о Брунете. – Я знаю, что ему пришлось несладко из-за этого, пусть даже мне он ничего об этом и не говорил. Многие люди говорили о де ла Морене необдуманные вещи. Дело не в том, нравится вам его

радиопрограмма или нет, хотя не будет лишним сказать, что он уже многие годы на вершине своей профессии. Дело в том, что людям нужно перестать быть такими лицемерными, я считаю.

Я слышал, как люди говорят: «У тебя всегда есть время пообщаться с де ла Мореной, но нет времени на нас». Это причиняет мне боль. Мы сейчас говорим о человеке, который следил за мной и моей карьерой с тех пор, как мне было 12, когда еще никто не знал, кто я такой. Легко забыть об этом по прошествии 14–15 лет. Де ла Морена был тогда в Брунете, и он никогда не забывал обо мне. И всякий раз, когда меня критиковали, а он считал, что критика несправедлива, он заступался за меня.

Когда я не играл, а он считал, что я заслуживаю места в составе, он говорил об этом. А когда люди держатся с тобой рядом и не предают, ты начинаешь их уважать и ценить. Ему было бы просто следовать тому, что говорило обо мне большинство людей и не высовываться. Он не был обязан защищать меня. Но он защищал. И никогда не просил у меня ничего взамен. Я никогда ни о чем не просил его, а он меня. Ты поступаешь тем или иным образом потому, что считаешь, что поступать так правильно, и так он вел себя со мной.

Я не говорю, что все остальные плохо ко мне относились, вовсе нет. Я всегда старался вести себя уважительно и был вежлив, стараясь уделять времени такому количеству людей, какому только мог. Я сейчас говорю об отдельных инцидентах. Просто у меня очень четкие и ясные представления о них. Есть в жизни некоторые мнения и высказывания в твой адрес, которые ты помнишь всегда, так и я никогда не забуду «Хосерру». Он поддерживал меня тогда, когда никто другой этого не делал».

IV. «Ла Масия»

Это правда, худший день моей жизни случился в «Ла Масии».

Андрес

Звучит противоречиво, но такова правда. Так я чувствовал себя в тот день и так считаю до сих пор, словно с того дня совсем не прошло времени. Я чувствовал себя заброшенным и потерянным, как будто что-то вырвали из глубин моей души. Тот момент был одним из самых сложных в моей жизни. Я хотел быть в «Ла Масии». Я знал, что обучение там – лучший вариант для меня и моего будущего. Но мне пришлось пройти через очень горькое испытание, которым стало разлучение с семьей: я больше не мог видеться с ними каждый день и чувствовал, что очень далеко от них. Было тяжело. Решение о переезде было моим, но принять его было очень трудно.

* * *

Спокойствие и безмятежность повествования Андреса вдруг резко прерывают воспоминания о той первой ночи в «Ла Масии» в сентябре 1996 года. Он приехал туда после того, как однажды неожиданно для всех и безо всякого предупреждения спросил у своего отца Хосе Антонио: «Пап, ты еще можешь им позвонить?»

Андрес: «Дело было спустя несколько дней после последнего срока, который «Барселона» выделила нам на принятие решения. Я думал уже, что ничего не получится, но господин Торт сообщил нам, что для нас клуб сделает исключение и нас дождутся, независимо от того, решим мы приехать в этом году или в следующем. Мы приехали в том же году и как раз вовремя. Никогда никто из членов моей семьи не говорил мне, что я должен ехать в Барселону: ни отец, ни кто-либо еще. Я помню, что первым моим днем там было 16 сентября. Занятия в школе уже почти начались, равно как и футбольный сезон. Решение было очень запоздалым, но оказалось правильным».

Решение, может, и было правильным, но последствия его были для Андреса и его семьи какими угодно, только не простыми.

Хосе Антонио: «Почему ты вдруг решил, что хочешь ехать? Почему сейчас?»

Андрес: «Я передумал. Я теперь в подходящем настроении. Я много думал об этом и решил, что нам стоит поехать».

Хосе Антонио: «Когда он сказал: «Пап, давай поедем», я вдруг почувствовал, что что-то внутри меня задается вопросом: «Почему он говорит это сейчас?»

Андрес: «Потому что я был уверен, что этого хочешь ты. Я не мог лишить тебя этой возможности после всего того, что ты для меня сделал».

С другой стороны, Хосе Антонио был счастлив, но также он был обеспокоен: «Я хотел этого больше, чем он сам. В то же время я страдал от этого сильнее всех».

Никому решение Андреса не далось легко: ни людям в «Альбасете», ни в «Барселоне». Андрес: «Я не хочу никого оскорбить и не собираюсь вываливать грязное белье, я просто хочу высказаться о ситуации, которая сложилась в «Альбасете» перед моим переходом в «Барселону». Я ни на кого не держу обиды. Я всегда благодарен людям, которые мне помогли, и местам, к которым я ощущаю свою причастность. Но отношение некоторых людей к произошедшему мне не по душе. У меня сложилось ощущение, что клуб хотел выставить меня и особенно мою семью в плохом свете. Некоторые люди в клубе говорили очень глупые вещи, которые сбивали с толку окружающих. Мне пришлось потерять две недели, на протяжении которых я не мог играть за «Барсу» потому, что они не оформили до конца все необходимые бумаги. Я не готов и малейшего упрека высказать в их адрес. И до определенной степени я мог понять их разочарование в связи с уходом одного из их молодых игроков. Но жизнь такова, что ты вовсе не обязан относиться ко всем с добротой и никому не вредить. Я сделал то, что считал наилучшим для себя, и уверен, что 99 % людей поступили бы в моей ситуации точно так же».

Когда семья Иньесты прибыла в «Ла Масию», родители Андреса переговорили с сеньором Фарресом, стоявшим во главе резиденции каталонской футбольной молодежи. Андрес, слегка отстранившийся от происходившего в его жизни в этот момент, гулял по коридорам старого, преисполненного такого символизма здания, вместившего в себя за все эти годы столько детских мечтаний разных его обитателей. Свое путешествие он должен был начать не в одиночестве.

Андрес: «Я помню Хосе, который был в то время вратарем команды U-17. У него были гигантские стопы, а ростом я ему доходил, наверное, до пояса. Он водил меня по «Ла Масии» и все показывал, чтобы я понемногу узнавал, как там все устроено. «Здесь у тебя спальня, здесь еще одна, а тут, Андрес, библиотека».

Он говорил, а я не мог перестать плакать. Слезы, слезы и еще больше слез. Я был там телом, но голова и душа мои все еще были рядом с семьей».

Его родители все еще стояли у входа в «Ла Масию» и разговаривали с сеньором Фарресом, пока он ходил по лестницам здания вниз-вверх. «Хосе показывал мне дом так, словно он имел для меня какое-то значение», – говорит он теперь, вспоминая те первые минуты в своем новом странном доме.

«Ну давай, Андрес, успокойся» – так утешал нового рекрута Хосе Бермудес, по его собственным словам. Внушительных размеров голкипер возвышался над маленьким мальчиком, словно гигантская башня. «Он был крохотный, бледный и очень грустный. У меня было такое чувство, будто он думал про себя: где это мои родители решили меня оставить? Я до сих пор очень отчетливо помню этот момент. Я не удивлен, что он не помнит моей фамилии.

Он был очень хилый, совсем тонкий. Ростом по пояс мне? Думаю, что где-то так, да, но Хорхе [Тройтейро] был еще меньше Андреса. Мы все втроем стояли в холле. Мне было семнадцать лет, а им обоим по 12. Даже нам самим было несладко там, представьте, каково было Андресу. Ты переживаешь столько моментов одиночества там. Андрес был очень застенчивым; Хорхе был гораздо большим экстравертом, более разговорчивым, он всегда сам вел разговор. Андрес мне понравился с самого начала. Он был таким вежливым и учтивым, очень деликатным и чувствительным».

* * *

«Мы отпустили его в «Ла Масию», а сами вернулись переночевать в отель, – вспоминает отец Андреса Хосе Антонио. – Он был так близко, но в то же время так далеко – может, метрах в 200, в 300 максимум. Одна барселонская улица – улица Материнства – отделяла Андреса от отца, мамы Мари и дедушки по маминой линии. После того как Хосе Антонио в последний раз взошел по лестницам «Ла Масии» наверх, отведя своего маленького сынишку к двухъярусной кровати, которую тому предстояло делить с Хорхе Тройтейро, и вернулся в отель, семье Иньеста-Лухан тоже предстояло пережить беспокойную и тревожную ночь, полную сомнений и страхов.

Теперь, когда врата «Ла Масии» затворились, они втроем вернулись в свои номера в отеле Rallye, и каждый пошел своей дорогой, не обменявшись и словом. Сказать было нечего. Но Хосе

Антонио долго в своем номере просидеть не смог – таким сильным было давление, которое он ощущал. Он зашел в лифт и спустился в кафетерий, где обнаружил дедушку Андреса, тоже мучавшегося от бессонницы в ту ночь.

«Я думал, я умру, кислорода в номере не хватало. Было ужасно. У меня была паническая атака, – говорит отец Андреса, вспоминая вулкан эмоций, обуявший его в ту ночь. – Я начал паковать вещи, чтобы возвратиться в деревню, но не мог этого сделать без своего маленького мальчика. Если бы не его мать, я бы забрал его домой. Его мать принесла самую большую жертву. Мари всегда говорила мне: «Если он уедет и добьется там успеха, мне придется жить без него шесть-семь лет». Мари теряла его. Хосе Антонио терял его. Марибель, его сестра, теряла его. Андрес терял их всех.

«Знаешь что? Я вернусь в «Ла Масию» и заберу нашего малыша! Я не могу больше терпеть это», – сказал своему тестю Хосе Антонио, убежденный, что он нашел идеального союзника и партнера в нелегком деле переубеждения Мари, чья воля казалась совершенно несгибаемой. Дедушка Андреса протянул руку помощи Хосе Антонио, а Мари пока даже не знала о готовящемся плане. Вскоре, однако, она о нем узнает.

«Мари, я забираю его обратно. Я прямо сейчас еду в «Ла Масию», я заберу его оттуда! И мы вернемся домой». Надорванный голос Хосе Антонио резонировал в фойе отеля, расположившегося всего в 50 метрах от колоссального стадиона «Камп Ноу». Но Мари, стойкая и сильная мать, помешала его замыслу. Ей удалось сделать это с применением всего нескольких слов – что так типично для семьи Лухан, – но в такой манере, что всем стало ясно: никто, даже ее собственный муж, не заставит ее передумать.

«Если ты заберешь его, ты поступишь как эгоист, – сказала Мари своему обезумевшему супругу. – Ты думаешь не о нем, Хосе Антонио. А тебе следовало бы подумать и о нем тоже. Хотя бы дай ему возможность попытаться. Мы приехали сюда, в такую даль, не для того, чтобы не дать ему даже шанса попытаться».

Когда Мари чувствовала себя самой слабой, она старалась придать себе сил и стать сильнее; по крайней мере, сильнее, чем отец Андреса. Они совершили эту поездку; они должны были воспротивиться хотя бы этому первому искушению повернуть обратно. У всех четверых членов семьи, оказавшихся в одном из маленьких уголков Барселоны, у подножия этого гигантского храма футбола, не оставалось выбора – им предстояло страдать.

* * *

Андрес: «Меня усадили в столовую за стол во время моего первого обеда в «Ла Масии», а я никак не мог перестать плакать. Понятно, что ничего съесть я не смог».

Через улицу от Андреса его отец тоже обходился без обеда. Так же как и его дедушка и мама. Но Мари постаралась сделать так, чтобы ее слез никто не видел: если Андрес плакал при всех, то она рыдала глубоко внутри себя. Никто не увидел и маленькой слезинки в ее глазах в ту ночь. Для никому тогда не известной, одержимой футболом семьи из Альбасете тот вечер в Барселоне выдался грустным – не было ни ужина, ни нормального сна.

«Я не знаю, что было хуже – первая ночь или вечер последующего дня, – говорит Андрес. – Я хотя бы знал, что мои родители здесь поблизости. Я знал, что они были в этом отеле, всего в нескольких метрах от меня. Но я знал, что рано или поздно им придется сесть в машину и отправиться домой, в деревню. Им нужно было возвращаться к своим работам. Они не могли оставаться со мной».

Но он не предполагал, что это случится рано, а не поздно. Семья собиралась оставить сына в Барселоне.

Андрес: «На следующее утро мне предстояло идти в школу. Они ждали меня у ворот «Ла Масии», чтобы составить компанию мне и Хорхе Тройтейро, моему новому однокласснику из Мериды, который был одного со мной возраста».

Никто не говорил о том, что пережил предыдущей ночью. Они все поприветствовали друг друга, как будто ничего и не произошло; словно они до сих пор были в деревне, а Андресу предстояло идти в местную школу. Они все были в Барселоне, но притворялись, словно все еще находятся в Фуэнтеальбилье.

«Мы пришли в школу, и они поцеловали меня на прощание», – говорит Андрес.

Андрес и Хорхе пришли в школу и погрузились в рутину, которая станет привычной для них на долгие годы, но к тому, что произошло в конце первого дня в школе, Андрес был совершенно не готов.

«Я думал, что по пути из школы днем я увижу их, что они будут ждать меня там, – говорит Андрес. – Но когда я вышел, на улице никого не было». Не было ни Хосе Антонио, ни Мари, ни дедушки. Внезапно он остался один, рядом был только Хорхе.

«Теперь, оглядываясь в прошлое, я думаю, что решение было абсолютно правильным, потому что мы избавили друг друга от этого последнего прощания, которое наверняка вышло бы кошмарным.

Я ВСЕГДА БЫЛ ОЧЕНЬ СЕМЕЙНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ,

НО ТЕ ДНИ В «ЛА МАСИИ» СДЕЛАЛИ МЕНЯ ЕЩЕ БОЛЬШИМ СЕМЬЯНИНОМ ДО КОНЦА МОИХ ДНЕЙ.

Теперь я спокойно воспринимаю случившееся; но тогда… нет. Теперь я понимаю: прежде я чувствовал какое-то пренебрежение к себе, словно меня забыли, словно я был брошен».

* * *

«Трудно поверить в это, ведь я находился там всего на неделю дольше Андреса, но я уже привык к новому месту, – объясняет Хорхе Тройтейро, мальчик, сопровождавший Андреса до школы имени Луиса Вивеса. – Вы должны понять, что эта перемена для нас означала. За одну ночь мы перестали быть детьми. Когда мне было 10 или 11 лет, в доме родителей для меня все делали старшие, и полагаю, что Андрес жил точно так же. Родители одевают тебя, водят в школу, всюду ходят с тобой и делают за тебя почти все.

В «Ла Масии» мы приходили со школы, и нас никто не ждал. Нам было по 12 лет. Нам нужно было быстро взрослеть, но не каждый мальчик был к этому готов. Мы прошли путь от жизни детей до жизни в куда более обширной семье – в семье «Ла Масии», – о существовании которой мы до недавних пор даже не подозревали. Внезапно у нас обнаружились новые братья, а поскольку мы были самыми маленькими, нам со всем помогали. За нами приглядывали, но…» Тройтейро не может договорить, потому что память приводит его к воспоминаниям о тех одиноких днях, когда его настроение поднимал только поздний приход Андреса. Для Андреса, с другой стороны, приход из школы и осознание того, что тебя никто не ждет, стали отправной точкой во взрослую жизнь: за мгновение, безо всяких периодов адаптации, он вдруг понял, что теперь живет в совершенно новом для себя мире.

А может, это осознание пришло еще раньше – в машине, ехавшей по дороге из Фуэнтеальбильи в Барселону, в которой три поколения одной семьи – трое взрослых и один ребенок – сидели в молчании, следуя по пути в неизвестность.

Андрес: «Помню, как мы остановились поесть в Тортосе, но никто из нас ничего не ел. Обстановка была такая, будто конец приближался, и все это понимали». Конец. Так они это видели. «Мы знали, что обратного пути нет. А остановившись там перекусить, мы поняли, что находимся уже в пределах Каталонии, так что реально казалось, что повернуть назад мы не можем.

Когда кто-то из нас заговаривал, речь шла о какой-то совершенной чепухе, лишенной смысла. Либо же это было началом разговора, который ничем не кончался и никуда не приводил. Никто не мог вынести боль, которую нам всем предстояло пережить. Но нам приходилось с ней мириться. Я так и не пообедал в Тортосе и так и не поужинал в «Ла Масии».

Теперь, когда Андрес уже сам стал отцом, он, вспоминая те дни, еще выше ценит то, что пережила его семья в тот день. «Раньше я думал об этом только с точки зрения самого себя; переживал то, через что прошел в «Ла Масии», и те эмоции, которые там испытал. Я мог попытаться представить, каково было моим родителям и дедушке, но до тех пор, пока ты сам не станешь родителем, ты по-настоящему не поймешь то, через что им пришлось пройти в то время. Не поймешь, как они страдали, и не почувствуешь то, что чувствовала моя сестра. Теперь, став отцом, я знаю, что понемногу умираю внутри всякий раз, когда провожу день без Валерии или Паоло Андреа или когда не могу видеться с Анной. Когда я думаю о том, что не могу прикоснуться к своей маленькой девочке или к своему малышу, что не могу дотронуться до них хотя бы один раз, я понимаю, что чувствовали мои родители, решившие оставить меня в «Ла Масии». Даже теперь я предпочитаю об этом не думать».

Они уезжали с осознанием, что теперь будут навещать Андреса только раз в месяц, начиная с этого сентября. Жизнь 12-летнего мальчика изменилась кардинальным образом. «Прошли недели, а может, даже месяцы, прежде чем я начал нормально чувствовать себя в этой ситуации и стал привыкать к ней.

Поначалу у меня были проблемы с аппетитом, – говорит Андрес. – Я не хотел разговаривать с родителями по телефону, потому что каждый такой разговор заставлял меня плакать и плакать, вновь и вновь. Но в конечном итоге ты привыкаешь, потому что начинаешь думать, зачем приехал сюда и чего пытаешься добиться. Я хотел быть в «Ла Масии». И как бы плохо мне ни было временами, я не хотел возвращаться домой ни за что. Я должен был остаться там и реализовать свои амбиции: быть в «Ла Масии» и стать игроком «Барсы»».

Подобное упрямство очень характерно для семьи Лухан. Мама Андреса была очень упряма в ту нервную ночь, когда Хосе Антонио угрожал сломать дверь, ведущую внутрь элитной академии «Барсы», стоило только его сыну впервые туда войти. А сам Андрес был упрям, когда в те первые дни сдерживал свои слезы, потерянно бродя по коридорам 300-летнего здания Ла Масия де Кан Планас.

Андрес: «Когда родители приезжали повидать меня, я

чувствовал утешение, их приезд и правда помогал мне. Они собирались в дорогу в пятницу, потому что должны были дождаться окончания занятий в школе, куда ходила моя сестра. Они приезжали в Барселону в районе восьми-девяти вечера. Разумеется, я ждал их подготовленный. Я стоял у дверей, чтобы мы могли, не теряя времени, куда-нибудь пойти. Мы ужинали в баре рядом с отелем, а затем возвращались в их номер, все вместе залезали в кровать и так спали. Мы все делали вместе. Какие замечательные воспоминания!

Потом в субботу, после того как я сыграл в матче, мы могли наслаждаться свободным днем. Отправлялись в кино или гуляли по Барселоне, но к тому времени я уже опять думал о том, что ночь и час, когда они покинут меня, становятся все ближе и ближе. Остановить этот процесс было невозможно. Время летело, а я никоим образом не мог его контролировать. Вначале они приезжали раз в месяц, потом стали навещать меня каждые 15 дней.

Я знал, что после обеда в воскресенье им придется опять возвращаться в деревню. Им нужно было помогать дядьям и дедушкам с баром. По воскресеньям люди в Фуэнтеальбилье обычно ужинают в районе семи-восьми часов вечера, так что к этому времени родители должны были уже вернуться – позже было нельзя. Это значит, что из Барселоны они должны были выезжать в два, три часа дня самое позднее. Когда пробивал этот час, всегда начиналась драма. Казалось, что они так мало времени провели со мной…»

Дни, оставшиеся до их следующего приезда, Андрес тщательно подсчитывал. «Я вычеркивал дни в своем школьном дневнике. Считал дни до Рождества, или Пасхи, или до летних каникул. Так я и жил из месяца в месяц. Я всегда был очень семейным человеком, но те дни в «Ла Масии» сделали меня еще большим семьянином до конца моих дней.

Мне нравится тот факт, что у меня очень крепкие связи с семьей. Я до сих пор помню первое путешествие родителей в Барселону. У них был синий Ford Orion. Они сказали мне, что приедут где-то к восьми часам вечера, а может, чуть раньше. Я ждал их с семи часов. Где? Я сидел на невысоком парапете вдоль подъездной дорожки, ведущей к «Ла Масии», – где же еще я мог быть? Я провожал глазами каждую проезжающую мимо машину, чтобы увидеть их Ford. И что вы думаете? В тот день им крупно «повезло». Когда они были всего в нескольких километрах от меня, машина сломалась прямо на шоссе, и им пришлось вызывать эвакуатор, чтобы их довезли до Барселоны.

Поломка была досадным неудобством, но что хуже, она

означала, что я проведу с ними меньше времени, чем мог бы. Им пришлось заплатить порядка 30 тысяч песет за ремонт, а чтобы достать такую сумму, им пришлось просить сеньора Фарреса, директора «Ла Масии», одолжить им деньги. Бедолаги весь месяц копили деньги, чтобы провести время со мной, а в первый же их визит происходит такая неприятность».

После побывки наступало время заново вкатываться в привычную жизнь. Отец Андреса возвращался к своим строительным лесам, мама становилась за стойку бара, а Андрес возвращался в «Ла Масию». Перед Хосе Антонио Андрес храбрился и старался выглядеть бодрым. «Смотри, пап, я могу протянуть тут год, но насчет двух – не уверен. Но я как-нибудь справлюсь».

Глубоко в душе Иньеста понимал, что ему придется преодолеть свои страхи и утереть слезы. «Канал, пролегающий через нашу деревню, недостаточно глубок, чтобы уместить в себя все слезы, которые выплакал мой внук, – вспоминает Андрес Лухан, четвертый пассажир синего Ford Orion, в тишине путешествовавший в Каталонию. – Никому не пожелаю пережить такое. Слишком много слез, слишком много…»

Андрес остался один-одинешенек. Он провел в «Ла Масии» пять лет: с 12 до 17. То были долгие и трудные пять лет, но ничто не сравнится с той первой ночью, когда даже старые камни «Ла Масии», казалось, проливали слезы по маленькому мальчику из Ла Манчи.

V. Папа

Я хотел, чтобы мой сын стал тем, кем хотел быть я: футболистом.

Хосе Антонио, отец Андреса

Вероятно, Андрес Иньеста стал футболистом потому, что Хосе Антонио им не стал. Никто не приложил больше усилий к тому, чтобы будущий капитан «Барселоны» стал профессионалом, чем его отец, человек, который сам поигрывал в футбол и даже заработал себе прозвище Дани – в честь техничного и хитроумного вингера, выступавшего за «Атлетик Бильбао». Хосе Антонио рискнул стабильностью своей семьи и собственной профессиональной карьерой ради Андреса и всегда внимательным образом следил за каждым новым этапом в карьере сына, начиная с первых просмотров в «Альбасете» и заканчивая «Барселоной». Ему всегда было интересно, видели ли тренеры Андреса его так, как видел мальчика он сам. И каждое лето он переживал одни и те же чувства, терзался одними и теми же сомнениями и лелеял одни и те же надежды.

«С первого дня, когда Андрес присоединился к «Барселоне», я пытался свыкнуться с этой неопределенностью, с незнанием того, что случится с Андресом на следующий сезон. Это чувство не покидало меня даже после того, как он подписал свой первый профессиональный контракт, – говорит Хосе Антонио. – Что если он не задержится там? Что если он им не подойдет? Что если…? Одни и те же вопросы появлялись снова и снова, сколько бы ты ни убеждал себя, что с каждым сезоном он становится только сильнее. Вначале, когда я стал водить его на просмотры, я думал, что у него все может сложиться удачно. Но я не знал наверняка. Это была лотерея. Ты никогда не знаешь точно, никогда не можешь заставить себя поверить, что это *точно* случится, но никогда не теряешь надежды. Я всегда был очень осторожен, может, даже излишне осторожен. Я всегда видел суровую сторону футбола, понимал, насколько это конкурентный вид спорта, как тяжело там преуспеть. Я никогда не разделял взглядов людей, говоривших: «У тебя точно все получится». Я так никогда не говорил. У меня была надежда, само собой. Я надеялся, что однажды мой сын станет тем, кем не смог стать я: футболистом. И эта надежда, мысль об этом превалировала в моей жизни; она стала тем, что поддерживало огонь во мне».

Не все в Фуэнтеальбилье сходились с ним во взглядах. Но всякий раз, когда кто-нибудь сомневался в преданности Андреса идее сделать карьеру в футболе, Хосе Антонио давал им один и тот же ответ: «А кем вы хотите, чтобы он стал? Футболистом? Матадором? Официантом?» Никто не давал никаких ответов, только косо смотрели на меня. Я уверен, они думали, что этот маленький мальчик хотел стать футболистом только потому, что я сказал ему об этом, а не потому, что он сам действительно хотел этого. Футбол был моей страстью – это правда, я всюду водил его на матчи, в любое время, но эта страсть стала и его страстью тоже, причем с очень раннего возраста. Поначалу я просто смотрел на его игру; потом увидел, что он хорош; потом я корректировал его игру после каждого матча. Он выделялся на фоне остальных с самого начала».

Андрес знал, что, как только он сядет к папе в машину после очередной игры, ему придется отвечать на вопросы, которыми отец начинал его забрасывать и выслушивать его оценки своей игры. «Всегда только ради его блага», – говорит Хосе Антонио. «Ему повезло: он любил футбол, эта страсть жила глубоко в его сердце, она была даже сильнее моей, а кроме того, он всегда был очень умен. Он знал – не в последнюю очередь потому, что я сам всегда напоминал ему об этом, – что, несмотря на то, что я говорю ему, он всегда должен слушать своих тренеров. Я повторял ему: «Помни, Андрес, тренер всегда стоит во главе. Ты можешь быть как угодно крут, но если он говорит тебе одно, а ты поступаешь с точностью до наоборот, ничего хорошего не жди. Понял?» Я никогда не был из тех отцов, которые потакают своим сыновьям, если те не разделяют взглядов тренера, я никогда не говорил ему, что тренер ошибается. Я был ему отцом и наставником, разумеется, но я всегда повторял ему один и тот же посыл: «Если твой тренер говорит «белое», а отец говорит «черное», значит, на самом деле оно «белое».

Долгое время Хосе Антонио был отцом, тренером, консультантом и менеджером. Семье не всегда было легко понять это. Один такой пример – интерес «Барселоны» к Андресу, которого она захотела подписать после турнира в Брунете. «В воскресенье, когда турнир еще шел, они переговорили со мной, затем в понедельник мне позвонил Ориоль Торт, а я передал предложение Андресу, сообщив ему, что ему выпал шанс перейти в «Барселону». Он сказал «нет», но я настаивал: «Андрес, такие шансы надо использовать; больше такая возможность может не представиться». Но он был тверд: «Нет, пап. Я хочу остаться здесь, в городе, вместе со всеми; я тут счастлив. Я никуда не еду». У меня не оставалось выбора, кроме как позвонить господину Торту

и сказать ему: «Послушайте, мне очень жаль, но в данный момент он ехать не готов. Не в этом году, по крайней мере». Андрес провел предсезонку с «Альбасете», а я тем временем не переставал ему напоминать; каждую нашу поездку повторялся один и тот же разговор. Я говорил: «Если скажешь «нет», значит, нет. Но тебе стоит тщательно обдумать эту возможность, Андрес. Они могут больше тебе не позвонить». И так продолжалось каждый день два месяца подряд, пока однажды он не сказал: «Пап, можешь позвонить господину Торту?»

Поскольку его выбрали лучшим игроком в Брунете, он получил поездку в парк развлечений Порт Авентура в качестве приза, – продолжает Хосе Антонио. – На дворе стоял сентябрь, начались занятия в школе, а с ними и футбольный сезон, так что я спросил у Торта: «У вас еще есть местечко для моего сына?» «Конечно, – ответил он. – Для Андреса местечко найдется всегда». Так что из Порт Авентуры мы поехали прямиком в Барселону. Нам показали «Ла Масию», а мне пошли навстречу, когда я предложил им поставить Андреса на игру с кем-нибудь из ребят, занимавшихся в их академии. Я хотел узнать, на что он способен, хотел убедиться в своей правоте на его счет. После матча мы отправились домой, а несколькими днями позже Андрес сказал мне: «Пап, хочу туда поехать. Еще можно поехать в Барселону? Можешь им позвонить, пожалуйста?»

> ЕМУ ПОВЕЗЛО: ОН ЛЮБИЛ ФУТБОЛ, ЭТА СТРАСТЬ ЖИЛА ГЛУБОКО В ЕГО СЕРДЦЕ, ОНА БЫЛА ДАЖЕ СИЛЬНЕЕ МОЕЙ.

Они поменялись ролями. Теперь сын был убежден в необходимости ехать, тогда как отец начал предупреждать его о возможных трудностях. «Я сказал ему: «Помни, что, если поедешь туда, тебе придется провести там не месяц и не два; тебе придется пробыть там по меньшей мере год». А он отвечал: «Да, год это нормально. Я продержусь там год, обещаю». Потом он сделал первый шаг. Он *сам* сделал его, пусть даже хотел угодить мне, – Андрес всегда думает о других больше, чем о себе самом. Он был таким и в детстве, и остается таким до сих пор, ведь теперь он стал отцом. Я уверен, что он говорил себе: «Если я не поеду, я подведу папу; если он говорит, что этот поезд приходит только однажды, значит так и есть». Он был очень смел. Очень. Я не знаю, сколько 12-летних пацанов поступили бы на его месте так же. Я бы отдал свою правую руку, лишь бы он только поехал в Барселону, потому что хотел, чтобы он играл за лучший из клубов. Но решение предстояло принимать ему».

Трудно решить, кому оно далось труднее: Андресу или Хосе

Антонио. Оба страдали, у обоих из головы не выходили слова друг друга, оба находились под давлением. Хосе Антонио думал о своем сыне… о сыне-футболисте. О сыне, играющем в футбол за «Барселону».

Бывали дни, начиная с того самого первого дня Андреса в «Барселоне», когда Хосе Антонио всерьез раздумывал о том, чтобы поехать в столицу Каталонии и забрать своего сына домой, вернуть его в родную Фуэнтеальбилью. Мари, жена, убеждала его не делать этого, но она видела, как сильно он страдает, и это едва не вынудило ее сдаться. «Был момент, спустя где-то недели две после нашего расставания, когда я сказал Мари: «Если все будет продолжаться так, Мари, я поеду и заберу его, я привезу его домой. Иначе тебя ждет депрессия».

Было трудно. Мы ездили повидать его на выходных, но каждое наше прощание было настоящей пыткой. Мари теряла своего сына: она не могла спать, она заходила в пустую комнату Андреса и сидела там. Я старался избавить ее от негативных мыслей и продолжал повторять ей: «Все будет хорошо… другим мальчикам ничуть не лучше. Это как с двоечником в школе. Если бы он отправился в Мурсию на учебу, его бы тоже здесь не было. И я вот что тебе скажу: если он тут останется, будет работать в баре, как-нибудь утром он встанет часов в шесть утра и свалит отсюда с косяком в руке. Тут эта участь ждет всех. Если он останется там, ты будешь уверена, что за ним приглядывают, ты будешь знать, что он учится, играет в футбол. Я не знаю, что лучше: тебе решать. Если ему повезет и все сложится удачно, он сможет объединить семью навсегда».

«Одна из лучших черт Андреса в том, что он все рассматривает через призму семьи, – говорит Хосе Антонио. – Когда в семье напряжение, он разряжает атмосферу; когда появляются проблемы, он их решает. Все мы крутимся вокруг него, все вокруг вращается вокруг его личности. Он всегда в курсе каждой детали, всегда настроен дать нам все, в чем мы нуждаемся; он подходит к проблемам других людей как к своим собственным. Когда я встаю утром, меня в телефоне уже ждет сообщение: «Пап, ты как?» Если бы у меня был другой сын, я не знаю, что бы я сделал; не знаю, вел бы я себя так же. Я никогда не хотел, чтобы Андрес страдал тогда, и не хочу, чтобы он страдал теперь».

Андресу было нелегко ужиться со своим «футбольным» отцом. Андрес, конечно, никогда не скажет этого, но отец это признает. Достаточно будет одного примера: «Однажды я зашел слишком далеко… слишком, слишком далеко, – вспоминает Хосе Антонио. – Шел первый его год в «Ла Масии». Его тренера

Урсикинио Лопеса не было, так что на несколько матчей руководство командой взял на себя Рока. Андресу было двенадцать, шел тринадцатый год. В тот уикенд я отправился в Барселону вместе с Мари, просто на пару дней, заодно и на игру Андреса посмотреть. И тогда я обезумел. Когда я смотрел на него, я чувствовал себя курицей, носящейся по курятнику, пока все ее цыплята в беспорядке бегают вокруг. После матча мы забрали Андреса, а когда приехали в отель, я сказал Мари: «Выйди на минутку, я хочу поговорить с Андресом лично». У меня никак не выходило из головы увиденное; я до сих пор не мог поверить своим глазам: он не бегал, он едва двигался, это был совсем не тот Андрес. И я начал отчитывать его…

Я был очень несправедлив к нему. Зачем мне вообще понадобилось это делать? Не было никакой нужды. Дело в том, что я очень сильно завожусь в такие моменты. То, что происходило на поле, не было его виной. Вовсе нет. Я осознал это позже, когда стал размышлять об этом, и потом извинился перед ним. Я повел себя эгоистично. Но в тот день после того разговора мы оба обливались слезами: я таращил глаза, а он просто сидел тихо, стараясь не заплакать, и, наверное, думал: «Почему мой папа говорит мне такие вещи?»

Когда я увидел его в таком состоянии, я не знал, что мне делать. Я чувствовал себя ужасно. Я не знал, надо ли мне вернуть свои слова назад или сделать что-то другое… а потом я, конечно же, ввязался в перепалку с Мари. Андрес был таким маленьким. Со временем он понял, что мои слова были сказаны ради его же блага. Я всегда был очень прямолинейным, всегда был откровенен с ним. Я хотел, чтобы он учился. Он знает, что я всегда настаивал: чтобы быть футболистом, нужно много и упорно работать, нужно быть честным. Талант дается природой, но всем остальным нужно работать. Если ты не работаешь, ты усложняешь жизнь своим партнерам. Вас на поле 11 человек, а не ты один. Он это знает. Но я знаю также, что в тот день я зашел слишком далеко. Слишком».

Хосе Антонио Иньеста хочет, чтобы люди знали: его намерения были благими. Просто такой он человек – каменщик, зарабатывавший на жизнь тяжким трудом от зари до зари, он работал каждый день, строя здания в Фуэнтеальбилье, и долгие часы проводил на лесах. Самого себя он называет человеком, «рискнувшим всем ради Андреса».

«Мне повезло, потому что все сложилось благополучно, – говорит он. – Если бы нас постигла неудача, я не знаю, что стало бы со мной. Я мог потерять все. Риск был колоссальным, а шанс на успех – один из ста, один на тысячу. Он уехал от нас 12-

летним. Люди спрашивают у меня, почему я не поехал вместе с ним в Барселону. Клуб ведь предлагал мне дом там, а моей жене работу, но я не захотел ехать. «Спасибо, но когда я вернусь сюда, я приеду затем, чтобы насладиться игрой своего сына. Если повезет, конечно. А если нет, я продолжу жить и работать в своем городе, – отвечал я. – Ради чего мне было туда ехать? А если бы в конце того года они сказали Андресу «до свидания», что тогда? Я бы потерял свою работу и там, и здесь. Мы бы превратились в посмешище. Так поступать нельзя. Я знал, что нам придется идти на определенные жертвы четыре года, может, пять лет, что нам придется справляться с трудностями, что ситуация будет сродни тому, что у нас отняли ребенка. Но все, за чем стоит гнаться, дается тяжело».

* * *

Андрес вскоре обжился в «Ла Масии», но страхи Хосе Антонио не исчезли. Теперь он больше переживал не за Андреса Иньесту-сына, а за Андреса Иньесту-футболиста, игрока «Барселоны» и сборной Испании. Как-то раз, во время Чемпионата Европы U-16, на котором Андрес играл просто отлично, а затем травмировался и вынужден был вернуться в Барселону, чтобы пройти курс лечения – у Хосе Антонио случился спор с директором молодежной структуры «Барсы» Хоакимом Рифе.

Переговоры о первом контракте игрока с клубом складывались особенно неприятно. «Меня пригласили на встречу в отель Rallye, – говорит он, – тот же отель, в котором останавливались в ту самую драматичную ночь, когда оставили Андреса в слезах в стенах «Ла Масии».

На встречу пришли Чарли Решак, Жоан Лакуэва и Рифе – люди, стоявшие во главе молодежного футбола в клубе. Предполагалось, что встреча будет тайной, но как только я приехал в отель, я тут же наткнулся на бывшего сальвадорского футболиста «Махико» Гонсалеса, стоявшего у ресепшена отеля. Он сказал мне: «Они вас ждут!» Я только приехал, сильно устал после рабочего дня и долгого путешествия в этом проклятом Ford Orion, который наматывал тысячи километров от Альбасете до Барселоны и обратно с открытыми окнами, потому что кондиционера в нем не было, а стрелка температурного датчика уходила в красную зону – я всякий раз трясся, боясь, что машина сломается где-нибудь на полпути к цели. И вот я услышал его слова и подумал: «Не лучшее начало». Встреча все продолжалась и продолжалась, пока я не сказал, что нам пора уже прекратить

ходить вокруг да около.

Просто составьте контракт так, как подобает, положите его перед нами на стол, мы посмотрим на него, а уж *потом* поговорим!

«Я был очень обеспокоен», – продолжает Хосе Антонио. Он знал, что «Барселона» только что заплатила 5 миллиардов песет за аргентинского форварда Хавьера Савиолу, и теперь все выглядело так, что клуб не настроен давать хороший контракт его сыну. «Он мог перейти в «Реал Мадрид» в любой момент, достаточно было захотеть, но он никогда этого не хотел. А я никогда не принуждал его к этому. На самом деле неважно, что говорят люди, я никогда ни с кем не общался из представителей их клуба. Трижды люди из «Мадрида» пытались выйти на нас через третьих лиц; но я никогда не разговаривал напрямую ни с кем из этого клуба. Карлос Сайнс, раллийный гонщик, хотевший стать президентом «Мадрида», звонил мне, но я не подошел к телефону. Я не ответил и Хосе Антонио Камачо, когда он был тренером «Реала». Его ассистент Пепе Карселен позвонил мне и сказал: «Будет ли Андрес готов прийти в «Мадрид», если мы выплатим сумму отступных за него?» «Нет, никогда! – ответил я. – Андрес очень счастлив на своем месте, и он останется здесь, если только что-то не изменится в одночасье».

Однако правда, что однажды я сказал Хесусу Фарге, руководившему молодежным футболом в «Барселоне»: «Он не может оставаться здесь после всего, что случилось с его контрактом. Мы поедем в Мадрид!»

Разумеется, в «Мадрид» Андрес так никогда и не перешел; ни мальчиком, ни взрослым игроком, и причина тому – Хесус Фарга. Хосе Антонио вспоминает: «Хесус хотел подписать контракт с Андресом. Он говорил: «Не волнуйтесь, я поговорю с Жоаном». Жоаном был Жоан Гаспар, тогдашний президент «Барселоны». И три месяца спустя нам, наконец, предложили контракт. Весьма неплохой.

«До этого у нас были проблемы, потому что я не хотел просто подписывать стандартный контракт, какой подписывали все игроки молодежки. Я не хотел этого. До сих пор помню, как Лоренсо Серра Феррер вызвал меня в свой офис, усадил в кресло и спросил: «Почему он все еще не подписал контракт?» А я отвечал: «Вы его читали? Я не могу подписывать контракт, который свяжет мальчишку до 22–23 лет». В конце нашей встречи никто из нас не остался доволен ее исходом, но такова жизнь.

«Я уже шел к машине, когда господин Торт подошел ко мне и сказал: «Не волнуйтесь, господин Иньеста, ваш сын не уйдет от нас. Я позабочусь об этом, пусть даже это станет последним моим

делом на посту! Если будет нужно, я лично позвоню президенту, Хосепу Нуньесу». Это придало мне уверенности. А два месяца спустя Серра Феррер дал Андресу шанс проявить себя в первой команде. У него было чутье на талантливых молодых игроков. Как-то раз мы смотрели матч молодежной команды, и я обратил внимание на одного парня из Андалусии: высокого, сильного, огромного. Я сказал Серра Ферреру: «Если бы только Андрес был чуть больше! Какая жалость!» А он повернулся ко мне и сказал: «Поверьте мне, Хосе Антонио, ему совсем не нужно быть большим. Он будет одним из лучших игроков, каких только давал миру испанский футбол… а этот пацан? Он не поднимется выше Сегунды Б. Без шансов. Почему? Потому что от шеи и выше у него только… воздух! Андрес, может, и невысок, но его 172 сантиметра – это 172 сантиметра чистого таланта и футбола, пускай в «Барселоне» по-прежнему много людей, которые еще это не признали».

Серра Ферреру хватило смелости допустить Андреса до тренировок с первой командой, когда ему было всего 16 лет. Когда Андрес рассказал мне об этом, я ушам своим не поверил. Он никогда не врет, но я все равно не поверил ему, пока не увидел это в новостях по телеку; там крутили кадры, как он бегает и тренируется с первой командой. Я знаю, что Луи ван Галу об Андресе рассказал именно Серра Феррер; они вдвоем отправились на «Мини Эстади», чтобы посмотреть матч, и Серра Феррер сказал голландцу: «Присмотритесь к 10-му номеру, может, он вам приглянется». А потом уже сам Ван Гал стал каждый день привлекать Андреса к работе с первой командой. Они оба сыграли огромную роль в карьере Андреса».

* * *

Несмотря на все свое упрямство, Андрес был послушным и всегда прислушивался к тому, что говорили ему отец и тренеры. Он всегда уважал авторитет, и это видно до сих пор, несмотря на то, что теперь он и сам обладает немалым авторитетом. «Думаю, что это одно из самых больших его достоинств… но также это и недостаток, особенно когда заходит речь о его статусе в футболе и месте, которое он заслуживает в нем, – говорит Хосе Антонио. – Но такой уж он человек. Я был более эгоистичным, чем он, я был больше бунтарем. Я не скажу, что он пассивный или склонный к подчинению, но то, что он всегда принимал чужую власть, – факт. Он принимал и мирился с решениями, которые не всегда шли ему на пользу. Впрочем, в конечном счете все вышло совсем не так

плохо. Он всегда был очень щедрым и благородным, а в футболе это редко встретишь. Помню, что в детстве он забивал голы пачками. Он всегда был великолепным дриблером, он видел следующий маневр на поле за секунду до всех остальных и здорово умел ускоряться. Раньше он много забегал в штрафную. На молодежном уровне он мог делать абсолютно все – у него был талант ко всему».

Включая и талант бомбардира, но потом… «Все изменилось, когда в 16 лет он попал в «Барселону Б» и там его поставили на позицию «четверки» – он стал играть глубинного полузащитника, как Гвардиола, Милья, Хави, Селадес, Де ла Пенья… Это отдалило его от чужих ворот, – говорит Хосе Антонио. – Помню, что люди тогда стали называть его новым Гвардиолой. Его заставляли играть в манере, не очень подходившей его игровым характеристикам. Он никогда не терял мяч и хорошо перехватывал передачи, но перестал отдавать голевые передачи и забивать. Ему приходилось играть за других. А когда Ван Гал вызвал его в первую команду, в ней уже были Ривалдо, Клюйверт и Рикельме. Тренироваться с такими игроками 17-летнему мальчишке было непросто, тем более такому мальчишке, как он: скромному и послушному. Другие вовсю упивались своей игрой и не пасовали партнерам, даже самому Ривалдо. А пару лет спустя в команду пришли Это'о и Роналдиньо. Он был у них в услужении и всегда думал о других больше, чем о самом себе».

Хосе Антонио считает, что в «Барселоне» Андрес играет не так, как в сборной Испании, где он чаще исполняет главную роль и реже ассистирует другим футболистам. В сборной он больше звезда. И в таком качестве его отцу нравится видеть его: «В сборной у него больше свободы, там немного другой стиль игры. И время от времени он забивает голы, просто, чтобы напоминать всем, что умеет делать и это, знаете ли, – шутит он. – Я до сих пор помню победу 2:1 над Чили на Чемпионате мира-2010 и гол в ворота Парагвая, забитый после одного из его фирменных проходов, в которых он так хорош: он обыгрывал одного игрока за другим. Они пытались сбить его с ног по меньшей мере трижды, но он продолжал движение, а потом отдал пас на Педро, пробившего в штангу, после чего уже Вилья добивал мяч в сетку. Он хорошо сыграл на Чемпионате мира, и это после трудного сезона. Напомню вам, он всегда был хорош в составе сборной. Луис Арагонес и Дель Боске всегда доверяли ему и очень в него верили. А игроки это чувствуют».

Но из всех тренеров больше всего Андресу доверял, пожалуй, Гвардиола. «Я как отец никогда не смогу отблагодарить его как следует за все, что он сделал, – говорит Хосе Антонио. – Никогда.

И дело касается не только футбола, а всего вообще: он повлиял на Андреса, как на личность. В самые трудные моменты он всегда был рядом с ним, всегда был готов помочь ему найти выход из положения».

VI. Мудрец

К тому времени я уже знал, кто
такой Андрес. Все в «Барсе» его знали.

Лионель Месси

Я до сих пор не понимаю, что в точности произошло. В день, когда я должен был дебютировать за «Барсу» категории U-13, я проспал. В предшествующую ночь я спал в комнате старших ребят, и мы с ними очень долго разговаривали. Я не помню, в котором часу пошел в кровать, но было уже поздно, очень поздно. Я спал так крепко, что не услышал будильника. Ничего не слышал.

Мне повезло, что мы играли на «Мини Эстади», расположенном очень близко к «Ла Масии», потому что, если бы стадион был далеко, я не знаю, что бы случилось. Помню, что меня пришли будить, и я, даже не позавтракав, сразу пошел в раздевалку. Мы играли против команды «Синко Копас Пенья» и победили 8: 0, а я забил четыре гола. Да, я раньше забивал – вы не знали? Таким вышел мой официальный дебют за команду молодежной академии «Барселоны». Неплохим таким. Но представьте: проспать в день собственного дебюта. Учитывая мою застенчивость, можете представить, как неуверенно я заходил в раздевалку, зная, что опоздал.

* * *

Урсикинио Лопес, подлинный художник и мастер Ла Масии, не знал, что случилось. Игра должна была вот-вот начаться, а Андрес до сих пор не явился. Он воображал себе все возможные варианты событий, но ни секунды не думал о том, что случилось на самом деле – ведь Андрес никогда не просыпал. И вот в самый последний момент малыш из Ла Манчи явился, чтобы впервые облачиться в футболку «Барсы». Едва игра началась, как он подхватил мяч и начал танцевать с ним – свой особенный шарм он стал придавать игре команды с самого первого матча.

«Он играл в характерном для себя стиле: в равных пропорциях смешивая рассудительность и утонченность, которыми всегда обладал, – говорит Урсикинио. – И хотя сама мысль об этом ему не нравилась, он был главной звездой команды. Он играл в полузащите, но связывал игру команды с

действиями форвардов, очень в стиле молодого Луиса Суареса». Урсикинио говорит об испанском Суаресе – единственном испанце, выигрывавшем «Золотой мяч», это было в 1960-м.

Суарес был галисийцем, триумфально выступавшим за «Барселону», но так и не сумевшим выиграть с ней Кубок чемпионов, который заслуживал своей игрой – свой финал в Берне он проиграл «Бенфике» Белы Гуттмана (2: 3). Позже он получит всеобщее признание в годы выступления за миланский «Интер», с которым выиграет два Кубка чемпионов. В Андресе было что-то от Луисито, как называет Суареса Урсикинио. Наследником элегантного мастера, выросшего на улицах Ла Коруньи, где он пинал импровизированный матерчатый «мяч», стал мальчик, занимавшийся тем же самым на улицах Фуэнтеальбильи.

«Андрес обладал умением в нужный момент врываться в штрафную; он мог исполнить последний пас, забивал голы, но самое главное – он вносил невероятный вклад в то, как играла его команда, – говорит Урсикинио. – Андрес играл «десятку», хотя оказывался и на позициях «четверки», и шестого номера, и даже восьмого», – говорит Урсикинио, оперирующий цифрами для обозначения позиций, к которым прибегал Йохан Кройфф, пришедший тренировать «Барсу» в 1988-м, за восемь лет до прихода Иньесты. «Десяткой» был лево-центральный полузащитник (на этой позиции Иньеста играет в «Барселоне» и теперь). № 6 играл за спинами форвардов (в годы Кройффа это был Бакеро). «Четверкой» был центральный полузащитник (сначала Гвардиола, потом Хави, теперь Бускетс), а 8-й номер носил на спине право-центральный хавбек (Эусебио). Влияние «Дрим Тим» Кройффа было повсюду – эта команда изменила наше восприятие современного футбола.

«В команде U-13 мы играли по схеме 3–4—3 с «ромбом» в полузащите. Но Андрес обычно играл везде, где оказывался мяч. Думаю, что мяч сам зазывал его к себе: «Пожалуйста, подойди сюда, Андрес, я тут». Так было и в той первой игре Андреса за «Барсу», когда он еще с красными заспанными глазами и слегка смущенным по причине опоздания на игру видом вышел на поле.

У него было это умение отдать и открыться, – говорит Урсикинио. – Он мог пройти мимо одного, двух, трех соперников. Он проделывал это с такой легкостью, что ты воображал, что и сам можешь так же. У него было – и до сих пор есть – очень четкое представление о футболе, а кроме того, техника и мастерство, необходимые для воплощения такого видения игры на практике. Он имел огромное превосходство над соперниками. Если он до сих пор им обладает, представьте, каким оно было в

детские его годы».

Урсикинио знал чего ждать, потому что Ориоль Торт сказал ему, что в команду из «Альбасете» едет «настоящая жемчужина». «За день до его приезда Профессор пришел ко мне и сказал: «Ты получишь в свое распоряжение этого мальчишку, которого мы подписали на турнире в Брунете. Да, того, которого видел Бенайхес. «Мадрид» тоже хотел его, но он захотел перейти к нам».

Как всегда краткий, Профессор не хотел слишком сильно рекламировать мальчика Урсикинио, в которого очень верил. Хотя Торт был человеком, которым двигал энтузиазм, он не хотел слишком сильно задирать планку ожиданий. Но если зоркий глаз Мани, его андалусского друга, которому он доверял на все сто, не лгал, сомнения нужно было отставить в сторону.

«Он целиком твой», – сказал Торт Урсикинио.

«Казалось, что ему все дается очень легко. Он так плавно и легко уходил от соперников, так здорово видел партнеров и умел разглядеть лучший вариант для паса. Если бы он мог проделывать то же самое на более взрослом уровне, никаких проблем у него бы не возникло. «Он будет играть за первую команду», – поговаривали мы, наблюдая за его игрой. Единственной возможной проблемой для него могла стать его «физика». Мы не знали, сможет ли он при своих хрупких габаритах справляться с давлением крепких соперников, которое его ожидало в будущем», – признается Урсикинио, не знавший тогда, что подобную проблему уже успешно разрешали в 500 километрах от Барселоны.

Абелардо и Хулиан, друзья детства Андреса по Фуэнтеальбилье, которые были старше его на четыре года и пять лет соответственно, нашли ключ к решению задолго до тренеров «Барсы». Ни его возраст, ни физическая стать не должны были стать проблемой. Если он смог «выжить» на непрощающих ошибок полях родной деревни, что сможет помешать ему преуспеть на зеленых ковровых дорожках тренировочных полей «Барселоны»?

> АНДРЕС ИГРАЛ «ДЕСЯТКУ», ХОТЯ ОКАЗЫВАЛСЯ И НА ПОЗИЦИЯХ «ЧЕТВЕРКИ», И ШЕСТОГО НОМЕРА, И ДАЖЕ ВОСЬМОГО.

«На самом деле он вводит тебя в заблуждение даже в этом аспекте своей игры, даже своими габаритами, – говорит Урсикинио. – Ты смотришь на него и понимаешь, что футболка на нем едва держится, кажется, что, если сейчас подует сильный ветер, его унесет с поля. Он выглядит таким хрупким, но, несмотря на это, успешно выдерживает тест на физические

испытания в каждом матче без каких-либо проблем. Он всегда находится в эпицентре событий – с первого касания в матче и до последнего – как будто никогда не устает. Иногда я говорил себе: «С учетом того, сколько он пробежал в первом тайме, во втором он не продержится и пяти минут!» Но он держался еще как. Его ритм никогда не замедлялся и не падал. Он всегда играл одинаково». Ту же удивительную выносливость мальчик показал и в день своего дебюта, когда приехал с опозданием и вышел на поле, даже не позавтракав, а потом забил четыре гола.

«Иногда, когда мы играли на грунтовом поле, находившемся рядом с «Камп Ноу», где теперь стоянка для машин, Оливе подходил ко мне и спрашивал: «Как сегодня играет Мудрец?»

Урсикинио со смехом отвечал: «Посмотри сам, Оливе. Он играет здорово, как и всегда, делает свое дело». Мудрец – Андрес – творил на тренировках невероятные вещи. «Мы сами должны платить им за возможность посмотреть на этих ребят, вместо того чтобы получать деньги от них», – в шутку говорил Урсикинио своему ассистенту Хоакину.

Когда Урсикинио заполучил Андреса в свою команду U-13, он почувствовал, что перед ним один из его кумиров. Андрес был мальчиком из Ла Манчи, но также он был маленьким галисийским талантом и каталонским пацаном в одном лице: он был Андресом, Суаресом и Фусте одновременно.

Он покрывал огромные расстояния на поле и знал, как спрятать мяч от соперников. «Иногда я и сам терял мяч из виду, – говорит Урсикинио. – Мы отрабатывали удары по мячу левой ногой, нерабочей для него, но некоторым игрокам каким-то образом удавалось добиваться того, чтобы мяч всегда прилетал им под рабочую ногу. Так было в случае Андреса и его правой ноги. Что же до игры головой, то не думаю, что хоть раз видел, как он бьет по мячу головой. Она была ему нужна для других вещей. К примеру, взгляните, как он обороняется. Он защищается, блестяще выбирая позицию, и всякий раз, когда оказывается с соперником один на один, выходит из единоборства с мячом. Он не совершал длинных забегов в попытке отобрать мяч, вместо этого он полагался на интуицию, благодаря которой оказывался в нужном месте в нужное время и обкрадывал соперника, лишая его мяча в тот момент, когда все меньше всего этого ожидают. С нами он такое вытворял постоянно».

Тренер признается, что личного общения с Андресом у него было мало: он видел его только в раздевалке, а потом на поле. Пока тренер команды U-13 работал каждый день с восьми утра до трех часов дня, Андрес в это время занимался в школе имени Луиса Вивеса вместе со своим другом Хорхе Тройтейро.

* * *

«Мы были самыми младшими в «Ла Масии», и за нами приглядывали наилучшим образом, – говорит Тройтейро. – Я приехал туда на неделю раньше Андреса, и те дни были непростыми для меня. Вот почему я был счастлив, когда он приехал, я был рад, что у меня появилась компания, а я сам больше не самый младший в академии. Пуйоль, Рейна, Мотта, Артета – все они были старше нас. Неделя в «Ла Масии» – это очень долгий срок, хотя на первый взгляд может показаться иначе. Я был более привычен к тамошней обстановке, чем Андрес. К тому же я был более дерзким, открытым и разговорчивым. Он был скромнягой; и до сих пор им остается.

В «Ла Масии» мы делили двухъярусную кровать. Поначалу нас поселили в одну комнату с баскетболистами. Их было пятеро или шестеро, а нас только двое. Андрес спал на нижней кровати, а я на верхней. А Пуйоль за нами все время приглядывал. Пуйоль и Виктор Вальдес следили за тем, чтобы никто нас и пальцем не смел трогать. Они здорово приглядывали за нами. Защищали нас».

«Андрес всегда был бледен; у него почти всегда были покрасневшие глаза и очень бледное лицо. Он выглядел опечаленным, но в то же время я понятия не имел, как на самом деле он страдает, – говорит Пуйоль. – Я был самым счастливым пацаном на свете, потому что «Барса» выбрала меня и дала возможность попасть в «Ла Масию». Чего еще желать? Ничего, абсолютно ничего. Андрес же все еще был очень маленьким мальчиком. В то время не мог понять, что он чувствовал на самом деле. Для меня приход в «Ла Масию» был сбывшейся мечтой, я оказался там, куда всегда желал попасть.

Он тоже хотел там оказаться, но страдал так, как никто себе не мог представить. Все мы разные. К примеру, я никогда никому не звонил по телефону, четыре месяца не ездил домой, а ко мне никто не приезжал, чтобы проведать. Но я был очень доволен таким раскладом», – говорит бывший капитан «Барсы», который тогда был слишком занят попытками доказать людям их неправоту на его счет.

С тех пор как Пуйоль покинул грунтовые пустыри Поблы-де-Сегур, окружающие постоянно сомневались в том, что ему удастся сделать карьеру. «Я вам всем докажу, что способен играть за «Барсу», – повторял он самому себе из раза в раз. Никакого давления он не ощущал, только очень сильное желание преуспеть и веру в свои способности к этому. Ему потребовался месяц (самый долгий просмотр в истории «Барсы», как признает сам

Пуйоль), чтобы убедить тренеров открыть ему врата «Ла Масии».

Каждое утро он просыпался в доме Рамона Состреса – он теперь агент Андреса и его самого. И делал он это с той же неуемной энергией, которая привела его в Барселону из Ла Поблы. Речь идет о человеке, начинавшем вратарем, но ставшим в итоге одним из самых прославленных и легендарных центральных защитников в мире; чтобы достичь этой цели, ему пришлось сокрушить все препятствия, вставшие на его пути. И каждый день 12-летний мальчик и 18-летний юноша отправлялись в академию «Барсы» с надеждами на светлое будущее в первой команде: один был одарен изумительной техникой, другой наделен несгибаемой волей. Один шел на поле, с отвагой встречая все трудности, другой тащил на себе громадный эмоциональный груз.

«Однажды, – говорит Урсикинио, – когда я работал с командой U-18, Жоан Мартинес Виласека, тренировавший парней в команде U-19, подошел ко мне и сказал: «Мы собираемся ехать в школу в Таррагоне, чтобы сыграть там матч, и там будет парень, за которым мы наблюдаем. Он из Льейды». Этим парнем был Пуйоль.

Он играл на правом фланге и обладал очень впечатляющими физическими данными, – вспоминает он. – Со временем он обретет необходимую технику, которая дополнит другие его качества. Что я сказал ему? Я высказал ему свое мнение, опираясь на то, что мы увидели в тот день, и в итоге клуб его подписал. Впоследствии он добавил к своим физическим качествам технику и продолжил прогрессировать, превзойдя все ожидания благодаря своей выдающейся силе воли и невероятной решимости, которые всегда его отличали. С таким энтузиазмом он попросту не мог не добиться успеха. Но я должен сказать, что он был единственным исключением из правила, которое нам всегда повторял Пужолет».

Когда в «Ла Масию» приходили новые мальчики, они непременно знакомились с фразой Пужолета, которая нигде не была записана, но которую все принимали как данность. Пужолета не следует путать с человеком, бывшим капитаном «Барсы» при Райкарде и Гвардиоле. Луис Пужоль был знаменитым в 1960-е форвардом, дебютировавшим в «Барсе» в 17-летнем возрасте, а впоследствии ставшим скаутом в клубе под началом Профессора Торта.

«Пужолет всегда говорил нам: «Мне нужны игроки, которые знают, как играть». Андрес был как раз из таких. По мне приход Кройффа стал настоящим благословением для этих пацанов. В ту эру доминировали сильные, высокие, физически мощные игроки. Но с приходом Кройффа все изменилось. Посмотрите на Луиса

Милью. Когда «Барса» хотела подписать с ним контракт, все вокруг твердили: «Да что в нем нашли, у него никакой силы. Если слегка ослабить ремень на его штанах, они тут же упадут». Все смотрели на него с подозрением, но Жауме Оливе, один из тогдашних координаторов «Ла Масии», занял в переговорах с Хосепом Муссонсом, вице-президентом клуба, очень жесткую позицию, заявив следующее: «Он стоит миллион песет. Подпишите здесь, и мальчик останется».

Милья остался в «Барсе» и доиграл до дебюта на «Камп Ноу», после чего перешел в «Реал Мадрид». Этот переход родил еще одну знаменитую цитату Кройффа, оставшуюся для будущих поколений: «Да пусть уходит! Это не имеет значения», – сказал голландский тренер в 1990 году. Потом он спросил: «Кто лучший на его позиции из молодежи?» «Гвардиола», – отвечали ему. Так Йохан отправился на «Мини Эстади», где играли молодежные команды «Барселоны», посмотреть на игру лучшего футболиста «Ла Масии».

Он пришел на стадион, когда игра уже началась, и, дабы не поднимать ненужной шумихи, выбрал наименее приметное место из всех, но когда начал смотреть игру, оказалось, что Гвардиола даже не вышел на поле. «Если он лучший, то почему не играет?» – гневно вопрошал он. «У него силенок нет, он слишком легковесный», – отвечали ему.

В тот же год, в декабре 1990-го, Гвардиола дебютировал на «Камп Ноу», проследовав по пути Мильи, но лишь после того, как тренер бросил ему фразу, которую он никогда не забудет. «Ты играл медленнее моей бабушки», – сказал Пепу Йохан, после того как тот дебютировал в товарищеском матче в Баньолесе в мае 1989-го. Но Пеп не свернул с пути, которым после него проследовали Хави и, наконец, Иньеста – игроки, которым, как казалось, нет места в современном футболе, но которые в итоге стали его доминирующей силой.

* * *

Андрес Иньеста пришел в «Барселону» в 1996-м; Лионель Месси в 2000-м. Любопытно, что Андрес присоединился к клубу 16 сентября, а Лео 17-го. Приход двух игроков, чьи карьерные пути пересеклись на целое десятилетие и дальше, разделяли четыре года и один день, но переписывать историю клуба они будут вместе.

«Нет, я никогда не пересекался с Андресом в «Ла Масии», – говорит Месси, со скоростью света проходивший уровни

молодежной структуры «Барселоны». – Дебютировал в первой команде он в 17-летнем возрасте, прямо как Андрес – оба были вундеркиндами».

«Я никогда не жил в резиденции, потому что сначала жил с родителями в отеле у площади Испании, а потом мы нашли квартиру, – добавляет он. – Потом, когда моя мама и брат с сестрой вернулись в Росарио, я жил там вместе с отцом Хорхе. Иногда я ходил в «Ла Масию» поесть или пообщаться с другом, и к тому времени я уже знал, кто такой Андрес. Все в «Барсе» знали».

Во многих смыслах Иньесте и Месси очень повезло, что они присоединились к «Барселоне» после того, как Йохан Кройфф и его ассистент Тони Брюинс привезли на «Камп Ноу» Тотальный футбол. «Когда на авансцене появился Кройфф, футбол «Барселоны» пережил революцию, – говорит Урсикинио. – Со стороны он стал казаться более сложным, но на самом деле стал гораздо проще. Тони Брюинс поставил перед нами доску и начал рисовать на ней схемы упражнений на тренировку паса, а потом сказал: «Это позиционная игра, ключевой момент – передачи в одно касание; максимум дозволяется два, вы поняли меня?» Мы переглянулись, а потом кто-то, уже не помню кто именно, сказал: «И это все?» А Брюинс на своем примитивном испанском – он только приехал в страну – ответил нам: «Да, все. Футбол прост. Делите поле на треугольники, а потом стремитесь к тому, чтобы всегда владеть мячом и создавать преимущество – в этом ключ».

Ни Кройфф, ни Брюинс тогда не предполагали, что Тотальный футбол, который они привезли с собой в Барселону в 1988-м, в итоге будет улучшен, преобразован и поднят на новый уровень стараниями «Барсы». В случае же Андреса научить его чему-то новому было сложно. Тут скорее нужно было подтянуть некоторые аспекты, которых не хватало в его генетической «сборке».

«Иногда я размышляю о фантастическом чутье, которым обладал Кройфф, – говорит Урсикинио. – Понятно, что у него было много других достоинств помимо этого. Но такую способность – оказываться на шаг впереди всех – я наблюдал только у Йохана. Андрес был в «Ла Масии» благодаря взглядам «Эль Флако» на футбол. Некоторым игрокам нужно показывать какие-то вещи, объяснять, но только не Андресу. У него уже все было заложено в голове с рождения».

* * *

Впрочем, эра Кройффа уже ушла. Когда Андрес пришел в клуб, его философия уже не была на переднем плане жизни клуба, но идеи этого великого человека продолжали жить в «Барсе», несмотря на все взлеты и падения, которые переживал клуб. На дворе стоял 1996 год, начался сезон 1996/97, а это была уже эра сэра Бобби Робсона, эра Жозе Моуриньо, поначалу бывшего его переводчиком, а потом ставшего помощником. А также это была эра Роналдо, форварда-инопланетянина, безо всякого стеснения парковавшего свой звездолет на полях стадионов всех клубов высшего испанского дивизиона.

Это была эра «Барсы», которой почти удалось выиграть все, но которая в итоге проиграла чемпионский титул в последний момент потому, что ее главная звезда отправилась в Бразилию играть за сборную страны. Кроме того, это была «Барса» Гвардиолы, идола детства Андреса, Фигу, Луиса Энрике, Стоичкова, Блана и Попеску. Малыш из Ла Манчи мог обратить свой взор на маленькое поле рядом со стадионом, размеры которого даже не соответствовали официальным стандартам, и увидеть всех своих героев в деле. То тренировочное поле, располагавшееся между «Камп Ноу» и «Ла Масией», больше не существует. Забор, на который когда-то залезал маленький Андрес, все еще стоит, но поле превратилось в бетонированную парковку для автомобилей. Ворота вырвали из земли, а все следы их пребывания там стерли на веки вечные.

Когда Андресу выдавался выходной, он, снедаемый одиночеством, чувствовал себя еще более несчастным и много плакал. Урсикинио вспоминает, что Альберт Бенайхес, человек, очень любящий футбол, водил его в кино вместе со своим сыном, чтобы немного разбавить монотонное течение жизни мальчика и немного приободрить его.

«Это правда, что мы ходили в кино, но иногда в такие свободные деньки мы отправлялись в парк, где были большущие резервуары с губчатыми мячами, чтобы Андрес мог немного поиграть и развлечься», – говорит Бенайхес, тренер, подписавший его для «Барсы» после того турнира в Брунете.

«А когда его родители не могли приехать в выходной, чтобы повидать его, я обычно возил его домой к моей матери. Там он часами играл с моим приемным сыном Самуэлем. Они совершенно не похожи друг на друга. Самуэль чернокожий, он родом из Бразилии – Андрес же бледнее самой бледности. Моему сыну футбол не по душе – Андрес же без него жить не может. Они совсем не смотрелись вместе, но целый день проводили в компании друг друга», – вспоминает Бенайхес.

Хорхе Тройтейро тоже вспоминает дни, когда Бенайхес

помогал им убивать время, а с ним и скуку, донимавшую их в выходные дни. «Бенайхес приглашал нас к себе на обеды. И возил нас туда, где продавали орчату, потому что он очень любил ее».

Хосе, голкипер, встретивший Андреса по прибытии в «Ла Масию», вспоминает, какой была жизнь детей за этими старыми каменными стенами. «В «Ла Масии» твой дом – это твоя кровать. Ну, кровать и стол. Все твое там, – говорит он. – Много времени мы проводили «дома», то есть в кровати. Или бродили от комнаты к комнате и общались с другими пацанами. Внутри «Ла Масии» никто не делится на возрастные группы. Мы могли общаться часами, заговариваясь до бесконечности и почти всегда делали это лежа в своих кроватях». Наверное, именно по этой причине Андрес проспал свой дебют в команде Урсикинио.

«Чем мы занимались? Ну, обычно мы шли в сад позади «Ла Масии», где устраивали бесконечные футбольные матчи – если погода позволяла. Мы жили в своем собственном мире. Если мяч улетал куда-нибудь, где ему было не место, нам делали выговор, особенно старался Хуан, один из охранников. Поскольку он был одним из новичков, он был очень строг с нами; никто и прошмыгнуть мимо него не смел. Ферри, другой охранник, мог иногда с нами подурачиться. А Андрес, как и Хорхе, был самым разбалованным, потому что был самым младшим.

С ними двоими даже Хуан мог побаловаться. Если шкодили мы, то нас ждала суровая трепка всякий раз. Им же многое сходило с рук. Мяч порой закатывался во все углы «Ла Масии», весело было. Вспоминаю те времена и чувствую, как мурашки бегут по спине», – говорит Хосе.

> В КОНЕЧНОМ ИТОГЕ ТВОЙ СОСЕД, НРАВИТСЯ ТЕБЕ ЭТО ИЛИ НЕТ, СТАНОВИТСЯ ТВОИМ ДОВЕРЕННЫМ ЛИЦОМ, А ТЫ СТАНОВИШЬСЯ ТАКИМ ЛИЦОМ ДЛЯ НЕГО.

«Мы никогда не разлучались с ним, – говорит Хорхе Тройтейро. – Всюду ходили вместе: в школу, в столовую, в спальню, спать, везде. Когда объявляли отбой, мы начинали последнюю игру перед сном – на лестничной площадке у спальных помещений. Проходы к спальням служили нам воротами, и мы играли теннисными мячами, чтобы сильно не шуметь. Хотя, когда появлялся кто-нибудь из охранников – Ферри или Хуан, они обычно говорили нам одну и ту же фразу: «А ну-ка спать, быстро!»

Хорхе спал на верхней койке, а Андрес на нижней – каждое утро они вставали и шли в школу, и никто их не встречал у входа. Так текла их жизнь изо дня в день, и только маленькая зеленая

телефонная будка, стоявшая у входа в «Ла Масию», рядом с кухней, соединяла их с внешним миром.

Иногда родители мальчиков предпочитали не звонить им, чтобы не будить в них тоску по дому лишний раз. Лучше было оставить боль от разлуки в покое, не мешать ей, пока она дремлет, чтобы избежать слез сыновей. «Когда они мне звонили, я всегда плакал», – говорит Тройтейро, то же касалось и остальных мальчишек.

«Я наизусть знал номер «Ла Масии»; я до сих пор помню его, потому что звонил Андресу много раз», – говорит Ману, кузен, впервые известивший мир о рождении маленького гения в Фуэнтеальбилье и тяжело переживавший расставание с ним.

* * *

«Нет, я не плакал. И никогда не видел, чтобы плакал он, но мне рассказывали, что он плакал, да. Я прибыл в «Ла Масию» через два года после Андреса. Я приехал в самой середине августа», – объясняет Жорди Месальес, экс-игрок «Барселоны» и друг Андреса тех лет. – Я приехал в Барселону из деревни в Льейде, для меня попасть в клуб было очень большим достижением. Помню, что дома я постоянно рисовал рисунки – моя мама до сих пор их хранит, – которые подписывал словами: «Моя мечта – быть в «Ла Масии». Я был вне себя от счастья, когда оказался там. Не успел я приехать, как уже тренировался вместе с командой Андреса и играл с Тройтейро, Рубеном и Лансароте. Когда другие пацаны уезжали домой или их приезжали проведать семьи, я чувствовал себя в «Ла Масии» очень одиноко. До сих пор помню, как думал тогда: «Это тяжко, это очень тяжко», – говорит Месальес, который вскоре обнаружил, что и Андрес тоже страдает и мучается от тоски.

«Начиная где-то со второй моей недели там мы стали тусоваться вместе, – говорит Месальес, начавший свое знакомство с «Ла Масией» под «руководством» Андреса. – Мы прогуливались с ним от «Ла Масии» до тренировочного поля номер три – «наждачного поля», как мы его называли, – потому что при каждом падении ты делал себе очень больно – искусственная трава была очень жесткой, как наждачка. На том поле одновременно тренировались четыре команды. Каждая работала в своем углу.

Мы с ним оба одинаково проживали свои дни. Оба очень расслабленно и спокойно относились ко всем вещам. Нам было комфортно в своих комнатах, иногда мы смотрели телевизор, а

иногда читали в библиотеке «Ла Масии», будучи одними из немногих ребят, кто ею пользовался. Там была отличная коллекция книг, хотя по тому, какой пустующей она зачастую была, так и не скажешь. Мы были домашними ребятами, довольствовались очень малым. Если мы могли поговорить о футболе, мы уже были счастливы», – говорит он и начинает вспоминать истории, уходящие далеко за пределы одного футбола.

Хорхе Тройтейро вспоминает: «Как-то раз нас пришел проведать Виктор, и он сказал: «Я ухожу». Мы все были так удивлены. В ту ночь я очень много выплакал слез, потому что он был как брат для нас с Андресом. Я помню, как говорил ему: «Послушай, Виктор, я хочу отдать тебе этот крестик на цепочке в память обо мне – на случай если ты не вернешься».

Виктором, о котором тут идет речь, был вратарь-рекордсмен «Барселоны» Виктор Вальдес. «В конце концов все благополучно разрешилось, и Виктор остался с нами. Он так и не отдал мне цепочку с крестом, но это не страшно. Она принадлежала ему, я отдал ее ему навсегда», – говорит Тройтейро, сосед по комнате, партнер по команде и друг на всю жизнь.

Дружеские отношения занимали значительную часть времяпрепровождения молодых игроков в «Ла Масии». «Мы делились друг с другом секретами и посылками со съестным, приходившими из дома, – вспоминает Месальес. – Мои родители привозили мне из Льейды сладости и чипсы, которые всем очень нравились. У нас был свой маленький тайник в шкафчике в «Ла Масии». У нас был запирающийся шкаф и шкафчик с двумя выдвижными ящиками – один для спавшего на верхней койке, другой для нижней. Больше всего в «Ла Масии» мне нравилось то, что там все жили, как одна семья. Мы все друг друга знали, начиная от самых младших и кончая самыми старшими. Мы выстраивались в очередь к телефону – приходилось это делать, потому что из двух кабинок работала только одна, так что нужно было запасаться терпением и мелочью у поваров или охранников, иначе приходилось выстаивать еще дольше. Дом напоминал тот, что был в реалити-шоу «Большой Брат», только там было куда приятнее находиться, потому что мы там делили между собой все. Если ты приходил в столовую последним, тебе доставался самый последний стейк, тот, который выглядел хуже всех и которым побрезговали все остальные, но у меня все равно остались замечательные воспоминания о тех временах. Это был классный опыт.

Друг с другом мы проводили 24 часа в сутки, так что многие из нас нашли там отличных друзей. В конечном итоге твой сосед,

нравится тебе это или нет, становится твоим доверенным лицом, а ты становишься таким лицом для него». Жорди и по сей день друг Андреса, а время от времени и его доверенное лицо.

VII. Первая команда

Где он может играть? Андрес может играть где угодно; он гений.

ЛоренСо Серра Феррер – Луи ван Галу

Мальчишки были заняты обычным делом – смотрели за игрой «Барселоны» Ван Гала: голландский десант в лице Коку, Овермарса, братьев де Бур и Богарда составлял компанию Гвардиоле, Фигу и Луису Энрике. «Мы сидели между северной трибуной за воротами и боковой, неподалеку от углового флажка, на противоположной от главной трибуны стороне. Там мы сидели всей компанией». Жорди Месальес до сих пор не может сдержать эмоций, когда вспоминает те дни, даже несмотря на то, что ему не выпало шанса побыть болл-боем – в отличие от Андреса и Хорхе Тройтейро.

Тройтейро хорошо помнит тот матч: «Было дерби с «Эспаньолом», но нам не удалось насладиться им сполна. Люди постоянно швыряли в сторону поля зажигалки и прочие предметы, а мы были маленькими и находились как раз на самой линии их «огня». Нас поставили прямо за рекламный щит, и приходилось вставать на цыпочки, чтобы разглядеть игроков. Мы почти не видели происходящего на поле».

Все эти ребята приехали со всех концов Каталонии и Испании в надежде, что однажды там, на поле, окажутся они сами. «Я следил за Коку. Андрес любил Микаэля Лаудрупа, но он к тому времени уже ушел в «Реал Мадрид», так что теперь он следил за Гвардиолой; он глаз не мог от него оторвать», – говорит Месальес.

Тогда они этого еще не знали, но совсем скоро им выпадет возможность впервые опробовать газон «Камп Ноу»: там должны были состояться матчи престижного Nike Cup, своего рода чемпионата мира среди клубов в категории U-15. «Барселона» тогда дошла до финала турнира с Андресом, Тройтейро, Жорди и Рубеном в составе. Их тренером был Анхель Педраса, ставший первым выпускником «Ла Масии», дебютировавшим в первой команде. Это случилось в сентябре 1980 года, когда легендарный в прошлом игрок и тренер «Барсы» Ласло Кубала вызвал его в состав на игру Кубка УЕФА.

«Сыграть в том финале на «Камп Ноу» было невероятно, – говорит Месальес. – Вся главная трибуна была полна народу; пришло, наверное, тысяч двадцать. Нам было привычно сидеть в

том углу на противоположном конце, откуда мы смотрели матчи первой команды; теперь же мы вдруг сами оказались на поле, и люди смотрели уже на *нас*. Когда мы приехали на стадион, мы даже не знали, в какую сторону идти, чтобы попасть в раздевалку. Казалось, что повсюду туннели и длинные коридоры. Ты заходишь внутрь, переодеваешься и начинаешь идти. А потом внезапно перед тобой оказывается поле. Стадион выглядит колоссальным. Ты думаешь про себя: «Мы не сможем там играть, поле слишком большое. Мы слишком маленькие для него».

Ты мечтал сыграть там, но каким-то образом ни разу не представлял себе, каково это на самом деле. От сидения в углу ты проходишь путь до почти что игрока первой команды. Конечно же, упускать такую возможность мы не хотели; мы собирались выиграть тот финал. Теперь на нас смотрели все те, на кого смотрели мы сами. Помню, что там сидели Ван Гал, Гвардиола, Фигу, президент Нуньес…»

Финальный матч начался для «Барсы» плохо. «Нашим соперником был аргентинский «Росарио Сентраль». На групповой стадии мы разгромили их с крупным счетом, но в финале пропустили быстрый гол. Полагаю, что все из-за напряжения и статуса, который имела для нас игра. Стадион, поле – все казалось гигантских размеров. Будто конца и края им не было.

Жилберто, очень сильный и мощный бразилец, который был у нас в составе, играл впереди; Тройтейро играл на фланге; Андрес – в центре полузащиты; я играл сбоку от него, – продолжает Месальес. – У нас ничего не получалось вплоть до того, как Андрес перешел на позицию под нашим форвардом. Он всегда забивал очень много голов, пусть сегодня это и удивит многих людей, а потому нам было нужно передвинуть его выше по полю. Он очень часто оказывался в штрафной, куда врывался как раз вовремя. Мы поставили его и Тройтейро за спину Жилберто. Тройтейро был великолепен, он был очень силен. А на другом краю у нас играл Альфи. Андрес объединял всех вместе, он дирижировал командой. Мы играли по схеме 3–4—3, очень в стиле Кройффа. Думаю, что тогда так играли все молодежные команды «Барселоны»; например, я помню матчи «Хувениля А», в составе которого играли Артета, Вальдес, Рейна, Нано и Трашоррас, и они играли по той же схеме. Стратегия была рискованная, очень атакующая, очень смелая, но играть по ней было приятно, хотя и приходилось покрывать огромные расстояния за матч, что требовало от игроков большой энергичности. Ее преимуществом было присутствие дополнительного игрока в центре, откуда ты и контролировал игру, а кроме того, она позволяла атаковать большим числом. Мы

почти не отдавали сопернику мяч. И таким образом смогли перевернуть ход того финала.

Альфи сравнял счет со стандарта, исполненного Андресом, а потом сам Андрес забил победный гол после великолепного маневра Жилберто, который откатил ему мяч назад под удар. Когда Андрес забил, бутса слетела у него с ноги. Помню, что, пока мы пытались праздновать гол, он пытался отыскать свою бутсу. Гол был золотым и оказался блестящим завершением финала. И он был очень андресовским голом: он забил, набежав из глубины, со второй волны атаки из-за спин нападающих».

После финала Пеп Гвардиола вручил трофей Андресу, ставшему лучшим игроком финального матча. И этот эпизод дал намек на будущую судьбу обоих. «Через десять лет я буду сидеть на трибунах и смотреть на твою игру на «Камп Ноу», – сказал ему Гвардиола. Он был прав в главном, но ошибся в двух деталях: пройдет девять лет, а не десять, и сидеть Пеп будет не на трибунах, а на скамейке у поля в роли тренера Иньесты. Того самого Иньесты, которого вылепил Педраса и который дошел до ключевого момента своей карьеры, приковав к себе всеобщее внимание своей игрой за Кадет Б.

«Анхель Педраса – один из лучших тренеров, что у меня были, – говорит Месальес. – Он обожал учить и тренировать. Он все в подробностях нам объяснял и старался вытащить на свет наши лучшие качества. Мы вели с ним такие разговоры, после которых я погружался в глубокие раздумья о футболе и жизни в целом. Он всегда был честен и откровенен с нами, а игроки это ценят, даже будучи детьми. Он очень многое нам дал; мы научились у него очень и очень многим вещам».

Его влияние на Андреса было велико, а его роль в своем образовании и воспитании сам Андрес не забудет никогда. «Он был таким хорошим человеком, – вспоминает Андрес. – За день до его смерти я отправился в госпиталь повидать его и попрощаться. В жизни есть моменты, которые ты не можешь до конца прочувствовать и никогда не поймешь их значения до конца. Мы столько всего пережили с ним; выиграли с ним вместе тот турнир, но не только. Он был замечательным человеком. Мне нравится помнить его таким, каким он был, полным энергии и жизненных сил. Хороший был человек». В день, когда Педраса умер в 2011 году, став жертвой рака в возрасте 48 лет, Иньеста играл на поле стадиона «Риасор» против «Депортиво». «Барселона» выиграла 4: 0, а Иньеста забил гол; игроки еще были на стадионе, когда пришла весть о том, что болезнь окончательно съела одного из безымянных героев «Ла Масии». «Если бы я знал об этом, я бы посвятил гол ему», – говорит Иньеста.

«Андрес выделяется своим интеллектом и мастерством; он лидер команды, ее хребет. Он контролирует ритм игры и обладает великолепной техникой», – говорил Педраса газете *El Mundo Depotivo*. Андресу тогда еще даже не исполнилось 16 лет.

* * *

Вместе Жорди Месальес и Андрес выиграли Nike Cup на «Камп Ноу» в год столетия «Барселоны». Но люди начали говорить об Андресе еще до этого успеха. Карлос Мартинес, который потом станет одним из лучших друзей Иньесты, уже тогда его знал. Он тоже был в молодежной академии «Барселоны» и был наслышан о маленьком волшебнике. «Андрес был старше меня на два года. Все вокруг только и говорили о нем и Тройтейро, но лично я с ним знаком не был, – говорит нападающий родом из Матаро, родного города Анны, супруги Андреса. – Я познакомился с ним почти десять лет спустя, и футбол тут был совсем ни при чем. Я изучал юриспруденцию в университете Барселоны вместе с Анной, и как-то раз он пришел повидать ее.

Он сказал: «Привет, я Андрес».

«Да, да, кажется, я тебя узнаю».

Карлос не знал тогда, что это знакомство станет началом крепкой дружбы. Но не просто дружбы, а дружеского соперничества, о чем может свидетельствовать любой, кто видел, как они сражаются друг с другом в настольные игры. «Мы словно дети в телах взрослых мужчин, – говорит Карлос. – И мы полностью друг другу доверяем: все друг другу рассказываем, доверяем свои секреты».

Пеп Аломар был тренером Кадет А «Барселоны», он унаследовал от Педрасы команду, которая была построена по принципам, заложенным Йоханом Кройффом и Ориолем Тортом. «Педраса проделал великолепную работу с этими мальчишками, – говорит Аломар. – Команда у него была невероятная, полная талантливых игроков, но тот период был непростым для них: наступала пора физических и эмоциональных перемен, их тела начали видоизменяться и оформляться, заиграли гормоны. Работа по их формированию как игроков, которую необходимо делать в 15-летнем возрасте, оказывает огромное влияние на развитие футболиста, и Педраса с блеском справился с этой задачей».

Аломар тесно сотрудничал с Лоренсо Серра Феррером, тренером, ответственным за создание молодежной структуры клуба. Он продолжает: «В то время «Барселона» следовала за

идеалом, который описали Ринус Михелс и Штефан Ковач и который воплощал в жизнь Кройфф, но также она перенимала некоторые идеи и методы самых передовых европейских центров футбольного развития, от «Аякса» до Клерфонтена и Коверчано.

Помню, что Андрес почти каждый день приходил в офис, который у нас был на стадионе, и спрашивал, не разрешу ли я ему воспользоваться телефоном, чтобы он мог позвонить родителям в Альбасете. Тогда мобильных телефонов не было. Он был тихим мальчиком, очень вежливым и никогда не прогуливал школу. Каждый год мы проводили голосование среди игроков, чтобы узнать, кто из нас лучший напарник. Андрес, конечно же, всякий раз побеждал».

В конце того сезона Аломар покинул Кадет А, чтобы стать ассистентом Серра Феррера в первой команде. Андрес был на радаре у обоих.

«Он обладал самым выдающимся талантом, какой я только видел в игроках, – говорит Аломар. – Уже на уровне Кадет он играл с тем же тактическим чутьем и интеллектом, какие отличают его игру сейчас. Это внутреннее: он читает игру лучше, чем кто-либо, быстро исполняет каждый маневр и не совершает ошибок. Он играл «четвертый» номер, но мог сыграть и на любой другой позиции. Видеть его игру в схеме 3–4—3 было огромным удовольствием, особенно наблюдать за тем, как он входит в штрафную, чтобы забить. Я спрашивал у него: «Где ты хочешь играть, Андрес?» А он отвечал: «Где угодно, куда поставите, *мистер*». Он хорошо играл обеими ногами, очень быстро разворачивался и все проделывал с максимальной быстротой, всегда выбирая правильный вариант. Можно ли тренировать такого игрока? Да… и нет. Если у вас такой же мощный «процессор», как в голове у Андреса, тогда вы тоже сможете так же быстро находить лучшие варианты».

Серра Феррер отправлялся к полю номер три так часто, как только мог, чтобы понаблюдать за игрой мальчишек. Он не нуждался в рассказах или отчетах об Андресе: он сам все видел. А вокруг все то и дело говорили об этом парнишке, которого Жауме Оливе называл «El sabio» – мудрец.

«Когда Лоренсо возглавил первую команду, он сразу четко обозначил свое желание: он хотел, чтобы Андрес тренировался с лучшими, чтобы учился у учителей, которые в то время выступали за первую команду: у Гвардиолы и Хави. Для развития Андреса это было наилучшим решением, так что он пригласил его в команду», – говорит Аломар.

«Нет, я никого не открыл, – протестует Серра Феррер. – Андрес был гением, природным феноменом, и как игрок, и как

человек. Я никогда в нем не сомневался».

Карлос Наваль, официальный делегат «Барселоны» и олицетворение клуба на протяжении многих лет, отлично помнит этот момент. «Я позвонил в «Ла Масию» и сказал: «Сообщите Андресу, что завтра он тренируется с первой командой».

«Я решил, что это шутка», – признается Андрес. Он вышел из «Ла Масии» и направился к главным воротам стадиона – идти было от силы метров триста. Дойдя до них, он остановился. Он не смел пересечь этот барьер. Охранник не знал этого застенчивого малого, но Андресу в тот день повезло. В тот момент к стадиону подъезжал Луис Энрике, и он узнал Андреса. «Залезай, – сказал он. – Я отведу тебя в раздевалку». Так все и началось.

«Я хотел, чтобы он пришел в первую команду по многим причинам, но главным образом я хотел наградить его за примерное поведение, лидерские качества и отношение к партнерам по команде, – говорит Серра Феррер. – Он никогда не имел никаких проблем с успеваемостью, всегда первым приходил в класс по утрам и никогда не пропускал уроков. Он всегда ждал прихода автобуса, тогда как остальные заставляли автобус дожидаться их.

Помню, что Гвардиола был очень счастлив, что Иньеста присоединился к нам в тот день, равно как и Ривалдо. Представьте, каково было парню входить в раздевалку, где было столько звезд. Так что мой посыл ему был прост: «Расслабься, Андрес. Просто делай то, что умеешь, и все. Получай удовольствие, идет?» Потом, когда мы вышли на то тренировочное поле рядом с «Ла Масией», он повел себя очень естественно и непринужденно. Если нужно было ускорить игру, он делал это. Если нужно было замедлить, он замедлял. Он всех удивил тогда. Единственное, чего он не делал, – это не проводил тренировку сам. Игроки смотрели на него, а не на меня. Он был звездой, но делал все так скромно, так естественно. Он понимал игру и философию «Барселоны». Не было ни единого шанса на то, что он провалится. Он знал, что добьется успеха».

Иньеста никого не подвел, в особенности это касалось Луи ван Гала, тренера, который позволил ему дебютировать в первой команде и открыл ему двери в нее. Ван Гал поговорил с Серра Феррером перед дебютом Иньесты, но на самом деле голландец не нуждался в том, чтобы его долго убеждали насчет Андреса.

Серра Феррер вспоминает тот разговор: «Ван Гал спросил у меня: «Где он может играть?» Я сказал, что Андрес может играть, где угодно. Центрального полузащитника, диктующего ход и ритм игры; *interior*'а на любой стороне; под нападающим; на

позиции «десятки». А если вам в какой-то момент понадобится человек, способный быстро и качественно доставить мяч из обороны, можете поставить его хоть крайним защитником, но там он не будет блистать в обороне, что очевидно».

* * *

Впрочем, путешествие вышло не таким простым, как казалось поначалу. Иньеста тренировался с первой командой и играл за молодежные, постепенно прогрессируя и поднимаясь выше по рангу, но на этом пути бывали моменты, когда его прогресс замедлялся, и он думал, что у него ничего не получится. Особенно часто это случалось во время его выступлений за «Барселону Б». Смириться с таким положением дел ему было тяжело, с учетом того, что пришел он в команду после почти что идеального сезона в составе «Хувениль А», где его наставником был Хуан Карлос «Чечу» Перес Рохо – тренер, которого в 1979 году, на Чемпионате мира U-19 в Японии, признали вторым лучшим игроком турнира после самого Диего Марадоны.

«Помню, как Гвардиола пришел на одну из наших тренировок, – говорит Рохо. – Эй, Чечу, мне тут говорят, что у вас есть один очень талантливый мальчишка… тот бледный, да?» Мы работали на поле номер три, а Пеп сидел и смотрел за нашей тренировкой. В конце занятия он сказал мне: «Этот парень лучше меня».

Помню еще, как мы однажды играли матч на Майорке. Было безумно жарко, и буквально на последней минуте первого тайма у нас случается удаление: судья удаляет Дани, нашего крайнего защитника. Я шел в раздевалку старого стадиона «Ситар» и, поднимаясь по узким лесенкам, думал про себя: «Что я теперь скажу игрокам?» Мы проигрывали 0: 1, остались вдесятером… Я думал: «Ну все, сейчас эти ребята нам четыре отгрузят». Но начался второй тайм, и на поле появился Андрес. Он был неудержим. Играл просто невероятно. Я даже не могу сказать, где именно он играл. В теории он должен был исполнять *media punta*, то есть играть под нападающими. Но он был повсюду. Помню, как он появился на фланге, и я спросил у своего ассистента Рафаэля Магриньи: «Мне надо ему что-нибудь сказать?» «Ни слова! – отвечал он. – Пусть сам разбирается». И он был прав. Мы победили 2: 1, играя в меньшинстве, а Андрес был повсюду, на каждом участке поля.

АНДРЕС КУДА БОЛЬШИЙ БУНТАРЬ И БОЕЦ, ЧЕМ

КАЖЕТСЯ ЛЮДЯМ.

После матча тренер «Майорки», Томеу Лломпарт, спросил у меня: «Кто этот пацан?» А потом сказал: «Если ищете кого-то, кто заменит Гвардиолу, считайте, что уже нашли». И он не ошибался, – говорит Рохо. – Больше всего в Андресе меня поражало то, как четко и ясно он видит игру. В тот день ему было 16 лет, он играл против *juveniles*, парней 18–19 лет. Он так здорово читал игру, всегда знал, как и когда нужно изменить ритм игры. Когда мы попадали под прессинг, он брал ответственность на себя: «Дайте мяч мне». Трудно было поверить, что этот маленький и казавшийся таким слабым мальчишка может контролировать ход всей игры, но он это делал; его отличало то, как он умел выбирать позицию, и легкость, с которой все проделывал».

Не то чтобы Рохо долго работал с Иньестой, нет; Серра Феррер имел свои планы насчет развития игрока и вскоре перевел его в «Барселону Б». Хосеп Мария Гонсальво был его тренером в команде Б. «Как только я увидел его в первый раз, я сразу на него запал, – говорит он. – Не помню точно, когда это было, может, еще тогда, когда он выступал на уровне *infantil*, задолго до того, как пришел в команду Б. Однажды мне позвонил Серра Феррер и сказал: «Андрес должен в срочном порядке перейти в команду Б». Шел сезон 2000/01. Поначалу я отказал ему. Почему? Потому что хотел защитить парня физически. Думал, что на этой стадии он уязвим, что повышение в категории не пойдет ему на пользу. Я спорил с Серра Феррером, но в конечном итоге согласился. Серра был моим боссом, в конце концов, и я до сих пор благодарен ему за то, что он хотя бы выслушал мои доводы. Андресу тоже было непросто сделать этот шаг вперед. После нашего разговора Серра Феррер сказал мне: «Ладно, теперь иди к Андресу и скажи ему об этом лично».

Гонсальво отправился к жилым комнатам игроков, находившимся напротив «Ла Масии», они прилегали непосредственно к стенам самого «Камп Ноу». «Я постучал в дверь, и мне открыл Андрес. Я был поражен тем, что увидел в комнате. Повсюду стояли фигурки святых, казалось, что я попал в маленькую часовню. «Андрес, ты переходишь в команду Б». Он был удивлен: такого поворота событий он точно не ожидал. Я сказал ему, чтобы он ни о чем не волновался, что мы будем помогать ему во всем. Я сказал ему, что он будет играть на позиции четвертого номера, позиции, для которой «Ла Масия» выпускала многих талантливых игроков – Милью, Гвардиолу, Хави, – последнего я тренировал годом ранее. Но когда Андрес

играл чуть выше по полю, на любой из сторон полузащитного «ромба», он был великолепен. Так что я стал ставить его в паре с Тьяго Моттой – они играли почти что дуэтом, только у Андреса было больше свободы ходить вперед».

«Были и скверные моменты, – говорит Гонсальво. – Но я не обману, если скажу, что он быстро прогрессировал и хорошо адаптировался под новые условия, справившись с вызовом, который перед ним стоял. Помимо таланта, он еще и обладал скромностью, что очень нравилось мне. Всякий раз, когда ты его поправлял, он воспринимал это правильно: как нечто позитивное, как ценный урок. Он всегда был настроен учиться и помогать другим. В той «Барселоне» играли Вальдес, Артета, Мотта, Трашоррас – фантастическая была компания игроков…»

Впрочем, управлять такой россыпью талантов было непросто. Все эти парни были очень амбициозны, а их близость к «Камп Ноу» только раззадоривала их амбиции. Между некоторыми игроками была целая пропасть в размерах окладов и самолюбии. У многих были очень большие эго. В декабре «Барселона Б» была лидером таблицы испанского дивизиона Сегунда Б, но внутри команды все было отнюдь не так ладно, и коллектив развалился, а по итогам сезона команда финишировала десятой. Некоторые игроки зарабатывали в десять раз больше других, и все были в курсе этого. «Андрес был в группе тех игроков, кто зарабатывал очень скромно», – вспоминает Гонсальво. Он признает, что взросление, превращение из ребенка в мужчину, давалось игрокам непросто; они вступали в мир, о котором ничего не знали.

«То, что Андрес добился успеха с таким талантом, не должно удивлять. Но тот факт, что он улучшал свою игру с каждым годом, демонстрирует, каким менталитетом он обладал и как относился к делу. В тех обстоятельствах он мог сдаться или приобрести какие-то дурные привычки; дурное чужое влияние могло увести его не в ту сторону. Но он не поддался. Его отношение к делу было исключительным, очень схожим с тем, какое демонстрировал Карлес Пуйоль. Внешне они казались очень разными, но на самом деле были очень похожи. Даже больше, чем сами осознавали. Андрес куда больший бунтарь и боец, чем кажется людям. Эта его закаленность, жажда соревноваться и побеждать – они не лежат на поверхности, но на самом деле они движут им. Он проявляет их в нужные моменты: стискивает зубы и сражается, пусть даже люди этого не видят. Думаю, что без этого он не может. Некоторые люди выражают свой характер криком и попытками как-то выделиться; Андрес не такой. Его характер проявляется в том, как он играет, как раз за

разом преодолевает препятствия, возникающие на его пути. Он все делает с мячом в ногах – именно так его личность раскрывается, именно с мячом он блистает по-настоящему».

«Никто не открывал Андреса; он сам себя открыл миру, настолько он хорош», – говорит Кике Костас, последний тренер, работавший с Андресом перед тем, как он совершил прыжок в первую команду под крыло Ван Гала. Однако мало кто помнит, что у Чарли Решака был шанс вызвать его в команду, стать тренером, который дал бы Иньесте возможность дебютировать, но он свой шанс упустил. Свой первый матч за взрослую команду Андрес просидел на скамейке запасных, так и не появившись на поле. «Барселона» играла дерби с «Эспаньолом» на «Монтжуике». Хави был дисквалифицирован, а Херард Лопес травмирован. На дворе стоял декабрь 2001-го. Решак публично расхваливал Иньесту. «Он еще один в ряду, в котором были такие игроки, как Милья, Гвардиола и Хави, – говорил он. – Он знает, как уходить от давления, под которым оказывается, у него есть видение игры, он часто врывается в штрафную соперника, а кроме того, всегда хорошо выбирает позицию». Костас добавляет: «Болельщики «Барселоны» могли быть спокойны: если Андрес играл, он играл очень хорошо. Он всегда сфокусирован на игре и очень хорош технически».

Но Иньеста не сыграл в матче и минуты. Решак предпочел обойтись без «четвертого» номера вообще и вместо этого отрядил в полузащиту Кристанваля, высокого и мускулистого французского защитника, который должен был помогать Филиппу Коку. «Эспаньол» победил 2: 0, оба гола в матче забил Рауль Тамудо, а Решак даже не использовал все три замены. Андрес смотрел за игрой с лавки. Он мог стать вторым в списке самых молодых дебютантов в истории «Барселоны». Десять месяцев и семь дней спустя Луи Ван Гал сделал то, на что не решился Чарли Решак, и дал Иньесте возможность провести первый матч за взрослую команду «Барсы».

* * *

«Луи Ван Гал был ключевой фигурой в длинном ряду тренеров, которые у меня были начиная с команды Инфантиль Б, от Урсикинио и до первой команды, – говорит Иньеста. – Помню, что мы только закончили сезон с «Барселоной Б», и перед тем как уйти на каникулы, я поговорил с Ван Галом: он позвонил мне и сказал, что хочет видеть меня на предсезонке первой команды. Тем же летом мне предстояло сыграть на Чемпионате Европы

U-19, так что к старту предсезонки я бы приехать не успел. Я не знал, что мне делать. Я думал: «Если поеду на Евро и не успею к началу предсезонки с «Барселоной», это может ударить по моим шансам в первой команде…» Но Ван Гал сказал мне: «Поезжай, а когда вернешься, начнешь тренироваться с нами». Это был замечательный жест с его стороны. Я вернулся и начал тренироваться с первой командой, но все равно играл за команду Б вплоть до своего дебюта в Брюгге».

Ван Гал верил в него, так же как верил Серра Феррер. Как вспоминает Карлос Наваль: «Ван Гал говорил ему: «Вот поле, оно твое – играй!» И он играл с самого начала матча, провел все 90 минут с 34-м номером на спине. «Барселона» победила 1: 0 благодаря голу Рикельме. Это было 29 октября 2002 года.

«Ван Гал всегда очень верил в молодых игроков, – говорит Иньеста. – Я знаю, что он не такой, как другие, что он по-своему видит вещи и по-своему поступает, но он всегда будет в моем сердце. Я очень многим ему обязан, и я благодарен ему за все. В то время ситуация в клубе была очень тяжелой, очень деликатной во всех смыслах, но он всегда нам доверял, парням из молодежной системы. Не только мне. Я дебютировал в октябре, а в январе, когда он уже был на гране увольнения, я провел шесть матчей в стартовом составе. Мне было всего 18! Он оставлял на лавке Рикельме и ставил меня вместо него. Он делал так, потому что доверял нам. Доказательством этого было то, что случилось после того, как он потерял работу. Его заменил сначала Тоньо де ла Крус, а потом Ради Антич. Я не играл ни у одного из них. То же самое было и в первый сезон при Райкарде. Так что я благодарен Ван Галу за то, что он сделал для меня: он был очень важным тренером в моей карьере. Он был требовательнее и суровее всех, но ко всем игрокам относился одинаково. Ему было все равно, восемнадцать тебе лет или двадцать восемь. Если ты показывал хороший уровень, ты играл.

Я до сих пор помню слова, которые он сказал мне в Брюгге в день моего дебюта: «Выходи и наслаждайся игрой. Делай то, что умеешь лучше всего: играй в футбол».

VIII. Франк

Франк, тебе следует поговорить с Андресом…

Чики Бегиристайн, Париж, май 2006-го

Дым медленно поднимался от сигары Франка, растворяясь в воздухе. Если рай существует, то он уже был там или, по крайней мере, приблизился к нему вплотную. Франк, быть может, и скрывал свою привычку, предпочитая прятаться по углам, чтобы подымить сигареткой, но мало кто умел так смаковать курение сигары, как он. В ту ночь он, удовлетворенный больше, чем когда-либо прежде, тихо ступал на пути к своему умиротворенному маленькому миру, где собирался отдохнуть от суеты и расслабиться.

На «Камп Ноу» он попал почти что случайно, в результате импровизации: клуб искал решение после затянувшегося периода саморазрушения. Но Франк Райкард обладал тактом, спокойствием и крепким характером, необходимым для того, чтобы выжить в клубе, на всех парах мчавшемся к погибели. И сумел остановить его, а потом повести к славе. С ним «Барселона» воспарила, запорхала, словно оседлав обаятельную улыбку Роналдиньо. Путешествие с «Барсой» привело его сюда, в собственный райский уголок: в момент всеобщих празднований он уединился, чтобы раскурить отличную кубинскую сигару. Чистое удовольствие.

Расслабившись, он откинулся на спинку кресла и наслаждался величайшим моментом своей тренерской карьеры: прошло всего два часа с тех пор, как его «Барселона» выиграла Кубок чемпионов, всего лишь второй в истории клуба. Дым клубился, а он вспоминал каждый эпизод этого долгого путешествия, ни на секунду не забывая, откуда пришел. Как и сама «Барселона», он пересек настоящую пустыню. Именно спортивный директор клуба Чики Бегиристайн по совету Йохана Кройффа первым выдвинул кандидатуру Райкарда на пост будущего тренера команды, невзирая на тот факт, что на предыдущей своей работе, в роттердамской «Спарте», Франк доработался до вылета в низший дивизион. И вот теперь он чемпион Европы.

На парижской дискотеке в Булонском лесу собралась гигантская толпа. Почти тысяча человек слушала песню Луиса

Льяка «L'Estaca». Потом собравшиеся слушали, как Жоан Лапорта, президент, возглавивший «Барселону» в переломный момент истории и поведший ее к возрождению, пел песни группы Sopa de Cabra, и смотрели за его безумствами на танцполе, где он чувствовал себя настоящим Королем Мира. В Париж-2006 приехали и легенды «Уэмбли»-1992, пионеры, игроки «Дрим Тим», выигравшие для клуба первый в его истории Кубок европейских чемпионов. Они присоединились к тем, кому суждено будет писать историю клуба в величайшее десятилетие его существования. Много людей праздновало повторное завоевание кубка, который когда-то казался для «Барселоны» проклятым. Но Франк был в одиночестве, словно он был не в парижском ночном клубе, а на заднем сиденье Rolls-Royce, и шум со стороны до него не долетал. Только он и сигара. Так продолжалось до того момента, как к нему подошел Чики.

Посреди всеобщих празднований Чики заметил что-то важное. Не для той ночи в клубе, а для будущего «Барселоны». Он думал об этом с тех самых пор, как увидел стартовый состав «Барселоны» на финальный матч. Чики подсел к Франку.

«Франк, тебе следует поговорить с Андресом».

* * *

Все началось за несколько часов до. Чики пару раз окинул взглядом состав команды, словно пытаясь осознать, что происходит. Иньеста оставался в запасе. Он не мог понять этого решения тренера, как и тысячи болельщиков «Барселоны». Он и до сих пор не может, говоря откровенно. Он снова перепроверил список игроков. Иньесты нет. Ключевого игрока четвертьфинала с «Бенфикой», который он отыграл центральным полузащитником, и одного из главных действующих лиц полуфинала с «Миланом», где он играл то слева, то под нападающими, оставили на скамейке запасных на финальную игру.

Райкард, в тот момент поведший себя больше как итальянец, нежели голландец, выставил на финал полузащитную тройку из Эдмилсона, Деку и Ван Боммела. Хави не играл: он был травмирован. Иньеста тоже: он сидел на скамейке. В стиле ли это «Барселоны»? Ни на йоту. Где квинтэссенция «Барселоны»? Не видать ее. В стартовом составе на игру с «Арсеналом» вышло всего трое выпускников «Ла Масии», и все трое играли в защите: Вальдес, голкипер, Пуйоль, капитан, и Олегер в роли правого защитника.

Если Чики смотрел на эту ситуацию спокойно, то остальные

нет. Следуя на матч на автобусе, отец Иньесты Хосе Антонио, попав в пробку где-то на парижских дорогах, увидел стартовый состав на матч и не мог поверить своим глазам. Он был в ярости. «Почему *chiquillo* [парнишка] не играет?! – вопил он. – Почему нет? Почему?» – он искал взглядом глаза других членов семьи и членов фан-клуба из Фуэнтеальбильи, вплоть до того момента радостно ехавших на главную игру своей жизни. На главную игру Андреса. Но теперь радости на их лицах уже не было. Когда они приехали на стадион и взглянули на поле, Андреса они не увидели.

Марио ехал в автобусе вместе с ними, парень, которого Иньеста выбирал для совместных тренировок на грунтовом поле когда-то в детстве. Он ждал финала с тех самых пор, как получил от Андреса текстовое сообщение, задолго до решающего матча. «Эй, дружище, сможешь приехать на финал Лиги чемпионов?» *Смогу ли?!* Он вновь перечитал сообщение. Да, оно было от Андреса. «Хочу, чтобы на финале были все мои старые друзья», – говорило смс. Он, разумеется, не знал, что не выйдет в основе.

«Я сошел с ума, просто слетел с катушек, – говорит Марио. – Это было невероятно. Конечно же, Андрес мой друг, само собой. Но я совсем не ожидал, что он будет думать обо мне в преддверии самого важного матча своей жизни.

Что я сделал? Ну, начнем с того, что мне понадобилось три дня, чтобы ответить. Три дня! Я был в состоянии шока». Из всех друзей Андреса из Альбасете только Марио смог вырваться в Париж на несколько дней. И он был вместе со всей «группой поддержки», когда пришло сообщение о составе. Было тяжело видеть Хосе Антонио, он был очень расстроен и зол. Андрес, его родной сын, не играл в матче.

До стартового свистка оставалось два с четвертью часа, когда журналист Хемма Ниерга, десантировавшийся в Сен-Дени, начал интервьюировать членов семей игроков для программы *La Ventana*, выходившей в эфир на радиостанции Cadena SER. С Ниергой общался брат Месси: «Я надеюсь, что он [мой брат] сыграет несколько минут». Месси, возвращавшийся в состав после травмы и до сих пор не восстановившийся до конца, в итоге не сыграл ни секунды. Потом настал черед дедушки Андреса: «Я никогда не представлял себе, что мой внук будет играть в финале Европейского Кубка». Он сыграл, но чтобы увидеть его, друзьям и родственникам пришлось прождать 45 минут матча. Дедушка Иньесты, впрочем, не ожидал и того, что Андрес останется за бортом основного состава.

Странным образом вышло так, что новости об Иньесте озвучил брат Хави, Оскар. Поначалу он говорил о своем брате,

который только-только возвратился в строй после тяжелой травмы. «Хави разговаривал с тренером, и тот сказал ему, что он не выйдет в стартовом составе; вместо этого в основе выйдут те, кто играл регулярно в последнее время». Хави не сыграл ни минуты. А кто играл регулярно? Хемма Ниерга решил, что речь идет о Деку, Ван Боммеле и Иньесте. Но у Оскара была другая информация. Франк и его ассистент Хенк Тен Кате решили поступить иначе. «Нет, – сказал Оскар. – Иньеста тоже не играет. Выйдут Деку, Эдмилсон и Ван Боммел».

Итак, теперь об этом знали все. Чего Райкард себе не мог представить, так это того, что в первом тайме его команда столкнется с большими проблемами, а гол Сола Кэмпбелла головой разрушит весь его первоначальный план на игру до основания. Он видел, что «Барселона» не в состоянии доминировать в игре, даже несмотря на то, что с 18-й минуты матча «Арсенал» остался в меньшинстве после удаления вратаря Йенса Леманна. Каталонцы не контролировали игру, не владели мячом. Только Вальдес, ловкий и крепкий, не давал им проиграть матч окончательно.

По мере развития матча стражи «Барселоны», сидевшие на скамейке у бровки, начали терять терпение и отчаиваться. Даже численное преимущество в одного игрока не помогало их команде: «Арсенал» вел в счете, а «Барселона» играла неважно, и счет 0: 1 к перерыву еще был неплохим результатом. Даже партнеры Иньесты были удивлены. Нападающий Самуэль Это'о вспоминает: «Помню, что, когда мы горели в Париже, я подошел к скамейке и спросил у Тен Кате: «Может Андрес выйти на поле?» Он ответил мне: «Мы думаем об этом». Вы все знаете, что случилось, когда он все-таки вышел».

Впоследствии Иньеста вышел на поле в начале второго тайма и стал для «Барсы» лучом света в темном царстве. Хави, сидевший на скамейке и наблюдавший за игрой, грустил, что не может насладиться футболом вместе со своим другом. Но хотя бы он утешался тем, что Андрес был на поле, он знал, что с ним в составе игра пойдет по-другому. «Андрес играл очень хорошо; эта кампания в Лиге чемпионов и его вызов в сборную на Чемпионат мира служат тому подтверждением. Он заслуживает этого; он замечательный парень», – говорил Хави в тот вечер.

«Боль и разочарование от непопадания в стартовый состав на тот финал давным-давно прошли, – говорит Иньеста. – Я уже даже перестал думать об этом как о чем-то неприятном, о чем-то, что надо преодолевать. Ведь это моя команда, мой клуб, я был в восторге, выиграв Кубок чемпионов. Но на личном уровне – да, это был один из самых тяжелых моментов в карьере».

Боль ушла. Но это не значит, что он понял то решение. Он не понял его ни тогда, ни теперь и не поймет его никогда. «Если буду до конца честным, я скажу, что кое-что подозревал. Люди этого не осознавали, но я понимал, что к чему. Последний перед финалом матч чемпионата мы играли в Севилье, и я остался там на скамейке. Ван Боммел тоже не играл». Разница была в том, что Иньеста вышел на поле и сыграл в матче, в котором принимали участие сплошь резервисты – Хоркера, Беллетти, Родри, Сильвиньо, Жюли, Габри, Мотта, Ларссон, Монтаньес, Макси Лопес и Эскерро, – тогда как Ван Боммел просидел весь матч в своем спорткостюме. Было очевидно, что тренеры приберегают его на финал, до которого оставалось всего четыре дня.

«Почему я вдруг засомневался? – говорит Иньеста. – Потому что на протяжении всего того времени, что прошло с момента моего прихода в первую команду, случались ситуации, которые наталкивали меня на мысли о том, что тренер не доверяет мне целиком. Я не всегда был игроком стартового состава и играл нерегулярно. Я не был уверен до конца; у меня были сомнения». Тот факт, что в матче в Севилье он вышел не в старте, а появился по ходу этой игры, не имевшей никакой важности и завершившейся поражением 2: 3, лишь подогрел эти сомнения. «Барселона» к тому времени уже выиграла чемпионат; та игра, тот состав команды были намеком на то, что в Париже может произойти нечто странное. Но Иньеста продолжал надеяться на тот факт, что хорошо сыграл в Лиссабоне и Милане. «У меня была слабая надежда, во мне жил оптимизм, и причиной его был четвертьфинал с «Бенфикой» и полуфиналы против «Милана», которые я провел очень хорошо. Так что надежды были…»

В отсутствие Хави Андрес стал играть немного другую роль: доминирующую. Были времена, оставшиеся уже в далеком прошлом, когда Иньеста играл как Серхио Бускетс сейчас. Или, скорее, наоборот: быть может, тогда Бускетс смотрел за игрой Иньесты. В Лиссабоне Иньеста играл глубинного полузащитника, а Ван Боммел и Эдмилсон играли по бокам от него. В одном эпизоде он возглавил атаку, совершив великолепный маневр: прошел от одного конца поля до другого, обыгрывая соперников с легкостью, с какой молодой отец проходит круг за кругом вокруг своего крошки-сына. В Милане же, на контрасте, он сыграл левого полузащитника в тройке, а Эдмилсон и Ван Боммел оказывали ему поддержку. Они были ногами команды, ее мускулами; он же был воплощением ее футбола. К концу матча, когда Райкард выпустил Мотту, чтобы укрепить полузащиту, Андрес перешел на позицию «десятки», под Это'о и Макси Лопеса. В тот вечер проблеск гениальности от Роналдиньо и проницательность

Людовика Жюли принесли «Барсе» победу 1: 0, а вместе с ней и путевку в Париж. «Иньеста был блуждающим художником, свободным духом, как и Роналдиньо. Он словно змея, атакующая бесшумно. Как можно справиться с этим неприкасаемым маленьким дьяволом?» – вопрошала газета *L'Equipe* на следующий день после полуфинала.

Дьяволенок надеялся. И сомневался. Помните замену? Когда часы на табло начинали показывать 60-ю минуту любого матча, Райкард почти всегда делал одно и то же. Та же минута, та же замена, словно робот. Где-то между 60-й и 70-й минутами Иньеста выходил и заменял Жюли. В 11 из 18 матчей, в которых француза меняли, он покидал поле аккурат через час после начала матча. И на его место выходил Иньеста. 24-й номер, тогдашний номер Андреса, начал при Райкарде в старте всего 25 матчей из 57. В конечном счете сомнения одолели надежду.

Андрес говорит: «Когда он назвал состав на финал и я увидел, что не попал в него, я помню, что испытал какое-то странное чувство. Как будто меня обманули, как будто что-то отняли у меня. Я не понимал. Я почувствовал, что не заслуживаю места на скамейке запасных, но… в очередной раз мне пришлось принять это. Пришлось смотреть вперед, не назад. Пришлось забыть боль, которую я ощутил в тот момент. Судя по тому, что я слышал, очень многие люди чувствовали то же самое, что и я. Они тоже не могли понять, почему он так поступил. Не мне решать, достоин ли я игры в финале, но в тот день я чувствовал, что да, я заслуживаю этого».

Ошеломленный, разочарованный и павший духом, Андрес решил в тот день, что ответит своей игрой на поле.

«Я всегда был сильным. Гораздо сильнее, чем кажется людям. В тот момент, едва я узнал, что не попал в состав, я сосредоточился на своем единственном желании. Я просто хотел получить шанс выйти на поле и помочь партнерам выиграть финал. Я очень, очень сильно хотел сыграть, и сыграть хорошо. И это желание становилось только сильнее по мере того, как развивалась игра…» Он смотрел со скамейки на удаление Леманна, на моменты Анри, на гол Кэмпбелла – единственного человека, сумевшего пробить в тот вечер Вальдеса. Когда пришло его время выходить на поле, его боль, боль его отца стали движущей силой.

Если это решение и можно выразить одним образом, то это должен быть образ Хосе Антонио. Все эти долгие часы, вся боль и досада, вся долгая дистанция до этого дня, все принесенные жертвы – все это выразилось в одном лице. «*Chiquillo* не играет, он не играет…» Иньеста видит это разочарование, делает его своей

мотивацией, и она становится только сильнее с каждой минутой финала, складывающегося отнюдь не в пользу «Барсы».

«Я почти ничего не помню из того, что тренер сказал мне в перерыве, – признается Иньеста. – Я не думаю, что я даже расслышал его слова. Я думаю, что в такие эмоциональные моменты думать о тактике попросту невозможно. Все сводится к одному: эта игра – финал Лиги чемпионов, и мы должны его выиграть. Я чувствовал, что мне отказали в праве иметь 90 минут на это, оставив только 45. Я был настроен доказать тренеру, что он ошибался насчет меня».

* * *

Эдмилсон покинул поле. Маленький дьявол вышел на второй тайм. «Барселона» внезапно преобразилась. Потом со скамейки вышли Ларссон и Беллетти. Тьерри Анри говорил, что его «Арсенал» и не предполагал, что его ждет впереди. «Не проходит и дня, чтобы я не думал о том финале против «Барселоны» в 2006-м, – говорит Анри каналу BarcaTV. – Почему? Потому что «Арсенал» никогда не побеждал в финалах Кубка чемпионов, он даже ни разу не доходил до них. И с тех пор тоже ни разу туда не возвращался. Я же играл дома, может, километрах в тридцати от места своего рождения. Вся моя семья была на стадионе. А кроме того, все только и судачили о том, что я могу уйти в «Барселону» в следующем сезоне. Так что день был для меня странным. Обе команды заслужили право сыграть в финале. Победила лучшая из двух, но…»

Анри едва может договорить до конца предложения: память мучительно терзает его. «Есть одна мысль, которая никак не выходит у меня из головы. А что если бы мы играли одиннадцать на одиннадцать? Ну хорошо, пусть Жюли забивает, но без удаления нашего вратаря. Счет 0: 1, но мы играем в равных составах…» Анри делает паузу, словно для того, чтобы заново пережить случившееся. Словно он вновь и вновь прокручивает в голове момент с выходом Жюли на Леманна в замедленном повторе. «Я помню, что около часа мы играли хорошо, даже несмотря на то, что были в меньшинстве. Но потом, спустя час игры, «Барселона» своим контролем мяча сильно усложнила нам задачу. С каждой минутой становилось все труднее и труднее».

Анри помнит, как Вальдес в тот вечер изумительным образом отбивал все удары. Дальние, моменты при выходах один на один, удары с близкого расстояния и в упор. Что бы ни делали соперники, как бы ни старались, мяч неизменно оказывался в

руках Виктора. «Это правда, – говорит он, – но перевернул ход матча Андрес. Когда он выходит, все меняется от и до. Мы могли сдержать Эдмилсона и Ван Боммела, но Андреса…»

В его голосе слышатся смирение, беспомощность. «Когда он получает мяч и начинает движение, когда он разворачивается, останавливается и опять стартует… спустя час игры следить за всеми его действиями просто нереально. Нас было только десять; мне приходилось играть и форварда и «десятку»; я должен был действовать впереди, но также помогать и полузащите. Мы больше не могли справиться с ними. Андрес убивал меня. Он разворачивался и каждый раз, получая мяч, уходил от меня и делал это слишком быстро, чтобы я мог поспеть за ним. Мы все знаем эту историю о Ларссоне и Беллетти. Конечно, и я тоже. Но человеком, который действительно убивал меня в тот день, был Андрес».

«Убийца» получил то, чего хотел, и доказал тренеру его неправоту. «Счастье было невероятным», – говорит Андрес. Его команда триумфально победила 2: 1 с голами Это'о и вышедшего на замену Беллетти, и обоим ассистировал другой запасной, Ларссон. «В конечном итоге все вышло идеально. Но если бы не мой дружище Виктор…»

IX. Братья

У Андреса особая аура; его успех был выкован безмолвным плачем.

Виктор Вальдес, «брат» Андреса

«В день моего знакомства с Андресом мы поругались, – говорит Виктор Вальдес. – Мы совсем друг друга не знали. Он приехал в «Ла Масию» в 12-летнем возрасте и был таким маленьким, тихим, очень закрытым. С самого начала было понятно, что доверие такого человека нужно заслужить. Таким он был персонажем. На самом деле очень похожим на меня в этом плане. Может, поэтому мы друг на друга обозлились. Пару дней после этого мы отказывались друг с другом разговаривать. Воспоминания не из приятных».

Для Андреса не очень характерно ругаться с людьми. Никто не мог вспомнить от него плохого слова, не говоря уже о плохом поведении. Он ни с кем не конфликтовал: ни с тренерами, ни с партнерами. Единственным исключением был Виктор Вальдес, и Вальдес в итоге стал лучшим другом Андреса, его «братом».

Виктор на два года старше Иньесты. Он знал «Ла Масию» вдоль и поперек, когда появился этот маленький мальчик из Фуэнтеальбильи, сезон к тому времени уже шел полным ходом. «И хотя он ничего не говорил о том, как я отнесся к нему в тот первый день, я видел, что он был расстроен этим. Я смирился с тем фактом, что в нашем споре был виноват я. Мне тоже было больно. У меня тоже есть сердце. И начиная с того момента я вынужден был присматривать за ним, потому что дал отношениям неправильный старт. Я как будто пытался исправить ситуацию. Подобные конфликты происходят, когда приходит кто-то новый, а ты уже был на этом месте целый год, уже нашел свое место, а еще такое случается, когда у человека схожий с твоим характер – пусть со стороны так и не кажется. Между вами с самого начала возникает противоречие. Я пытался исправить ситуацию, потому что чувствовал свою вину».

С тех пор Виктор и Андрес, Андрес и Виктор шли вместе по жизни и в футболе, рука об руку.

«Андрес и я – мы как братья, – говорит Виктор. – Мы могли месяцами не разговаривать друг с другом, но это не меняло наших отношений. Те, кто хорошо меня знает, а он один из таких людей, понимают, что мне нужно постоянно чувствовать

присутствие своих друзей рядом. Андрес такой же в каком-то смысле. Ему тоже нужно личное пространство. И мы всегда уважали это пространство друг друга.

Раньше я ходил смотреть на его игру. Он играл за команду «Кадет», а я был в «Инфантиле». «Пожалуйста, приходите посмотреть на нашу игру, – говорит мне Хорхе Тройтейро. – И мы ходили. Он и Андрес были самыми младшими в «Ла Масии». Мы ходили смотреть на их игру на поле AstroTurf рядом с «Мини Эстади», усаживаясь на каменную стену рядом. Андрес уже тогда выделялся своим интеллектом, своими навыками работы с мячом и характером, который проявляет на поле. У него всегда была особая аура. Он был мальчиком, которого любили и уважали все вокруг. С мячом в ногах он делал игру каждого футболиста вокруг себя лучше. Без него никогда не доставлял никому проблем.

В Андресе горит огонек, свет, которого нет в других, и он его отличает, делает уникальным. Особенным».

Карабкаясь вверх по пирамиде молодежных команд «Барсы» и уворачиваясь от лап жестокого естественного отбора, Виктор и Андрес подружились и стали очень близки. Тройтейро уже оказался на обочине, а они продолжали путь. «Барсу» устроит только исключительный, совершенный уровень, и они это знали. В конечном итоге они вместе попали в первую команду. Виктор дебютировал при Луи Ван Гале 14 августа 2002 года; Андрес впервые вышел на поле при том же тренере тремя месяцами позже, 22 ноября. Те времена были для «Барселоны» мрачными, но даже несмотря на то, что тогда нашлось бы совсем мало людей, понимавших это, именно тогда закладывался фундамент будущих успехов клуба. Ван Гал, всегда и всюду ходивший со своим блокнотом, как казалось, каждый день рисковал своей работой, но, несмотря на это, он оставил своим преемникам наследство – правда, насладиться признанием за это ему не удалось. Вместо этого настоящий прорыв для Пуйоля, Хави, Вальдеса и Иньесты – молодого поколения – случился с приходом Франка Райкарда, добавившего команде талантливых новичков, обладавших необходимым опытом. «Барселона» выиграла Ла Лигу сезона 2004/05 с Роналдиньо и мальчишками Ван Гала, среди которых были Виктор и Андрес.

Виктор и Андрес вскоре начали задумываться о том, куда может завести их футбол. «На обратном пути из «Валенсии», где мы только-только оформили чемпионский титул в матче с «Леванте», я спросил у Андреса, что он хочет выиграть теперь, – говорит Вальдес. – Тогда все пытались подражать мадридским «галактикос», их все мечтали обыграть. Но чемпионат выиграли

мы. Так что я спросил у него: «Что мы теперь хотим выиграть, ты и я? Сколько чемпионских титулов ты хочешь, Андрес?»

Я никогда не забуду его ответ: *шесть* чемпионств и *три* Кубка чемпионов. Шесть, потому что Пеп Гвардиола, от которого он фанател, выиграл шесть титулов; а три Кубка чемпионов, чтобы сравняться с результатами «Мадрида» с 1998 года».

Вальдес добавляет: «Когда я принял решение покинуть «Барселону», он сказал мне: «Ты не можешь уйти сейчас. Мы почти достигли цели. Мы всего в одном титуле от мечты. Не уходи, Виктор. Останься». Тот шестой чемпионский титул был близок, мы были на пути к нему, но потом я получил травму в марте…

Андрес на контрасте пошел гораздо дальше изначального обещания. Когда мы поставили себе эту цель, она казалась почти нереальной, недостижимой. Сейчас, вспоминая это время, я чувствую, как по телу бегут мурашки. В то время такие мечты казались заоблачными. Но тогда ведь нужно было попросить об этом, не так ли? И мы получили все, что хотели».

Первый из трех европейских Кубков был выигран в Париже, два других были взяты в пятилетний период с 2006-го по 2011-й: в Риме в 2009-м и в Лондоне двумя годами позднее.

«Победа в парижском финале была предначертана судьбой, – говорит Вальдес. – Франк сделал правильные замены. Все изменилось с выходом Андреса на второй тайм. Он потащил команду, взвалил ответственность на свои плечи, и мы смогли отыграться и победить».

Райкард начал матч с Андресом на скамейке, а надежду на успех отдал в руки Вальдеса. Лучшей судьбы для обоих трудно было придумать. Вальдеса атаковали со всех сторон, его критиковали все кому не лень, но раздевалка поддерживала его, равно как и тренер. И в Париже он провел выдающийся матч. Сыграл решающую роль. «Мы не могли дать победе в финале выскользнуть у нас из рук, не после всего, что случилось, – говорит он. – Я никогда не забуду этот момент – наш первый Кубок чемпионов. Первый из трех для меня и Андреса. Мы с трудом могли поверить в это».

Спросите у них о финале, и Вальдес расскажет, как играл Иньеста, а Иньеста вспомнит, как играл Вальдес. Андрес и Виктор – братья. Виктор спас свою команду при выходе Тьерри Анри один на один, но помнит он игру друга: «Андрес просто убил их», – говорит он.

«В моей голове ни одна другая игра, ни одна ночь ни сравнится с тем, что было в Париже. Два друга вместе выиграли Кубок чемпионов. Когда раздался свисток, я бросился на газон,

благодаря жизнь за то, что случилось, я не мог поверить в то, что это не сон. А потом как безумный рванул к Франку, чтобы обнять его. Только он и я знали, через что мы прошли в тот год. Он относился ко мне как отец. «Расслабься, Виктор, ты будешь играть вплоть до самого финала, что бы ни случилось», – говорит он мне. Так и вышло. Так что я бежал отблагодарить его. А потом стал искать своего друга – хотел разделить этот момент со своим «братом». Мы были вместе, сколько себя помню: «Ла Масия», трудные времена, «Барселона Б», футбол, дружба, все эти разговоры, столько моментов и воспоминаний вместе…»

Париж покорился с трудом, им пришлось бороться и терпеть, всем и каждому. Путешествие в Рим тоже вышло тяжелым, тогда они стремились к своему второму Кубку чемпионов. Но ни один момент того путешествия не был так труден, как игра на «Стэмфорд Бридж», ставшая испытанием на прочность для сердец миллионов людей.

«Правда в том, что я даже не понял тогда, что тот удар нанес Андрес, – говорит Виктор. – Я осознал это только тогда, когда прибежал к ним через все поле, чтобы отпраздновать. Казалось, что в той игре с «Челси» для нас все потеряно. Когда Майкл Эссьен забивал свой гол, я, прыгая, думал: «Я возьму этот мяч», но я не смог. Он залетел в верхний угол. Потом удалили Абидаля. Игроки «Челси» словно летали, они были повсюду. Все шло наперекосяк для нас. Но я продолжал твердить себе: «У нас будет шанс… хотя бы один… у нас будет возможность». Я посмотрел на табло, на нем была 88-я минута. Игра была почти кончена, когда случился гол. Андрес забил, и я сошел с ума. Не спрашивайте меня почему, но я был убежден, что что-то произойдет. И оно произошло. Гол забила моя родственная душа. Это было невероятно».

Третий Кубок чемпионов в Лондоне стал еще одной битвой, даже более трудной, чем финал в Риме. Особенно для Иньесты. «Мы отрабатывали навесы и удары, традиционное, в общем-то, тренировочное упражнение, когда я заметил, что Андрес сидит в углу поля вместе с Эмили Рикартом, физиотерапевтом, – говорит Виктор. – Он вновь травмировался, и никто не мог его утешить. Казалось, что он никого не знает, не узнает окружающих. Говорить с ним было все равно, что говорить с камнем. Его взгляд ни на чем не задерживался; на лице было отрешенное выражение, словно он не понимал, какого черта с ним происходит».

Сезон 2008/09 подходил к концу, и травма Иньесты была не просто очередной рядовой травмой. Она стала началом худшего периода в карьере Иньесты, затянувшегося настолько, что в какой-то момент ему показалось, что выхода из этого тупика ему

уже не найти. Все было даже хуже тех первых дней в «Ла Масии». В следующем году должен был состояться Чемпионат мира, но очень долгое время Андрес опасался, что не сможет на него поехать. Он боялся, что вообще не сможет играть. Ему нужно было сражаться и страдать – вновь.

«Наши карьеры развивались параллельным курсом, мы всем делились, жили внутри одних и тех же стен, в тех четырех спальных помещениях «Ла Масии», – говорит Вальдес. – Ты играешь за «Барселону» и не знаешь никаких хлопот: тебе выделяют место, где ты можешь спать, тебя обучают, тренируют, ты живешь и работаешь в одном из лучших клубов мира, пожалуй, даже в лучшем. Но в конечном итоге ты оказываешься в одиночестве. Один, без семьи. К этому нужно привыкнуть, нужно адаптироваться к иерархии и заведенному порядку. И делать это нужно в одиночестве, самому».

Когда Андрес вышел из самого трудного периода своей жизни, справившись с трудностями, Виктор ждал его. «Помню, что в течение нескольких дней до объявления состава сборной Испании на чемпионат мира-2010 он регулярно слал мне сообщения, преисполненные оптимизма, как будто знал, что у меня будет шанс попасть в заявку. Потом Висенте дель Боске подтвердил его догадки, и Андрес прислал мне сообщение: «Виктор, ты едешь на чемпионат мира». Я был рад за себя и счастлив, разумеется, но еще больше меня радовал тот факт, что я ехал на турнир с Андресом. Я знал, что у меня не будет шанса сыграть там, что моя роль состояла в том, чтобы быть частью коллектива и помогать за пределами поля. Но я взял на себя еще одну роль: решил, что буду там ради Андреса. И думал про себя: «Мой лучший друг едет в Южную Африку после ужасающего года. Я буду там, чтобы помогать ему». Моей мантрой была эта: «Андрес, что бы тебе ни понадобилось, чего бы ты ни желал, что бы ни происходило, знай, я тут. Только не будь несчастным больше». А футбол таков, что, если ты работаешь, в конце тебя всегда ждет награда».

X. Пеп

Андрес – властитель пространства и времени.

Пеп Гвардиола, идол и тренер Иньесты

Позднее лето 2008-го. «Барселона» проигрывает в Сории 0:1 скромной команде «Нумансия» в первом туре нового сезона Ла Лиги. Боевое крещение тренера-дебютанта, Пепа Гвардиолы, получилось суровым, тем более что и во втором матче сезона добытый результат был немногим лучше: на «Камп Ноу» «Барса» сыграла с сантандерским «Расингом» 1:1. Прошло уже две недели с тех пор, как Гвардиола возглавил первую команду «Барселоны», а она до сих пор не одержала ни одной победы.

Давление нарастало, критика была беспощадной. Но Гвардиола держался стойко. Серхио Бускетс и Педро Родригес, два, в сущности, никому не известных игрока из дивизиона Терсера, четвертого уровня испанской футбольной иерархии, играли в первой команде. Конечно же, окружающие сомневались в команде. Были обеспокоены.

Казалось, что в СМИ только один голос выступал в защиту главного тренера, зато *какой*: голос Йохана Кройффа. Это несколько смягчало чувствительные удары критиков, его авторитета хватало на то, чтобы бросить вызов тем, кто предрекал скорый «конец света» команде, но даже он не мог заставить их умолкнуть совсем. «Эта «Барселона» выглядит очень, очень хорошо, – писал Кройфф в своей еженедельной колонке для издания *El Periódico de Catalunya*. – Я не знаю, какую игру смотрели вы все; то, что увидел я, было непохоже ни на один матч, что я видел на «Камп Ноу» за долгое время». Кройфф, великий идеолог каталонского суперклуба, главный его философ, наблюдал за работой Гвардиолы в команде Б и был очень впечатлен ею; теперь он плыл против общего течения, став единственным защитником тренера. «Худший старт сезона за многие годы. Всего один забитый мяч, и тот с пенальти. Такова неумолимая правда, если судить только по цифрам, – признавал он. – Но в футбольном смысле эти матчи заслуживают иного прочтения. И Гвардиола первый, кто читает их по-другому. Он не новичок, которому остро не хватает опыта, и он далек от суицидальных порывов. Он смотрит, видит, анализирует и принимает решения».

Гвардиола и сам терзался этими решениями. Он закрылся в своем офисе на «Камп Ноу», находившемся под землей, куда не доходил солнечный свет, и снова переживал эту ситуацию, перематывал видеоролики и отсматривал их заново, перечитывал свои записи и спрашивал себя, что необходимо изменить, но убежден был в одном: его идея, идея Кройффа, должна оставаться превалирующей. Он решил, что будет держаться за нее и следовать за ней всегда, вне зависимости от того, как тяжело ему будет это делать. И вдруг он получил поддержку оттуда, откуда не ожидал.

Он продолжал размышлять, без конца прогоняя ситуацию в своей голове, и в этот момент услышал стук в дверь.

«Войдите».

«Здравствуйте, *мистер*».

Маленький человек просунул голову в приоткрытую дверь и спокойно заговорил с ним.

«Не переживайте, *мистер*. Мы всех победим. Мы на верном пути. Продолжайте в том же духе, идет? Мы блестяще играем, получаем удовольствие от тренировок. Пожалуйста, не меняйте ничего», – сказал Андрес Иньеста.

Гвардиола ушам своим не верил.

Просьба была краткой, но искренней, шедшей из глубины души. Она застала Гвардиолу врасплох, он едва нашел что ответить. Если его удивил сам факт того, что кто-то искал его специально для того, чтобы сказать эти слова, то еще большим сюрпризом стало то, что этим кем-то оказался Иньеста, обычно тихий и молчаливый. А совсем уже шоком стало то, что закончил свою «речь» Иньеста криком: «*¡Vamos de puta madre!*»

«*De puta madre*» можно перевести здесь как «Мы в охеренной форме, играем просто чертовски круто».

«В этом году мы просто катком по всем пройдемся», – добавил он.

А потом закрыл дверь и ушел.

Вот такой он, Андрес. Говорит мало, только когда ситуация того требует. Это как с голами: забивает он их тоже редко. Но когда нужно, вот вам: получите, распишитесь.

Гвардиола никогда не забудет, как Кройфф защищал его в прессе. И никогда не забудет появления Андреса у своих дверей. Никогда не забудет, что оба они были правы. В конце сезона 2008/09 «Барселона» выиграла шесть титулов. Из шести возможных.

* * *

«Обычно люди думают, что поднимать боевой дух игроков должен тренер; что тренер должен убеждать своих футболистов в чем-либо; что его работа состоит в том, чтобы все время нести бремя лидера, – говорит Гвардиола. – Но так бывает не всегда. На «Камп Ноу» у меня было не так, равно как и в первый мой год в «Баварии» тоже. Подобные вещи происходят нечасто, а когда они все же случаются, о них редко становится известно публике. Люди всегда считают, что тренер – самый сильный и влиятельный человек в клубе, босс, но правда в том, что он на самом деле слабое звено. Мы на своей работе очень уязвимы, нашу деятельность постоянно подрывают те, кто не играет на поле: СМИ, болельщики. У них у всех одна цель: расшатать позиции тренера.

Вначале мы проиграли «Нумансии», сыграли вничью с «Расингом», стартовать никак не получалось, я чувствовал, что на меня устремлены все взоры, я чувствовал себя одиноким, а тут вдруг приходит Андрес и советует мне не волноваться, – продолжает Гвардиола. – Трудно себе представить нечто подобное, потому что такие вещи происходят очень редко, а кроме того, речь идет об Иньесте, человеке, которому непросто бывает выражать свои эмоции. И после того как он ушел, я спросил себя: как могут люди говорить, что тренеры должны быть хладнокровны в принятии своих решений? Обезличенными? Это же чепуха! Как я могу быть холодным и отрешенным с Андресом? Извините, это выше моих сил. 86 % людей не верило в мои перспективы [согласно онлайн-опросу]. Многие хотели и ждали прихода Моуриньо. Мы не побеждали, никак не могли начать нормально играть. А потом приходит Андрес и говорит мне такое?! И как я должен быть хладнокровным после этого? Это нереально. Выкиньте это из головы! Тут было что-то глубинное. Это не было холодным расчетом и не должно было им быть. Нет никаких сомнений: Андрес будет играть у меня, всегда. Потому что он лучший. И потому что такие вещи не забываются. Почему он пришел в мой офис? Я не знаю».

ВОТ ТАКОЙ ОН, АНДРЕС. ГОВОРИТ МАЛО, ТОЛЬКО КОГДА СИТУАЦИЯ ТОГО ТРЕБУЕТ.

Лоренсо Буэнавентура – член тренерского штаба Гвардиолы, ответственный за физподготовку. Он следовал за Пепом из «Барселоны» в «Баварию», а оттуда перешел вместе с ним на работу в «Манчестер Сити». Теперь он делится с нами своими воспоминаниями и предлагает свою версию ответа на этот вопрос.

«Почему он пришел? Полагаю, он руководствовался своими чувствами в этот момент; вероятно он так поступил, потому что

считал это важным для себя, – говорит он. – Андрес никогда ничего не будет делать, если по-настоящему не верит в истинность этого; он поступил так, потому что ему показалось правильным это сделать. Он искренен, всегда».

Гвардиола признается: «Быть может, он заговорил со мной потому, что видел, что мы следуем методу, что все хорошо тренируются, а еще потому, что мы объясняли игрокам, *почему* поступали так, как поступали, а самое главное, потому что такой футбол был ему привычен, он рос и формировался на таком футболе с тех пор, как был еще вот таким».

«Были и другие футболисты, посылавшие нам такие маленькие послания, – настаивает Буэнавентура. – Это правда, – соглашается Гвардиола. – Но месседж Андреса был сильным и впечатляющим. Как я могу забыть об этом? Я до сих пор вижу перед глазами, как он стоит у двери и смотрит на меня. *«De puta madre»*. Сказал и ушел. А я думал: «Ну-у, если Андрес такое говорит…»

Андрес и Кройфф оказались правы: решение Гвардиолы сохранить философию оказалось оправданным. В третьем туре «Барселона» забила шесть мячей в ворота хихонского «Спортинга» и с тех пор больше не оглядывалась назад; все встало на свои места, все заработало очень гладко. В течение нескольких месяцев команда стала примером для подражания для всех. И не только по причине результатов – ни одна испанская команда прежде не оформляла требла, не говоря уже о шести выигранных трофеях из шести, – но в том числе из-за того, как они играли, как обращались с мячом, с болельщиками и даже соперниками. У них был другой подход, свое видение футбола и свой способ выражать взгляды на него, и олицетворением всего этого были такие игроки, как Иньеста.

«Кажется, что мы никогда не относимся к Андресу так, как должно; не видно, чтобы он получал должного признания. Как игрок он подлинное воплощение футбола, – говорит Гвардиола. – Он никогда не говорит о себе, никогда ничего не требует, но люди, считающие, что он доволен одним тем фактом, что он играет, ошибаются. Если бы он считал, что в какой-то год может выиграть Золотой Мяч, он бы захотел выиграть его. Почему? Потому что сказал бы себе: «Я – лучший».

«Думаю, что Пако подобрал идеальные слова, чтобы описать его», – говорит Гвардиола. Пако Сейруло раньше был тренером «Барселоны» по физподготовке, он натаскивал Лоренсо Буэнавентуру в этом деле; теперь Гвардиола сам цитирует слова Сейруло об Иньесте. «Андрес – один из величайших. Почему? Потому что он властитель пространства и времени. Он знает, где

находится в каждый момент времени. Даже в полузащите, находясь в окружении бесчисленного количества соперников, он всегда выбирает правильный путь. Он всегда знает, где и когда находится. А еще эта его уникальная способность уходить от опеки. Он выбирается, потом тормозит, потом снова выходит из окружения и снова делает паузу. Очень мало игроков на такое способны.

Есть футболисты, которые очень хороши в игре на флангах, но не понимают, как нужно действовать в середине поля. Есть футболисты, блестяще играющие в центре, но не обладающие физикой и ногами, необходимыми для игры на фланге. Андрес может играть и там, и там. Когда ты играешь у бровки, как вингер, тебе легче. Ты все видишь: все, что происходит вокруг и в центре, видишь всю группу игроков. Когда играешь в центре, ничего не видишь, потому что вокруг тебя столько всего происходит на ограниченном пространстве. Ты не знаешь, откуда на тебя придут соперники и сколько их будет. Великие футболисты – те, кто знает, как играть в обеих этих ситуациях, в разном окружении. Андрес не просто обладает способностью видеть все и знает, что нужно делать, он еще и наделен талантом, необходимым, чтобы исполнить задуманное; он умеет прорываться через эти линии соперников. Он видит, что нужно делать, и делает.

Я уже несколько лет тренирую и пришел к выводу, что по-настоящему хороший игрок хорош всегда, – говорит Гвардиола. – Очень трудно научить плохого игрока быть толковым. Невозможно научить человека дриблингу. Нужно уметь выбирать правильный момент для обводки, чувствовать то мгновение, когда можно застать оппонента врасплох, уйти от него и открыть себе новый вариант развития событий… Дриблинг исходит изнутри, это уловка, обманка. Дело не в скорости и не в физической готовности. Это искусство».

Лоренсо Буэнавентура говорит: «Настоящее умение Андреса – это его паузы. В этом ключ, это самый важный аспект его игры. Люди говорят: «Посмотрите, какой он быстрый!» Нет, нет, соль не в этом. Дело тут не в скорости, не в том, как быстро он перемещается; вся штука тут в том, как он останавливается и когда стартует снова после паузы».

Гвардиола добавляет: «Тито Виланова очень хорошо определял его манеру игры. Тито говорил: «Андрес не бегает, он скользит. Как хоккеист, только без коньков. Шшшшш, шшшшш, шшшшш…» Такое описание вызывает в моей памяти много ассоциаций, оно очень живое и красноречивое, думаю, что оно точно. Он движется в одну сторону, словно скользя, и следит за

всем, что происходит вокруг него. А потом внезапно поворачивает в другую сторону с той же неизменной легкостью и плавностью движений. Да, это правда, Андрес не бегает, он скользит по траве».

Пеп добавляет: «Иногда в жизни значение имеет первое впечатление, и мое первое впечатление об Андресе сложилось в тот день, когда мой брат Пере, работавший в то время на Nike, рассказал мне об Иньесте. Я тогда еще сам играл за «Барселону», и он мне сказал: «Пеп, тебе надо прийти посмотреть на этого парня». Это было перед финалом Nike Cup. Помню, что я быстро переоделся после тренировки, чтобы поспешить туда, я очень торопился к стадиону. И да, я увидел, насколько он хорош. Я сказал себе: «Этот парень будет играть за «Барселону», без сомнений… у него все получится». Я говорил это себе, и Пере считал так же.

После финала, в котором Андрес был лучшим игроком на поле, я, покидая стадион, наткнулся на Сантьяго Сегуролу, футбольного автора. Я сказал ему: «Я только что видел нечто невероятное». У меня было ощущение, что я только что стал свидетелем чего-то уникального. Таким было мое первое впечатление об Андресе».

«Но позднее, – признается Гвардиола, – я начал по-настоящему ценить кое-что еще в игре Андреса, кое-что, что открылось мне только со временем: важность прессинга центральных защитников. Никто им не занимается. Но посмотрите на его игру – и вы увидите. Если центральный защитник начинает движение вперед, все мигом раскрывается; все оборонительное построение нарушается и утрачивает организацию, и появляются свободные зоны, которых прежде не было. Вся суть в прорыве линий с целью найти свободные зоны позади них. Открыть, а потом найти.

К примеру, мы организуем нашу атаку таким образом, чтобы Лео Месси мог атаковать центральных защитников, – объясняет Гвардиола. – Нам приходилось атаковать таким образом, чтобы доставить мяч Андресу и Лео, чтобы они могли атаковать центральных защитников и тем самым раскрывать свободные зоны. Когда нам это удавалось, мы понимали, что победа в матче нам обеспечена, так как Лео забивал голы, а Андрес генерировал все остальное: дриблинг, численное преимущество, последний пас, как на фланг, так и через центр, он нарушал баланс в игре соперника. В наши дни дриблинг – это все. И именно Андрес раскрыл мне глаза на то, как важно инсайду или полузащитнику тоже уметь обыгрывать. Если он идет в обводку, если тащит мяч и обыгрывает соперников, то игра течет в нужном русле. Со

временем я это увидел и оценил».

В этот момент беседы Буэнавентура отмечает другой момент: есть нечто еще, что отличает Андреса от остальных игроков. И то, что Гвардиоле потребовалось время, чтобы увидеть это качество игрока – это его умение прессинговать и атаковать центральных защитников, только подтверждает это. «Мы в футболе имеем привычку идеализировать и восхвалять молодых игроков, которые до сих пор ничего существенного не добились, – говорит Буэнавентура. – Андрес – единственный игрок, который получил заслуженное признание в возрасте 27–28 лет. Некоторые его партнеры говорят тебе: «Лео уникален, Луис Суарес блистателен, но Андрес – лучший, с кем я играл». Это признание шло к нему очень долго. Посмотрите на Неймара, к примеру. Ему еще двадцати лет не было, а все уже считали его лучшим игроком в Бразилии. Андресу же на контрасте пришлось ждать 27–28 лет, чтобы влиятельные фигуры мира футбола признали его талант и сказали: «Этот парень лучше всех». Странно, потому что парень с талантом его масштаба должен быть у всех на устах уже в двадцать лет. Уже тогда люди должны были говорить: «Вот он, лучший; никто другой, только *он*». Любопытно. Не очень понимаю, почему все получилось по-другому».

В КОНЦЕ СЕЗОНА 2008/09 «БАРСЕЛОНА» ВЫИГРАЛА ШЕСТЬ ТИТУЛОВ. ИЗ ШЕСТИ ВОЗМОЖНЫХ.

По словам Лоренсо, есть еще кое-что, что люди осознали не сразу. «Люди спрашивали: «Хави или Иньеста?» А Пеп отвечал: «Хави *и* Иньеста». Они оба. Не один и не другой. А всегда только вместе, в связке. Люди говорили, что они не смогут играть вместе. Неправда. Им нельзя играть порознь».

* * *

Гвардиола вспоминает момент славы Иньесты в Лондоне, прокручивая в голове события лигочемпионского полуфинала на «Стэмфорд Бридж» в 2009-м. «Самуэль Это’о плохо подработал мяч, Эссьен не сумел как следует выбить его, Лео подхватил, Андрес сделал шаг назад, чтобы получить пространство для удара… – говорит он. – И даже сам Усэйн Болт не смог бы пробежать так быстро, как бежал я вдоль бровки после гола. Мы подошли к концу игры, не нанеся ни единого удара в створ. Но была вера, что что-то еще может произойти. Тогда все так здорово складывалось, несмотря на тяжелый старт сезона. Тремя днями ранее мы разгромили «Реал Мадрид» 6: 2. И вот шла последняя

минут полуфинала Кубка чемпионов, и мы все ждали, верили и думали: «Что-то еще может произойти». Не знаю, что именно, но что-то внутри подсказывало, что шанс у нас еще будет, что мы еще сможем забить гол. Чего я точно себе не представлял, так этого того, что забьет Андрес. Можно было ждать гола от Самуэля, от Лео… от кого угодно. Даже от Жерара Пике, который в таких сложных ситуациях оказывался в атаке. Но только не от Андреса. В штрафной «Челси» было восемь игроков «Барселоны», а в верхний угол ворот попал тот, кто находился за ее пределами. И изо всех игроков им оказался Андрес Иньеста.

Никогда не представлял себе, что на «Стэмфорд Бридж» забьет Андрес. Или в финале Чемпионата мира. Можно было провести опрос: «Кто забьет?» Андрес даже в список вариантов бы не попал. Но он подготовил футболку в честь Дани Харке к финалу Чемпионата мира, потому что верил, что может забить. Не спрашивайте почему – у великих свои причуды, они отличают их от остальных. В Андресе что-то такое есть. Называйте это интуицией или как угодно еще, но это нечто в нем есть. Неслучайно, что такие вещи происходят именно с ним».

И того гола в финале не случилось бы без «Стэмфорд Бридж».

XI. Боль

В перерыве Пеп сказал нам: «Мы играем ради правой ноги Андреса!»

Карлес Пуйоль о финале Кубка Короля-2009

Тем майским вечером 2009-го Марио надорвал свои голосовые связки. «Мне пришлось шестьдесят дней не повышать голос из страха, что они снова могут повредиться, – говорит он. – Марио – фанат «Барсы» до мозга костей, о чем свидетельствует герб клуба, вытатуированный у него на руке. Той ночью после безумия «Стэмфорд Бридж» он отправился спать счастливым, восторженным, в полном экстазе и преисполненный гордостью за команду, чей победный гол он приветствовал таким первобытным криком, что на следующее утро почувствовал в горле вздувшийся ком. Он так испугался, что стал искать в Интернете информацию в попытке поставить себе диагноз онлайн, и так забеспокоился, прочитав то, что нашел там, что тут же отправился на поиски доктора. А потом объяснил ему, что именно произошло вечером, которым состоялась игра «Челси» против «Барсы».

«Вы много кричали прошлой ночью?» – спрашивал доктор.

«Много ли я кричал? Нет, я кричал *muchisímo*[3] – отвечал ему Марио. – Вы что, матч не смотрели? Не видели гола Иньесты?» – допытывался у доктора ошарашенный пациент, словно каждый житель планеты видел этот гол.

Доктор заключил, что Марио повредил свои голосовые связки, потому что очень много кричал, когда «Барселона» пробилась в финал Лиги чемпионов-2009 благодаря голу Иньесты в ворота «Челси» на последней минуте матча. «Им пришлось взять у меня кровь на анализ, сделать мне пункцию, укол, а потом убрали вздутие. Было неприятно, но не так неприятно, как то, что в день финала я не мог повышать голос, чтобы отметить голы Это'о и Месси, которые принесли нам победу».

А сколько других болельщицких историй от фанатов «Барселоны» связано с той ночью и голом Андреса Иньесты… Статистика роддомов Барселоны даже свидетельствовала о том, что через девять месяцев после той игры случился всплеск рождаемости. У многих болельщиков под конец игры сел голос, хотя никто не праздновал так бурно, как Марио. Андрес тоже проверил свои голосовые связки на прочность, когда отмечал победный удар в ворота Петра Чеха, после чего, сорвав с себя

футболку, побежал вдоль бровки поля «Стэмфорд Бридж» устанавливать новый рекорд на 50-метровке. Ассистент тренера Аурели Альтимира только что обогнал в забеге вратаря Пинто, а Боян отстал от них не слишком сильно: каждый из них бежал что было мочи, чтобы первым поздравить Иньесту, быстро оказавшегося в куче-мале игроков «Барселоны».

«Мы ехали в автобусе на стадион, – вспоминает Боян. – И я сказал ему: «Послушай, Андрес, если забьешь гол, я куплю тебе билеты на финал Лиги чемпионов». Это был мир шиворот-навыворот – форвард спрашивал у полузащитника, не будет ли тот против забить гол, в котором команда так нуждалась, чтобы выбить «Челси» из борьбы.

Возвышение «Барселоны» эры Гвардиолы совсем недавно было отмечено первым ее внушительным шедевром «для музеев»: разгромом мадридского «Реала» на «Сантьяго Бернабеу» со счетом 6: 2 в Ла Лиге. Теперь команда искала возможность попасть в финал Лиги чемпионов. Полуфинал вышел далеко не ярким и не зрелищным по игре, время текло, а «Барселона» все никак не могла нанести по воротам Чеха хотя бы один удар. Двухметровый голкипер с огромными руками и статной фигурой заполнял собой ворота и был похож на стену, которую, как казалось, «Барселоне» никогда не сокрушить. К тому же против них играло время, оно было на стороне «Челси».

Несмотря на всю чрезвычайность ситуации, «Барселона» не отказалась от привычного для себя терпеливого подхода к игре в пас. В штрафную не летели отчаянные забросы из глубины. Они не отреклись от своего стиля, предполагавшего, что мяч должен ходить низом от игрока к игроку, проходя через ноги каждого футболиста команды. Болельщики тоже знали об этом, хотя не все из них проявляли то же терпение, что и игроки, аккуратно переводившие мяч с одного края поля на другой в поисках бреши в обороне «Челси». Это терпение им привил Гвардиола; Иньеста об этом знал, равно как и Марио.

Тик-так, тик-так, тик-так – ходил мяч, пока команда продвигалась вперед как единое целое, а Хави был ее компасом. Именно он нашел Алвеса пасом на правый фланг. Крайний защитник оказался свободен и никем не прикрыт, поскольку все игроки «Челси», казалось, отошли в штрафную Чеха, чтобы окружить Пике, чье умение сыграть на втором этаже превращало его в дополнительного форварда на случай экстренных ситуаций. Игра «Барсы» предполагает этот стилевой компромисс в ситуациях, когда команда отчаянно нуждается в голе на последних минутах матча и пытается не дать развернуться вратарю соперника.

«МНОГО ЛИ Я КРИЧАЛ? НЕТ, Я КРИЧАЛ MUCHISÍMO[4], – ОТВЕЧАЛ ЕМУ МАРИО. – ВЫ ЧТО, МАТЧ НЕ СМОТРЕЛИ? НЕ ВИДЕЛИ ГОЛА ИНЬЕСТЫ?»

Навес в исполнении Алвеса получился высоким и крученым. Мячу потребовалось немало времени, чтобы долететь до Терри, выбившего его из штрафной «Челси» так же, как он это делал бесчисленное количество раз за свою долгую карьеру в клубе. Он был первым на мяче, опередив в борьбе Пике и, разумеется, Бояна, изобретательного и хитрого, но больше специализировавшегося на умении вовремя подставить ногу, нежели побеждать в верховых дуэлях.

Наилучшим противоядием «Барсы» для такого защитника, как Терри, был форвард Это'о. Беспрестанно находившийся в движении камерунец нашел свободную зону на дальней штанге, но когда мяч прилетел к нему, ноги его подвели, и касание вышло неаккуратным. Он всегда лучше умел завершить атаку точным ударом, нежели дать ей новое начало ловким подбором, к тому же его, вероятно, удивило то, как мяч отскочил от макушки головы Терри.

«Я не смог обработать мяч как следует, – говорит камерунский нападающий. – У меня совсем не получилось это сделать, но в результате мяч отскочил к Лео».

Время для «Барсы» уже почти истекло, а игра застряла где-то посередине между атаками «Барселоны» и попытками «Челси» отбиться. Любая ошибка на этом этапе игры означала, что времени исправить ее уже не будет, а сама последняя атака гостей выглядела как череда ошибок и оплошностей.

Навес Алвеса вышел неточным, а Это'о не смог подработать себе мяч. Но потом случилась и ошибка игрока «Челси». Эссьен не сумел выбить мяч, махнув мимо него ногой. У него была возможность выбить его подальше из штрафной, но вместо этого он подарил его Месси. Десятый номер «Барсы» принял несколько неожиданное решение, которое не ожидал даже Андрес, следовавший за атакой по пятам, начиная с паса Хави на Алвеса, и теперь находившийся на границе штрафной площади, прямо перед «домом» Чеха, где он и ждал мяч.

Месси укротил ничейный мяч первым же касанием левой ноги; у него было совсем мало свободного пространства, и он уже был измотан, отдав все силы титанической борьбе за выход в финал. Аргентинец сделал еще одно касание, чтобы защитить мяч от неизбежно надвигавшегося вторжения «синих», и в тот самый момент, когда трое игроков «Челси» уже наседали на него, а он начинал спотыкаться и падать, он сделал пас правой ногой в

район линии штрафной площади.

А там был Андрес – пассивно наблюдавший за навесом Алвеса, нервно обозревавший борьбу Бояна с Терри, удивлявшийся такому количеству ошибок в одной атаке, но в то же время понимавший, что на этой стадии игры ноги уже не слушаются того, что говорит им мозг.

«Я остановился у штрафной почти по инерции. Я уже был без сил», – говорит он. Но он найдет в себе силы выиграть матч и нанести удар, который изменит всю его жизнь; удар, подобный которому никто не видел ни до, ни после.

«Челси», вероятно, решил, что работа в защите уже завершена. Это'о потерял мяч, а Месси был окружен стаей соперников, вынудивших отдать его мяч. Но в атаке участвовал еще один футболист в ярко-желтой футболке, который теперь оказался с мячом в 18–19 метрах от ворот Чеха.

Он стоял недвижно, словно участвовал в каком-то другом матче, очень далеком от безумного накала полуфинала, в котором внезапно оказался. В свою правую ногу он вложил «всю силу барселонизма», как скажет потом Гвардиола. Но в тот момент казалось, что Иньеста застыл как живая скульптура, какие можно встретить на центральных улицах Барселоны или на маскарадах, – и это было обманчивым впечатлением.

Мяч прилетел к нему от Месси. За мгновение до того, как защитники «Челси» набросились на него, аргентинец успел поднять голову и выбрать вариант, которого требовала ситуация: он повел себя рассудительно и умно даже на 43-й секунде 92-й минуты полуфинала, который, как казалось, «Барса» вот-вот проиграет.

Месси отпасовал мяч Андресу. Гордый сын Ла Манчи отвел правую ногу назад, одновременно ставя левую на газон так, чтобы она стояла крепко и несокрушимо – как колонны римского Колизея, который он посетит несколькими неделями позже. А потом он запустил ракету, которую было невозможно перехватить даже всемогущему Чеху.

У мощного удара Андреса с правой ноги был один маленький секрет. Михаэль Баллак присел на колено и слегка нагнулся в сторону в момент, когда мяч начал набирать высоту, не осознавая, что его инстинктивный бросок к земле поставит крест на надеждах «Челси» попасть в полуфинал. Чех прыгнул на долю секунды позже, чем было нужно, так как был удивлен, вне всяких сомнений, что бить собирается Иньеста, который, в отличие от Пике, Бояна и Месси, нейтрализованных защитниками «Челси», был известен за свое мастерство в обращении с мячом и кружевные передачи, но никак не за грубую силу и мощь.

Это было ошибкой вратаря. «Когда Андрес пробил, я услышал звук удара по мячу», – гордо сообщает Это'о. – Мяч перелетел через Баллака, Коула и Терри, а потом миновал вытянутые руки Чеха, достигнув цели быстрее, чем показалось в первый момент. Удар был сродни заряду молнии, который через секунду лишит Марио голоса, а миллионов болельщиков «Барсы» кислорода.

Очень мало кто из наблюдавших обратил внимание на то, как Андрес освободил себе пространство прямо перед пасом Месси. Он слегка выдвинулся вперед, а затем сделал несколько шагов назад, чтобы было комфортнее принять мяч и пробить по нему. Некоторые зрители даже опустили глаза, перестав следить за атакой, поскольку увидели, что форварды «Барсы» Боян, Это'о и Месси не смогли исполнить удар ни ногами, ни головой. «Как только он пробил, я начал бежать к углу поля, – говорит Это'о. – Не спрашивайте почему, но я уже бежал, потому что не мог поверить в происходящее».

Иньеста же, напротив, ни на кого не смотрел, даже на Чеха. Он направил свое тело вперед, а затем отступил назад, совершив два-три едва заметных шажка, прежде чем направить свой любимый футбольный мяч прямиком в верхний угол ворот. «Конечно, у меня есть этот гол в записи, как и у миллионов болельщиков «Барсы» и футбольных болельщиков во всем мире. Удар был брутальным, брутальным и еще раз брутальным. Невозможно подобрать слова, чтобы описать, что я чувствовал в этот момент», – говорит Андрес так, словно только что опять перенесся на «Стэмфорд Бридж».

«По правде говоря, я ни о чем не думал: даже о том, собирается ли Лео пробить или нет. Все было потеряно. Казалось невозможным, что мы забили такой поздний гол в матче, в котором не смогли нанести ни единого удара по воротам. В той игре случилось столько всего. Эссьен, к примеру, забил фантастический гол из-за пределов штрафной ударом с нерабочей ноги. Мы играли вдесятером. Казалось, что все повернулось против нас. Я пошел вперед, потому что… а что еще я мог сделать? Броситься вперед было единственным оставшимся вариантом для нас. Я пошел к линии штрафной, но без каких-то особых ожиданий. Помню, как мы атаковали правым флангом и как Лео получил мяч в штрафной. Но защитники «Челси» быстро накрыли его, и тогда он увидел меня. Поняв, что не сможет пробить сам, он сделал передачу. А потом…» – говорит Андрес в ожидании развязки.

В тот момент, когда он должен был нанести удар, большинство людей – если бы у них было время сообразить, – должно быть, подумали: Иньеста бить не будет. Фрэнк Лэмпард

тоже был в рядах этого большинства. Он следил за ударом Андреса, находясь в трех метрах позади него. Он даже не предпринял никаких усилий для того, чтобы попытаться помешать ему. Почему? Потому что, наверное, верил, как и остальные его партнеры по команде, что лучшим исходом будет дать Иньесте пробить. Это было ошибкой. Андрес не только пробил, он еще и забил. И мяч было не остановить.

«Мяч прилетел как раз в то единственное место, которое не мог закрыть голкипер, – говорит Андрес. – Я ударил внешней стороной стопы, и мяч слегка подкрутился вбок, в сторону от Чеха, который так огромен, что реально заполняет собой ворота. Это была судьба, или, я не знаю, называйте как хотите. Люди спрашивают, было ли у меня время на то, чтобы обдумать, куда я буду бить. Да ни в жизни! Я не мог оценить все возможные варианты – бить мне с подъема, внешней стороной стопы или просто с носка. Если слишком долго об этом думать, шанс будет упущен. Это было чисто инстинктивное действие. Мяч шел ко мне не совсем удобно, так что я просто отступил назад и пробил по нему идеально. Не было времени на то, чтобы думать, поймает ли Чех мяч или нет. Ты просто бьешь, а потом видишь мяч в верхнем углу ворот».

Так они и попали в рай. Андрес сорвал с себя футболку (сначала высвободил правую руку, а потом левую) и побежал к угловому флажку. Лэмпард, знавший, что он должен был опекать Иньесту, согнулся пополам, чтобы подтянуть свои белые гетры. Этот жест был жестом сдавшегося человека. Боян побежал за своим другом, но не сумел поймать его. Это'о стал первым, кому удалось обхватить героя руками. «Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь совершал такой забег в этом матче. Нечто подобное могло произойти только с Андресом. Это было просто невероятно, – говорит он. – Не помню, что я хотел ему сказать. Но я был готов сказать ему тысячи слов, нет, миллионы».

Месси раскинул руки, словно готовясь обнять всех болельщиков «Барсы», собравшихся в том углу старого стадиона. Андрес проскользил на зеленом английском газоне, Боян поскользнулся, так что Месси опередил его, первым обняв Иньесту, поскольку Это'о убежал праздновать с фанатами. Лео стал первым в куче-мале тел, под которой Иньеста оказался погребен. Последним игроком, прыгнувшим сверху на этот завал, стал Виктор Вальдес, родственная душа Андреса из «Ла Масии»; он прибежал последним, потому что ему пришлось покрывать самую большую дистанцию. «Это был волшебный момент. Каждый болельщик «Барсы» знает, где он был, когда случился этот гол. Некоторые рассказывали мне, что ломали у себя в домах

мебель и другие вещи, потому что прыгали, празднуя гол», – говорит Андрес, которого обнимали все, кто только мог до него дотянуться, даже Эмили Рикарт.

«Это был фантастический момент, – говорит Боян. – Когда он забил, я попытался догнать его, чтобы обнять, но не смог его поймать. Когда я подбежал, он уже был под завалом из тел, так что я просто бросился сверху на эту гору игроков. Думаю, что сверху на Андресе был Лео, но мы не могли разглядеть ничьих лиц. Потом вдруг Андрес посмотрел вверх и крикнул: «Билеты, Боян! Билеты!» Я не мог поверить, что там, на углу поля «Стэмфорд Бридж», он, забив один из самых важных голов в истории «Барсы», первым делом напоминает мне о билетах. Он мог сказать об этом в раздевалке, или в самолете, или уже по приезде в Барселону, но нет, он решил напомнить мне об этом через несколько секунд после своего гола, который привел в восторг миллионы людей по всему миру».

«Вы отдали ему билеты?»

«Конечно! Как я мог не отдать?»

В многих километрах от Лондона, в городе Сан-Фелиу, что неподалеку от Барселоны, люди тоже праздновали этот гол, и среди них был Хосе Антонио Иньеста, продолжавший кричать от радости еще какое-то время после гола своего сына.

«Гол Эссьена ни секунды меня не беспокоил, – говорит Хосе Антонио. – Я всегда знал, что мальчишки доедут до Рима. Я сказал это всем, когда мы собрались смотреть матч в нашем доме в Сан-Фелиу де Льобрегат. Им удалось сотворить 6: 2 на «Бернабеу»; так как же им не справиться с «Челси» на «Стэмфорд Бридж»?

Но я должен признать, что комментаторы заставили меня понервничать по ходу матча. Они продолжали твердить о том, что мы не нанесли ни единого удара в створ. Всякий раз, когда они это повторяли, я кричал в ответ: «Значит, первый же удар и… *бабах*! Мы обязательно забьем!» Они продолжали стоять на своем, а я все так же кричал им в ответ: «Нам нужен всего один удар!» И благодаря Вальдесу, ну, вообще всем игрокам, так оно и вышло.

У нас был всего один удар в матче, но зато какой! Когда я увидел, что мяч после навеса Алвеса полетел далековато, когда я увидел, что Это'о неаккуратно принял мяч, я подумал: «Ох черт, что за дела!» Потом мяч попал к Месси, и началась магия. Сначала я подумал, что он его потеряет. Его накрывало трое защитников, но он укрыл мяч, стянул их на себя, даже успел подумать о том, чтобы пойти в обводку, а потом увидел Андреса и отдал мяч ему. А так как Месси блистателен и неподражаем, он отдал мяч на скорости. У такого мяча должна была быть скорость,

потому что Андресито правша. Когда мяч приходит к нему с правого фланга, у него нет проблем, он может с ходу пробить. Но когда он идет к нему с другой стороны, у него бывают проблемы, если пас оказывается несильным. И вот мяч прилетает к нему – и *бабах*! Он бьет внешней стороной стопы, и мяч набирает высоту и скорость, так что даже Чеху, здорово выпрыгнувшему, его не достать, уж я-то знал. Мяч летел все быстрее и быстрее, пока не пролетел мимо него.

Мы закричали. Стали обниматься. Я бросился на пол лицом вниз. Начал плакать и бить по полу руками и ногами. Пара друзей напрыгнула на меня сверху: один, второй, третий. Потом услышал гудки автомобилей и крики людей. Открыл входную дверь дома и увидел на улице членов официального фан-клуба Андреса. Люди, сидевшие в баре, стали отмечать гол. Весь город словно сошел с ума, моя семья, барселонская большая семья. Потом зазвонил мобильный. Это был он! На другом конце был Андрес, и я сказал ему: «Блестяще, Андрес, блестяще!», а он говорил мне: «Вот так-то, папа, вот так-то». И правда. Андрес привел нас всех в Рим».

* * *

Андрес вложил в этот удар свое сердце и душу, но также и тело, которое к тому моменту сезона, полного травм, каждая из которых была хуже предыдущей, уже начало давать сбои. Болячки переходили с одной ноги на другую: то случится разрыв бедренной мышцы правой ноги, то повреждение получат связки левой. Каждый визит в кабинет физиотерапевта был настоящей пыткой, и дело было не только в играх, в которых он не мог принимать участие; скорее проблемой стало возвращение прежних страхов и тревог, которые, как он думал, уже остались в прошлом.

Это произошло примерно в то же время, когда он сыграл не где-нибудь, а на позиции ложного правого вингера – в матче с «Челси» 6 мая 2009-го, – а потом исполнил ложного левого вингера – в игре с «Вильярреалом» на «Камп Ноу» четыре дня спустя. Все места на стадионе были заняты людьми, собравшимися поприветствовать возвращение «Барселоны» Гвардиолы со «Стэмфорд Бридж», и всякий раз, когда Иньеста касался мяча, болельщики запевали его имя. Болельщики аплодировали ему, ожидая скорой коронации чемпионов. До титула оставалась одна победа, но поздний гол Льоренте в матче отложил вручение чемпионского кубка до следующего тура, но

это были еще не самые печальные новости дня.

> АНДРЕС ВЛОЖИЛ В ЭТОТ УДАР СВОЕ СЕРДЦЕ И ДУШУ, НО ТАКЖЕ И ТЕЛО, КОТОРОЕ К ТОМУ МОМЕНТУ СЕЗОНА, ПОЛНОГО ТРАВМ, КАЖДАЯ ИЗ КОТОРЫХ БЫЛА ХУЖЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ, УЖЕ НАЧАЛО ДАВАТЬ СБОИ.

Игра с «Вильярреалом» завершилась вничью (3:3). Андрес покидал поле, чувствуя дискомфорт в правой ноге, той самой ноге, которой так великолепно распорядился на «Стэмфорде». Он опасался самого страшного. Он знал, что вновь травмировал себя. Эта травма стала четвертой мышечной травмой для него за последние семь месяцев. Бедро в ноябре, подколенное сухожилие в феврале, паховые мышцы в правой ноге в марте, а теперь, в волшебном, историческом мае, очередной надрыв бедренной мышцы правой ноги.

Травмы и несчастья завершили полный круг, и к своему 25-му дню рождения Андрес приближался в самом дурном настроении. «Это гораздо более удручающие новости, нежели тот факт, что мы не выиграли сегодня чемпионат. Это очень плохие новости, очень», – сокрушался безутешный Гвардиола. Он заключил, что команда осталась без Иньесты на финал Кубка Короля (он не сыграл в матче с «Атлетиком» и даже не поехал с партнерами на «Месталью») и финал Лиги чемпионов против «Юнайтед», который должен был состояться через две недели. «Я не думаю, что его можно считать склонным к травмам, но тогда нам предстояло каждые три дня проводить очень тяжелые матчи, – говорит тренер, имея в виду выезды на «Бернабеу» и «Стэмфорд Бридж» и игру с «Вильярреалом». – В конечном счете тело говорит «хватит». Андрес очень важен для нас. Он очень много дает команде».

Андрес чувствовал себя абсолютно несчастным. «Какая досада! Травма случилась в последний момент игры. Я попытался подсечь мяч вперед, но из-за накопившегося за сезон напряжения и усталости мышца не выдержала, и случилось это», – говорил он. Быть может, другой игрок и опустил руки на его месте. Быть может. Но он увидел в травме лишь еще одно препятствие, которое нужно было преодолеть. «Я сыграю в финале даже с переломами обеих ног», – сказал он себе. Именно тогда Оскар Селада, один из врачей сборной Испании, приехал, чтобы понаблюдать за тем, как шло восстановление Андреса. В Барселоне он встретился с другими докторами, среди которых был его хороший друг Дани Медина. «Андрес совсем плох», – сказал ему Медина. Селада, который всегда в равной степени

уделяет внимание как физическому, так и эмоциональному состоянию игроков, ничего другого и не ожидал, но даже он не осознавал, насколько подавлен был Андрес.

«Мне сказали, что он очень раздражен. Грубо говоря, он повредил мышцы правого бедра, ответственные за удары по мячу. Он знал, что дело серьезное. Мышца, в которой он нуждался больше всего, предала его, и теперь ей требовалось время на восстановление», – говорит врач сборной, переживавший за здоровье Андреса, а заодно беспокоившийся за Висенте дель Боске, так как Кубок Конфедераций, его первый крупный турнир на посту тренера испанской команды, уже вот-вот должен был начаться.

День своего 25-го дня рождения, 11 мая 2009-го, Андрес провел в госпитале «Барселоны», в компании доктора «Барсы» Рикарда Пруны. «Надрыв был очень небольшой; далеко не такой серьезный, как то, что я получил в ноябре. И он в другом месте, – сказал игрок, раскрывая подробности своей самой свежей травмы. – К счастью, он случился чуть ниже предыдущего, и он несерьезен; два сантиметра, не больше».

Два сантиметра – значит, две недели на восстановление, а до финала Лиги чемпионов оставалось 16 дней. Слезы уже высохли, и никаких признаков отчаяния на его лице, которые были так отчетливо видны в раздевалке, где его обследовал Эмили Рикарт, готовившийся лечить уже третью травму его правой ноги из четырех, что он получил в том сезоне, уже не осталось.

Покидая поле, он сказал доктору Пруне: «Что бы там ни было, я поеду в Рим. Что бы ни случилось, я там буду». Там и тогда он уже начал восстановительную работу. Восстановиться к финалу станет его идеей-фикс, и для достижения этой цели ему придется выиграть гонку у времени. Наверное, любой другой игрок на его месте сдался бы. Но не он; со всем своим упрямством он верил в то, что сумеет это сделать, и ни секунды не сомневался.

«Это был удар. Если кто-то из игроков и заслуживает права сыграть в финале, то это Андрес», – сказал Пуйоль, вспоминая безо всяких просьб и подсказок парижский финал, случившийся тремя годами ранее. Ту игру Андрес должен был выиграть, выйдя со скамейки запасных.

«Ради таких матчей необходимо идти на риск. Я бы точно пошел. Андрес – суперзвезда, он делает результат в таких матчах и никогда не прячется». Он принял как само собой разумеющийся факт то, что Андрес будет играть в финале. Что Андрес сможет восстановиться и выйти на поле. Селада был обеспокоен, но тоже знал, что парень дойдет до финала. «Мне сказали, что я сыграю в финале», – сказал Андрес. Селада сообщил об этом Пруне, а тот в

свою очередь сказал Андресу.

Но Пруна сразу предупредил Андреса о том, как трудно ему будет успеть в срок; он сказал ему, что на самом деле случилось с его правой ногой. «Нет, там был не просто маленький надрыв. Я сказал ему: «Андрес, у тебя дыра в мышце правого бедра».

Совершенно точно было ясно, что он пропустит финал Кубка Короля на «Месталье» против «Атлетика», первый финал «Барселоны» при Гвардиоле, менеджере, который произвел революцию во всех аспектах жизни клуба, включая и его представления о подготовке к таким матчам: он решил, что команда поедет на финал в день матча.

Некоторые критики обвиняли Гвардиолу в том, что он недостаточно бережет игрока, который после недавней мышечной травмы начинал с первых минут аж 16 матчей подряд. «Иньеста? Я, наверное, был не прав, что не убирал его с поля, – признает Гвардиола. – Но если бы я заменил его за 6 минут до конца матча в Лондоне, мы бы не попали в финал». Иньесты не было в самолете, летевшем в Валенсию. Он остался в Барселоне, по-прежнему надеясь, что в скором времени вернется в строй. Он вел подсчет каждой минуты, оставшейся ему до финала в Риме, и не мог позволить себе тратить впустую ни секунды. На финал полетела вся команда; все игроки, кроме него.

В его отсутствие «Барселона» завоевала Кубок Короля. Иньеста был полон решимости помочь партнерам добавить к этому трофею еще и Кубок чемпионов. «Нет проблем, пап. Я сыграю в Риме», – объявил он Хосе Антонио, сказав ему почти те же самые слова, которые произнес в разговоре с Рикардом Пруной, уводившим его с поля «Камп Ноу», пока сердца болельщиков «Барселоны» в едином порыве замирали от одного вида того, как он держится за свою правую ногу, одновременно благословенную и проклятую.

Рикард, Эмили и Рамон обо всем позаботятся. «Это был один из тех случаев, когда врач и пациент становятся одним целым», – говорит Пруна. Волшебные руки Эмили Рикарта, больше чем просто физиотерапевта, и ученый взгляд Рамона Кугата, доктора, к которому ходил на лечение каждый игрок «Барселоны» (включая и Гвардиолу, когда он, будучи игроком, нуждался в помощи специалиста), начали искать выход из тупика проблем Иньесты. «Та самая «бьющая» мышца бедра, это, по сути, группа из четырех взаимосвязанных мускулов, – эта область может быть очень проблемной», – вспоминает Эмили те непростые весенние дни 2009-го. Тогда дни один за другим зачеркивались в календаре красным крестом, а мышцы все никак не подавали признаков восстановления.

«Эти травмы могут здорово вводить в заблуждение, – говорит Кугат, объясняющий, что *rectus femoris*, как называется эта мышца в учебниках по медицине, имеет два сухожилия, делающих эту мышцу жизненно важной для любого футболиста. – Мы применяли к травме Андреса консервативные методы лечения, а каждые три-четыре дня доктор Марта Руис с максимальной точностью сканировала ногу, чтобы отследить прогресс заживления травмы.

«Все складывалось хорошо, по крайней мере, так казалось, но мы все знали, что время не на нашей стороне, – признавался Кугат. Он знал, что Андрес не до конца в порядке. – Мы ищем общее решение, которое может помочь игроку в столь деликатный момент: «Мы думаем, что травма не помешает тебе сыграть, Андрес. Мы будем работать до последнего момента» – так мы ему говорили», – утверждает Пруна.

Все поклялись выиграть гонку со временем, и, конечно, у «бьющей» мышцы – столь часто повреждавшейся – не было выбора в этом вопросе, ей пришлось поддаться. Доктора, физиотерапевты, тренер и игрок боролись за возвращение в строй каждый божий день. Тем временем сборная Испании Висенте дель Боске нервно ожидала новостей в Мадриде.

«Играй до тех пор, пока больше не сможешь. Держись так долго, как только можешь, идет?» – такие слова Эмили шептал Андресу каждый день в попытках найти позитивную мотивацию, которая бы помогла игроку вернуться в прежнее состояние. Что же до Пруны, то он давал Иньесте инструкции: «Послушай, Андрес, можешь играть сколько хочешь, но я запрещаю тебе одно: бить по воротам. Не бей!» Андрес был поначалу шокирован его словами, но желание сыграть в финале и исполнить там важную роль перевесило страхи и сомнения. Несмотря на травму, он ощущал себя важным игроком команды, не так как это было в Париже, где он был игроком скамейки, вторым выбором тренера.

* * *

«С самого начала все пошло хорошо. То видео, гол Самуэля [Это'о], все», – Эмили вспоминает момент перед финалом Лиги чемпионов 2009 года, когда Гвардиола неожиданно для всех решил сократить время предматчевой разминки и созвать игроков в раздевалку, оставив «Манчестер Юнайтед» сэра Алекса Фергюсона с Криштиану Роналду во главе разминаться на поле в одиночестве.

ОН НАЧАЛ ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ. ИЗ РИМА ПРЯМИКОМ В ХАОС НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.

Когда игроки пришли, свет в раздевалке погас. Ни с того ни с сего. Никто не знал, что происходит. Всего за несколько минут до своего первого финала Лиги чемпионов в качестве менеджера «Барсы» Гвардиола, герой детства Иньесты наряду с Микаэлем Лаудрупом, собирался нарушить привычный ход подготовки к матчу. В темной раздевалке Олимпийского стадиона в Риме он включил игрокам видео. Оно было не очень длинным. Продлилось едва ли восемь минут. Но этого хватило для того, чтобы покорить сердца и души игроков.

«Меня зовут Гладиатор…» – такими были первые слова, которые услышали игроки, начав смотреть ролик, а первыми кадрами были эпизоды из одноименного фильма и съемка стадиона, где должен был состояться финал, с высоты птичьего полета. На заднем фоне они слышали гул вертолетов, от которого содрогалось ночное небо над Римом. Потом шли кадры, на которых Виктор Вальдес дважды отбивал опаснейшие удары Дрогба в полуфинале на «Камп Ноу». Потом шел сэйв Пинто в полуфинале Кубка Короля. «Я прыгну в ту сторону», – подсказывал он исполнявшему пенальти Марти, указывая в левую от себя сторону. Игрок «Мальорки» пробил по мячу, направив его влево от Пинто, и голкипер взял удар. Перед тем как Марти исполнил удар, Пинто протянул ему руку, словно уже в тот момент чувствовал себя победителем в этой дуэли. А следом шли кадры с участием каждого игрока команды – в соответствии со строгим наказом Гвардиолы. Андрес, разумеется, тоже был в ролике, но первыми кадрами с его участием был не момент славы на «Стэмфорд Бридж», а видео с тренировки, на которой он обменивался передачами с Эмили – словно они вышли попинать мяч на площадку возле школы, – снятом по ходу его восстановления после травмы. Эти кадры шли перед клипом, в котором он исполнял точный дальний удар с правой в матче с «Севильей»; обыгрывал соперника у бровки в игре с «Атлетиком»; лил воду себе на голову – и все это уместилось секунд в десять хронометража.

Один за другим каждый игрок команды получил свою «минуту славы», пусть даже кадры с игрой некоторых из них отыскать было непросто, как это было, например, с аргентинским защитником Габи Милито, пользовавшимся огромным уважением и популярностью в раздевалке, но пропустившим большую часть сезона по причине тяжелой травмы. Иногда лидерами команды становятся не самые талантливые ее игроки и не те, кто играет в

каждом матче. Было трудно отыскать и кадры с участием резервного голкипера Хоркеры, который тоже пережил серьезную травму, но который тоже смог попасть в короткометражный фильм. Игрокам с каждой секундой эпического «Гладиатора» Гвардиолы становилось все труднее усидеть в тишине. «У нас будет больше шансов выжить, если мы будем сражаться вместе», – бросает боевой клич человек, чье лицо скрыто шлемом, – голос Рассела Кроу резонирует в темноте раздевалки римского стадиона.

На трибунах Олимпийского стадиона тысячи болельщиков «Барсы», тысячи фанатов «Юнайтед», а с ними и миллионы футбольных болельщиков по всему миру ожидали начала финального матча, возвещавшего о начале новой эпохи. Тем временем игроки, сидя на краешках своих стульев, смотрели историю своего сезона, которую подытоживали кадры с голами Месси, меткими ударами Хави со штрафных, с забегами Это'о от защитников и, наконец, с потрясающим голом Иньесты. С голом, который был показан с точки зрения болельщиков, собравшихся на трибунах «Стэмфорд Бридж» и видевших, как Андрес бежит, размахивая футболкой, а потом падает и в мгновение ока оказывается погребен под Месси, Бояном и целой горой из человеческих тех, объятых эйфорией. «Когда-то Рим был нашей мечтой», – говорит Кроу, гладиатор из фильма Ридли Скотта, перед тем как выйти на битву в Колизее, и в этот момент на экране появляется Андрес, «дающий пять» Хави в туннеле перед матчем и улыбающийся улыбкой чемпиона. Фильм завершается божественным мотивом «Nessun Dorma» из оперы «Турандот». Он звучал как предчувствие.

Санти Падро, журналист с каталонского телеканала TV3, был автором этого великолепного аудиовизуального воззвания к игрокам, а смонтировать его попросили Пеп и его брат, а по совместительству и агент Иньесты, Пере Гвардиола. Он понятия не имел, каким видео получится в конечном итоге, а вы можете попробовать себе представить, каким было давление, что он ощутил в тот момент, когда получил текстовое сообщение от своего друга, тренера «Барселоны»: «Санти, окажи мне услугу, помоги мне выиграть Кубок чемпионов». Ему пришлось перечитать послание несколько раз, чтобы осознать его смысл. «Мои колени дрожали», – признается он. «Что угодно для тебя, Пеп», – ответил он.

«Мне нужно видео, в котором появятся все игроки команды. Делай что хочешь, но они все должны быть в ролике, каждый из них», – уточнял тренер. И все в итоге появились. Все, кроме самого Пепа. «А Пере предложил мне использовать кадры

«Гладиатора», – говорит Санти. – Нам повезло в том смысле, что Жоан Буйчеда и Анхель Муньос, мои коллеги с TV3, подготовили специальное видео, посвященное трем финалам «Барселоны» в Лиге чемпионов – в Лондоне, Париже и Риме, – и наложили на него музыку из «Гладиатора», разбавив кадрами некоторых голов «Барсы». В пятницу, предшествовавшую финальному матчу, я приобрел DVD с режиссерской версией «Гладиатора». В воскресенье, за три дня до финала, мы закрылись в кабинете с Жорди Гайя – еще одним нашим продюсером с канала, человеком, способным сделать любую хорошую твою идею еще лучше. Мы начали работу в 11 часов вечера воскресенья и завершили ее к восьми утра понедельника».

Потребовалось восемь часов, чтобы создать фильм длиной в семь минут и 10 секунд. «Вот, Пеп», – сказал Санти в понедельник, за 48 часов до финала, передав видео Гвардиоле в тренировочном комплексе «Барсы» в Сан-Жоан-Деспи. В тишине офиса Гвардиолы они пересмотрели ролик. Потом тренер позвал ассистентов. Когда Санти уже покидал тренировочный центр, он услышал голос тренера: «Эй, Санти, если мы выиграем Лигу чемпионов, я разрешу тебе показать ролик в эфире TV3». Санти даже и не думал о такой возможности. Когда же он, наконец, вышел в эфир, он получил самые высокие телерейтинги того дня. Не меньше миллиона трехсот тысяч человек посмотрели видео, которое смотрели игроки «Барсы» перед финальным матчем, – невероятные 42,3 % аудитории.

Но когда Пеп и Пере поручили Санти Падро эту работу, мысль о том, что ролик попадет в эфир, пришла ему в голову в самую последнюю очередь. «Я смотрел финал по телевизору и, когда команда вышла на поле, услышал, как играет «Nessun Dorma». «Я не могу поверить!» У меня по телу побежали мурашки, когда я увидел, как команда выходит под звуки оперы Андреа Бочелли». Та же песня была использована в мотивирующем ролике, и теперь Андрес улыбался той же улыбкой победителя, что и в видео.

«Я хотел сделать что-нибудь такое, что тронуло бы игроков; что-то, что действительно задело бы их за живое. У меня были благие намерения, но я не уверен, что видео имело такой эффект, какой я ожидал, ведь в первые десять минут мы едва не проиграли матч», – вспоминает Гвардиола. «Барселона» ужасно начала матч против мощного «Манчестер Юнайтед», который мог похвастать молодым Криштиану Роналду, выигравшим свой первый Кубок чемпионов сезоном ранее в Москве в игре с «Челси», а также Тевесом, Руни и Гиггзом в составе.

За девять первых минут матча Роналду нанес три удара, и

каждый следующий был опаснее предыдущего. «Барселона» была вынуждена искать спасения в перчатках Вальдеса, но Андрес чувствовал, что «Барсе» суждено выиграть финал, и неуверенный старт игры не изменил его мнения на этот счет. Он уже выиграл свою персональную битву, победив законы природы, твердившие ему, что восстановиться от очередной мышечной травмы всего за 16 дней попросту невозможно.

Роналду ломился в дверь, а «Барса» все никак не могла прийти в себя. Сэр Алекс жевал свою жвачку все яростнее, пока взволнованный Гвардиола скакал туда-сюда по бровке. Но тут Андрес, следуя совету доктора «играть, пока можешь», подхватил мяч в полузащите на десятой минуте матча и изменил ход игры. Видео больше не занимало умы игроков, теперь на первый план вышел футбол. Андерсон и Каррик рванули в погоню за Андресом, игроки очень физически мощные и крупные в сравнении с ним. Они держали оборону в центре поля, надеясь помешать Андресу и не дать ему продвинуться дальше, но он ушел от обоих, словно мяч прилип к его правой бутсе. Каррик оказался настойчивее всех, он чувствовал, что должен поймать Иньесту во что бы то ни стало, но в последнюю секунду, когда показалось, что он уже успел лишить его мяча, Андрес отдал передачу Это'о, легко ускользнувшему от Эвра и направившему мяч в сетку ворот.

«Только Андрес мог сделать мне такой шикарный пас, какой он сделал в Риме. Мяч прилетел ко мне настолько точно и удобно, что помог сразу же уйти от первого защитника. Мне удалось пройти его просто за счет движения корпуса, потому что передача сделала за меня все остальное», – говорит Это'о.

Как только он получил пас от Андреса – «он буквально вывел меня на удар», – Это'о сделал то, что умеет лучше всего: избежал двух попыток отбора и, обманув двух закаленных в битвах центральных защитников «МЮ» – Видича и Фердинанда, резко пробил, запустив мяч под ближнюю штангу ворот Ван дер Сара как раз в тот момент, когда голкипер уже начал заваливаться в сторону дальней. Фергюсон начал понимать, что его команда утрачивает контроль над ходом финального матча, как бы Роналду ни пытался призвать партнеров, а заодно и болельщиков «Юнайтед» к спокойствию. Сидевший на скамейке запасных «Барселоны» Эмили смотрел не за игрой – он следил только за правой ногой Андреса Иньесты.

Иньеста, впрочем, ни о чем таком не думал. По крайней мере, он не думал об этом, когда начал свой бег по лабиринту из игроков «Юнайтед», которым заставил умолкнуть их болельщиков, таща мяч так, словно он не бежит, а парит над

газоном. Андрес летает с мячом в ногах. А в том, как он обращается с ним, есть что-то особенное, словно мяч – единственное сокровище в его жизни. Это все тот же мяч, который он привез с собой из Фуэнтеальбильи сюда, в Рим, транзитом через Париж.

«Следи за собой. Такие проходы создают напряжение в мышцах, ты можешь что-нибудь надорвать, Андрес», – сказал ему Эмили. Игра началась, шок от видео прошел, и теперь все складывалось так, словно он никогда и не травмировал свою правую ногу и не мучился с ней двумя неделями ранее.

«Я даже игру смотреть не мог. Я не спускал глаз с Андреса: следил за его движением, контролем мяча, его передачами и рывками, которые он делал», – говорит Кугат, сидевший на трибунах стадиона, пока Пруна и Эмили наблюдали за матчем со скамейки; все они были участниками другой игры, другого сражения – Андреса с его травмой. «Когда Самуэль забил, я был на другом конце поля и понял, что случился гол, только по реакции людей вокруг. Я следил за каждым движением Андреса. Я смотрел, чтобы он не захромал, и пытался увидеть, не ощущает ли он дискомфорт, пытаясь начать очередной забег», – говорит Кугат. Все, чего он хотел, – это чтобы игра поскорее завершилась и чтобы только не случилось самого безумного – удара Андреса по мячу.

«Я не хотел, чтобы он бил, потому что это сильнее всего нагружает rectus femoris». Он сутулился в своем кресле на трибунах, скрестив пальцы, лишь бы только не случилось ничего плохого. «Пасуй мяч, Андрес. Не бей». Плюсом было то, что Андрес и так редко бил по мячу. И что более важно, с каждой минутой он выглядел все сильнее и сильнее, и так вплоть до конца матча, как вдруг прямо у меня на глазах он пробил по воротам. Он подошел к штрафной за счет своего фирменного дриблинга и ушел от трех игроков «Юнайтед», прежде чем пробить. Эта картина отпечаталась у меня в памяти. Меня прошиб холодный пот после этого удара. «*Madre mía!* Что же ты наделал, Андрес! Ну все, крышка. Теперь ты приплыл. Конец; ты убил мышцу». Но, к счастью, он смог доиграть до конца встречи, и когда я покидал стадион, я наткнулся на его отца: Хосе Антонио. Я поздравил его с победой, но после сказал: «Видели, как Андрес ударил по воротам ближе к концу матча? Ему нельзя было этого делать. Он меня до смерти напугал!» А его отец мне ответил: «А что еще он мог сделать? Мяч пришел к нему в удобный момент, и он нанес удар. Ничего другого ему не оставалось».

Как только финал был выигран, Андрес почувствовал облегчение и понял, что страхи его покинули. «Он провел на поле

все 90 минут матча, и мы все знаем, чем это кончилось. Но жертвы, на которые он пошел, были огромными. После этого мы десять недель тревожились по поводу этой травмы», – говорит Пруна.

> МНОЮ ДВИГАЛИ ЖЕЛАНИЕ, СТРАСТЬ, ЧУВСТВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ГОРДОСТЬ ОТ ТОГО, ЧТО Я ФУТБОЛИСТ.

Какой же это был год! Год трех из трех возможных титулов, год требла, включившего в себя выигрыш чемпионата, кубка и Лиги чемпионов. А через несколько месяцев он станет годом шести титулов из шести возможных, когда к завоеванным трем трофеям добавятся еще испанский и европейский Суперкубки, а потом и Клубный чемпионат мира – утопия стала реальностью, и ни одной команде еще не удавалось повторить это достижение ни до, ни после.

«Я люблю Андреса до кончиков волос, до мозга костей. Я всегда относился к нему как к своему сыну, своей плоти и крови. А еще он невероятно добрый и замечательный человек. Иногда его бьют по ногам, а он извиняется. Таких людей просто не бывает в футболе. Есть футболисты на 10 из 10; он же на 20 из 10. А как человек он вся тысяча из 10. Я обожаю его, просто обожаю», – говорит Это'о, отмечавший свой гол в Риме, яростно шлепая себя по левому предплечью. Казалось, что он наказывает себя за что-то, но Андрес, первым догнавший его и прыгнувший ему на спину, услышал, как он кричит: «Кровь моей крови! Кровь моей крови!» – так Самуэль чествовал свои африканский корни. Все подпрыгнули со скамейки «Барсы», празднуя гол, но только не Эмили, сидевший недвижно со скрещенными пальцами. «Дело в том, что никогда не знаешь, как долго удача будет на твоей стороне». Андрес сумел отыграть матч целиком, словно обманув собственные мускулы, и тем самым заставил улыбнуться Эмили, который не мог поверить в то, что происходило у него на глазах, и благодарил высшие силы за то, что Иньеста все еще был там, на поле.

Игроки «Юнайтед» не знали, что Андрес играл с травмой. Не были они в курсе и насчет проблем Тьерри Анри с правым коленом, которые стали следствием столкновения с Серхио Рамосом в Класико на «Бернабеу». Тот неприятный ушиб, полученный в борьбе с защитником, не мог помешать ему блеснуть в одном из самых ярких матчей, какие у него только были в сине-гранатовой футболке. Он забил два гола по ходу знаменитой победы 6: 2, ставшей первым выдающимся достижением «Барселоны» Гвардиолы, и оба гола случились после

контратак. «Как жаль, что я так поздно пришел в эту команду», – сокрушался Анри впоследствии. Он переходил в клуб специально для того, чтобы выиграть Кубок чемпионов и стереть из памяти воспоминания о проигранном финале 2006-го, когда появление Иньесты во втором тайме вдохновило «Барселону» на камбэк в игре против «Арсенала». Теперь он достиг обеих своих целей.

Алекс Фергюсон и представить себе не мог, какими серьезными были проблемы «Барсы» с травмами игроков: ситуация была настолько аховая, что Гвардиола всерьез собирался выпустить Сейду Кейта на позицию левого защитника, на что малийский полузащитник, всегда отличавшийся безупречными манерами и примерным поведением, вкрадчиво ему ответил: «Будет лучше, если вы этого не сделаете, босс. Есть лучше подготовленные партнеры для этой роли». Это означало, что на левом краю совершенно несыгранной и составленной экспромтом линии обороны должен был играть Сильвиньо. «У нас было столько травм, столько травм», – вспоминает Это'о. Ворота Вальдеса защищали Пуйоль, игравший правого защитника (прямо как в далекие дни выступлений за «Барсу Б»), Пике (единственный элемент пазла, игравший на своем месте), Яя Туре (ставший центральным защитником за две недели до этого, в финале Кубка Короля) и Сильвиньо (всю жизнь игравший левого защитника, но редко попадавший в состав при Гвардиоле). Оборона была состряпана из того, что было. Но хотя бы в полузащите «святая троица» из Бускетса, Хави и Иньесты осталась в прежнем составе, а впереди них играл первый *трезубец* «Барсы» в лице Это'о, Месси и Анри (два центрфорварда мирового класса согласились стать у Пепа инсайдами, чтобы только «ложная девятка» Месси чувствовал себя в своей тарелке).

Пока предматчевое видео от Падро сковывало мысли игроков, ситуация, в которой оказалась «Барселона» в начале матча, потихоньку начала выправляться стараниями Вальдеса, руками, ногами и коленями отбивавшего удары Роналду, и Андреса, который в один прекрасный момент воспарил над полем, чтобы в последний раз в карьере устроить Это'о свидание с вратарем соперника. Потом Месси завис в темном римском небе, выпрыгнув выше Рио Фердинанда, словно специально спустился с облаков, чтобы забить тот самый гол головой «в замедленном повторе». Казалось, что только Хави, маскировавшийся под правого вингера «Барселоны», заметил его крошечную фигурку и дал ему возможность исполнить один из самых точных ударов головой в карьере, после которого мяч прошел мимо огромного Эдвина ван дер Сара, залетев прямиком в сетку ворот «Юнайтед». В эпизоде с голом Месси потерял свою правую бутсу – настолько

сверхчеловеческим было его усилие в момент прыжка; отправив мяч в сетку, он подобрал свою ярко-синюю бутсу и поцеловал ее, пока партнеры сбегались, чтобы поздравить его. Андрес почти совсем забыл о своей травме в тот момент.

При счете 2: 0, когда триумф уже был обеспечен, Гвардиола сделал замену, ставшую куда более символичной, чем могло показаться в тот момент: он убрал с поля Андреса и выпустил Педро. Шла 92-я минута финала. Наконец, Эмили мог вздохнуть свободно. Ведь «Барса» взяла свой третий Кубок европейских чемпионов в истории, а Андрес взглянул на него так, что он смог успокоиться и выдохнуть с облегчением. Падро, смотревший матч у себя дома, понятия не имел, какой эмоциональный эффект его короткий фильм оказал на игроков и на Кугата, чьи глаза теперь блестели от радости и удовлетворения: глядя на поле со своего места на трибунах Олимпийского стадиона, он понимал, что работа была проделана великолепно. «Я получил настоящее удовольствие от игры. Я сильно переживал за Андреса, понимая, что с ним может произойти. На карте стояло очень многое. Мне нравилось пересматривать игру уже в спокойном состоянии, когда я понимал, что он провел матч до конца и выиграл свой финал. С тех пор я много раз смотрел этот матч в записи», – говорит он.

Пако Сейруло, тренер по физподготовке, руководивший разминкой игроков в Риме, тоже почувствовал себя свободным, как только матч завершился. Он влюбился в футбол, который смог показать в матче Андрес, даже имея повреждение бедра. «Люди не ценят эту гениальную смену ритма, которая его отличает. Кажется, что он сначала тащит свои стопы по газону, а затем вдруг взрывается – и все, никто уже не понимает, как ему это удалось. Соперники могут заблуждаться, полагая, что он выпал из игры, но он всегда в ней».

Так было и в Риме. «У него очень специфичное понимание маневров и движения. Он всегда следил за ногами соперников. Видеть игру Андреса – одно удовольствие», – добавляет Пако, внимательно изучавший игру и мускулы каждого игрока в отдельности.

«Он обладает не столько силой, сколько сопротивляемостью. Его сила очень гибка и эластична. Он получает преимущество на поле за счет понимания того, что и в какой момент нужно делать, потому что он великий мастер принимать верные решения. Другие игроки силой прокладывают себе путь на поле, Иньеста же парит». В Риме Иньеста тоже парил. Как и Месси.

«Мускулы человека во многом похожи на Андреса, – рассуждает Пако. – Белые ткани, компактные и непредсказуемые,

как зайцы в дикой природе, никогда не знаешь, что будет с ними дальше. Он – гений».

К чему никто не был готов, так это к внезапному и резкому исчезновению Андреса с радаров после римского финала. Ему понадобится четыре месяца и два дня, чтобы полностью восстановиться и сыграть в следующем матче. В этот период вместятся четыре попытки вернуться в строй и заново ощутить себя футболистом. Он начал путешествие в неизвестность. Из Рима прямиком в хаос неопределенности.

«То лето должно было стать самым лучшим в моей жизни, но стало в итоге самым худшим», – говорит Андрес. В то же время он ни секунды не сомневается в том, что поступил правильно.

«Я бы сделал то же самое, окажись я в той же ситуации снова. Ради своего клуба, ради себя и партнеров, ради друзей, семьи и болельщиков. В сознании спортсмена есть что-то такое, что берет верх в трудных ситуациях. Мною двигали желание, страсть, чувство ответственности и гордость от того, что я футболист. Было непросто, да. Финал приближался, времени оставалось мало. Но я бы не пропустил финал ни за что на свете. Он был моей наградой за все, что произошло со мной в тот год и за предыдущий финал Лиги чемпионов в Париже. Сыграть в Риме было моим долгом. Я был должен самому себе прежде всего. Я просто хотел выйти на поле и сыграть в том матче. Я не мог позволить себе пропустить игру. Она слишком много для меня значила, у нее было слишком много спортивных и личных смыслов; слишком много, чтобы пропустить финал».

Выбора не было. Андрес должен был сыграть в том финале. «Помню, как закончил тот матч с «Вильярреалом» с маленьким надрывом в мышце. Я был в ярости, но ярость прожила во мне всего ночь. На следующий день я был на пути в госпиталь, и в голове у меня уже все перевернулось. Я едва мог ступить без того, чтобы не захромать, но в голове я уже решил, что обязательно сыграю в Риме. И каждую минуту я шел к этой цели. Это был вызов для меня. Я каждое утро, день и вечер работал с Эмили. Рим ждал нас. Чего я не знал, так это цены, которую мне придется за это заплатить. Понятия не имел. И представить себе не мог. Моя карьера не была в опасности, но я довел тело до изнеможения, до самого его предела, и в месяцы, последовавшие за теми двумя неделями упорной работы и самопожертвования, это стало очевидно. Плата была огромной, но если бы мне выпала такая возможность вновь, я бы поступил точно так же. Оно того стоило».

XII. На вершине мира

Эй, Уго, пожалуйста…

Андрес за час до начала финального матча ЧМ-2010

Андрес дождался момента, когда все в Йоханнесбурге заснули. Он сумел отыскать тихое место, где стал слушать свое тело, и теперь, наконец сойдя с процедурного стола Рауля, он хотел сделать именно это. Он аккуратно приоткрыл дверь своего отельного номера и начал бежать. Он бежал так, будто от этого зависела его жизнь, и добегая до одного конца коридора отеля, в котором остановилась его команда в ЮАР, он начинал бежать в обратную сторону. Он удовлетворял непреодолимую тягу провести свой собственный тест на физическую готовность, за которым никто бы не наблюдал, и отсутствие мяча в ногах его не беспокоило. Он был далеко от футбольного поля, но этой пробежки было достаточно, чтобы понять, выздоровел организм или еще нет. И ее хватило для того, чтобы он убедился, что все в порядке. Он даже хотел крикнуть: «Я готов, муки кончились». Спустя длительное время Иньеста, наконец, мог нормально бегать, мог играть, и впереди его ждал финал чемпионата мира.

Эти проклятые мышцы, поврежденные многие месяцы назад, наконец были в порядке: словно их кто-то магическим образом излечил за одну ночь. После стольких проблем и регресса по ходу восстановительного процесса они вновь синхронизировали свою работу, как стрелки швейцарских часов. Они снова пришли в норму благодаря стараниям Рауля Мартинеса и советам Эмили Рикарта – двух мужчин, разделенных тысячами километров, но имевших общую связь в лице Иньесты.

«Меня там с Андресом не было, – подтверждает Рауль. – Я даже не знал, что он начал бегать. Мне он ничего не сказал. Иногда некоторым травмам трудно найти научное объяснение. Эту его травму я никогда до конца не понимал. После различных тестов и обследований мы обнаружили небольшой участок мышечной ткани, который прежде игнорировали, и оказалось, что он провоцировал своего рода хаос в ноге. Я подумал, что в нем может скрываться разгадка проблемы».

Рауль устранил препятствие в ноге, мешавшее Андресу жить, а Эмили прочищал ему голову видеороликом, который Иньеста смотрел каждый вечер перед сном – как раньше, будучи маленьким мальчиком, повторял «Отче наш», перед тем как

заснуть в родительском доме в родной Фуэнтеальбилье.

Пепу Гвардиоле очень нравилось работать над мотивацией игроков, и как и в случае с видео по мотивам «Гладиатора», которое он показал игрокам своей «Барселоны» перед финалом Лиги чемпионов в Риме в 2009-м, он вместе с Эмили и тем же Санти Падро с TV3 подготовил ролик к ответному полуфинальному матчу Лиги чемпионов-2010, чтобы вдохновить свою команду на камбэк в игре против «Интера» Жозе Моуриньо.

Видео содержало кадры разных поражений, а следом за ними и впечатляющих побед; моменты огромного разочарования и нереальной эйфории, случившиеся в жизни выдающихся спортсменов-современников, таких как Роджер Федерер, Фернандо Алонсо, синхронистка Хемма Менгуаль, а также сборные Испании по баскетболу и гандболу. Также в нем были и момент *Iniestazo* – так теперь называли гол Андреса в полуфинале 2009-го в ворота «Челси», – и сам римский финал, в котором Лео Месси нанес свой знаменитый удар головой, сделавший счет в матче 2:0. Кадры с зависшим в воздухе над газоном Олимпийского стадиона аргентинцем проходили под аккомпанемент оперы Андреа Бочелли.

Фильм начинался с объятий, поздравлений и единства в победе, всеобщей эйфории. Но за славными кадрами в цвете, открывавшими ролик, следовал отрезок черно-белой пленки поражений: в нем целый ряд известных спортсменов изображался в моменты их карьерных падений. Около 30 секунд видео было посвящено ужасу и страху второго места – на кадрах 2009 года Пуйоль и Эстьярте горевали по поводу блестящего гола Эссьена, сидя на центральной трибуне «Стэмфорд Бридж», а Жоан Лапорта нервно приглаживал рукой волосы на голове, готовясь к самому худшему. Затем, когда поражение обернулось победой, видео снова стало цветным и заканчивалось кадрами, на которых игроки «Барсы», встав в круг, праздновали выигрыш третьего в истории клуба Кубка европейских чемпионов в Риме. Ролик стал отличным способом визуально продемонстрировать возможность победы над командой Моуриньо.

Однако Гвардиола так и не показал своим игрокам этот DVD в раздевалке «Камп Ноу» перед матчем с «Интером». На пути к стадиону из отеля на горе Тибидабо – игроки «Барсы» пробирались к арене на автобусе, рассекавшем человеческое море из тысяч собственных болельщиков, ожидавших от команды только одного – победы, – тренер почувствовал перевозбуждение своих футболистов. Он решил, что не станет еще сильнее подстегивать уровень адреналина в их крови, а потом то видео в четыре минуты четыре секунды осталось на руках у Эмили. Так

оно у него и хранилось, вплоть до того момента, он решил передать диск с ним Иньесте по ходу чемпионата мира-2010.

Эмили каждый день обменивался сообщениями с Андресом, так что, как только он узнал, что Андрес в одиночестве устраивает пробежки в холле отеля сборной, он понял, что видео игроку пригодилось. Раулю же даже не пришлось заговаривать с Андресом, чтобы узнать, как у него дела. Андреса выдали выражение невероятного счастья на лице и восторженный огонек в глазах. Уже привыкший играть через боль он теперь чувствовал себя, наконец, свободным и с нетерпением ожидал финального матча на арене «Соккер Сити» в Йоханнесбурге – свет стадиона горел по другую сторону от трущоб Соуэто.

«Вам вряд ли удастся найти другого такого честного, трудолюбивого и преданного работе человека, как Эмили, – говорит Андрес. – Я не был с ним знаком лично до того момента, как Гвардиола привел его с собой в первую команду. С тех пор мы с ним стали почти неразлучными. Я целиком и полностью ассоциирую себя с ним, его взглядами на жизнь и стилем работы. Он особенный человек для меня», – говорит Андрес и те же чувства он испытывает по отношению к Раулю. «Я знал, что на своем поприще Рауль был феноменом. И на чемпионате мира он это показал. Я могу честно и прямо заявить: в спортивном плане он спас мне жизнь. Он знает мое тело и то, как оно работает, так, словно это он произвел меня на свет. Он стал незаменимым человеком для меня».

Один «особенный», а другой «незаменимый». И оба помогали Андресу. Они понимали сомнения и переживания игрока, нуждавшегося в проверке своей физической готовности в тишине и одиночестве; нуждавшегося в том, чтобы послушать собственное тело и удостовериться в том, что все теперь на месте и проблем больше нет. «Да!» – раздавался голос Иньесты в холле отеля. Для него чемпионат мира начался только в этот самый момент.

* * *

«13 апреля 2010 года я травмировал подколенное сухожилие правой ноги на тренировке «Барселоны» в Сьюдад Депортива, – вспоминает Андрес. – Я буквально ощутил, что оно надорвалось, а в тот момент оставалось чуть больше месяца до той даты, когда Висенте должен был озвучить состав на Чемпионат мира. Время сильно поджимало, и я тогда всерьез полагал, что не успею восстановиться к турниру».

Тот момент боли и отчаяния Андреса до сих пор помнят стены тренировочного комплекса «Барселоны» в Сан Жоан Деспи. Все были шокированы, увидев, что Андрес покидает тренировочную сессию в слезах в сопровождении Эмили, а потом и Карлеса Пуйоля. Он плакал, потому что осознавал, насколько серьезной была его травма.

«Взбодрись, Андрес, все будет в порядке», – шептал ему защитник «Барсы» на ухо, когда они вместе покидали тренировочное поле. На долгом пути в раздевалку Андрес ничего не слышал: его парализовал страх, что он снова погружается в бездну, которую, как ему казалось, он давно оставил в прошлом. Теперь он слышал только собственные рыдания.

«Я говорил ему: «Не беспокойся, Андрес. Ты станешь лучшим игроком чемпионата мира», но он плакал так горько, что, мне кажется, он даже не расслышал моих слов», – говорит Пако Сейруло, фитнес-тренер «Барселоны», чьи слова почти что полностью заглушил шум льющейся воды в душевой. «Конечно же, я слышал слова Пако. Но я не мог заставить себя хоть как-то на них ответить», – говорит Иньеста, вспоминая сцену, случившуюся в раздевалке за несколько мгновений до того, как Пуйоль, капитан, друг и доверенное лицо, показал путь к решению проблемы. «Ты должен поговорить с Раулем, хорошо? Все будет в порядке, но ты должен пообщаться с Раулем».

«У меня сердце ушло в пятки, боевой дух был ниже плинтуса. Я целый год мучился с травмами, но в тот момент казалось, что я уже здоров, а потому с большим нетерпением ожидал начала чемпионата мира. А теперь вновь оказался в шаге от того, чтобы пропустить турнир, – говорит Андрес. – И да, я поговорил с Раулем». Могло показаться, что Андрес не слушает окружающих, но очень скоро он оказался в окружении компетентных специалистов, которые были настроены вернуть парня из Фуэнтеальбильи в строй еще раз.

«Первыми словами, что сказал мне Рауль, были: «Не волнуйся, ты поедешь на чемпионат мира! А как только приедешь туда, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы вернуть тебя в нормальное состояние»».

«Нормальное»? Какое невзрачное слово для такой патовой ситуации – футболист оказался на грани пропуска финальной стадии чемпионата мира. «Это был один из самых трудных моментов, через какие мне только приходилось проходить. Но жизнь научила меня не сдаваться, никогда», – писал в то время Андрес. До первой игры сборной Испании в Дурбане оставалось менее двух месяцев.

«Перед началом турнира у нас был целый месяц, на

протяжении которого мы каждый вечер проводили вместе. После ужина у меня в расписании было «время для Рауля», и каждый раз в этот час я ложился к нему на процедурный стол, отдавая свое тело в его руки», – говорит Андрес.

«Что я с ним делал?» – Рауль выдерживает паузу в несколько секунд, прежде чем ответить на вопрос, который он задал самому себе. Как он изменил тело Андреса? Видеозапись от Эмили помогла ему пережить ту ночь, но именно волшебные руки Рауля стали той помощью, без которой он не победил бы в этой каждодневной борьбе за шанс вернуть свои мышцы в рабочее состояние. Оба мужчины знали, что с Андресом что-то не так. Что-то, с чем не могло совладать даже спокойствие, которое излучал Висенте дель Боске.

«Не переживай, мы будем до последнего момента ждать твоего возвращения», – сказал ему Дель Боске. Честный и как всегда деликатный, старый тренер из Саламанки демонстрировал присущий себе здравый смысл. Он обязательно сдержит свое слово. Терпение тренера оказало такое же влияние на успех всего предприятия, как работа двух физиотерапевтов и отношение к делу самого Иньесты.

За неделю до дебюта на чемпионате мира-2010, в котором ей должна была противостоять сборная Швейцарии, Испания провела в Мурсии свой последний товарищеский матч перед турниром – против Польши.

Андрес вернулся в строй. Полузащитник из Ла Манчи подхватил мяч на левом фланге, где ему, как правше, всегда было так комфортно находить свободные зоны, а затем возвращать мяч в центр. Конкретно эта комбинация продлилась 16 секунд и привела его на границу штрафной Кушчака. Он обменялся передачами с Хави и Сильвой, прежде чем снова получить от них мяч, стоя спиной к воротам поляков. Он укротил мяч левой ногой, наступил на него правой и развернулся, чтобы встать лицом к пятерым польским защитникам, оказавшимся между ним и воротами. Болельщики, находившиеся на стадионе в Мурсии, замерли на краешках своих кресел, а он подбросил мяч, перекинув его через польскую стену, и отдал его Хави, который вывел Сильву на гол. Секунду назад поляки видели мяч, а теперь уже нет – все случилось так быстро, что они и глазом моргнуть не успели.

«Тогда мы увидели, как волшебник придумывает пас из ничего, как открывает свободную зону из ниоткуда. А потом Хави набегает из глубины, ассистирует, и Давид наносит завершающий удар: настоящий командный гол». Таким была версия событий от Андони Субисарреты. В то время он был аналитиком TVE1, а чуть

позже станет спортивным директором «Барселоны». Эти слова стали еще одним выражением восхищения, которое Суби много лет испытывал по отношению к Иньесте: оно подсказывало ему, что произойдет дальше всякий раз, когда мяч расставался с правой ногой Андреса. С начала матча прошло едва ли 14 минут, а Рауль и Эмили – первый сидел на скамейке стадиона «Нуэва Кондомина», а второй готовился к отпуску в Доминиканской Республике – улыбались во весь рот. Они чувствовали себя «соучастниками» счастья Андреса, который сначала пасом с правой ноги вывел на ворота Вилью, открывшего счет в матче, а теперь вот ассистировал Хави, организовавшему второй гол.

На трибунах и в рядах игроков сборной царила эйфория – все праздновали возвращение Иньесты в строй после травмы. Все было хорошо, пока он не подошел к скамейке и не попросил Дель Боске заменить его. «Я должен учиться на своем опыте», – утверждает игрок, которому хватило мудрости осознать, что, если ты чувствуешь даже самую легкую боль, тебе следует попросить о замене. Это он и сделал в Мурсии. Дель Боске был обеспокоен, равно как и доктора сборной, ведь шла только 39-я минута матча, состоявшегося 8 июня – всего за неделю до первой игры сборной Испании на Чемпионате мира.

«Мы сняли его с игры, потому что он почувствовал некоторый дискомфорт в задней поверхности бедра, – сказал журналистам после игры врач сборной Оскар Селада. – Это не надрыв, и он не увеличился в размерах с того момента. Матч был в самом начале, а он почувствовал дискомфорт, так что мы решили заменить его. Травма незначительная. Мы проведем обследования, но сразу можем исключить вероятность серьезного повреждения. Нам просто нужно проявить осторожность». Он говорил для прессы, но также и для Андреса, который теперь снова стал переживать, оказавшись в ловушке противоречивых чувств: с одной стороны, ему понравилось то, как он сыграл, с другой – новая неприятность стала поводом для расстройства.

Правое бедро было изломано… почти полностью. По итогам обследований, проведенных в Барселоне, стало ясно, что Андрес слегка растянул подколенное сухожилие, а возникшее воспаление потребует времени для заживления. «На задней поверхности правого бедра у него возникла небольшая припухлость в мышце. Первоначальный прогноз позитивный, так как разорванных мышечных волокон в бедре нет. Мы не исключаем, что он попадет в состав на игру со Швейцарией», – сказал Хуан Кота, другой член медштаба сборной.

Первоначальный прогноз был позитивным. Но это слово «первоначальный» в прошлом уже жестоко разочаровывало

Андреса. У него уже случались другие травмы, которые в соответствии с первоначальными прогнозами должны были быть несерьезными, но которые в итоге оказывались большой проблемой для него, и ни одна другая часть тела не беспокоила его так, как это надорванное бедро, а вместе с ним и паховые мышцы – эти травмы омрачили его сезон в «Барселоне». Чемпионат мира неотвратимо приближался, а Дель Боске переживал все сильнее, так как понимал, что в отсутствие Иньесты игра испанской сборной лишалась изящности и изобретательности. Игрок и сам чувствовал удушье от раздражения на самого себя – он винил себя в том, что получил так много травм, слишком много.

Иньеста смог вернуться к игре против швейцарцев, первой на чемпионате мира, но снова травмировался по ходу этого матча, на этот раз спустя час игры. В одном из эпизодов его свалил наземь правый защитник соперника Лихтштайнер. Ему потребовалось какое-то время, чтобы снова встать на ноги. Одержимый желанием избежать очередной серьезной травмы, он следующие несколько минут трогал заднюю поверхность своего правого бедра. Там скрывался корень всех его мышечных проблем. Он был так обеспокоен, что даже не мог вспомнить, кто именно его заменил – был ли это Педро, как это случалось всегда? Или кто-то другой? Этот ритуал – Педро вместо Иньесты – повторялся неизменно, независимо от соперника, и продолжился на чемпионате мира. Дель Боске начинал матч с Иньестой в старте, тот получал травму, после чего Педро выходил ему на замену. И казалось, что чем лучше и ярче играет Андрес, тем выше шансы на то, что он снова травмируется. Андрес сделал в матче со швейцарцами две передачи в штрафную, которые выводили его партнеров один на один с вратарем. В первом эпизоде его партнером оказался Пике, ставший дополнительным центрфорвардом, когда Испания понеслась вперед в поисках гола. Потом он исполнил волшебный пас «каблуком», поучаствовав в одной из лучших комбинаций команды в матче. Он пребывал в отличной форме, что продемонстрировал его крученый удар с границы штрафной, нанесенный почти с той же точки, откуда он годом ранее забивал на «Стэмфорд Бридж». А потом случился фол Лихтштайнера.

В этот раз травма казалась более серьезной. На долю секунды создалось впечатление, что Андрес хочет провалиться в газон южноафриканского стадиона, что не осталось незамеченным комментатором Canal+ Майклом Робинсоном. «Мне не нравится, какое выражение приняло лицо Иньесты», – сказал бывший форвард «Ливерпуля» своему коллеге-комментатору Карлосу

Мартинесу: Андресу придется вернуться к привычной рутине – посланиям от Эмили и массажным процедурам у Рауля. Ему снова требовалась физическая и психологическая терапия – а еще слепая вера в то, что однажды эти рецидивы покинут его навсегда. «Я подошел и увидел, что он трогает заднюю поверхность бедра. Я сказал ему: «Похоже на ушиб в ноге, Андрес». «Нет, нет, доктор, мышцу сводит судорога», – сказал он, и его слова стали для меня сигналом тревоги. «*Madre mia!* Давай очень осторожно уйдем с поля, никуда не торопясь, хорошо, Андрес?» – говорил ему я, когда мы покидали поле стадиона в Дурбане».

> ОН ЗАКОНЧИЛ ИГРУ И ШЕЛ В РАЗДЕВАЛКУ, УЛЫБАЯСЬ, КАК ШКОЛЬНИК, КОТОРОМУ ТОЛЬКО ЧТО-ТО СОШЛА С РУК КАКАЯ-ТО ШАЛОСТЬ, ИЛИ КАК ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ТОЛЬКО ЧТО УВИДЕЛ, ЧТО ВСЕ СКЛАДЫВАЕТСЯ В ТОЧНОСТИ ТАК, КАК ОН ТО ПРЕДСКАЗЫВАЛ.

Тренерский штаб заключил, что он не успеет восстановиться к игре с Гондурасом, которая должна была состояться через пять дней, но решил положиться на то, что ему удастся вернуться в строй к последнему и, возможно, решающему матчу групповой стадии против Чили. Наставнику испанской сборной, человеку глубоких убеждений, теперь пришлось терпеть критику в связи с поражением от Швейцарии – тот матч кончился со счетом 0: 1. «Мы не будем упускать перспективу из виду, мы останемся верны своему стилю», – сказал Дель Боске. «То была труднообъяснимая осечка», – говорит Хави, вспоминая первую игру того Мундиаля.

Для Андреса же матч был вдвойне разочаровывающим: помимо поражения сборной он обернулся еще и переменами в поведении старой травмы, которая в Южной Африке вела себя не так, как в Барселоне. Ситуация была настолько деликатной, что в штабе сборной решили не проводить обследований травмы, а доктора стали уверять всех, что Андрес просто получил ушиб и не более. Врачи не хотели усугублять ситуацию, придя к единому мнению, что еще один снимок поврежденной области может положить конец надеждам Иньесты поиграть на этом Чемпионате мира. «Игрока невозможно вылечить, просто показывая ему результаты сканирования, – говорит Рауль. – Иногда ты предчувствуешь такие моменты или рискуешь, полагаясь на интуицию, с тем чтобы футболист не превращался в одержимого своей травмой зомби».

«Между матчами против Швейцарии и Гондурасом я переживал очень плохой период», – вспоминает Андрес, с головой

погрузившийся тогда в реабилитационный процесс, предполагавший просмотр видео от Эмили перед сном и прохождение процедур на столе Рауля. Именно там, в этой исповедальне для спортсменов, где они предстают перед физиотерапевтами нагими и где они вынуждены раскрывать все секреты своего тела, он начал замечать небольшие изменения – изменения, которые потом будет проверять в коридоре отеля в Йоханнесбурге накануне матча против Гондураса.

«Рауль нашел нужную точку, я прямо чувствовал это», – вспоминает он.

«Работать с Андресом было непросто; его трудно понять, и порой мне кажется, что я до сих пор не научился этому, – говорит Рауль. – Но как только тебе это удается, ты понимаешь, какая он загадка на самом деле. Андрес живет в своем собственном мире, ты никогда не знаешь, о чем он думает, словно он всегда немного отчужден, и поначалу не питает к тебе излишнего доверия. В голову ему не заберешься. А когда он травмирован, все становится еще хуже, потому что он начинает нервничать и переживать».

Впрочем, Раулю все же удалось до него достучаться; в конечном итоге у пары мужчин установилось взаимопонимание: «Он словно швейцарские часы в том смысле, что мы познали, как работает его организм, на что реагирует. Мы узнали, что и как заставляет его работать правильно, – утверждает он. – Он настолько же чувствительный, насколько и механический. Нам пришлось проводить отладку его тела, пришлось искать нужную ему гармонию. И нам это удалось».

Таким образом, девять дней спустя, 25 июня, Андрес смог отпраздновать двойную победу после поражения от Швейцарии и новой травмы: Испания обыграла Чили, а он забил гол с паса Давида Вильи – словно мир вывернулся наизнанку, ведь обычно бывало наоборот, но кому какое дело? Он закончил игру и шел в раздевалку, улыбаясь как школьник, которому только что-то сошла с рук какая-то шалость, или как человек, который только что увидел, что все складывается в точности так, как он то предсказывал.

* * *

Никакое другое ощущение Андрес не любит так сильно, как то, которое испытывает всякий раз, когда возвращается по туннелю стадиона в раздевалку, совершенно вымотанный, но полностью удовлетворенный заслуженной победой, а в тот день к

этому чувству добавилась и радость от того, что сбылось одно из его знаменитых предсказаний на игру: «Виктор, сегодня я забью гол и посвящу его тебе», – пробормотал он своему партнеру, сидевшему рядом с ним в командном автобусе, следовавшем на стадион в Претории.

Самые яркие и значимые победы всегда становятся плодородной почвой, из которой произрастают самые сокровенные и памятные эпизоды жизни. «Атмосферу можно было резать ножом», – вспоминает Дель Боске, команда которого отлично осознавала тот факт, что в матче ей предстояло сражаться за выживание на этом Чемпионате мира, за право продолжить борьбу за него. Стояла напряженная тишина, которую едва нарушал звучавший время от времени шепот, как, например, в тот момент, когда Иньеста дал свое обещание Виктору Вальдесу, парню, всегда защищавшему его в «Ла Масии», а теперь справедливо заслужившему право ехать со сборной на Мундиаль – возможность сыграть за Испанию, быть может, и не выпала ему, если бы не влияние, которое «Барса» оказала на взгляды Дель Боске.

Голевая комбинация в матче была начата Иньестой и им же была закончена. Он выиграл мяч, комбинировал с Торресом и Вильей, а потом послал мяч в сетку чилийских ворот. Удар рабочей правой ногой, теперь окончательно выздоровевшей, оказался не берущимся даже для Клаудио Браво, одного из лучших вратарей турнира, которому в будущем суждено будет стать партнером Андреса на «Камп Ноу». Этот гол вышел не просто очередным для него, так как в 42 матчах за «Барселону», что он провел в том драматичном сезоне 2009/10, он отличился лишь раз, а в заключительном его матче, в котором команда Гвардиолы переиграла «Вальядолид» и стала чемпионом, он отыграл лишь пять минут.

Андрес больше не трогал свое бедро, теперь он смотрел на свои бутсы. Он больше не думал о сыгранных матчах, а концентрировался на предстоящих. Никаких следов того надрыва в правой ноге, которую так здорово вылечил Рауль, уже не осталось.

«Очень много проблем, которые у меня были с подколенными сухожилиями, были связаны с той травмой, которую я получил в римском финале Лиги чемпионов», – признается Андрес. Он, быть может, и не дипломированный доктор, но свое тело знает так, как не знают его Рауль и Эмили, вместе взятые. «Многие месяцы я испытывал проблемы, но когда Рауль добрался до их корня и снял напряжение с этой области мышцы, все снова начало работать, как следует», – говорит Андрес, у которого всегда лучше

получалось выражать себя не словами или жестами, а ногами и их магией. Когда его тело в порядке, гармонии и стабильном состоянии, он может позволить мячу начать говорить за себя.

«Если я чувствую себя хорошо, все остальное получается само собой». Андресу не знакома золотая середина, он знает только крайности: когда он полностью здоров, он просто несокрушим, но когда травмирован, он очень хрупок и даже фаталистичен. «Почему это случилось сейчас, как раз в тот момент, когда я начал чувствовать себя так здорово?» – спрашивал он себя после каждого рецидива, не делая различий между серьезными и незначительными травмами и всегда требуя от своего тела максимума.

Но теперь он снова чувствовал себя хорошо; и хорошее самочувствие будет сопровождать его на всем пути до финала в Йоханнесбурге. Мышца выздоровела, а вместе с этим ушли и плохие воспоминания. После 1/8 финала в Кейп-Тауне передовицы газет рассказывали о победе над Португалией и о том, как тяжело поражение далось Роналду. В четвертьфинальной игре против Парагвая в Йоханнесбурге Касильяс в решающий момент матча отразил пенальти, воспользовавшись подсказкой резервного вратаря Пепе Рейны, который раньше уже противостоял Оскару Кардосо, пробивавшему пенальти, а потому знал, куда тот пробьет. А в полуфинале против Германии он был счастлив вернуться на стадион, где сомнения и страхи омрачили ему первый матч финальной стадии турнира. 16 июня в Дурбане он травмировался в игре со Швейцарией. Но 7 июля все в том же Дурбане он смог сполна насладиться голом Пуйоля, который открыл Испании двери в финал Чемпионата мира.

«Хави, пожалуйста, сделай подачу на следующем угловом для меня, идет?» – с такой просьбой обратился капитан «Барселоны» Пуйоль к своему одноклубнику.

«Но зачем я буду навешивать тебе прямо в центр? Не видишь, что ли, какие немцы огромные?» – отвечал ему Хави.

«Да какого ж черта, Pelopo! Просто навесь на точку для меня, неужели не видишь, что они стоят как истуканы?» – услышал он ответ защитника.

«Ладно, ладно! Как будто это так просто!» – сказал Хави, или Pelopo, как его называли еще со времен учебы в «Ла Масии» (всякий раз, когда спрашиваешь у его партнеров по команде, они неизменно объясняют, что прозвище связано с характерной особенностью нательных волос полузащитника).

«Если не навесишь мне туда, я перестану приходить на твои угловые вообще», – кричал ему Пуйоль.

Телекамерам удалось заснять эту их перепалку в перерыве в

тот момент, когда оба уходили в раздевалку при счете 0:0, а Хави все повторял себе под нос слова: «Как будто это так просто!»

Определенно, задача была не из легких, особенно когда имеешь дело с «Джабулани»-прославленным мячом для пляжного футбола, который, несмотря на то, что порой вел себя совершенно непредсказуемо и очень своевольно, все же стал официальным мячом чемпионата мира. Всяческие сомнения насчет того, что Хави может исполнить такую подачу, отпали, как только сборная Испании получила право на свой первый угловой во втором тайме. Сильнее, чем когда-либо, убежденный в своей способности доставить мяч куда нужно, Хави потрусил в сторону углового флажка по правую сторону от ворот Нойера. «Ну все, Пуйи, сейчас ты его получишь». Рядом с ним находился Иньеста, быть может, метрах в пяти или шести в стороне. И хотя сам Иньеста об этом не знал в тот момент, его задачей было исполнить отвлекающий маневр: операция Хави + Пуйоль нуждалась в прикрытии. Хави хотел, чтобы немецкие защитники решили, что Испания собирается разыграть угловой накоротке, как она это обычно и делала, пытаясь выманить немецких гигантов из пределов их штрафной площади. Короткий розыгрыш углового был бы воплощением хорошо заученных заветов игры, которым следовали «Барса» и сборная Испании, но в этот раз хрестоматию советов пришлось порвать, чтобы дать волю упрямой вере Пуйоля и его соучастника по операции Хави.

«Джабулани» подчинился правой ноге маэстро и полетел прямо в штрафную, в район одиннадцатиметровой точки, где встретился с головой Пуйоля. Каталонский центральный защитник выпрыгнул на долю секунды раньше и на сантиметр выше всех восьмерых немецких оборонцев, опекавших в штрафной пятерых испанцев. Нет никакого секрета в том, что футбол сборной Испании и «Барселоны» зиждется исключительно на правильном использовании пространства и времени, и один сантиметр или одна секунда могут иметь здесь громадное значение. Игроки должны соображать очень быстро и опережать своих соперников, а иногда и партнеров – Пуйоль достал до мяча раньше, чем Пике. «Я собирался пробить по мячу головой, но в тот самый момент он оказался прямо передо мной. Я подумал, что это самолет пролетает», – шутил после матча Жерар. Удар Пуйоля головой получился одновременно сильным и точным, и мяч после него оказался там, где и должен был оказаться. Потребовалось всего две секунды, чтобы забить этот исторический гол – столько мяч летел от бутсы Хави до сетки ворот Нойера. Этот стандарт имел штемпель «сделано в Барселоне», поскольку по ходу знаменитой победы над

мадридским «Реалом» в Класико в 2009-м (6: 2) эти двое провернули то же самое. Испания прежде не забивала голов со стандартных положений на чемпионатах мира, и с тех пор ей тоже ни разу это не удалось.

Этот гол стал самым важным голом в истории испанской сборной к тому моменту ее существования.

* * *

«Что ты сделал с моей страной? За что? Что мы тебе такого сделали, а?»

Прозвучавший вопрос звучал отнюдь не дружелюбно и не насмешливо. Он показался скорее грубым и неприятным; произнес его явно недовольный человек, проходивший мимо столика, за которым сидели Пуйоль, его брат Хосеп и друг Чави, Иньеста и футбольный агент Рамон Сострес. Пятеро сидевших за столом мужчин подняли глаза в сторону человека, которому принадлежал высокомерный немецкий голос, обращавшийся к капитану «Барселоны».

Этим человеком оказался Лотар Маттеус, гордый баварец, чье впечатляющее футбольное резюме уместило в себя ни много ни мало пять участий на чемпионатах мира разных лет и золотую медаль чемпиона Италии-90.

«Я ничего такого не сделал. Просто слегка пробил головой», – ответил Пуйоль, улыбаясь из-под копны кучерявых волос. Его реакция была такой же быстрой, как в момент с самим голом.

«Расслабься, расслабься! Надеюсь, что в финале удача будет на вашей стороне», – сказал немец.

Маттеус улыбнулся и ушел прочь. И все сидевшие за столиком тоже заулыбались, их разговор прервала, как показалось вначале, неуместная провокация, обернувшаяся в итоге беззаботными поздравлениями с победой… хоть раз испанцам удалось расшифровать для себя немецкий юмор.

«Ты осознаешь, что ты наделал, Карлес? Ты забил самый важный гол в истории испанского футбола, и теперь каждый это знает», – говорили его друзья за столом.

«Будем надеяться, что только до воскресенья, – сказал автор забитого мяча. – Только до воскресенья».

«Расслабься, Карлес, я об этом позабочусь. Не волнуйся».

Внезапно все перевели свои взгляды на Андреса. Все были удивлены твердостью сделанного им только что заявления, но одновременно оно вселяло и надежду, потому как всякий раз, когда он делал такие убедительные прогнозы, обычно все

случалось именно так, как он говорил. Когда все казалось простым и легким, его голос предупреждал о об опасности самодовольства и высокомерия; а когда все казалось трудным, его голос возвещал о наступлении светлого завтра.

«Ты веришь в судьбу, Андрес?» – спросил кто-то из присутствующих.

«Судьба это очень сложное слово… Я точно был в нужном месте в нужное время».

А если он был в Южной Африке здесь и сейчас, это точно не было совпадением. Облегчение, которое он испытывал теперь, после того как пережил страх в связи с возможным непопаданием на турнир, объясняло его расслабленное настроение в преддверии финального матча; оно же позволило ему вставить слово в этих послематчевых разговорах, благодаря ему он с таким удовольствием теперь пересматривал видео Эмили и поднимал бокал за процедурный стол Рауля и его волшебные руки.

* * *

«Соккер Сити», 11 июля 2010 года. День финала чемпионата мира по футболу, минуты, предшествующие стартовому свистку в матче, который будет смотреть вся планета. Планета заинтригованно ожидала схватки между сборной Голландии, которая на этом турнире напоминала свирепые испанские сборные прошлых лет, и сборной Испании, которая отчетливее, чем когда-либо, напоминала классическую команду голландских мастеров, чей Тотальный футбол, быть может, и уступил немецкой беспощадности в финале ЧМ-1974, но точно покорил сердца всех, кто был неравнодушен к футболу. Амплуа двух сборных поменялись с приходом на тренерский мостик испанской команды Луиса Арагонеса, а потом и Висенте дель Боске, каждый из которых поощрял активный контроль мяча и выстраивал систему игры вокруг талантливых испанских полузащитников, блестяще обращавшихся с мячом, а значит, естественным образом, вокруг Иньесты. С Арагонесом Испания выиграла Евро-2008, свой первый значимый титул за 44 года; теперь, два года спустя, она находилась в 90 минутах от первого в своей истории триумфа на Мундиалях.

Андрес дошел до раздевалки и стал все глубже и глубже погружаться в собственный мир, всплыв обратно на поверхность лишь на краткое мгновение – чтобы переговорить с Уго Камареро. У него была одна просьба к этому члену испанского тренерского штаба, состоявшего в команде физиотерапевтов сборной. Его

руки, словно сотканные из шелка, умели успокоить даже самые уставшие и страдающие от боли мышцы. Уго находился в раздевалке, когда услышал голос Иньесты. «Эй, Уго, пожалуйста…»

Уго, поглощенный привычной предматчевой суетой, а в этот день занятый еще активнее, так как на носу был финал Чемпионата мира, на секунду прервал свои дела, чтобы переключить внимание на Андреса.

«Сначала Хесус Навас попросил меня сделать для него футболку с посвящением, – вспоминает Уго. – Потом Андрес подошел поговорить со мной. Он в то время работал с Раулем. Я не знаю, видел ли он то, что я сделал для Хесуса. В раздевалке перед матчем происходит столько всего, а теперь представьте, что там творилось в день Чемпионата мира: массажи, бандажи, процедуры».

БЫЛИ НОЧИ, НА ПРОТЯЖЕНИИ КОТОРЫХ Я БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ МОЛИЛСЯ, ЧЕМ СПАЛ.

Андрес подошел ко мне. «Эй, Уго, сделай для меня футболку с посвящением Харке. Пожалуйста».

«Какого размера? Маленькую, большую, с короткими или длинными рукавами? А может, манишку? С короткими рукавами, ну хорошо, не волнуйся, когда вернешься с разминки, она уже будет готова».

«Пожалуйста, напиши на ней: «Дани Харке, всегда с нами». И позаботься о том, чтобы надпись была крупными буквами прямо на передней части, ага?»

«Не переживай, когда вернешься, она уже будет тебя ждать».

Андрес вышел на разминку. Уго тоже вышел на газон стадиона «Соккер Сити», чтобы составить компанию и оказать помощь тренеру по физподготовке Хави Миньяно, проводившему разминочную сессию. Но прежде Уго предстояло сделать еще кое-что.

«Со всех ног я бросился бежать, чтобы поскорее отыскать Хоакина, одного из ответственных за экипировку в сборной Испании», – вспоминает Уго.

«Вот, Уго, майка, которую ты просил!»

Но кто дал маркер? «Тоже Хоакин. У них всегда найдется пара-тройка маркеров, которые они используют на схемах розыгрышей угловых и штрафных ударов, перед тем как раздать эти записи игрокам перед каждым матчем. Но Хоакин, не спрашивайте меня почему, уже что-то подозревал. «Не трать слишком много чернил. Нам еще пригодится этот маркер. Увидишь потом зачем», – сказал он мне.

Пока он выводил букву за буквой, стараясь одновременно действовать быстро, но терпеливо, он буквально ощущал кожей пристальный взгляд Хоакина. Хватит ли чернил?

«Я очень дотошный человек, а потому каждую букву я прописывал с сильным нажимом, тратя на это больше чернил, чем хотелось бы Хоакину. Почему? Я хотел, чтобы люди смогли прочитать, что там написано. Я хотел, чтобы надпись получилась идеальной».

Уго действовал с непоколебимой верой в то, что эту футболку вскоре увидит весь мир.

Андрес все еще находился на поле, где разминался, а Миньяно явно не хватало помощи Уго, но Уго еще не закончил свое дело.

«Давай, Уго, быстрее!» Находясь под давлением, которое на него оказывал Хоакин и которое и так уже накладывали на него обстоятельства, он постарался как можно быстрее завершить задание. «Потратил, быть может, шесть-семь минут. Не более».

Когда Андрес возвратился, футболка уже ждала его. «Я не думаю, что он сказал мне хоть слово, – вспоминает Уго. – Может, руку поднял. Вы знаете, какой он. Он способен выразить больше эмоций взглядом или жестом, чем словами».

Уго вернулся в тишину раздевалки после окончания разминки. Андрес уединился в своем собственном личном пространстве. Это затишье было затишьем перед бурей и состояло из очень деликатной помеси аккуратных жестов, взглядов и шепота – оно предваряло главную игру в жизни каждого из этих игроков. Никто не видел, как он надел этот второй слой под красно-синюю футболку сборной. Кроме того, от всеобщего внимания ускользнул и тот факт, что Андрес, всегда суеверный и ненавидящий играть с длинными рукавами, обрезал рукава своей футболки.

«Помню, что туннель, ведущий из раздевалок к полю, был очень длинным и крутым, – говорит Андрес. – Ты видел свет в конце туннеля, и создавалось впечатление, что ты сейчас выйдешь на арену Колизея. Ты не видел трибун вплоть до тех пор, пока не оказывался у самого выхода из туннеля».

В этом туннеле Андрес, облаченный в белую футболку без рукавов с выведенной Уго надписью на лицевой ее части, скрывавшуюся под его игровой футболкой с шестым номером на спине, начал чувствовать, что внутри нарастает, закипает какое-то чувство. Это был не страх и не тревога. Нервы? Может, чувство некоторой уязвимости? Он шел по туннелю, словно по краю крыши.

«Когда я вижу эту фотографию, у меня до сих пор по телу

бегут мурашки, – говорит Уго. – А теперь представьте, каково было ему! Я вижу это его послание, и мой разум попадает в вихрь тысячи флэшбеков и воспоминаний. И я сразу думаю о том, через что он прошел на том чемпионате мира».

Страдания? «Да, он страдал. И немало, – говорит Уго. – Весь турнир занял 55 дней, если считать и время на подготовку к нему. Дни и ночи лечебных процедур, затягивавшихся порой до четырех утра. Вспомните, что случилось в Мурсии перед отъездом в Южную Африку. Он был свободен, был дома, но травма все равно настигла его. Вспомните, что случилось в матче со швейцарцами. Он был так близок к стопроцентному выздоровлению, но вынужден был опять начинать все заново. Каждое утро одна и та же рутина, одна и та же сцена. «Доброе утро» от Андреса, «Давай взглянем, как идут дела» от нас… а как они идут? В конечном счете никаких слов уже не было нужно. Думаю, что со мной он провел больше тренировок, чем со всеми остальными игроками команды. Если он тебе улыбался, значит, нагрузки на сегодня было достаточно. Простым жестом он показывал, что хватит. Были ночи, на протяжении которых я больше времени молился, чем спал. Молился о том, чтобы на следующее утро его приветственная улыбка была приободряющей».

Экипировщики испанской сборной трудились с максимальной заботой и вниманием к Андресу, чтобы он только ни в чем не нуждался. Перед отъездом игроков в ЮАР испанская Федерация футбола даже организовала в тренировочном комплексе сборной в Лас Розасе тренажерный зал, в который привезли необходимое оборудование специально для него и его восстановления. «Мы привезли те же тренажеры, которые Хави и Иньеста использовали в «Барселоне», – говорил Уго. – А потом давили на федерацию, чтобы они взяли то же оборудование и на чемпионат мира, включая и беговую дорожку для Рамоса».

«Андрес очень суеверный человек, – говорит Уго, – но таковы многие игроки». Как-то раз Уго тренировался с защитником сборной Раулем Альбиолем, как вдруг прибежал один из докторов команды и стал кричать Уго: «Тебе нужно быть с Андресом, чтобы он мог делать те же упражнения, что вы делаете с ним обычно. Пожалуйста, иди сейчас к нему, а потом вернешься к работе с Альбиолем». Пациент был уверен, что, если он каждый день будет делать одни и те же упражнения, его тело в конечном итоге синхронизирует свою работу. Вот почему Уго оставил все свои дела и отправился на встречу с ногами Андреса Иньесты. Привычную рутину нельзя было разбивать.

«Нам нужно было очень грамотно организовать процесс

восстановления Андреса, – говорит Уго. – Тесты, которым мы его подвергали, информация, которой снабжали его, – все должно было быть в очень позитивном ключе. Помню, что Рауль все время повторял ему одни и те же слова, чтобы развеять все его сомнения: «Расслабься, Андрес, все идет хорошо. Расслабься».

На самом же деле все шло далеко не хорошо. Наоборот, все было плохо. Но независимо от того, насколько плохо все шло, мы должны были сохранять позитивный настрой».

Теперь, идя по туннелю к полю «Соккер Сити», Уго вспоминал и заново переживал столько крошечных деталей и маленьких эпизодов, что пережил за эти 55 дней. Он был счастлив, потому что Андрес по возвращении в раздевалку обнаружил в своем шкафчике именно то, о чем просил его. Все складывалось так, как и должно было: он проходил к полю мимо золотого Кубка мира, не глядя на него, но в душе надеясь, что в ту ночь ему удастся поцеловать его.

«Понятия не имею, что случилось с тем маркером. Я был немного раздражен в тот момент, когда отдавал его, это все, что я помню», – говорит Уго.

В тот вечер послание миру было и под футболкой у Хесуса Наваса. По смыслу оно было таким же, как послание Андреса, но было адресовано Антонио Пуэрте, который трагически погиб на футбольном поле, играя за «Севилью». Футболки двух игроков тоже были разными. У Наваса нижняя футболка была с короткими рукавами и синего цвета, а футболка Андреса, как потом увидел весь мир, была белой и без рукавов. Автором обеих работ был Уго Камареро.

«Почему я раньше не задумался об этом посвящении? Не знаю. Я не слишком долго размышляю над вещами. Быть может, это было нежданно пришедшее вдохновение», – говорит Андрес.

В преддверии финала Иньеста был занят более приземленными вещами. Он старался сделать так, чтобы его ближайшие друзья Жорди, Жоэль, Сеси и Алексис добрались до Йоханнесбурга вовремя и успели к финальному матчу.

«Я не должен был долго думать о футболке, когда забил гол. Это было инстинктивным действием. Ты забиваешь и тут же снимаешь с себя футболку. Если бы я слишком долго раздумывал об этом, тогда, наверное, все не получилось бы так удачно. Но все прошло идеально, я снял ее очень легко и быстро, и она не упала на газон. Я тоже не упал. Все прошло невероятно здорово».

Послание, написанное рукой Уго, больше не пряталось под футболкой сборной Испании с фамилией Андреса на спине. Послание теперь переполошило миллионы сердец, потрясенных незабываемым голом, который предшествовал ему. «Дани Харке

всегда с нами».

«Я видел гол не так, как все остальные», – говорит Андрес.

Каково это, забить гол, который выигрывает для твоей страны чемпионат мира и хоронит многолетние разочарования целой нации всего одним точным ударом? «Когда я получил мяч, я ничего не мог расслышать, – говорит он. – Показалось, что в тот момент, когда я обработал мяч, весь мир остановился и замер. Объяснить это трудно. В тот момент я ничего не чувствовал, я слышал только тишину. Мяч, ворота. Я, действительно, отступил назад в момент паса, чтобы не попасть в офсайд. Я знал, что избежал «вне игры», инстинкт подсказал мне. Такие вещи тело обычно делает на автопилоте. А потом… потом наступила тишина».

Мяч пришел к Иньесте очень удобно, он легко и просто его обработал и пробил. «Нужно на мгновение взять паузу, чтобы как следует укротить мяч. Ты хозяин ситуации. Ты и только ты. Мяч был ньютоновским яблоком. А меня сделал Ньютоном. Мне просто нужно было дождаться, когда гравитация сделает свое дело. Ты сам контролируешь ситуацию. Тебе решать, на какой высоте будет находиться мяч, когда ты будешь по нему бить, ты выбираешь, с какой силой наносить удар и куда посылать мяч. В тот момент тишины важны только ты и мяч.

Я намеревался пробить по мячу так, чтобы отправить его как можно дальше в угол – тогда вратарь не смог бы до него дотянуться, но в итоге он полетел скорее по центру. Но я ударил по нему очень сильно, это факт. Правда в том, что мне не нравится слишком много думать о процессе. Когда думаешь, ты теряешь десятую долю секунды, а если думать слишком долго, можно не попасть в ворота».

Мяч, направленный чуть ближе к центру, чем планировалось, обогнул правую руку выпрыгнувшего за ним Стекеленбурга. Когда голландский голкипер оказался на коленях, а мяч его миновал, Андрес обернулся в сторону лайнсмена, надеясь, что тот не совершил колоссальной несправедливости и не поднял флажок, сигнализируя об офсайде. Потом он глянул в сторону центра поля, вспоминая еще кое-что: «Я поучаствовал во всей голевой комбинации, с самого начала».

Он с гордостью говорит о том, как помог соткать эту атаку, начавшуюся в зоне правого защитника, в зоне Серхио Рамоса, а после продвинувшуюся в сторону позиции центрфорварда, которую прежде оккупировал Фернандо Торрес, игравший там вплоть до момента своей травмы во втором экстра-тайме.

Пас пяткой Навасу, смещение в свободную зону, пауза – все эти маневры были необходимы для того, чтобы эта комбинация

вошла в историю испанского футбола. Андрес присутствует в каждой детали – игрок, который говорит, что не любит слишком много думать.

Он не переживал в последние мучительные минуты матча, несмотря на всю нервозность, охватившую испанскую штрафную площадь. «Когда я увидел, что Роббен выходит один на один с Касильясом, я просто ожидал развития событий. Не более. В конечном счете ты доверяешь своему вратарю, вот так просто. Теперь, когда я столько раз пересмотрел повторы этого эпизода, я думаю, что у Роббена было достаточно пространства, чтобы обвести Икера и забить. Но к счастью, он решил ударить, и мяч попал в громадного Касильяса. Этот сэйв был так важен для нас. Вдобавок, чем больше минут в матче проходило, тем лучше я себя чувствовал. У меня было предчувствие, что мы победим. Команда становилась все сильнее, я становился сильнее. Такое можно почувствовать. Это видно даже по тому, как ты останавливаешь мяч. А я очень хотел сыграть важную роль во всем этом. Хотел взять на себя ответственность, и у меня хватало энергии на это. Страха не чувствовал. С мячом в ногах я обладал силой. Я говорю так не просто из-за гола, потому что он был лишь одной из многих интересных наших комбинаций.

Помню, что перед голом у меня был момент, когда я смог укротить мяч, но не смог как следует исполнить удар. Был момент с удалением Хейтинги и еще два-три других шанса. У меня сложилось ощущение, что я должен копнуть глубже всех остальных, чтобы мы могли выиграть этот финал. Не спрашивайте у меня почему, просто так я чувствовал», – говорит Андрес.

Более того, финал выдался непростым, и не только в силу чисто футбольных причин, или потому, что матч перетек в дополнительное время. Андрес с самого первого удара по мячу в матче знал, что проводит тысячу микроматчей в рамках одной важнейшей игры. Казалось, что все началось гораздо раньше, в 2006-м, за четыре года до.

> АНДРЕС СОРВАЛ С СЕБЯ ФУТБОЛКУ ИСПАНСКОЙ СБОРНОЙ, И ВЕСЬ МИР УВИДЕЛ ЕГО ПОСЛАНИЕ, ВСПОМНИВ О ДАНИ ХАРКЕ.

«Конечно, я помню стыки с Ван Боммелом. Как можно такое забыть! Он умышленно наступил на меня, а потом дважды на мне сфолил, и каждый из этих двух моментов тянул на прямую красную. А ведь подумать только, удаленным едва не оказался я сам! Представьте, что бы было, если бы я получил красную карточку. Это случилось в тот момент, когда я выставил бедро, а

он упал так, словно я его подстрелил, причем насмерть. Я был в ярости, когда он намеренно наступил на меня, чтобы сделать мне больно. Я знал, что если отреагирую, то в итоге удалят меня, поэтому…»

Он даже не может заставить себя договорить до конца предложения. Но потом на него нахлынули воспоминания о моменте, когда он даже сам не узнавал себя.

«В финале они лупили нас только так: фол Де Йонга на Хаби Алонсо, те фолы на мне. А ведь я и правда обычно не теряю хладнокровия».

Но в какой-то момент хладнокровие его покинуло, и он ввязался в конфликт с Ван Боммелом. Андрес уже не был самим собой.

Но вместо того чтобы говорить о том, что *почти* произошло, он предпочитает говорить о том, что действительно случилось. О голе. «Гол был совсем не таким, каким увидели его люди по телевизору, – говорит он. – Он напоминает то, что было в трансляции, но на деле он был не совсем таким. Точно не для меня, в моих глазах он был другим, перспектива изменилась. Чувство, которое охватило меня на поле, я не могу описать словами. Этот гол был во многом моим голом, и я точно никогда не забивал таких мячей. Я не знаю, как это объяснить, как можно отдать ему должное. Все вокруг меня застыло на несколько секунд. Я слышал тишину. Звучит противоречиво, но я до сих пор не нашел лучшего способа описать момент: отчетливо слышимая тишина». А затем мяч оказался в сетке, Андрес сорвал с себя футболку испанской сборной, и весь мир увидел его послание, вспомнив о Дани Харке.

Белая футболка без рукавов, с надписью, сделанной Уго, хранится в родном «доме» Дани Харке, столь близком его душе – на стадионе «Эспаньола» «Корнелия-Эль Прат». Там на 21-й минуте каждого домашнего матча (так как Дани играл под 21-м номером) болельщики неизменно аплодируют своему бывшему капитану. Игра идет своим чередом, но болельщики на мгновение забывают о футболе, чтобы устроить минутную овацию Дани, другу Андреса, и так происходит матч за матчем, из сезона в сезон.

Синяя футболка сборной Испании, рукава которой были торопливо обрезаны в раздевалке стадиона «Соккер Сити» – еще один футбольный артефакт, и он тоже не находится во владении Андреса. У кого он? «Это сокровище в очень надежных руках», – говорит он. Эмили до сих пор не может поверить, что Андрес подарил ее ему по возвращении из Южной Африки. Синяя футболка сборной с очень личным посланием, написанным на

ней.

«Наш секрет сработал, мы стали чемпионами! Спасибо, что был на моей стороне! С любовью, А. Иньеста, 6». На этот раз рука уже не Уго, а Андреса передавала футболку, на которой все еще не было звезды над эмблемой – ее получают только те команды, что становились чемпионами мира, – но теперь она будет там всегда.

Все помнят тот гол. Никто никогда его не забудет. Но мало кто помнит, что Андрес провел шесть матчей из семи возможных на чемпионате мира и в трех из них становился лучшим игроком матча, включая и финал, разумеется.

XIII. Соперники

Это же Андрес! Его нельзя бить.

Серхио Рамос, «Реал Мадрид»

«Господь явился нам, когда Роббен вышел один на один с Икером, – вспоминает Серхио Рамос. – Когда я говорю Господь, я имею в виду носок бутсы Икера, который не дал Голландии забить. Но даже этого касания мяча было недостаточно для того, чтобы мяч так сильно разминулся со штангой. Если бы они забили нам в тот момент матча, мы бы точно не выиграли финал.

Когда случился, наконец, гол Андреса, я был на позиции правого защитника и рванул к угловому флажку на противоположном конце поля. Я пробежал стометровку секунд за 9, наверное; мне казалось, что я бегу так же быстро, как Усэйн Болт. Я пробежал от одного углового флага до другого, словно одержимый демонами. Усилия всей жизни воплотились в этот самый гол».

Такими получились кристально ясные воспоминания Серхио Рамоса о двух самых важных эпизодах финала чемпионата мира-2010 в ЮАР. Центральный защитник «Реала» и правый (в то время) защитник сборной Испании смеется, говоря, что Бог в тот момент принял обличье Касильяса.

Воспоминания Иньесты о том моменте совсем не такие драматичные. Он настаивает, что ни секунды не беспокоился о том, что голландцы забьют. Рамос продолжает: «Когда он говорит: «Я посмотрел, увидел вратаря и подумал, что ничего плохого не случится», я всегда отвечаю ему: «Конечно, тебе-то легко было расслабиться. Для тебя этот эпизод длился секунды три. Для меня же – целую вечность».

Касильяс повествует об этом моменте так: «Для нас было очень странным допустить такую огромную ошибку в финале Чемпионата мира. Наша оборона была такой крепкой и надежной. Но случилось, что случилось. Снейдер сыграл очень здорово и вывел Роббена один на один со мной. Мы отлично знали, что они – самые опасные игроки голландской команды. Проблема была в том, что мяч проскочил между Пуйи и Жери [Пуйолем и Пике], а мы не успели вовремя отреагировать. Когда он получил мяч, мы уже ничего не могли поделать, только верить в удачный исход».

Небольшое преимущество у испанцев все же было. Рамос и Касильяс знали Роббена по периоду его выступлений за

«Мадрид», и этот опыт имел решающее значение, когда форвард выскочил к воротам. «Я попытался на шаг опередить его, так как был уверен, что знаю, что он собирается делать, – говорит Касильяс. – Я думал, он попытается обойти меня, протащив мяч вправо от себя и влево от меня. Если бы он прошел мимо меня, то остался наедине с воротами. Вот почему я сместился в эту сторону. Потом, когда он пробил и мяч попал мне в ногу, я уже был уверен, что гола точно не будет. Вратарь сразу чувствует такие вещи. Я был убежден, что он промахнется. Именно так и случилось: мяч попал мне в ногу и ушел мимо ворот».

Иньеста был спокоен, так как видел Касильяса. Вратарь, в свою очередь, был не так расслаблен, наблюдая за тем, как его партнер забивает победный гол, потому что видел, как время утекало, а запасы энергии испанских игроков таяли. Касильяс и Рамос беспокоились одинаково сильно.

«По ходу экстра-тайма финала Чемпионата мира ты больше тревожишься о том, как бы не совершить ненужную ошибку, а не о том, как пойти в атаку, – говорит Рамос. – Вот почему мы все друг у друга спрашивали: «Это правда, что ли, Андрес там? Так далеко, что почти в офсайде?» Ответом было «да». Это действительно был он, и он знал, как не попасть в офсайд, находясь рядом с последним защитником. Он сделал шаг назад, а потом забил. Если во всем мире и был человек, заслуживающий этот гол, это был Андрес. Гол осчастливил меня. И это при том, что у меня самого имелось три хороших шанса, главным из них был удар головой, после которого мяч пролетел чуть выше перекладины. Мы играли мячом «Джабулани», и как это обычно с ним бывало, он повел себя в воздухе как-то странно, перед тем как долетел до меня».

Касильяс тоже очень удивился тому, что Иньеста оказался дальше всех выдвинутым игроком сборной Испании. «Немногие понимали, что забыл там Андрес. Я много раз себя спрашивал: «Что он делал на границе вратарской?» А когда мяч прилетел к нему, я подумал: «О боже мой, момент для него просто идеальный». Проблема была в Стекеленбурге: когда он коснулся мяча, я решил, что он приложил достаточно усилий, чтобы отразить удар. Я был уверен, что он отбил мяч. Я не мог успокоиться до того момента, пока не увидел, как мяч влетает в сетку.

В таких ситуациях у меня всегда проявляется условный рефлекс: я смотрю прямо на лайнсмена, чтобы понять, бежит он к центральной линии или нет. Когда я пересматривал гол по телевидению, я обратил внимание, что Андрес, находясь на другом конце поля, сделал то же самое. А когда я увидел, что

лайнсмен начал движение к центру поля, меня покинул последний, как мне кажется, заряд энергии. У меня явно не было сил, чтобы праздновать гол, и уж точно не хватало их на то, чтобы бежать к угловому флажку обниматься с партнерами. И это несмотря на то, что обычно я очень экспрессивен, когда отмечаю голы, а этот гол за 4 минуты до конца экстра-тайма должен был принести нам Кубок мира. Но я просто не мог найти в себе сил. Я обнял Бускетса, который был ближе всех ко мне, и на этом все. Потом свое слово сказали нервы. Люди не понимают, какие эмоции ты испытываешь, играя в таком финале. У нас было несколько моментов, но чем больше времени проходит, тем чаще ты начинаешь думать о грядущей серии пенальти. И столько всяких мыслей одновременно проносится у тебя в голове. Вот почему, когда Андрес забил, я начал думать: «Мы можем стать чемпионами мира. Невероятно! Это невероятно!»

Касильяс не мог сдвинуться с места. Серхио Рамос не мог остановиться. «Только посмотрите, как Андрес реализует свой момент. Он такой спокойный, словно застыл в пространстве и времени. Всякий раз, когда я вижу этот гол, он обязательно задевает меня за живое, – говорит Рамос. – У меня дома стоят Кубок мира, трофеи Лиги чемпионов и чемпионатов Европы, и не бывает такого дня, чтобы я хотя бы раз к ним не прикоснулся. Трофей чемпионов мира есть у всех великих команд; футбол был должен нам такую большую победу. Испания была чемпионом мира во многих видах спорта: в баскетболе, теннисе, мотогонках. Нам не хватало титула в футболе, но теперь и он у нас есть».

Ничуть не менее счастливым, а может, даже более, был и Фернандо Торрес, старый друг Иньесты, с которым они вместе выступали за сборную Испании в самых разных возрастных группах. «Я поверить не мог, что мяч влетел в сетку; у меня уже было ощущение, что серии пенальти нам не избежать», – говорит форвард «Атлетико Мадрид».

«Помню, что в Южной Африке мы проводили вместе много вечеров, признаваясь друг другу в каких-то вещах и делясь тайнами, – говорит Торрес. – Андрес поведал мне очень много личного о том, что случилось с ним в тот год. О многих вещах я попросту не знал – и по этой причине я стал только сильнее восхищаться им. Но самое главное, я был горд тем, что этот гол забил мой друг. Лучшего кандидата на гол, принесший нам победу в том финале в Йоханнесбурге, просто не найти.

У нас у обоих были неудачные годы в плане травм и других проблем. Быть может, до ЮАР мы доехали не в совсем нормальном состоянии, как в физическом плане, так и в моральном. Андрес, впрочем, рос на протяжении всего турнира.

Он начал разгоняться на групповой стадии, а завершил турнир голом для исторических книг. На контрасте я сыграл раньше, чем должен был, потому что в первой игре мы терпели поражение [0: 1 от Швейцарии], и моя форма ухудшалась с каждой игрой, пока колено не сдало окончательно».

Однако оба игрока получили то, что хотели. А когда они вернулись домой и на их футболки нанесли звезду чемпионов мира, Андрес подошел к Фернандо и спросил: «Помнишь ту футболку, которую ты подписал для меня после Чемпионата мира в Тринидаде и Тобаго?»

«Конечно, помню, Андрес. Конечно, помню», – отвечал Торрес, вспоминая эпизод, приключившийся в 2001 году.

Вплоть до того самого момента Андрес ни разу не заговаривал с ним о той футболке, словно ее и не существовало вовсе. Он всегда был тем же отважным, открытым, но в то же время рассудительным и учтивым мальчиком, с которым Фернандо впервые познакомился, когда обоим было по 14 лет.

«Впервые мы повстречались в сборной Испании U-15. Мы дебютировали в одном матче, в Вильяфранке-де-лос-Баррос, – вспоминает Торрес, – и с того дня вместе поднимались по всем возрастным категориям. Нашим первым большим турниром стал Евро U-16 в Англии. Мы потеряли Андреса на групповой стадии из-за травмы, но в итоге дошли до финала, где обыграли Францию, а я забил гол, который посвятил ему; мы нуждались в нем, нам очень его не хватало. Потом мы выиграли Евро U-19, обыграв в финале Германию, я вновь забил, а Андрес опять был рядом со мной.

> ИСПАНИЯ БЫЛА ЧЕМПИОНОМ МИРА ВО МНОГИХ ВИДАХ СПОРТА: В БАСКЕТБОЛЕ, ТЕННИСЕ, МОТОГОНКАХ. НАМ НЕ ХВАТАЛО ТИТУЛА В ФУТБОЛЕ, НО ТЕПЕРЬ И ОН У НАС ЕСТЬ.

Но в 2001-м мы поехали в Тринидад и Тобаго, чтобы сыграть на Чемпионате мира U-17, однако он стал настоящей катастрофой для нас. У нас были огромные ожидания, мы думали, что станем чемпионами мира, но в итоге выбыли из турнира в первом же раунде.

Тот турнир помог нам обоим быстро повзрослеть, потому что показал оборотную сторону медали: боль поражения. Мы были ведущими игроками в составе, так что нас сделали виноватыми, когда все пошло не так, как все ожидали. Тренер отчитал нас перед лицом всей остальной команды, обращаясь прямо к нам. Он сказал, что мы всех подвели. Нас обвинили и в том, что мы изменились, и это тоже стало поводом взвалить вину за провал».

То поражение навсегда оставило свой след в жизни Фернандо и Андреса. Один из главных фаворитов того чемпионата мира U-17 выбыл из турнира уже на групповой стадии, пропустив вперед себя в таблице сборную Аргентины с Маскерано, Тевесом и Сабалетой в составе и команду Буркина-Фасо, подвинувшую Испанию на третье место – ниже был только Оман. «Было ужасно оказаться в таком положении главных виновников, но этот опыт научил нас тому, каким может быть порой футбол. Если мы собирались добраться до вершины, нам следовало готовиться к тому, насколько трудным может быть восхождение», – говорит Торрес.

«На обратном пути из Тринидада мы написали письмо, в котором рассказали обо всех трудностях, что нам довелось пережить. Ужасающие условия для тренировок, абсолютно неприемлемый уровень отелей, сомнительное качество еды, долгое путешествие… правда в том, что если даже пацаны такого возраста обращают внимание на подобные вещи, значит, все было реально очень плохо».

Они были двумя подростками, которые в самолете, летевшем домой, выражали свою досаду и разочарование в письме, которое так и не увидело свет. «Андрес оставил его у себя, и я не знаю, хранится оно у него или он его выбросил. Оно было больше саркастичным, нежели серьезным по тону, и мы много смеялись, когда писали его. Потом обменялись футболками, и каждый оставил послание на футболке другого».

Именно на той футболке, привезенной из Тринидада и Тобаго, было написано пророчество. «Однажды ты и я вместе выиграем чемпионат мира. Фернандо Торрес».

Он вручил футболку Иньесте, подписав ее словами, казавшимися утопией, нереальной мечтой. «Кто тогда мог подумать, что эта мечта станет явью! – говорит Торрес. – Глубоко внутри я чувствовал, что вместе мы просто непобедимы. Я верил, что судьба приготовила для нас что-то совершенно особенное. Таким мне виделось будущее, и таким я его описал. Наша история на чемпионатах мира никак не должна была окончиться той неудачей в турнире U-17».

Однако путь к мечте был отнюдь не легким ни для них, ни для всей Испании в целом. «Все началось на Евро-2008», – говорит форвард «Атлетико». Касильяс подтверждает: «Те, кто играл за сборную в период между 2006 и 2008 годами, постоянно подвергались критике – «вербальному избиению», как сказал бы Луис Арагонес. Эта критика определенно помогла нам быстро повзрослеть».

«Луис учил нас быть уверенными в себе и уважать друг друга.

Он построил команду и создал идею», – говорит Торрес.

Касильяс добавляет: «Нас очень много критиковали. Нам было по 21–23 года, и мы знали, что предстоит быстро заматереть. Луис изменил менталитет команды, а потом пришел Дель Боске, который знал, как продолжить следовать тем же курсом. Выиграть Евро, чемпионат мира, а потом еще раз стать чемпионами Европы совсем нелегко. Никому прежде не удавалось ничего подобного. Мантрой Луиса было: «Побеждайте, побеждайте и снова побеждайте». Мы выросли на сборной Испании, которая стабильно вылетала в четвертьфиналах, а потом искала оправдания неудачам. Когда виноват был не арбитр, обязательно находилась какая-то другая причина. Всегда была причина, почему мы в очередной раз проиграли».

Луис Арагонес, известный в народе под прозвищем «Мудрец из Орталесы», был революционером, Че Геварой испанского футбола. Он отказался от огня и ярости в пользу поставленной игры в пас, или тики-таки, как окрестили ее поначалу скептики, желавшие придать этому термину оттенок фривольности. Потом, впрочем, его стали употреблять и те, кто принял такой подход как новую успешную стратегию.

Арагонес понимал, что сила Испании крылась не в защите и не в атаке, потому что в обеих штрафных всегда находился какой-нибудь немец или англичанин, превосходивший испанцев габаритами и мощью. Ее сила была в середине поля. Новая сущность испанского футбола была найдена в ногах полузащитников; теперь игра сборной строилась на таланте, быстрых касаниях и работе с мячом. Евро-2008 стал началом новой эры, совершенно особенной для Испании, и пиком ее стал чемпионат мира-2010. Впервые в истории Испания стала лучшей сборной планеты.

«Луис держался за тех игроков, в таланты которых искренне верил, и всю ответственность он переложил на низеньких ребят: на Андреса, Хави, Сильву… – говорит Торрес. – Теперь они диктовали стиль игры команды. Смотреть на такой футбол было очень круто, но также эти изменения стали уроком для тех, кто не верил, что эти игроки могут вести за собой чемпионскую команду. Критика, сомнения, пренебрежительное отношение и оскорбления – все это, через что нам пришлось пройти к тому моменту, было абсолютно несправедливым и незаслуженным, нам было очень непросто мириться со всем этим. Но Луис всегда в нас верил, в нашу способность добиться чего-то значимого. А все, что с нами происходило, только укрепило единство, с которым мы следовали за мечтой. Произошла невероятная смена направления. Я убежден, что без успеха 2008 года не было бы

побед 2010-го и 2012-го».

Торрес и Иньеста чувствовали себя оправданными. Та футболка с турнира в Тринидаде, которую Торрес подписал для Андреса, теперь обретала куда больше смысла. Вместе они стали верить в то, что ничего невозможного для них нет.

«Андрес – гений; он знает, что произойдет дальше, за секунду до того, как это случается. Он на шаг впереди всех остальных», – считает Торрес.

Есть и другие игроки, испытывающие те же чувства по отношению к Иньесте, пусть даже их совместные путешествия с ним были не в пример короче. «Я пересекся с Андресом только два раза, в матчах сборной U-21; после этого мы уже играли только за первую сборную», – говорит Серхио Рамос. «Есть масса игроков, которые очень сильно отличаются от того, какими они были, когда впервые появились на сцене, – добавляет Икер Касильяс. – Когда я впервые увидел Андреса, он казался таким маленьким… Очередным молодым воспитанником «Барсы». Но когда нужно было взять игру в свои руки, когда нужно было блеснуть, он это делал».

«Андрес – маг. Он отличается от остальных. И он оставил след в целой эпохе, как с «Барселоной», так и с нами, – говорит Рамос. – Я его партнер по команде уже десять лет, мы очень нравимся друг другу, между нами очень доверительные отношения. С самого первого дня, когда я его повстречал, он мне очень понравился. Я предпочитаю простых и прямолинейных людей тем, кто пытается вымучить дружеское отношение к себе. Мне не нравятся нахальные люди, которым лишь бы покрасоваться, не люблю и тех, кто пытается организовать какую-то группировку или тусовку по интересам. Андрес – один из тех, кому нужно помочь на начальном этапе, чтобы ему было проще интегрироваться в коллектив. Но как только он осваивается, то становится членом коллектива, притом одним из самых важных его членов. Именно так все было и в наших с ним отношениях, даже несмотря на то, что мы играем за враждующие клубы. Мы поладили с первого дня. Он – парнишка, которого желает своей дочери любая мать, потому что он почти всегда поступает правильно и никогда не доставляет никому проблем.

Он не всегда экспрессивен, но он излучает позитивную энергию, и хотя порой бывает трудно заставить его улыбнуться, он все равно живо воплощает собой счастье. Вот почему я держусь к нему поближе, как на поле, так и за его пределами. И когда дело доходит до футбола, у него всегда можно чему-то научиться».

Касильяс соглашается: «Когда ты видишь его на поле, он

может показаться тебе холодным как лед, потому что редко теряет самообладание. Нужно, чтобы случилось что-то действительно значимое, чтобы он завелся. Его уважаешь просто за то, какой он есть».

«К тому же он немало страдал, – перебивает его Рамос. – В футболе есть две стороны медали, и люди часто забывают, что мы никакие не машины. Мы все играем много лет, и случаются моменты, когда тело просто сдает и больше не может терпеть. Разум тоже утомляется, и все это находит отражение в игре. Одни люди это понимают, другие нет. Когда играешь на таком высоком уровне столько лет, как это делает Андрес, люди начинают привыкать и ждут от тебя того же уровня все время».

АНДРЕС – ГЕНИЙ; ОН ЗНАЕТ, ЧТО ПРОИЗОЙДЕТ ДАЛЬШЕ, ЗА СЕКУНДУ ДО ТОГО, КАК ЭТО СЛУЧАЕТСЯ.

Рамос благодарен судьбе за то, что она свела его с Иньестой. «Когда ты противостоишь ему, то должен выкладываться по максимуму, – говорит он. – Можно отпасовать ему мяч чуть жестче и сильнее, чем надо, а он намертво остановит его одним касанием. Даже если сделать ему плохой пас – мы их называем *fresas* (клубнички) или *sepias* (каракатицы), – он все равно мигом возьмет мяч под контроль одним касанием внешней стороны стопы. В мире мало игроков его уровня.

А когда приходится играть против него, ты понимаешь, что тебя ждут страдания. Он очень техничный и играет максимально вертикально. Он пойдет на тебя сразу, и тебе будет казаться, что ему невероятно легко создавать свободные зоны. А еще он обладает кое-чем таким, чего не хватает форвардам, – щедростью. Он из тех, кто отдаст тебе мяч и скажет: «Давай, закатывай его в ворота», когда может забить сам. Когда играешь против него, всегда сомневаешься, потому что знаешь: если я пойду за ним и буду опекать, кто-то другой окажется открытым. Он обладает невероятным чувством мяча и умением сделать все в нужный момент. Он может исполнить длинный пас, сыграть между линиями или отправить мяч в верхний угол ворот. Иметь его в команде – настоящая удача для тебя, но если он у тебя в соперниках – это пытка».

«Сейчас ему 32, и кажется, что с каждым годом он только хорошеет, – говорит Касильяс. – У него бывают сезоны, когда он не так хорош, как в другие годы, как это было в сезон при Тате Мартино, например. Но на следующий год он заново изобретает себя. Достаточно только посмотреть, как он играет при Луисе Энрике. Год назад он провел невероятный, выдающийся сезон и выиграл все титулы. Он – игрок, способный несколько лет подряд

выдавать мощные сезоны, а потом провести один не слишком выдающийся, и так он играл на протяжении всей карьеры».

Касильяс развивает свою мысль о том, как игра Иньесты эволюционировала при Луисе Энрике на «Камп Ноу». «Он теперь еще более совершенный хавбек. Он чаще оказывается в штрафной, он стал быстрее и чаще бьет по воротам. В его игре появились черты, которых мы раньше не замечали. Мне он теперь кажется более быстрым. Я имею в виду не длинные дистанции, а то, как ловко он уходит от соперников на дриблинге. Помню его маневр в матче против «ПСЖ» на «Камп Ноу», в Лиге чемпионов. Меня прямо поразило то, каким быстрым он стал; все его маневры быстры, преисполнены энергии и силы».

Касильяс и Рамос много раз противостояли Иньесте, и далеко не всегда все заканчивалось миролюбивым обменом футболками, особенно в контексте тех матчей, когда «Барселоной» и «Реалом» руководили Пеп Гвардиола и Жозе Моуриньо, чьи непростые отношения отравляли атмосферу Класико.

«Каждый защищает своих, – говорит Рамос. – Между двумя нашими командами был период очень плохих отношений, даже потасовки на поле случались. За три недели весны 2011-го мы играли друг с другом финал Кубка Короля, два матча в Лиге чемпионов и игру чемпионата. Пять матчей за три недели, и без конфликтных ситуаций было не обойтись.

Я первым агрессивно пошел вперед ногой, первым допустил ошибку. Ты молод, горяч, импульсивен, адреналин в крови зашкаливает. Но после Класико, в котором я дал пощечину Пуйолю и вступил в стычку с Хави, первое, что я сделал на следующий день, – это поговорил с обоими.

Было бы не очень умно заявляться на тренировку сборной Испании, не разрешив наши противоречия, нельзя было допустить того, чтобы в сборной испортилась атмосфера, тем более в такой замечательной сборной, как наша. Но с Андресом я никогда не ругался. С ним мои отношения никогда не портились, даже в тот период, когда в отношениях между мной и Хави, Жери и Пуйи искры летели только так – с последним я вообще хуже всех ладил в тот период времени. Но с Андресом никогда никаких проблем не было. Как и с Буси [Бускетсом]. Мы с Андресом не доводили до такого. Более того, я уверен, что и по окончании футбольной карьеры мы продолжим дружить и общаться».

«Не ладить с Андресом или тем более ругаться с ним попросту невозможно, – добавляет Рамос. – Равно как невозможно и бить его. Иногда ловишь его, но без злого умысла. Но бывают моменты, когда он от тебя уходит и тебе приходится выбирать: либо догонять и сваливать наземь, либо отпускать. Но в конечном

счете ты его отпускаешь.

Это же Андрес! Его бить нельзя. Потом от тебя убегает другой игрок, и уже его, да, его можно осадить, если хочешь. Но Андреса бить нельзя.

Таких, как он, очень мало; так мало тех, кто ведет себя так же, как он. Вот почему я так искренне его люблю. Люблю как партнера. Единственное, о чем я сожалею, – это о том, что он не играет за мой клуб. Я бы с удовольствием сыграл с Иньестой в «Мадриде».

XIV. Дель Боске

Мне в команде всегда нужны полузащитники, чем больше, тем лучше.

Висенте дель Боске

Висенте дель Боске, экс-главный тренер сборной Испании, побеждавший с ней на чемпионате мира-2010 и Евро-2012, – большой поклонник Иньесты. «Он замечательный футболист, с таким физическим талантом, который редко увидишь в игре. Он обладает особыми качествами. Он очень элегантно работает своим телом. Такой координации и техники, как у него, невозможно научить. Можно работать над тем, чтобы улучшить их, но с такими данными нужно родиться. Он словно танцор: он все делает с грацией и изяществом, как будто даже не прилагая усилий. Его игра естественна и проста, она течет как вода. Он играет в расслабленной манере, всегда комфортно себя чувствует, словно не бежит, а идет с мячом в ногах. Эта черта никогда не пропадает. Кажется, что он никогда не оказывается под давлением; все делает плавно, аккуратно».

Дель Боске знает и ценит в Андресе те же качества, что и Гвардиола. «На первый взгляд это неочевидно, но Андрес эволюционировал и развивал свою игру. Он теперь другой игрок. К примеру, мы с Пепом оба представляли его играющим на фланге, обыгрывающим соперников. Я много раз говорил ему: «Я вижу тебя и как ты играешь, и я не хотел бы быть крайним защитником, который тебе противостоит». Но теперь в его игре есть и другие элементы. Постепенно, шаг за шагом он уходил прочь от фланга и теперь чувствует себя более важным в центре поля – там ему комфортнее. Он заслужил право играть более важную, более разноплановую роль.

Мы не ошибались, когда прежде ставили его на край атаки, и не ошибаемся теперь, отряжая играть центрального полузащитника; просто он эволюционировал, повышая свою значимость и забирая себе больше ответственности. Что мне больше всего импонирует в Андресе, так это то, что он стал совершенным полузащитником, тотальным футболистом. Под «тотальным» я подразумеваю того, кто защищается, конструирует игру, доходит до штрафной соперника и раздает голевые передачи, но помимо этого действует близко и к собственной штрафной. Такой футболист, который не кажется быстрым со

стороны, но который всегда оказывается на мяче раньше тебя. Я всегда хочу видеть в своей команде полузащитников, чем больше, тем лучше», – говорит Дель Боске.

Такую фразу ожидаешь услышать от Гвардиолы. Двое тренеров имеют схожие взгляды на футбол: игра создается и разворачивается в центре поля, там она строится и направляется полузащитниками, обладающими необходимым талантом и видением игры. Чем больше в команде игроков такого уровня и чем качественнее взаимопонимание в команде, тем лучше. Дель Боске и Гвардиола и сами в прошлом были полузащитниками, выступали за «Реал» и «Барселону» соответственно. Дель Боске говорит: «Я был бы только рад, если бы все игроки были полузащитниками, но не в том плане, что они просто стояли бы и пасовали мяч, касались бы его и так играли, но в том плане, чтобы каждый из них знал, когда нужно отойти от мяча на дистанцию, чтобы они чувствовали нужный момент для нужного паса. Футбол ведь состоит не только в том, чтобы играть близко друг к другу и постоянно владеть мячом, перемещая его между игроками; он также состоит в понимании того, когда нужно уйти, когда растянуть фронт атаки и как сделать передачу, минуя соперников».

РАЗДАЛСЯ ФИНАЛЬНЫЙ СВИСТОК, И ИСПАНИЯ МОГЛА ПРАЗДНОВАТЬ СВОЙ ПЕРВЫЙ ТИТУЛ ЧЕМПИОНА МИРА; НАКОНЕЦ, ДЕЛЬ БОСКЕ МОГ ОТПРАЗДНОВАТЬ ГОЛ АНДРЕСА КАК СЛЕДУЕТ.

«Андрес обладает не свойственным многим игровым интеллектом и осведомленностью о происходящем вокруг, – говорит Дель Боске. – Иногда ловишь себя на мысли, что он играет так, как будто видит поле с трибун, а не со своей позиции. Когда сидишь на скамейке и смотришь, тебе может подуматься: «Вот сейчас надо сделать пас» – и Андрес тут же его делает. «Я бы сейчас сделал это». Андрес и это делает. Он не может видеть того, что видишь со своей позиции ты, откуда все разглядеть легко и просто, но каким-то образом все равно поступает правильно. Он видит все».

Рассуждая о финале чемпионата мира, Дель Боске говорит: «Я не пересматривал матч целиком. Однако я посмотрел в повторе часть игры, главным образом дополнительное время. Помню, что Андреса могли тогда удалить, хотя на самом деле он ничего не сделал: Ван Боммел перестарался, пойдя в стык. Мне не нравится плохо отзываться о ком-либо, но Голландия, которая всегда была страной, воспитывавшей великолепных футболистов, на том чемпионате мира не была Голландией. Испания вызывала у них

беспокойство, это было видно по тому, как они играли, как шли в стыки, все эти их *patadas*…» *Patadas* означает тычки, фолы и даже нечестные приемы. Такого слова обычно не услышишь от Дель Боске. «То была не настоящая Голландия, не та Голландия, которую мы все знаем», – добавляет он.

Но в конечном счете испанцы обыграли именно Голландию. «Я видел гол, – говорит Дель Боске. – Но я не слишком бурно его праздновал. Я был обеспокоен. Чем? Я вспомнил Билича, тренера хорватов, и то, что случилось с ним в четвертьфинале Евро-2008. Хорватия забила на 119-й минуте, и он выскочил со скамейки запасных, чтобы отпраздновать гол вместе со всеми. Потом турки разыграли мяч с центра и внезапно забили роскошный гол ударом в верхний угол. Я много раз слышал, как Билич говорил, что потратил слишком много сил и энергии на празднование, а в конечном счете победила Турция – по пенальти. Так что, когда гол забил Андрес, я мог думать только о Биличе. Оставалось еще четыре минуты до конца матча».

Раздался финальный свисток, и Испания могла праздновать свой первый титул чемпиона мира; наконец, Дель Боске мог отпраздновать гол Андреса как следует. «Андрес всегда чувствовал себя важным игроком сборной, – говорит он. – Он всех очаровал. Его уважает каждый. Почти 100 тысяч человек приходят на «Камп Ноу» каждую неделю, и среди них едва ли найдется два-три человека, которым он не по душе. Может, он им не понравится потому, что у него нет татуировок, а может, потому, что никогда не ввязывается в неприятности. Все ценят его человеческие качества, а не только футбольные».

Дель Боске проводит параллель. «Есть пример политиков, которые очень много говорят на съездах, но когда наступает час истины, их нигде нет. Их не дозовешься. Ничего из того, что они декларируют, не имеет никакого смысла. А есть обратный пример: человек, который редко что-то говорит вообще, человек надежный, спокойный, он всегда там, где нужен. Это Андрес.

В сборной мы смотрели одно видео, – откровенничает Дель Боске. – Оно было очень коротким, длилось едва ли секунд тридцать. Сняли его на стадионе «Корнелья». «Барселона» побеждала «Эспаньол» 4: 1, кажется, и Андрес покидал поле. Болельщики «Эспаньола», принципиального соперника «Барселоны», встали со своих мест и устроили ему стоячую овацию. Зрелище было фантастическим. Оно так много говорит об Андресе, о том, какой это человек. Человек и игрок. Они уступали своим самым непримиримым соперникам, но все равно аплодировали, когда он покидал поле. «Корнелья» отлично его характеризует. Кадры просто завораживающие, невероятные.

Действительно очень и очень впечатляющие. Ни с кем другим такого не бывает».

XV. Дани

За несколько секунд до гола я уже знала, что он сейчас произойдет. Я начала плакать прямо перед тем, как ты забил.

Джессика, вдова Дани Харке – Андресу

«Мне трудно отдавать эту футболку, но я думаю, что здесь для нее наилучшее место. Я забил гол, но и Дани останется в памяти людей навсегда». С этими словами Андрес, переполняемый эмоциями, нахлынувшими от воспоминаний о друге, преждевременно ушедшем в мир иной, передал свою белую футболку без рукавов со знаменитым на весь мир посланием, нанесенным маркером, в музей «Эспаньола», стадион которого долгие годы был родным домом их бывшего футболиста Дани Харке.

Андрес забил тот гол всего однажды. Но каждый, кто пересматривал его бесчисленное количество раз с тех самых пор, чувствует себя так, будто сам забил его, своей собственной ногой. В тот вечер в мире был по меньшей мере один человек, знавший, что этот гол грядет. Человек, почувствовавший, что что-то должно произойти, в тот самый момент, когда Иньеста сделал пару шагов назад, чтобы не попасть в офсайд, получая передачу от партнера.

Джессика, вдова Дани Харке, ненадолго взяла верх над своим безграничным горем (прошел всего год со смерти ее мужа, случившейся, когда он тренировался в Италии с «Эспаньолом») и села перед телевизором посмотреть игру – финал чемпионата мира по футболу между сборными Испании и Нидерландов на стадионе «Соккер Сити» в Йоханнесбурге. Прошло целых 11 месяцев, прежде чем она смогла заставить себя снова посмотреть футбольный матч. Этот матч стал вообще первым, что она посмотрела с тех пор, как скончался ее муж. Это был ее первый матч за долгое время, и первым же он был в жизни ее дочери – их дочери – Мартины.

«Я не смотрела футбол вообще. Даже телевизор не включала. Мне просто нужно было быть в тишине; в тишине и наедине со своим горем. Но в ту ночь я решила посмотреть финал. Не спрашивайте почему. Я была дома с мамой и Мартиной. Ей еще даже годика не исполнилось. Ей было тогда всего 10 месяцев. Помню, что я только приняла душ и, завернув волосы на голове в

полотенце, села перед телевизором, изрядно нервничая. В конце концов, предстоял финал чемпионата мира.

Дани бы с удовольствием посмотрел такой матч в компании друзей. Может, поэтому я сказала себе: «Буду ли я смотреть эту игру? Да, я буду смотреть финал». Мама то и дело поглядывала на меня с обеспокоенным выражением лица и повторяла: «Ты уверена, что хочешь посмотреть?» Она знала, что этот матч был первым для меня с тех пор, как нас покинул Дани, и понимала, что мне будет очень тяжело.

Просмотр матча без него впервые в жизни будет жестом принятия моей новой реальности, новой жизни – без него. «Да, мам, я хочу посмотреть». И вот я села на диван. Не будет лишним сказать, что о футболе я мало что знаю. Помню, как Дани много раз спрашивал у меня: «Ну как я сыграл?» Вот почему в дни, когда он играл вдали от дома, я проводила свой собственный ритуал. Оставалась одна, включала телевизор и зажигала свечи. Я люблю свечи: они излучают такую безмятежность и умиротворение, но в то же время их свет как будто не дает тебе соскучиться в одиночестве. Я ему отвечала: «Ты был очень хорош, Дани». А он мне говорит: «Но сегодня ничего не получалось, день был неудачный». Тогда я возражала: «Ну, зато я много раз видела тебя на экране». В других матчах, когда он спрашивал: «Ну как я сыграл?», я отвечала: «Ужасно, Дани, я почти не видела тебя!» На что он говорил: «Но сегодня я был великолепен, у меня все получалось как надо!»

Если уж говорить совсем откровенно, то я смотрела матчи только по той причине, что они были чем-то, что мы могли разделить с ним вместе, – я могла почувствовать его нервы, его возбуждение, видела его упорство и в каком-то смысле могла разделять его детскую мечту играть в футбол. Вдобавок я старалась транслировать ему положительную энергию. По всем этим причинам я не смотрела матчей с тех пор, как он умер. Мне больше не с кем было разделять эмоции. Но все же в день финала я оказалась перед телевизором вместе с Мартиной и мамой Марией – мы все собирались посмотреть самый важный футбольный матч.

Я почувствовала, что что-то вот-вот должно произойти за несколько секунд до гола. Я начала плакать перед тем, как Андрес забил. Помню момент, когда он получил пас, оказавшись один перед воротами. Он забивает, но к тому времени я уже не смотрю, мои руки уже закрыли глаза».

Джессика прерывает свой рассказ и умолкает. Ее руки снова закрывают глаза. Она такая светлая, но в эту секунду воспоминания снова возвращают ее во мрак, прямо как в те

мгновения финала, когда мяч прилетал к ногам Андреса.

«Я увидела, как он ударил, но глаза мои уже были закрыты руками. Больше я ничего не видела. Гол, а скорее даже его празднование, заставили мою маму вскрикнуть: «Смотри! Смотри! Смотри!» Но я не могла, потому что знала: там будет Дани. Я не знала, каким именно образом, я просто знала это. Я знала, что гол грядет; знала, что забьет Андрес, и почувствовала, что Дани тоже каким-то образом будет к нему причастен. Андрес мог посвятить этот гол любому другому близкому и дорогому человеку, жене, детям – да кому угодно. Но он посвятил свой гол Дани».

Джессика, мать Мартины, с трудом находит в себе силы договорить предложение до конца и не оборвать его слезами. Она говорит, а потом плачет. Плачет и снова говорит пару фраз.

«Почему он посвятил свой гол Дани? Думаю, что этот жест многое говорит об Андресе, но также и о самом Дани – о том, что он значил и всегда будет значить для всех тех, кому выпала возможность разделить с ним свои жизни. Жест говорит обо всех ценностях, которым он нас научил, и о его незабываемом даре проживать жизнь на полную катушку.

Когда я наконец подняла глаза, я даже не увидела футболки, которая была на Андресе. Мама продолжала мне твердить: «Смотри, смотри…» Но к тому времени, как я подняла голову, они уже все набросились на Андреса, и ничего, кроме толпы игроков, я уже не видела. Только спустя время, когда я стала пересматривать повторы гола, я увидела то послание, которое он адресовал Дани. С тех пор я много раз об этом думала. Почему Дани был в тот день с Андресом? Почему я с ними обоими смотрела этот гол спустя столько времени в отрыве от футбола вообще? Мы все были в разных местах, но в то же время вместе, в Йоханнесбурге. В одном голе сошлись небо и земля.

Вы знаете, у Дани не было ни единой футболки Андреса. Они обменивались ими всякий раз, когда играли друг против друга, но потом эти футболки куда-то исчезали. Дома у нас нет ни единой. Я представляю, что у Андреса, должно быть, много футболок Дани, но это нормально, их не так-то просто было раздать. Футболка «Барсы», в которой играл Андрес, всегда будет пользоваться большим спросом. Друзья приходили к нам домой, и если кто-нибудь из них просил у Дани футболку Андреса или просто «Барсы», Дани всегда им отдавал. Он был очень щедрым и никогда не придавал большого значения всем этим материальным вещам. Для него это были просто предметы, и если он мог кого-то осчастливить, поделившись с ним футболкой Андреса, это значило для него гораздо больше. Он был

человеком, лишенным эмоциональных «пунктиков». Футболки принадлежали Андресу, но, в конце концов, это были просто футболки. На контрасте любовь и восхищение, которое Дани испытывал по отношению к Андресу, жило в нем всегда, и неважно, как много его футболок он раздал друзьям; их взаимоотношения держались не на куске ткани».

Теперь Джессика то и дело улыбается своей заразительной улыбкой. Но когда говорит, все равно плачет. Говорят, что время лечит. Но это не так. Ничего оно не лечит.

«Андрес излучает нежность, им нельзя не восхищаться. Иногда, когда я гуляю вместе с Мартиной, а она видит какие-нибудь новые рекламные плакаты с его изображением, она тут же кричит мне: «Мама, смотри, Андрес!» И всегда делает это с широченной улыбкой на лице. Мне все равно, кто и чего там добился; гораздо важнее, какие эмоции транслирует этот человек. Он из тех людей, за счастье которых в жизни ты испытываешь огромную радость, потому что он заслуживает своего счастья. Эмоционально Андрес очень тактичен и умен; он из хороших парней. С Дани у него много общего. В этом холодном мире материальных вещей он выделяется на фоне остальных своей простотой и скромностью.

Я не хочу, чтобы моя часть книги о нем была грустной. Пожалуйста, это последнее, чего я хочу. Все, через что мы проходим в жизни, делает нас теми, кто мы есть. Все трудности и черные полосы в жизни, которые мы преодолеваем, служат для того, чтобы напомнить нам: мы можем выжить и стать счастливыми. Он был в Йоханнесбурге, а я в Кастельдефельсе, но я знала, что он забьет этот гол. Просто знала и все. Некоторые вещи не поддаются объяснению. Это как если ты любишь кого-нибудь всецело, между тобой и этим человеком появляется связь, гораздо глубже физической. Я не знаю, как это называется, но людей связывает нечто большее».

Внезапно благодаря этому финалу Джессика заново открыла для себя футбол, после чего вернулась в одиночество своей тоски и грусти. Она плакала дома, а Андрес там, на поле. Они были связаны тогда и остаются связанными сейчас.

* * *

Когда игра закончилась, слезы еще не высохли, а игроки потрясали кулаками или раскидывали руки, лежа на газоне «Соккер Сити», Андреса крепко обнял его друг Виктор Вальдес.

В полуфинале Лиги чемпионов против «Челси» Вальдес был

последним, кто бросился на гору игроков, отмечавших поздний гол Иньесты в матче. «Когда он бил по воротам на «Стэмфорде», я тоже мысленно бил вместе с ним, – говорит он. В Южной Африке Вальдес, облаченный в свой спорткостюм запасного, оказался одним из первых, кто поздравил Иньесту. «Я рухнул на газон и увидел слезы, и тоже стал плакать рядом с ним», – говорит экс-вратарь «Барселоны», который до сих пор называет Андреса своим младшим братом.

«Я не знаю, как объяснить такое огромное счастье, – вспоминает Андрес. – Это просто чувство бесконечного удовольствия – получить то, что, как ты думал, тебе никогда не достать, а внезапно оно оказывается у тебя в руках, в конце сезона, полного неудач и трудностей, стоявших на моем пути. Но в конечном счете футбол за все тебе платит сполна. Если упорно трудишься и веришь в успех, если любишь этот спорт и живешь им, он тебя вознаграждает за усилия».

Футбол взял его за руку тем кошмарным летом 2009-го, когда Дани умер, а потом снова воссоединил с другом. «Я был должен ему этот гол. У меня никогда не было шанса сделать Дани посвящение, а он его заслуживал. Я хотел разделить все то счастье, которое испытывал, с ним и его родными. Вот почему перед началом матча я надел на себя ту футболку».

Вот почему он искал Уго и просил его написать посвящение Дани, будучи уверенным на все сто, что Кубок мира, который когда-то целовали многие легенды футбола, вскоре окажется и в его руках. Он, вероятно, и не рассчитывал, что забьет, несмотря на слова, сказанные тогда за ужином Карлесу Пуйолю, автору теперь уже второго по значимости гола в истории Испании. Но этот гол случился, гол, после которого он медленно и элегантно снял с себя темно-синюю футболку испанской сборной и открыл миру послание: «Dani Jarque, siempre con nosotros» (Дани Харке, всегда с нами).

Он был должен эту игру Дани, своему «amigo periquito» (прозвище Эспаньола – periquitos, что означает «попугаи»). И словно напрямую обращаясь к своему другу, он говорит: «Я сожалею о том, что мы не виделись с тобой чаще, что мы не говорили чаще друг с другом, но я никогда не предполагал, что жизнь будет так несправедлива ко мне, что оставит без такого друга, как ты».

Они жили в одном городе, но были очень разными по натуре. Один был живым символом и капитаном «Эспаньола», другой стал капитаном «Барсы». Они познакомились в молодежной сборной Испании и делили одну раздевалку в сборных U-15 и U-17. Вместе они стали чемпионами Европы в категории U-19 и

играли за команду U-21.

Проблемы Дани с сердцем не позволили дорасти до взрослой сборной, но его имя навсегда останется связанным с самым важным голом в ее истории. На этом пути к вершинам любимой профессии Дани и Андрес стали близкими друзьями, в том числе и за пределами поля, и всякий раз, когда они прилетали в аэропорт Барселоны после матчей национальной команды, они неизменно вместе ехали в аэропорт. «Он был на год старше меня, и мы всегда отлично ладили. Более того, он стал моим таксистом. У него была машина, а у меня не было», – вспоминает Андрес. Футбол свел их вместе, и никогда еще они не были друг другу так близки, как в июле 2002-го в Осло, где проводили матч, который – пусть тогда они об этом и не подозревали – будет иметь последствия в будущем.

Тем матчем был финал чемпионата Европы U-19. Сборная Испании Иньяки Саэса противостояла немецкой сборной, которой руководил экс-игрок мадридского «Реала» Ули Штилике. Матч завершился победой испанцев 1:0 с голом Торреса – те же соперники, тот же счет и тот же автор забитого гола, что и в финале Евро-2008 в Австрии, который случится шестью годами позднее. «Мне очень нравится игра Иньесты, он так хорош в обращении с мячом», – сказал наставник немцев за несколько часов до финала, ставшего одной из высших точек в карьерах Дани и Андреса в ту пору. В том путешествии в Норвегию они были неразлучны, а гол Торреса принес им обоим чемпионский титул.

Штилике был прав, решив особняком отметить Андреса в преддверии матча. На 54-й минуте он получил мяч на своей половине поля, находясь в 60 метрах от немецких ворот. Двумя аккуратными касаниями Андрес перекатил мяч через центральную линию поля, а третьим выдал идеальный пас Торресу, который на полной скорости влетал в свободную зону за спинами немецких защитников. Таких передач Андреса Штилике и опасался. Торрес теперь бежал между двумя немецкими защитниками, которые полагали, что контролируют ситуацию, но не приняли во внимание то, как здорово «Эль Ниньо» умеет завершать атаки. Его удар с правой выиграл матч для Испании.

> ТА ПОБЕДА СТАЛА ЛИШЬ НАЧАЛОМ ПУТИ ФЕРНАНДО ТОРРЕСА И АНДРЕСА ИНЬЕСТЫ, ДВУХ НИКОМУ НЕ ИЗВЕСТНЫХ ТОГДА МАЛЬЧИШЕК ИЗ ИСПАНИИ.

Связка восьмого номера, под которым играл Андрес, тем же номером, ***под которым он дебютирует в первой команде***

«Барселоны» через три месяца в Брюгге[5], и 14-го номера Торреса сработала идеально, так же как связка другого восьмого номера, коим будет уже Хави Эрнандес, сработает с тем же Торресом (но уже носившим на спине «девятку») в 2008-м, в год первого из серии выдающихся триумфов взрослой сборной Испании: Хави отдаст, а Торрес забьет все тем же немцам. Память неизбежно кристаллизуется вокруг чемпионата мира-2010, особенно в случае с Андресом, но началось все именно в тот момент. А предтечей этого гола стал тот, что случился в Осло на несколько лет раньше.

Тренер сборной Испании U-19 Иньяки Саэс вспоминает: «Впервые я увидел Андреса в деле, когда возглавил «Альбасете» в сезоне 1995/96». Его недавно назначенный ассистент Хинес Мелендес, обеспокоенный перспективой возможного вылета в низший дивизион, в один из дней подошел к нему и спросил: «Иньяки, давай посмотрим на этого пацана, а? Интересно знать, что ты о нем думаешь».

Саэс вспоминает свое первое впечатление от Андреса: «Он был гномиком, крошечным, очень, очень маленьким. Но знаете что? Он ни разу не потерял мяч и направлял игру именно туда, куда хотел, всегда знал, кто перед ним стоит и кто стоит сзади. Я сказал Хинесу: «Природный талант».

Саэс на пару лет потерял Андреса из виду. Он говорит: «Через Хинеса я узнал, конечно, что «Барселона» его подписала, а затем начал наблюдать за его игрой в сборных Испании, пока в один прекрасный момент сам не оказался его тренером в Осло. Очень хорошо это помню. Более того, в то время очень многие отговаривали меня от этой работы, потому что мне предложили и пост в первой сборной страны. Но я очень верил в тех ребят. Верил в Фернандо и Андреса, в Харке и вратаря Мойю. Я говорил себе: «Я повезу этих парней в Норвегию, несмотря ни на что». А потом в финале нам досталась Германия – самый сложный соперник, какой только мог выпасть, что игра и подтвердила. Она стала настоящей проверкой для нас. Но у нас была фантастическая команда. Безупречная». А Саэс знает, о чем говорит. В 1999-м он тренировал сборную U-20, которая выиграла в тот год Чемпионат мира в Нигерии с Касильясом и Хави в составе.

Тогда Саэс этого не знал, но в том коллективе игроков проглядывали первые очертания будущей сборной Испании, обновленной и яркой. Сборной, которая изменит естественный ход вещей, сначала вдохновившись наставлениями своего лидера Луиса Арагонеса, первым поверившего в жизнеспособность «малышей» в полузащите, а затем последовав за мудростью

щедрого Висенте дель Боске.

«У той сборной был отличный вратарь, пара способных центральных защитников, светлая голова Андреса в полузащите и голы Фернандо. У нее было все, – говорит Саэс. – Победный гол вышел немного странным, корявым даже, но в конце концов мяч пересек линию, а это было важнее всего. Половина гола «на совести» Андреса». Саэс вспоминает и Дани, «спокойного центрального защитника, разрешавшего все ситуации без суеты и всегда помогавшего своим партнерам. Дани был феноменальным парнем. Парни из «Эспаньола» всегда были приятными».

Та победа стала лишь началом пути Фернандо Торреса и Андреса Иньесты, двух никому не известных тогда мальчишек из Испании: один был родом из Фуэнлабрады, другой из Фуэнтеальбильи. Тот турнир должен был стать началом и для Дани Харке. Но в Южную Африку он попал благодаря Андресу.

* * *

«Мне было пять лет, когда я сыграл за свою первую команду, Parque 84, – вспоминает Фернандо Торрес. – Я принял участие в футбольном марафоне, который организовал спортивный центр Фуэнлабрады. Матчи были сумасшедшими – 15–20 пацанов как один гонялись за мячом». И пока Торрес бегал за мячом в футбольном марафоне в Мадриде, Иньеста проделывал то же самое в другом уголке Испании, обыгрывая один за другим столы и стулья в семейном баре. Торрес начинал как голкипер, но обратился в голеадора, каждый день оттачивая мастерство в родном квартале, а летом, во время каникул, в Галисии. Для Иньесты приход лета означал футбол и еще больше футбола, он играл в него повсюду: от школьной площадки до улиц вокруг родного дома.

Мальчик из Мадрида, родившийся в марте 1984-го, и мальчик из Ла Манчи, появившийся на свет двумя месяцами позже, в мае 1984-го, начали свое совместное путешествие по зеленым газонам планеты в Англии, на чемпионате Европы U-16 в 2001 году, и начало их пути оказалось для обоих весьма непростым.

В апреле того года Торрес травмировал колено в товарищеском матче, перед самым началом молодежного чемпионата. Он полагал, что пропустит первые игры Евро U-16, которые должны были стать его дебютными на международном уровне, но все же успел восстановиться и сыграл. К тому времени Иньеста, перебравшийся в «Ла Масию», уже перестал плакать. Всего за четыре месяца до турнира Серра Феррер, тогдашний

тренер «Барсы», пригласил его потренироваться с первой командой клуба. Он пришел в клуб меньше четырех лет назад, а судьба уже вознаграждала его за быстрый прогресс участием в финальном турнире Евро.

Фернандо и Андрес вместе прибыли в Дарем, что на севере Англии, и готовились вместе открывать новый мир: долговязый форвард с веснушчатым лицом и крошечный полузащитник, чья футболка сборной Испании на вид казалась на несколько размеров больше, чем нужно.

Андрес подружился на турнире и с другим защитником из «Эспаньола» – с безупречным Карлосом Гарсией, который произвел на него, пожалуй, даже слишком сильное впечатление в первое знакомство. «Я нанес ему травму, – говорит Гарсия. – Он играл за «Барселону», а я – за команду футбольного центра Фундасьон Ферран Марторель. Я прыгнул в подкат сзади и ушиб его. Думаю, он вывихнул колено. Нам было лет по 13–14, и мне было стыдно как никогда. На следующей неделе я шел по Травессере де лес Кортс в Барселоне и вдруг увидел его. Мы были на противоположных сторонах улицы. И мы кивнули друг другу, потому что оба были застенчивыми пацанами».

С той поры они стали чаще видеться и противостоять друг другу в дерби, а потом и сблизились, так что Андрес даже стал оставаться у Карлоса в доме. Они стали друзьями, и та первая встреча, оставшаяся далеко в прошлом, уже была давно забыта. Теперь они, будучи молодыми сборниками, наслаждались участием в своем первом континентальном турнире.

Сборная Испании под руководством Хуана Сантистебана начала тот турнир разгромами Румынии (3: 0) и Бельгии (5: 0). Потом была Германия, та самая, которую Иньеста и Гарсия одолеют через несколько лет, сначала подростками, а потом и юношами. Немцы были готовы остановить Андреса любой ценой: законными и не очень. Законные не слишком приблизили их к цели, так что они стали все чаще прибегать к незаконным, и когда до конца матча оставалось всего десять минут, кто-то из немцев сфолил, скосив Андреса под корешок, так что ему пришлось покинуть поле с травмой.

«Они пытались сделать ему больно, – говорит Гарсия. – Мы слышали, как с немецкой скамейки то и дело раздавались крики: «Бейте его, бейте». И они так активно били Андреса, что в итоге «выбили» его с поля. Его потеря стала большим ударом для нас, потому что и в футбольном плане, и в психологическом он очень много значил для нас.

Андрес буквально притягивал к себе любовь и симпатию партнеров. Когда какой-нибудь игрок превосходит по игре всех в

округе на целую голову, но никак не демонстрирует этого своим поведением, он становится популярным среди остальных членов команды», – признается Гарсия.

Испания проиграла 0: 2, но благодаря положительной разнице забитых и пропущенных прошла в четвертьфинал. Проблемой было то, что по ходу дела команда потеряла Иньесту. На турнире он больше не сыграл. Торрес и Гарсия остались одни, без помощи.

Иньеста в унынии возвратился в Барселону, его правое колено сильно распухло из-за растяжения. Он был разочарован таким исходом и сильно беспокоился насчет сборной, лишившейся в четвертьфинале еще и Горки Ларреа, который в игре с итальянцами получил ушиб и выбыл с травмой. Но с талантливым Диего Леоном в составе испанцам все равно удалось дойти до финала, который они выиграли благодаря голу Торреса с пенальти. Иньеста хотел быть с командой и поддержать партнеров, посвятивших победу ему, но «Барса» не отпустила его.

«Ларреа улетал в Сан-Себастьян, а Андрес в Барселону. Федерация хотела, чтобы они оба вернулись и присутствовали с нами на финале. «Ла Реал» Горку отпустил; «Барса» же сказала «нет», – вспоминает Гарсия.

В то время «Барселона» была извергающимся вулканом. Жоан Гаспар был президентом, Решак – тренером, пришедшим на смену Серра Ферреру, а Пеп Гвардиола объявил о своем уходе с «Камп Ноу». Подписание аргентинца Рикельме вызывало больше беспокойства у клуба, чем будущее Андреса Иньесты.

«Тебе нельзя ехать. Доктора тебя не отпустят». Таким был холодный аргумент клуба. Андрес был разбит и подавлен. «Я чувствовал себя абсолютно беспомощным. Я был в восторге от перспективы стать чемпионом Европы и хотел быть с партнерами по команде». Партнеры же сделали все, чтобы его присутствие в финале так или иначе ощущалось. Реализовав пенальти, Фернандо Торрес задрал свою футболку, чтобы показать всем особое послание другу, скрывавшееся под ней.

«Фернандо написал что-то для Андреса и Горки. Примерно то же, что Андрес написал для Дани в финале ЧМ-2010», – говорит Гарсия, помнящий о том, как сильно переживали оба футболиста из-за того, что не смогли сыграть в том финале. Горка был на трибунах; Андрес дома.

«Когда тот финал в Англии закончился, делегат команды оставил медаль Андреса у себя. Но все знали, что с ней нужно сделать. Никому ничего не надо было объяснять».

Так что по прибытии в аэропорт Барселоны Гарсия выполнил свою последнюю миссию на турнире, доставив чемпионскую

медаль Иньесте. «Она твоя», – сказал он, повесив ее на шею Андресу, словно они до сих пор стояли на чемпионском подиуме.

«Каждый знает, что я восхищаюсь Карлосом Гарсией, – говорит хавбек «Барселоны» о своем старом приятеле из «Эспаньола». – Мы очень хорошие друзья, и нам не нужно это скрывать, несмотря на соперничество между клубами».

С Гарсией Андрес дружит так же, как дружил с другим своим приятелем-«попугаем», Дани Харке. Тем июльским вечером 2010-го весь мир узнал об этой дружбе. «Дани всегда был непринужденным и уравновешенным человеком. Характером он очень сильно походил на меня. За пределами поля мы постоянно шутили и смеялись; на поле он был тем, кто всегда принимал верные решения без лишней суеты и спешки. Он был будущим центральным защитником сборной, но…»

Он не может заставить себя договорить до конца, но их дружба не умерла, Андрес пронес ее до самого Йоханнесбурга, где они были вдвоем, Андрес-полузащитник и Дани-оборонец. Они играли тот финал вместе. А Джессика смотрела на это со слезами на глазах.

XVI. Номер «8»

Ну достаточно, хватит. Можете остановиться. Пожалуйста! Нам конец; вы победили.

Игрок «Манчестер Юнайтед» – Эрику Абидалю, финал Лиги чемпионов-2011

До конца финала Лиги чемпионов на «Уэмбли» оставалось еще немного времени. Мяч ходил по полю с такой легкостью, словно игра шла у кого-то на заднем дворе дома. Андрес на Хави, Хави на Месси, Бускетс приходит поучаствовать, и так снова и снова. Мяч ходит кругами туда-сюда – это главное сокровище «Барселоны». Алекс Фергюсон, человек повидавший в футболе все, не может найти способа их остановить. Дело не в нехватке желания. Он не смог этого сделать в Риме в 2009-м и не может этого сделать сейчас; два года спустя «Юнайтед» снова терпит крушение, теперь в Лондоне. «Барселоне» вновь предстоит примерить корону чемпионов Европы.

«Яснее всего я помню из того финала последние полчаса, – говорит бывший защитник «Барсы» Эрик Абидаль. – Английские игроки были в ярости, они безумно злились, потому что мы превратили газон «Уэмбли» в огромную тренировочную площадку, где отрабатывали *rondo*, и они ничего не могли с этим поделать. Они все ругались и ругались, материли все вокруг. Невероятное зрелище. Некоторые из моих партнеров не понимали их слов, но я понимал. «Ну хватит, хорош уже херней страдать. Нам конец. А играть еще двадцать пять минут!» Но Хави, Иньеста, Месси, Бускетс, Алвес, который в тот день был почти что полузащитником, все продолжали: *пим-пам, пим-пам, пим-пам*».

Абидаль не столько рассуждает об игре, сколько комментирует ее, настолько глубоко она отпечаталась в его памяти. В конце концов, это был один из лучших матчей «Барселоны», в котором ему довелось сыграть. «Игра вышла почти что идеальной, – говорит он. – Не только из-за атмосферы на «Уэмбли» и даже не потому, что Пуйоль и Хави совершили самый прекрасный поступок, отдав мне право поднять над головой трофей первым. Нет. Эти картины, конечно, навсегда останутся в моей памяти. Но лучше всего я запомнил сам футбол, нашу игру.

В моменте с первым голом Андрес пасует Хави. Хави смотрит

в сторону трибун, но внешней стороной стопы находит пасом забегающего Педро. Педро бьет, а Ван дер Сар заваливается вправо слишком рано, тогда как мяч обходит его слева. Второй гол «Барсы» во многом схож: Андрес, Хави и Лео, три малыша, комбинируют, чтобы снова вывести нас вперед после гола Уэйна Руни, сравнявшего счет. Я не очень помню сам гол Лео, но хорошо помню, что он ударил по микрофону, когда праздновал».

Говоря об Андресе, Абидаль находит особенно теплые слова. «Он играл прямо передо мной и раз за разом вытаскивал меня из трудных ситуаций. Ты даешь ему самый худший пас из возможных – «английский пас», но уже знаешь, что он все равно возьмет мяч под контроль. Невозможно объяснить, как у него это получалось, но он брал мяч под контроль и проходил одного, второго, третьего, пятого соперника так, словно для него это никакая не проблема. Я был заворожен тем, как он всякий раз заставлял мяч делать то, что хотел, а еще меня потрясало это его умение видеть все, что происходит на поле. Он всегда смотрел вперед и все равно видел все вокруг себя в деталях».

На «Уэмбли» в 2011-м Андрес достиг своего пика. Он часто вносил решающий вклад в игру, но в тот вечер он был неприкасаемым. Этот финал стал первым, который он отыграл без боли. Не было стресса, страхов, переживаний, не было дискомфорта – этим матчем он смог насладиться так, как будто вновь вернулся на родную площадку в Фуэнтельбилье. В этот раз он мог просто играть. Райкард оставил его на скамейке на парижский финал в 2006-м; через три года в Риме он играл с травмой ноги; но в Лондоне в 2011-м он был, наконец, в безупречной форме и полностью здоров. «Андрес никогда ничего не говорит на поле, – объясняет Абидаль. – Он просто играет в футбол. За него говорит его мастерство. Он никогда не жалуется и не стонет, даже если имеет на это право, больше, чем кто-либо другой. Чем больше его бьют, чем сильнее заводят, тем лучше. Для него и его команды».

> ОН ИГРАЛ ПРЯМО ПЕРЕДО МНОЙ И РАЗ ЗА РАЗОМ ВЫТАСКИВАЛ МЕНЯ ИЗ ТРУДНЫХ СИТУАЦИЙ. ТЫ ДАЕШЬ ЕМУ САМЫЙ ХУДШИЙ ПАС ИЗ ВОЗМОЖНЫХ – «АНГЛИЙСКИЙ ПАС», НО УЖЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ОН ВСЕ РАВНО ВОЗЬМЕТ МЯЧ ПОД КОНТРОЛЬ.

У игроков «Юнайтед» попросту не было возможностей ударить Иньесту, Хави или Месси по ногам. Мяч ходил по полю слишком быстро; они были ошарашены сине-гранатовой командой. Когда «Барселона» в своей лучшей форме, ее игру можно замерять долями секунд, сантиметрами. Такова скорость и

выверенная точность. Никто не способен так контролировать пространство и время, как они, особенно Иньеста. Игроки «Юнайтед» совершили за 90 минут всего 16 фолов; они не смогли бы совершить больше нарушений, даже если бы захотели. Как только на 69-й минуте мяч залетел в сетку после удара Давида Вильи – пробившего в верхний угол с подкруткой с линии штрафной, – судьба «Юнайтед» была решена. Игрокам Фергюсона пришлось гоняться за тенями соперников, но они всякий раз запаздывали, не успевая их настичь. Они не столько играли, сколько следовали за игрой. Они отдали себя на милость «Барселоне», которая совершила всего пять фолов, нанесла 16 ударов, из которых 12 пришлись в створ, и трижды забила. И это в финале Лиги чемпионов.

Матч завершился со счетом 3: 1 в пользу «Барселоны». Лучшего посвящения философии Йохана Кройффа, изменившей «Барсу» навсегда, и придумать было сложно. «Если мяч у меня, значит, он точно не у соперника», – говорил Кройфф; игра на «Уэмбли» стала идеальным воплощением этого постулата. Считается, что англичане изобрели футбол, но на главном стадионе Англии, домашней арене сборной, крупнейший клуб страны смог нанести по воротам своего соперника всего три удара, два из которых мимо цели. «*Пим-пам, пим-пам, пим-пам*… это казалось бесконечным», – говорит Абидаль.

Никто не ожидал, что в тот вечер Абидаль выйдет в стартовом составе. За два месяца до этого «Барселона» сделала заявление, в котором сообщалось, что защитнику поставлен диагноз – рак. Доктора обнаружили опухоль у него в печени. Это случилось 15 марта 2011 года. На следующий день он спустился в раздевалку проведать партнеров, где подбадривал их – он их, а не наоборот. Он был самым позитивным и оптимистичным. «Я везунчик, – сообщил он им. – Они со временем об этом узнали». Два дня спустя, отправляясь на операцию, он шутил с партнером по команде: «Эй, отдай мне свою печень. Она меня вполне устроит». После всего этого он 28 мая был на «Уэмбли» и вышел на поле как ни в чем не бывало.

«Я даже не представлял себе, что буду играть в финале, – говорит Абидаль. – Даже в самых безумных фантазиях. Единственное, что я сказал тренеру тогда: «Я готов, если я вам нужен». Но я не думал, что даже на скамейку запасных попаду. По правде говоря, я был бы счастлив уже тем, что поехал на «Уэмбли» поддержать партнеров с трибун». Но потом, на последней предматчевой установке на «Уэмбли» Пеп Гвардиола все изменил. «До игры оставался час, когда он сообщил мне, что я буду играть, – вспоминает Абидаль. – Он сказал мне об этом

тогда же, когда объявил всем остальным. Я поверить не мог. Какой сюрприз! Я бы хотел, чтобы он предупредил меня чуть раньше, но такие сюрпризы тебе всегда по душе. А может, это было и к лучшему – узнать в последний момент, достаточно только подумать о том, что я пережил в этот час перед началом игры.

Единственная мысль, которая была у меня в голове: черт тебя подери, только не стань тем, кто подведет их всех; они же тебя убьют. Только представьте: десять игроков на пике форме, а один нет. Я не мог этого допустить». Этого и не случилось. «Мне очень повезло, что у нас была такая прекрасная команда, – говорит Абидаль. – Очень повезло».

«Аби прав, – говорит Хави. – Руни подошел ко мне ближе к концу матча. Шла, наверное, 80-я минута или около того. И он сказал мне: «Ну достаточно. Вы победили. Можете прекратить катать мяч туда-сюда».

Примерно в то же время на поле появился Карлес Пуйоль (сидевший в запасе), готовый забрать Кубок европейских чемпионов с «Уэмбли», как это сделал Хосе Рамон Алесанко в 1992 году. Его появление на поле было жестом Гвардиолы, который хотел, чтобы он поднял кубок сам, но Пуйоль поступил по-своему. Он передал капитанскую повязку Абидалю, недавно оправившемуся от рака печени, и позволил ему поднять над головой четвертый Кубок чемпионов в истории «Барселоны».

Игроки «Юнайтед» стояли в стороне и с завистью наблюдали, облаченные во все белое. Все, кроме одного. Пол Скоулз стоял в сине-гранатовой футболке с номером 8 на спине. Соперник, которым игроки «Барселоны» восхищались сильнее, чем кем-либо в составе «МЮ», и за чью футболку грызлись, был так поражен увиденным, так очарован игроком, парившим над газоном «Уэмбли», что еще до конца матча подошел к нему и попросил футболку.

«Ну конечно же! – говорит Абидаль. – Как можно *не хотеть* футболку Андреса? В этом нет ничего удивительного; для меня это совершенно нормальная вещь. У меня тоже есть одна из футболок Андреса. Однажды, лет через тридцать, я открою свой шкаф, посмотрю на нее и скажу: «Я играл с Андресом Иньестой». Есть футболки, которыми трудно похвалиться, но эта…

Я уверен, что, если вы спросите у игроков «Юнайтед», знали ли они о том, что Иньеста был травмирован в 2009-м, ни один из них не сказал бы, что хотя бы на секунду об этом задумывался. Лучше, когда он готов на 100 %, но с его видением, техникой, опытом и талантом даже 60 % вполне достаточно».

«Иногда лучше пострадать и перетерпеть боль, потому что

она показывает границы твоих возможностей. Например, когда все идет хорошо, а потом *бац!* – и что-то случилось. Я не знаю почему, но травмы, мышечные надрывы всегда случаются, когда ты летаешь по полю, когда кажется, что все хорошо и ты меньше всего ожидаешь такого подвоха».

Андрес играл в Риме через боль, но когда двумя годами позже добрался до этого лондонского футбольного храма, он покорил Кубок чемпионов и… сердце Пола Скоулза, чье восхищение завоевал вместе с трофеем. В доме Андреса в Фуэнтеальбилье, на стене винного погребка висит в рамочке футболка Пола Скоулза, которую он в тот вечер получил от английского полузащитника на «Уэмбли».

XVII. Одиннадцать метров

Мистер, я хочу пробить пенальти…

Андрес – Висенте дель Боске, полуфинал чемпионата Европы-2012

Большинству тренеров приходится очень несладко в экстра-таймах футбольных турниров. С бровки отдавать указания непросто, а на поле происходят события, как хорошие, так и плохие, на которые ты не в силах никак повлиять. Время вскоре истечет, и тогда, возможно, придется передавать помощникам и игрокам листок бумаги с ручкой. На нем будут написаны имена потенциальных пенальтистов, которым надо будет готовиться к серии пенальти.

Записать их в листок несложно; проблема появляется, когда раздается финальный свисток, а тренер не может отыскать пятерых желающих в этот список попасть. Некоторые отказываются. Другие предлагают себя, хотя лучше бы исполнил кто-нибудь другой, но при этом никто не смеет сказать им «нет» или предложить дождаться следующего раунда серии – на тот случай, если счет все еще будет равным после пяти ударов от каждой из команд. В таких ситуациях нелегко сохранять спокойствие. Только если вы не Висенте дель Боске.

Полуфинальный матч Евро-2012 Испания и Португалия закончили вничью, так и не открыв счет. Тренер уже все для себя решил. Он знал, к кому подойдет с указанием исполнить пенальти, как вдруг обнаружил рядом с собой Иньесту. «*Мистер*, я хочу пробить пенальти…» Дель Боске ушам своим не поверил. Ни он, ни кто-либо другой из его игроков, ни кто-либо еще, так как никто не мог вспомнить, когда Андрес вообще последний раз подходил к «точке». Пенальти обычно отдаются на откуп тем, кто бьет по мячу очень сильно, либо же мастерам с холодными головами, которые никогда не позволяют своим нервам взять над собой верх. Пенальти – вотчина снайперов, хладнокровных и расчетливых, а не ангелоподобных фигур вроде Андреса: тихих, скромных, редко мелькающих при стандартных положениях, таких, от которых точно не услышишь «Я пробью». Точно не в такой напряженный момент, как в ту ночь в украинском Донецке, когда Испания очень сильно рисковала.

«То, что я сказал тренеру, было еще не самым худшим, –

вспоминает Иньеста. – Хуже было то, что за моей спиной стоял Серхио Рамос, и он сказал те же слова: «Мистер, я хочу пробить».

Дель Боске застыл; он знал, что Рамос исполнял пенальти несколько… необычно. Последний раз он подходил к точке всего за несколько недель до, в другом полуфинале – Лиги чемпионов против мюнхенской «Баварии», – и тогда мяч после его удара пролетел на километр выше перекладины. На кону для Испании стоял титул чемпионов Европы, и тут перед серией пенальти к дель Боске подошли Андрес и Серхио – два человека, которых он совсем не ожидал увидеть в списке желающих пробить.

«Ладно, бейте», – сказал он.

«По правде говоря, каждый, кто пробивал пенальти, делал это потому, что сам предложил свою кандидатуру», – признается Дель Боске. Мало смысла в том, чтобы отказывать игроку, который готов взять ответственность на себя и исполнить пенальти в трудный момент матча, который чувствует уверенность в своих силах. Еще меньше смысла говорить «нет» такому игроку, как Иньеста: серьезному, самоотверженному и не поддающемуся всплескам безумия или стремлению во что бы то ни стало стать главным актером спектакля. Пусть даже никто из присутствующих и не мог вспомнить, когда он последний раз бил пенальти за Испанию или «Барселону» и было ли такое вообще.

«Последний одиннадцатиметровый в исполнении Андреса я видел во времена его выступлений за Хувениль, в возрасте лет 17», – шутит Жорди Месальес, один из бывших партнеров Иньесты по «Ла Масии». Месальес пережил шок, а потом его охватил страх, стоило ему только увидеть, как Иньеста подходит к мячу в Донецке. Что он там забыл? С каких это пор он стал бить пенальти? Жорди, как и все остальные, уже забыл один момент, который добавлял решению Иньесты еще больше странности: в свой дебют за «Барселону», в игре Кубка Каталонии против «Террассы», когда ему было 18, Андрес уже пробивал пенальти… и промахнулся.

Ну не совсем промахнулся. Вратарю «Террассы» Хосе Моралесу удалось отбить его удар в тот дождливый майский вечер 2002 года. «Барселона», переживавшая глобальную перестройку после президентства Жоана Гаспара, проиграла в том финале в серии пенальти. И Иньеста был одним из тех игроков, кто не был точен с 11 метров.

Хави, тогда уже бывший в статусе ветерана команды и ее лидера, всегда готовый вмешаться в критические моменты, утешал его. «Не переживай, Андрес. Любой может промахнуться с пенальти… кроме того игрока, который не готов его исполнить». Иньеста едва расслышал слова Хави или тренера Чарли Решака,

человека, всегда готового философски взглянуть на футбол, быстро снять лишнее напряжение с игроков и настроенного не придавать излишнего драматизма обычному матчу. Не расслышав их слов, Андрес поехал домой, где плакал в одиночестве. Его не могли утешить ни отец Хосе Антонио, ни мама Мари. Он до сих пор помнит ту неудачу и свои слезы. А еще он помнит то, как преодолел этот трудный момент.

Десять лет спустя, в 2012 году, Иньеста уверенно подошел к Дель Боске и попросил у него разрешения пробить пенальти. Месальес, смотревший матч по телевидению у себя дома в Барселоне, обхватил голову руками. «Смотри, пап, – сказал он. – Смотри, кто вышел бить». Ни один из них не мог поверить в реальность происходящего.

В Донецке в тот момент находились его мама Мари, сестра Марибель и ее молодой человек Хуанми. Но когда полуфинал чемпионата Европы против Португалии Криштиану Роналду перетек в экстра-тайм при нулевом счете, Мари и Марибель ушли со стадиона. Они больше не могли справляться с нервным напряжением. Как там говорится? *Глаза не видят – сердце не болит*. Настал момент проверить эту поговорку. Оказалось, что она далека от истины.

Хуанми тоже нервничал, но сдвинуться со своего места не мог. «Я очень переживаю, но я не могу перестать смотреть, даже если мы проигрываем, – говорит он. – Я мазохист в этом плане». Так что он остался смотреть серию пенальти. «Вы уходите? Я остаюсь, – сказал он Мари и Марибель. – Мы можем больше никогда в жизни не увидеть такую серию вновь», – сказал он себе.

А что же Хосе Антонио? Отец Иньесты ненавидит самолеты. Он обычно не ездит на матчи. Украина к тому же была слишком далеко, и он решил остаться в Фуэнтеальбилье и страдал в одиночестве, как и предпочитает. Так никто не узнает, что ему довелось пережить, кроме него самого. Он тоже не смог справиться с напряжением. Когда экстра-тайм начал приближаться к своему концу, а серии пенальти уже было не избежать, Хосе Антонио выключил свой телевизор, ушел из дома, закрыв за собой дверь, и отправился на прогулку по городу. Без телефона, разумеется. Он изолировался ото всего. И понятия не имел, что творилось на другом конце Европы. Надежда и большие ожидания, а с ними и страх болельщика испанской сборной все же настигли его. Неважно, на стадионе ты или гуляешь в одиночестве по Фуэнтеальбилье, напряжение будет одинаковым.

АНДРЕС НЕ СПЕША ПОЛОЖИЛ МЯЧ НА «ТОЧКУ», СПОКОЙНО, АККУРАТНО, БЕЗ ЛИШНИХ ЭМОЦИЙ.

РУТИНА.

Андрес исполнял второй одиннадцатиметровый. Первым бил Хаби Алонсо, специалист по пенальти. Первым и последним к точке должны подходить твои лучшие исполнители – это служит некой гарантией в тот момент, когда нуждаешься в ней больше всего. Андрес следил за тем, как Алонсо подходит к мячу, стоя в центре поля вместе с партнерами, их руки обхватили плечи друг друга. Справа от него стоял Хесус Навас, а слева Серхио Бускетс, «Буси». Алонсо пробил влево, и Руй Патрисиу отбил удар. Даже лучшие иногда промахиваются.

Первый бьющий португальцев, Моутиньо, тоже не смог забить. Касильяс прыгнул вправо и взял удар, показав свою всегдашнюю кошачью реакцию.

А потом настал момент Андреса. На его лице щетина, взгляд серьезный, сосредоточенный, все мысли обращены к пенальти. Он прошел мимо Моутиньо, возвращавшегося из штрафной, но даже не заметил его, словно португалец был невидимкой. Андрес взял в руки мяч, находившийся метрах в 15 или около того от штрафной, аккуратно поднял его и поднес к «точке» в правой руке. Шесть секунд, бери или отдавай.

Касильяс посмотрел себе под ноги. Он не мог смотреть. На трибунах был Хуанми, он мог. «Это был первый пенальти в исполнении Андреса, который я видел, и я подумал про себя: «*Madre mia*, какая же это ответственность! Если он промажет…»

Хосе Антонио, находившийся в Фуэнтеальбилье, даже не знал, что его сын собирается исполнять удар, что было только к лучшему для его здоровья. Мари тоже не была в курсе, как и Марибель. Никто из членов семьи Иньесты и понятия не имел. Только Хуанми. Мама и сестра Андреса ушли со своих мест, не в силах выдержать напряжение, и теперь ждали новостей от друга Марибель. Ариан сообщил им, что Андрес собирается исполнять пенальти. «Да, без шуток, будет бить».

> «БЫВАЮТ В ЖИЗНИ МОМЕНТЫ, КОГДА НУЖНО ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, И МНЕ НРАВИТСЯ ЭТО ДЕЛАТЬ, СЕГОДНЯ ПОНРАВИЛОСЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО ПРЕЖДЕ», – ГОВОРИТ АНДРЕС.

Удивленный Месальес смотрел матч по ТВ. Никто из комментаторов тоже не мог объяснить, что происходит. Никто не мог вспомнить, чтобы Иньеста бил пенальти раньше.

Андрес не спеша положил мяч на «точку», спокойно, аккуратно, без лишних эмоций. Рутина. Он поднял голову, взглянул на Руя Патрисиу и отступил на несколько шагов назад.

Он отошел так далеко назад, что оказался за пределами штрафной, когда начал свой разбег, словно дистанцируясь от происходящего. Через две с половиной секунды он вернулся в прошлое, в далекое детство.

«Да, я действительно исполнил удар так же, как тогда, в Брунете, не правда ли? – говорит Иньеста. – Я даже не осознал этого тогда. Я об этом не думал».

Моменты вышли идентичными: то же движение, те же жесты, тот же разбег, словно никакие 16 лет с тех пор и не минули. Разница была лишь в одном. На искусственном газоне скромного стадиона «Лос Аркос де Брунете» Андрес был облачен в белую футболку с пятым номером и именем Андрес на спине. На идеальном зеленом газоне огромного стадиона «Донбасс-Арена» в Донецке, настоящем произведении архитектурного искусства, он был одет в красную футболку сборной Испании с «шестеркой» и фамилией Иньеста на спине и маленькой звездочкой, вышитой на груди: чемпион мира. Во всем остальном все было то же самое. Спокойствие и концентрация внимания, меткий удар в левый от вратаря угол. Не слишком близко к штанге, но слишком далеко от голкипера. Даже празднование было схожим. В Брунете он, такой крошечный, что казалось, будто потерялся в своей безразмерной футболке, поднял над головой левую руку, после чего партнеры по команде набросились на него со всех сторон, и его уже не было видно в груде тел. На украинском стадионе он тоже поднял вверх сжатый кулак левой руки и победоносно потряс им. Руй Патрисиу прыгнул в другой угол. Испания повела: 1: 0.

Хуанми говорит: «Когда Андрес забил, я повернулся к португальским фанатам, чтобы отпраздновать гол, но потом подумал: «Осторожно, серия еще не кончена. Впереди еще три удара, и если они победят, эти ребята сожрут тебя живьем».

Несмотря на нахлынувшие на него эмоции, Хуанми сдержал их и не стал бурно праздновать. «Но я не боялся и не отступил. Я был один, но смотрел все пенальти до конца. Не закрывая глаз».

Хуанми увидел гол, которого не видел Хосе Антонио, который пропустили Мари и Марибель. Сара Карбонеро тоже его не видела. Сара была репортером, работавшим от бровки для канала Tele5, ведшего трансляцию матча для Испании. Кроме того, она была девушкой Икера Касильяса.

«Вы когда-нибудь задумывались о возможности пробить пенальти самому? Или тут всегда решает тренер? Вы бы хотели исполнить удар сегодня?» – спросила она у Андреса после игры, когда выход Испании в финал уже был официально оформлен. Национальная сборная была на пути к своему третьему финалу

подряд, второму подряд финалу Евро: из Вены в Киев через Йоханнесбург. Андрес, как всегда терпеливый, смотрел на Сару ошеломленно. Он немного застенчиво опустил голову и ответил: «Да. По правде говоря, я сегодня исполнил второй удар. В конце матча мы решили, кто будет пробивать, и к счастью, для нас все закончилось удачно».

Вкрадчивая вежливость ответа, впрочем, не сделала вопрос менее удивительным. Осознав, что она только что натворила, Сара поняла, что ее теперь ждет. «Спасибо, Андрес, – сказала она. – И удар Андреса с пенальти будет завтра в Twitter'е повсюду. Я так нервничала, что даже не поняла, что говорю…»

Она-то нервничала, а вот Андрес нет. Ни до удара, ни во время, ни после него. Только он знал, что будет исполнять удар, и, наверное, думал, что ни родители, ни сестра не будут даже смотреть. Он наверняка подумал даже, немного озорно, что Месальес и другие его партнеры сильно удивились, увидев его подходящим к «точке».

«Бывают в жизни моменты, когда нужно взять на себя ответственность, и мне нравится это делать, сегодня понравилось больше, чем когда-либо прежде», – говорит Андрес, обрадованный тем, что смог удивить Руя Патрисиу… и людей, которые так хорошо его знают. Никто не ожидал, что Андрес пробьет пенальти, а тем более забьет.

С тех пор он еще ни разу не пробивал одиннадцатиметровые.

XVIII. Луис Энрике

У меня для тебя плохие новости, Андрес.

Луис Энрике

Опять, босс?

Андрес

Луис Энрике, может, и тренирует Андреса сейчас в «Барселоне», но первая случайная встреча между ними случилась в феврале 2001-го, когда Андрес еще был студентом в «Ла Масии».

«Помню ли я? Нет, никаких воспоминаний не осталось, – говорит Луис Энрике. – Я не помню, что именно я забрал Андреса у ворот «Камп Ноу», когда ему было всего 16. Пару лет спустя он сам мне об этом сказал. У стадиона было несколько парней из «Ла Масии», и им не разрешалось проходить через ворота. Подбросить их на машине меня попросил Антонио Кальдерон, охранявший вход на стадион. Но повезло тут не Андресу, а мне, ведь это я отвел его в раздевалку «Камп Ноу», – говорит «шофер» Иньесты, подвозивший его тем зимним утром.

Сначала он станет партнером Андреса по команде, а потом и его тренером. «Когда к нам приходили парни из молодежной системы, единственное, чего мы хотели, – это максимально облегчить им жизнь, – говорит Энрике. – Когда видишь такого парня, как Андрес Иньеста, единственная мысль в твоей голове – помочь ему. Ты ставишь себя на его место, и тебе даже не надо смотреть на него, чтобы понять, что он до смерти напуган. Это нормально. Приход в раздевалку команды – это большое событие. Смотришь на него и говоришь: «Расслабься и успокойся, мы за тобой присмотрим». Мы обращались с ними так, как хотели бы, чтобы обращались с нами самими, когда мы были в их положении». Энрике слишком хорошо помнит, как «очаровательно» некоторые ветераны обращались с ним, оказывая отнюдь не теплый прием новичку. Это слишком распространенная практика во многих футбольных клубах.

Он понятия не имел, кто такой Андрес. «Я знал, что некоторые мои партнеры были наслышаны о нем. Они говорили мне, что он был одним из лучших игроков молодежки, настоящим бриллиантом. Но я о нем ничего не знал, – признается Энрике,

чья затуманенная память начинает понемногу проясняться. – Вначале они все вместе приходили на тренировки: Хави, Пуйи, Габри, Андрес. Что выделяло их, так это то, какими низкорослыми они все были, – говорит тренер «Барсы». – Самыми маленькими игроками в «Дрим Тим» Кройффа были Чапи (Феррер), Серхи или Хуан Карлос, но они все играли крайних защитников».

Вдруг эти маленькие футболисты начали появляться в «Барсе»: то тут, то там. Несмотря на свои скромные габариты, им суждено будет стать иконами клуба. «Они, может, и были маленькими, но зато играли великолепно. Пусть даже им требовалось какое-то время, чтобы получить возможность показать свои таланты в основе первой команды. Когда я ушел из клуба в возрасте 34 лет, в 2004-м, Хави подвергался очень жесткой критике. От него хотели избавиться. Теперь все те, кто тогда критиковал его, могут говорить в его адрес только приятности – например, что он душа «Барсы» и все такое, – но тогда они мечтали его «слить». Так продолжалось вплоть до 2008-го», – говорит Энрике, намекая на значимость победы сборной Испании Луиса Арагонеса на Евро в тот год, в которую Хави внес весомый вклад.

«Они не всегда осознавали, насколько выдающимся и неординарным игроком был Хави; невероятным талантом. Теперь они поют по-другому, теперь Хави для них – главный кумир, они его фанаты до гроба. Примерно то же самое происходило и с Андресом Иньестой», – говорит он, вспоминая те непростые первые дни Иньесты в «Барсе».

«Андрес обладает тем же умением контролировать мяч, что и Хави, но вдобавок способен еще и обыгрывать соперников. У него отличный дриблинг; он умеет резко менять скорость. Хави будет крутиться вокруг себя на одном месте, будет делать игру другим, у него великолепное видение поля. Более того, Хави мог открыться в штрафной, он был блестящим игроком. Андрес добавляет ко всему тому, что роднит его с Хави, еще и умение уходить от соперников. Наверное, он мог забивать больше голов; мог бы чаще бить, но в такие моменты сразу вспоминаешь, насколько важные голы он *уже* забил. Они оба просто невероятные. Но Андрес – настоящий маг. Мы зовем его Гарри Поттер. На поле он орудует заклинаниями. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь делал то, что делает он».

Внезапно Луис Энрике хочет внести поправку в свою восторженную характеристику Иньесты. «Ну, я видел одного игрока, способного творить то же, что творит Андрес. Его зовут Лео Месси. Но эта изящная работа Андреса с мячом – просто

красота во плоти. Меня до сих пор это поражает на тренировках. Он порой делает такое, чего я никогда прежде не видел и даже не верю, что кто-либо будет способен такое повторить. Иногда он обрабатывает мяч, даже не глядя на него. *Бах!* И он останавливает его намертво, даже не бросив на него взгляд. А это ведь просто тренировка. Он на другом уровне, в этом нет сомнений. Нет ни одного игрока, похожего на него, и никогда не будет другого такого же, как он. Теперь, став тренером, я могу видеть его в деле каждый день. *Madre mia! Madre mia!* Это привилегия, настоящая привилегия иметь возможность работать с ним и переживать такое», – говорит он.

«Приплюсуйте сюда профессионализм, который можно назвать совершенно исключительным, ведь учитывая то, какой он игрок, он мог бы быть самым прихотливым и требующим к себе наибольшего внимания, но нет, его человеческие качества дополняют талант, делая его совершенным».

АНДРЕС – НАСТОЯЩИЙ МАГ. МЫ ЗОВЕМ ЕГО ГАРРИ ПОТТЕР.

Подумать только, но находились некоторые люди, считавшие, что шелковое обращение Андреса с мячом и его изящество будут не к месту в динамичном агрессивном футболе команд, которые обычно строит Луис Энрике. «Те, кто такое говорил, делали это со злым умыслом; эти люди попросту не знают меня, – считает тренер «Барсы», который на самом деле куда ближе к футбольной философии Гвардиолы и Дель Боске, чем кажется на первый взгляд. – Всем тренерам нравятся игроки высокого уровня. Для меня тренировать Андреса – сплошное удовольствие. Более того, я хотел бы отдельно подчеркнуть важность его роли в команде, а также качество его игры и количество завоеванных титулов. Помню, что после одного из матчей французского Евро я отправил ему сообщение: «Андрес, тебя хвалят за то, что ты и так каждый день делаешь в «Барселоне». Это просто невероятно. Ты делаешь такое и в матчах, и на тренировках. А они говорят так, потому что не видят твоей игры за «Барселону». За последние два сезона ты делал все, что делаешь в этих матчах теперь».

Это правда, что Андрес очень умен я должен отдельно поблагодарить его за это, потому что всегда делаю на этом большой акцент. Я знаю, что Андрес хочет играть в каждом матче, но он такой игрок, за которым нужно ухаживать, чтобы он был в полной готовности, когда наступает пора решающих матчей. Вполне нормально, что игрок хочет проводить на поле каждую минуту каждой игры. Иногда я говорю ему: «У меня для тебя плохие новости, Андрес». Он отвечает: «Опять, босс?» А я ему

говорю: «Да, да, да!» Но с теми данными, которые мы получаем на каждой тренировке благодаря использованию жилетов с GPS-датчиками, мы получаем достаточно информации, которая помогает нам и направляет в нужную сторону. «Ты должен играть в ключевых матчах и тех играх, в которых ты нам действительно нужен. Но я не буду подвергать риску Андреса Иньесту», – говорит тренер капитану «Барсы», который, по утверждению Дель Боске, за последние несколько лет сумел изобрести себя заново.

«То, что в некоторых матчах самое просто решение для меня – выпустить его на поле, абсолютная правда, – говорит Энрике. – Дай ему сыграть! Но потом я думаю: «Нет, я должен заботиться о нем! Даже если существует риск, что без него мы можем проиграть матч». Я не хочу рисковать Андресом. Он это понял и принял. Он сильно облегчил мне жизнь. И в итоге, появляясь на поле, он играет лучше, чем когда-либо, – в этом нет сомнений. Он так важен для нас, так важен для забитых голов, он играет ключевую роль во всем. И когда я говорю «во всем», я подразумеваю «во всем». Он очень много работает, отбирает мячи и служит примером, которым могут быть только великие игроки».

Вот почему Луис Энрике относится к нему как к редкому драгоценному камню. «Наступит день, когда мозг скажет ему, что все, пора. Но до того момента мы должны стремиться продлить его карьеру на как можно более долгий срок. Если проводить сравнение с другим видом спорта, то нужно приводить пример Роджера Федерера: он может играть в теннис хоть до шестидесяти лет и будет играть так же здорово, как и сейчас, потому что ему не составляет труда гонять по всем этим турнирам, он не бегает и не потеет. Чем-то напоминает Андреса Иньесту. Футбольное поле немного больше теннисного корта, бегать нужно гораздо больше. Но если взглянуть на статистику Андреса, цифры будут фантастическими.

Лично для меня эпизодом, лучше всего характеризующим Андреса, будет даже не какой-нибудь его гол. Им будет момент в матче с «ПСЖ» здесь, на «Камп Ноу», в рамках Лиги чемпионов. Любой другой футболист даже подумать бы не посмел о таком маневре, а он берет и делает (разворот почти на 180 градусов в штрафной, совершенный на полной скорости в момент движения с мячом в окружении соперников), как будто это самое естественное и очевидное решение для него в жизни. Он это делает с той же легкостью, с какой мы переключаем каналы пультом от телевизора. Для него это вторая натура. Таков Андрес Иньеста. Помню еще эпизод на «Бернабеу», когда мы побеждали 3:0, играя без своего лучшего игрока, без Месси. И вот Андрес выскакивает на фланг на нашей половине поля и оказывается

прямо перед скамейками запасных и техническими зонами. Он стоит спиной к мячу, а когда он к нему приходит, он прокидывает его пяткой. Я сказал тогда: «Теперь я видел все, абсолютно все. Невероятно!» Но опять-таки он оставляет такое впечатление, будто для него это все легко и естественно. Это футбол в чистейшем его виде.

Я так рад и счастлив за этого парня, за то, что он забрался так высоко, и при этом остается таким замечательным примером для детей. За ним нужно присматривать, его игрой нужно наслаждаться, и мы должны максимально продлить его карьеру, до тех пор, пока он сам не скажет, что больше не может играть. У него еще достаточно времени впереди. Он будет играть за «Барсу» и, что важнее, будет ее капитаном еще много лет».

XIX. Ангел-хранитель

До финала оставалось еще два дня, а я сказал Луису Энрике: «Этому парню даже тренироваться не надо. Расслабься, Луис, в Берлине он будет в полном порядке.

Хави перед финалом Лиги чемпионов-2015

«Мы не можем проиграть этот финал. Пожалуйста, только не это. Я не могу попрощаться с «Барселоной» поражением в финале Лиги чемпионов. Но я чувствовал, что звезды для нас сошлись. Мы выиграли чемпионат на «Камп Ноу», взяли Кубок Короля на «Камп Ноу», а теперь отправлялись в Берлин. Никак нельзя было проиграть этот матч».

Хави Эрнандес провел в составе «Барселоны» больше матчей, чем кто-либо другой, и теперь его время в команде, наконец, подходило к концу: для выигрыша трех титулов оставалось три матча. Он был архитектором, пожалуй, лучшей клубной команды и лучшей сборной в истории, но в 35 лет его последний сезон получался немного другим, его важность для команды упала. Теперь он вносил решающий вклад в работу команды за пределами поля, как когда-то делал это на нем. Хави все реже получал возможность сыграть и понимал это. Было тяжело привыкать к статусу запасного, которым сделал его Луис Энрике: друг, партнер по команде, а теперь и тренер. Но он вел команду за собой, даже находясь на скамейке. Даже оттуда он видел то, чего не видели другие. Он понимал игру лучше кого бы то ни было.

Это понимание футбола передавалось и его партнерам. «Андрес был в плохом состоянии, а финал Лиги чемпионов приближался», – вспоминает Хави. «Все было не так, как в Риме, когда он играл с травмой, но его постоянно донимали какие-то болячки и дискомфорт, никак не покидавший его». Он взял на себя задачу поддерживать Андреса, подбадривать его. Он передал свою капитанскую команду Иньесте, а в преддверии финала постоянно общался с ним.

Он говорил не просто пустые слова. «Не забывайте, – говорит Хави, – если бы Андрес не был здоров к финалу, играть пришлось бы мне. Это был мой последний сезон в клубе, и Луис Энрике отрядил мне роль сменщика Андреса, – я играл в левой зоне

полузащитной тройки, а не в правой, где он хотел видеть Ивана Ракитича, прикрывавшего Лео Месси и Дани Алвеса».

Изначально игравший в «Ла Масии» роль центрального полузащитника, Хави нашел свою родную позицию в правой зоне полузащитного трио благодаря Франку Райкарду, но ему было комфортно и в роли универсального хавбека в сборной Луиса Арагонеса, который привел Испанию к чемпионскому титулу на Евро-2008: тогда Хави признали лучшим футболистом турнира. Теперь, в свой последний сезон в клубе, он оказался на скамейке в роли сменщика Иньесты.

«До финала оставалось два дня, и я разговаривал с Андресом как раз в тот момент, когда к нам подошел Луис. «Как ты, Андрес?» – спросил у него тренер. Андрес бегал на тренировках со скоростью 4 км/ч, что было логично, учитывая то, что он рисковал травмироваться, если бы начал форсировать события. Тогда я сказал Луису: «Этому парню даже тренироваться не надо; он должен играть в финале, и точка». Я посмотрел на Андреса и сказал: «Не торопись. Расслабься, все у тебя получится». У него голова шла кругом. Такое случается с каждым в преддверии финала Лиги чемпионов, но Андрес еще и очень впечатлительный. Его голова… не переставала кружится. «Не волнуйся, Андрес, тебе даже тренироваться не надо… и Луис, оставь его. Он будет в порядке, увидишь. В финале он будет в отменной форме».

Если на тренировках «Барселоны» он бегал со скоростью 4 км/ч, то к матчу в Берлине он уже… летал. «Только посмотрите первый гол… *madre mía!*» – говорит Хави, пересматривая эпизод, в котором Иньеста прошел всю оборону «Ювентуса» – жесткого, опытного, полного талантливых игроков, *оборонительного* «Ювентуса» – и организовал первый гол в матче для Ракитича, человека, заменившего в команде Хави.

1:0, прошло всего четыре минуты со стартового свистка, а Иньеста уже оставил свой след. Точный пас Неймара в центр на Иньесту, а тот уже пасует Ракитичу. Два аккуратных касания – это все, что потребовалось, чтобы раскрыть защиту соперников, пусть даже Хави, и удивило решение Андреса не бить самому. По правде говоря, этому удивились все, даже игроки «Ювентуса». В конце концов, он находился на границе вратарской, совсем рядом с воротами Джиджи Буффона. Но потом в последний момент легким изгибом лодыжки обманул их всех. Ракитич открыл счет.

ЕСЛИ НА ТРЕНИРОВКАХ «БАРСЕЛОНЫ» ОН БЕГАЛ СО СКОРОСТЬЮ 4 КМ/Ч, ТО К МАТЧУ В БЕРЛИНЕ ОН УЖЕ… ЛЕТАЛ.

«После того как итальянцы сравняли, они сильно прибавили, – признается Хави. – К перерыву мы должны были подходить с бо́льшим преимуществом в счете. После своего гола они заставили нас понервничать в ряде моментов. У них в составе были Тевес, Пирло, Маркизио, а впереди Мората, который двигался очень хорошо. Но я по-прежнему был уверен, что мы победим. Если бы вы спросили у меня в ноябре месяце, какие титулы мы возьмем, я бы сказал: «Никаких. Мы ничего не выиграем». Но в феврале или марте я бы ответил уже иначе. К тому времени я уже думал: «Да мы просто летаем». Такое окончание карьеры было фантастическим. Моя последняя игра в Ла Лиге на «Камп Ноу» стала для нас чемпионской. Потом, неделю спустя, мы там же, дома, выиграли и Кубок у «Атлетика». Я хотел разделить этот момент с Андресом.

«Пошли со мной, Андриу!»

«Куда?»

«Туда, наверх, за кубком. Хочу, чтобы ты поднял его вместе со мной».

«О чем ты говоришь, *maqui*?»

«Пошли. Ты и я, вдвоем».

И он в итоге пошел. Я этого хотел; он этого заслуживал».

Там они и стояли вдвоем: Андрес и Хави. Оказалось, что вдвоем они отлично сработались. А столько людей говорило, что ничего у них не получится. Болельщики, журналисты, аналитики… хватало людей, сомневавшихся в том, что Хави и Иньеста могут играть вместе, как будто их индивидуальные таланты нейтрализовали друг друга, как будто они были несовместимы в принципе.

«Мы не сможем играть вместе… – Хави смеется. – Когда смотришь на эти дебаты прошлого, думаешь: «Господи боже!» Должно быть, Андресу было непросто принять это, но я слышал это и раньше. То же самое говорили обо мне и Пепе Гвардиоле, когда я только пришел в первую команду. Говорили, что место найдется только одному из нас: либо мне, либо ему, но никак не нам обоим. Говорили, что мы не умеем обороняться, что мы не вписываемся в полузащиту вместе… бла-бла-бла… Но все это помогло нам чуть быстрее повзрослеть; сделало нас сильнее. А мы куда сильнее, чем считают люди.

Мы доказали их неправоту. В конечном счете, чем больше талантов собираешь вместе, тем лучше. Потом люди даже договорились до того, что Бускетс не может вписаться в эту полузащиту. Говорили, что он не умеет защищаться! Некоторые не хотели, чтобы он ехал на чемпионат мира. Но Андрес, Лео Месси и Бускетс – лучшие игроки, с которыми я играл вместе за

всю карьеру. Я получал больше удовольствия от игры с ним, чем с кем-либо еще».

Впрочем, в жизни Хави был момент, когда он оказался на грани ухода из «Барселоны». Говоря откровенно, такой момент был не один, их было несколько. И возникали они регулярно. Мария Мерсе Креус, мама Хави, тогда вмешалась. Андрес тоже мог уйти, но он остался.

И Хави с Андресом стали играть как единое целое. «Нам даже не нужно было что-либо говорить друг другу, – настаивает Хави. – Самое большее, что я мог сказать: «Андриу, подойди чуть ближе» или что-нибудь подобное. Не больше. Андрес тоже не из тех игроков, которые любят болтать весь матч, мы и так великолепно понимали друг друга, достаточно было одного взгляда. Он всегда предлагает выход из трудной ситуации, всегда предлагает варианты, показывает, кому можно отдать пас. У него очень сильный характер, пусть на первый взгляд так не кажется. Он выглядит маленьким, хрупким, но он не такой… нет, нет, нет. Совсем не такой. На поле он настоящий лидер, пускай и молчаливый. Андрес никогда не прячется. Он всегда в точности знает, что нужно делать в каждый момент времени: когда ускориться, когда замедлиться, когда бежать, а когда пасовать. Он орудует пространством так, что у него практически нереально отнять мяч, а соперникам не под силу занять то пространство, которое они хотят.

Он идет на тебя по прямой, а потом в один момент *пам!* – и все, он уже ушел вправо или влево. Еще до того, как ты успеешь отреагировать, он уже ушел. А ты разбит, тебя обыграли. Андрес даже не столько обыгрывает соперников, сколько танцует с ними, как тореадор с быком. Эта его резкая смена скорости разрывает линии на поле, нейтрализует соперников, выводя их из игры: они паникуют, боятся до ужаса… а еще он умеет выдать последний пас, как никто другой. Он лучше кого бы то ни было знает, куда правильно сделать пас – на фланг или в центр. Те из нас, кто играл в «Барселоне», кто учился футболу в клубе, читают игру очень конкретным образом, но у Андреса это природное. Он действует интуитивно. Прямо сейчас он и Бускетс воплощают ДНК «Барселоны». Есть еще Месси, но это отдельный случай. Андрес и Бускетс несут на своих плечах ответственность за «Барселону» и сборную Испании».

Как только Хави начинает говорить, остановить его уже невозможно. Он – горячий заступник вполне конкретного восприятия футбола. Он называет свое видение «романтическим», но в каком-то смысле оно самое прагматичное из всех; он убежден, что это наилучший способ добывать результаты в том

числе. «Барселона» и Испания никогда не побеждали так много и часто, как с этим стилем игры. Со стилем Андреса. Эта идея даже не подлежит обсуждению.

«Такой стиль непросто защищать, непросто донести его, – говорит он. – Нужно убедить в его правильности тренеров, болельщиков, прессу, всех и каждого. Нам с Андресом было непросто это сделать».

В голосе Хави нет ни нотки сомнения. «Он природная сила, настоящий феномен. Таких, как Иньеста, нет и не будет. Покажите мне другого игрока со стилем, похожим на его, не говоря уже о точно такой же манере игры. Никто не играет так, как он; никого нельзя с ним сравнить. А как человек он просто идеальный пример для подражания: благородный, честный, щедрый, альтруистичный».

Хави ушел из клуба, но оставил Иньесту. Однажды и Иньесте придется уйти, но он оставит после себя Бускетса. Это не просто смена поколений, это передача футбольной философии, идеи, изменившей и клуб, и национальную сборную Испании.

«Андрес продолжает соревноваться, он продолжает побеждать с «Барселоной». Он побьет все рекорды. Когда ты покинешь «Камп Ноу», ты осознаешь масштаб своих деяний. Тогда поймешь важность того, что сделал. Оценишь любовь, с которой тебе там относятся. Куда бы я ни пришел, люди всюду говорят со мной об Андресе. Где бы ты ни находился: «Иньеста – просто вау…» Люди говорят мне: «Эта ваша полузащита с Иньестой. Господи боже, какая полузащита!» Я горд, что все ассоциируют меня с ним. Мне нравится тот факт, что люди постоянно повторяют мне: «Хави-Иньеста, Хави-Иньеста, Хави-Иньеста». В одной телепередаче про нас сделали репортаж. Как будто мы с ним – единое целое. По правде говоря, так и есть. И я горжусь этим. Мы прошли от того, что люди твердили, будто мы не можем играть вместе, до того, чтобы стать в их глазах одним человеком. Люди иногда нас даже путают. «О, Иньеста…» А я говорю: «Нет, Иньеста – это второй. Тот с дриблингом, который умеет переключать скорости». Они считают нас парочкой, двумя игроками в одном лице.

Иногда у меня складывается впечатление, что Андрес не осознает, насколько он на самом деле важен. В день, когда он завершит карьеру, он увидит масштабы того, что сделал. Помню финал Кубка Короля против Севильи в 2016-м, уже после моего ухода из клуба, я тогда отправил ему смс с поздравлениями, потому что он выдал великолепный матч. «Что это было?! Просто невероятно!» А были и 4: 0 на «Бернабеу» чуть ранее в том сезоне. Боже мой, это была фантастика. «Что с тобой творится?» – гласило сообщение. Он был словно машина. Я почти что испытал

зависть от того, что не был там и не видел этого. Какой матч выдал! Как играл! Как бы я хотел быть там с ним на поле, покатать с ним мяч. Это был один из лучших матчей Андреса за «Барселону», что я помню. Я не очень хорошо видел игру «Барселоны» Гвардиолы, потому что сам находился на поле, а оттуда все выглядит совсем не так, но те 4: 0 были потрясающими. А ведь могло быть и 7: 0. У меня буквально слюни текли, когда я смотрел эту игру».

Вместе они многое пережили, даже победный гол в финале чемпионата мира. «Иногда я сижу дома в одиночестве, и вдруг мне вспоминается этот гол. Мы стольким обязаны Андресу; мы должны благодарить его каждый день. Если бы все дошло до серии пенальти… кто знает, что случилось бы. Вы знаете, каково это – проигрывать финал чемпионата мира по пенальти? Серьезно. По ходу дополнительного времени эта мысль то и дело проскакивала у меня в голове. «Куда мне пробивать с пенальти? Этот Стекеленбург, да каких он, черт возьми, размеров?! Он, наверное, метра два ростом. Что я могу сделать против него? Вправо? Влево? По центру?» И все эти мысли не выходили из головы, хотя матч еще не кончился; ты пытаешься играть, сражаешься и мучаешься, но перестать думать о пенальти не можешь. Я продолжал напоминать себе, что с «Барселоной» мы еще ни разу не доводили финалы до серии пенальти; до той поры мы выиграли их все, не считая финала Кубка с «Мадридом», который проиграли. Так что я понимал, что не знаю, чего ждать, что делать. *«Madre mía»,* – думал я. Мы выиграли все свои финалы…» И тут Андрес забивает гол. Я никогда в жизни не забуду этот момент. Я все время вспоминаю гол Андреса.

У меня до сих пор от него мурашки. Помню, что вокруг поля на «Соккер Сити» был дренажный ров. Если пересмотрите празднование, увидите, что мы все столпились в одном углу поля, прямо рядом со рвом. И я едва в него не упал. Я плакал, ошеломленный эмоциями. Описать то счастье, что я испытывал, просто невозможно. Я находился в центре поля, когда случился гол, но казалось, что я сижу в переднем ряду. Я знаю, что Андрес уже говорил это прежде, но у меня было то же самое чувство: что, когда мяч оказался перед ним, время остановилось. Все застыло. Мяч пошел вверх… потом вниз… взять его под контроль было непросто, но Андресу это удалось, пусть даже мяч повел себя несколько странно, когда стал падать перед ним. Он отлично обработал мяч, несмотря на то, что со стороны показалось, что все было куда хуже. Мяч подлетел, потом опять опустился, и я подумал: «Да, да, да… Андриу… да, да… это гол!» Это был он. Тот самый гребаный гол. Андрес решил исход матча на

«Стэмфорд Бридж», забил в финале Лиги чемпионов и в финале Чемпионата мира. Невероятно».

«У Андреса есть дар. У него есть ангел-хранитель… нет, *он и есть* ангел-хранитель, – говорит Хави. – Он приходит тогда, когда это нужно. Есть такие люди, у которых есть такой талант. Икер Касильяс в их числе. Андрес тоже. Когда он вам нужен, он приходит. А я? Я горд, что меня ассоциируют с ним, нельзя забывать и о Буси. Люди теперь говорят о полузащите Бускетс-Хави-Иньеста. Эта полузащита навсегда останется в памяти, ее будут помнить за то, как она играла и что выигрывала».

Второй тайм
Со скамейки запасных

XX. «Другие Иньесты»

Когда я вижу его игру, мне кажется, что я смотрю на самого себя, кажется, что я до сих пор играю.

Микаэль Лаудруп об Андресе

«Если бы вам пришлось выбирать кого-то одного из этой «Барселоны», кого бы вы выбрали?» – интересовался журналист газеты *Olé,* бравший интервью у Хуана Рикельме в марте 2013 года.

Последовала долгая пауза, а потом ответ: «Сложно выбрать кого-то одного… Если вы попросите меня назвать кого-то одного, я выберу Месси. Но если я могу выбрать больше одного, то выберу Месси и Иньесту».

«Иньеста – самый «рикельмеподобный» из испанских игроков или скорее вы сами больше «иньестоподобны»?»

«Нет, Иньеста особенный, для этого человека я всегда найду время. Я общаюсь с ним время от времени. Я был раздосадован, что не смог поехать на его свадьбу, потому что в тот вечер играл финал Кубка Либертадорес с «Коринтиансом». Хвала Господу, что Андрес есть в команде и может дать Месси расслабиться. Месси может все 90 минут матча проводить в такой близости к воротам, потому что Иньеста делает всю работу по доставке ему мяча. Он идеальный партнер для Лео, потому что с ним Месси может 10–15 минут вообще не касаться мяча, но знать, что в один момент мяч все равно к нему придет как надо.

Иньеста тот, кто занят работой по организации игры команды. На него смотришь и думаешь: Гляди, как играет Иньеста! Никто не может отнять у него мяч! А потом мяч оказывается у Месси, и тот находит проход сквозь защиту соперника. Когда Месси десять минут не касается мяча, играя за Аргентину, все начинают говорить, что он не хочет играть за свою страну. Но дело в том, что у нас нет Иньесты. В «Барселоне» Месси может десять минут не видеть мяча, и все это время Иньеста будет развлекать народ».

Рикельме, считающийся игроком тонкого ума и блестящей техники, недолгое время и сам поиграл в «Барселоне», а теперь следит за ее успехами, восхищаясь игрой Андреса Иньесты. «Он все еще лучший, – повторил он в другом интервью, на этот раз данном DeporTV. – Он показывает нам всем, как нужно

обращаться и работать с мячом. Роналду и Месси отличаются от всех остальных, потому что чрезвычайно быстры. Но Иньеста видит всю игру из самого ее эпицентра, словно смотрит с трибун. Он все делает блестяще. Каждый раз, когда он играет, я чувствую, что обязан посмотреть на него. Когда он не играет, «Барселона» тоже не может играть».

В интервью ESPN Рикельме дал еще более красноречивое описании магии Иньесты: «Представьте, что едете по трассе. Вдруг перед вами случается авария – что будете делать? Продолжите ехать прямо или будете искать вариант объезда? Обогнете место аварии, не так ли? Едва ли вам захочется врезаться в столкнувшиеся машины. Иньеста играет точно так же. Когда вокруг много игроков, он обходит их. Единственный игрок, кто всегда стремится в скопление соперников, – это Месси. Он входит в кучу игроков и выходит из нее с мячом в ногах, а потом забивает гол и даже сам не может понять, как ему это удалось. Потом приходит домой и пересматривает гол по телевизору, чтобы лучше понять, что случилось».

Бывшая «десятка» «Боки Хуниорс» подводит итог своим рассуждениям: «Я не могу позволить себе делать неточные передачи, я играю в мяч одним касанием и вижу все вокруг очень просто и понятно. Если я неудачно обрабатываю мяч, я раздражаюсь. Футбол завязан на контроле и пасе, контроле и пасе. Суть его в мяче. Иньеста учит нас правильному обращению с мячом. Это видно по тому, как он играет. Если он видит, что четвертый номер свободен, он отдаст мяч ему. Он упрощает игру».

* * *

Давид Сильва говорит об Иньесте: «Мы с ним похожи». Партнер Андреса по сборной Испании, выступающий за «Манчестер Сити», добавляет: «Мы оба интроверты; не любим много болтать. Может, поэтому так хорошо ладим».

Как и Рикельме, Сильва обожает смотреть на игру Иньесты: «Когда я вижу, как он тренируется, я думаю про себя: «Это что-то особенное. Просто какой-то другой уровень». Видеть его игру на поле восхитительно. В некоторые его трюки просто невозможно поверить.

И он никогда не теряет хладнокровия; это меня действительно поражает в нем. Неважно, тренировка или матч. Неслучайно, что именно он забил в финале чемпионата мира. Этот гол идеальным образом отражает самую суть испанского

футбола. Мне не повезло, что я не сыграл в финале, но, сидя на скамейке и наблюдая за голом, я испытал огромное облегчение, хотя запасным в таких матчах всегда хуже. Я никогда не думал, что мы можем победить на чемпионате мира, а мы выиграли его и два Евро в придачу.

> В «БАРСЕЛОНЕ» МЕССИ МОЖЕТ ДЕСЯТЬ МИНУТ НЕ ВИДЕТЬ МЯЧА, И ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ ИНЬЕСТА БУДЕТ РАЗВЛЕКАТЬ НАРОД.

Такого спокойствия, какое есть в Андресе, я не видел больше ни у кого. Думаю, что он родился расслабленным. Это в самой его природе. Я никогда не видел, чтобы он терял самообладание. Может, один раз, в финале чемпионата мира, когда Вам Боммел два или три раза ударил его сзади. Но нам повезло: он остался на поле».

Сильва любит говорить с Иньестой о футболе. «Когда мы заканчиваем тренировку, мы какое-то время говорим о футболе и жизни в целом. У него всегда чему-то учишься».

На поле у них совершенно особенное взаимопонимание. «В каком бы состоянии ни пребывала игра, даже если у команды большие трудности, всегда можно отдать мяч Андресу. После этого волноваться перестаешь. Ты знаешь, что он в надежных ногах. Вот почему я так сильно ассоциирую себя с ним, Хави и Санти Касорлой. Мы просто компания невысоких ребят, которым нравится играть с мячом в ногах».

В Иньесте есть кое-что такое, что особенно нравится Сильве. «То, как он разворачивается. Думаю, это делает его по-настоящему уникальным. Порой это кажется невероятным: он может развернуться в пространстве двух-трех метров – и все, ищи его потом. Защитники пытаются остановить его, но способов сделать это еще не придумано. То, что он способен исполнить одним своим разворотом, – реальное безумие. Он знает, как читать игру на каждом ее этапе, и умеет с умом интерпретировать ситуацию. Он блестяще это делает. Он сумел преодолеть огромное количество препятствий, и люди, а в особенности молодежь, должны понимать это. Я могу во многом ассоциировать себя с Андресом и его стилем жизни и игры».

* * *

Уважение и восхищение к своему партнеру по сборной Испании испытывает и Санти Касорла. «Он всегда был игроком, на которого я старался равняться – с тех самых пор, когда мы

впервые встретились в Брунете, где он играл за «Альбасете», а я за «Овьедо». Потом мы играли вместе за сборную U-21, но по-настоящему хорошо друг друга узнали на Евро-2008.

Я сразу попал в заявку на турнир из 23 человек, при том, что до этого не сыграл за первую сборную ни одного матча. Луис Арагонес пригласил в команду меня, Де ла Реда, Серхио Гарсию и Фернандо Наварро. А Андрес всегда мне помогал; он всегда был рядом, пусть порой ты этого и не осознавал. Когда я получал травму, он всегда интересовался, как идут дела. Он отличный игрок, но и человек замечательный. Я считаю его наряду с Хави величайшим игроком в истории Испании. Обожаю его как игрока, но еще сильнее как человека, потому что он простой и скромный парень.

Как сказал Гвардиола: «У него нет татуировок и яркой прически». Андрес особенный игрок, но не считает себя ни футбольной, ни какой-нибудь там общественной иконой. Хотя и является таковой. Он еще не осознает масштабы своего футбола и то, какое значение имеет для Испании и ее молодого поколения».

Касорла добавляет: «Когда сидишь на скамейке и смотришь за его игрой, думаешь: «Этот парень никогда не нервничает». Иногда он играет со скоростью пешехода. Давление никогда не способно взять над ним верх. «Какое давление?» – говорит он нам в раздевалке. У него аура человека, который никогда ни о чем не беспокоится. Он абсолютно расслаблен.

Андрес видит то, чего не видим мы, остальные игроки. Когда кажется, что выхода из определенной ситуации нет, – он обязательно находит вариант. Я ценю его за его игру, его важные голы и то, что он привносит в «Барселону» и сборную. Нам надо наслаждаться каждым моментом его игры. Даже Месси знает, что он лучший в мире, потому что рядом с ним Андрес».

Наконец, Касорла подытоживает: «Но помимо всего этого я уважаю и люблю Андреса как друга, как простого парня, который не дал успеху изменить себя и свой характер. Он идеальный пример для молодых людей. Я всегда говорю своему сыну: «Смотри на Андреса. Смотри, какой он человек, как справляется со своей славой и известностью, оставаясь скромным». Делить с ним время – настоящее удовольствие. Я благодарен ему за то, что он всегда оставался рядом со мной, как в плохие, так и в хорошие времена. Он настоящий друг».

* * *

А что же сам Андрес? Кто вдохновляет его? Нет никаких

сомнений, что больше всего в юности на него повлиял датский маэстро Микаэль Лаудруп.

«Много раз меня спрашивали: «Микаэль, вас не беспокоит, что Андреса называют новым Лаудрупом?» А я всегда отвечал: «Нет, как раз наоборот. Когда о ком-то говорят как о новой версии кого-то из прошлого, это значит, что эта старая версия был толковым игроком. Не мне решать, кто похож на меня, а кто нет. Каждый выделяется по-своему». Но иногда я говорю, что изредка вижу игрока, который действует на поле так, как когда-то играл я. Иньеста – живой пример.

Если быть совсем откровенным, когда я вижу его игру, мне кажется, что я смотрю на самого себя. Я считаю так, потому что вижу, как он двигается. Как обыгрывает соперников, перекладывает мяч с одной ноги на другую, уходя от соперника: этот маневр назывался «La Croqueta» во времена, когда его делал я. Такие вот маленькие детали пробуждают воспоминания о том, как играл я сам. Поначалу я ничего не знал о нем. Потом люди стали рассказывать мне о парнишке, который подражает тому, как я играл в «Барсе», и что он даже повторяет какие-то элементы моей игры. Но я не догадывался, что они имеют в виду, пока не увидел его игру своими глазами».

Лаудруп особенно подчеркивает мастерство Иньесты по части исполнения «Ла Крокеты», поскольку так здорово делать этот прием научились лишь избранные. «Помню, что какое-то время в «Барселоне» я играл с Онесимо, который исполнял его, но он делал это немного иначе. Как сказал Андрес: «Ла Крокета» – это прием, который существует не только по причине своей эффектности, он также служит другой цели – подводит тебя к возможности сделать следующий пас».

«Это перемещение мяча от одной стопы к другой. К примеру, ты берешь мяч правой ногой и подкидываешь ею мяч, направляя ее к своей левой ноге, которая здесь играет роль «стены», а после этого ты делаешь пас. Всего лишь одним касанием ты выводишь себя на следующий пас, открываешь себе возможность совершить еще одну обводку или вообще делаешь, что хочешь. Этот прием несложен; по крайней мере, он не выглядит таким со стороны. Сложности появляются, когда нужно исполнить его очень быстро, в окружении соперников. Тебя может прессинговать соперник спереди, сзади и еще один сбоку. Когда у тебя много времени и тебя никто не опекает, ты можешь сделать «Ла Крокету» сколько угодно раз, но самое сложное в этом приеме – сделать его быстро, находясь в окружении соперников. А когда ты двигаешься при этом, глядя вперед, а не на мяч, все становится еще сложнее. Я удивлен, что так мало футболистов используют этот финт, хотя

он отлично работает. Андрес говорит то же самое – что он прибегает к этому финту, потому что он эффективен».

Качество, которым Лаудруп восхищается в Иньесте больше всего, – это футбольный интеллект Андреса. Он объясняет его смысл на очень показательном примере. «Как игроки видят возможность для паса? Есть игроки, способные увидеть пас, который видят все, даже те, кто смотрит игру с трибун; получится ли ему исполнить этот пас или нет – другой вопрос, но он видит эту возможность. Есть игроки, способные выдать неожиданный пас: все думают, что мяч полетит в одном направлении, а он вдруг делает пас в противоположном. И, наконец, есть третий тип, самый сложный тип паса: тот, который проходит сквозь почти что несуществующую брешь в защите или следует в зону, которую еще никто даже не увидел. Андрес способен исполнять все три типа передач.

Многие игроки умеют исполнить первую версию паса и вторую. Но очень мало кто из них способен сделать и третий вид передачи. Он самый трудный. Сложность его касается не только тебя; дело и в партнере. А тут мы уже входим в совсем другой мир, тот, где важно видеть не только пас, но и партнера, который его получит. Все легче, если получающий мяч игрок так же умен, как и пасующий. В мою эру в «Барсе» примером такого партнерства была моя связка с Чики Бегиристайном. Я опускался глубоко, оказываясь на немаленьком расстоянии от штрафной, а потом делал передачу в свободную зону для Чики. Он был умнейшим игроком и всякий раз начинал движение в нужное время, чтобы успеть в ту точку, куда следует пас. После этого он навешивал на Хосе Марию Бакеро. Таким образом мы забили целую кучу голов, так много, что стали говорить: «Мы забили почти 40 идентичных друг другу голов, а нас так и не раскусили».

Сегодня то же самое происходит с Андресом и его партнерами, причем неважно, кто это – Месси, Неймар, Суарес или прежние форварды команды Вилья и Это'о. Причина в том, что они играют вместе уже очень долго и их связки работают. Вот почему для таких гениальных приемов нужно по меньшей мере два игрока: отдающий и принимающий; тот, кто видит пас и делает его, и тот, кто получает пас и завершает атаку.

> ИГРА АНДРЕСА НАПОМИНАЕТ МНЕ И О ДРУГИХ СЛОВАХ КРОЙФФА, СКАЗАВШЕГО КАК-ТО, ЧТО В ФУТБОЛ ИГРАЮТ НЕ НОГАМИ, А ГОЛОВОЙ, МОЗГОМ.

Эти двое должны говорить на одном языке. Умный футболист сам по себе не способен на это, ему нужен умный партнер по команде. Но если спросить у них, как им это удалось сделать, они

не будут знать, что вам ответить. Научить можно многим вещам, почти что всем, но этому… либо у тебя есть дар, либо нет. И еще кое-что: порой есть футболисты, умно действующие на поле, но далеко не умно ведущие себя в жизни, и наоборот. Один тип интеллекта не имеет ничего общего с другим».

Иньеста и Лаудруп много раз общались друг с другом на тему гения и важности интуиции. Датчанин вспоминает: «Андрес говорил мне: «Чем больше я думаю, тем больше шансов на то, что я приму неверное решение». Я понимаю его, потому что сам считал так. Как-то раз в матче с «Альбасете» я подхватил мяч и сделал проникающий пас мимо трех защитников на Ромарио, который не сумел завершить атаку голом.

После этого ко мне подошел один из игроков «Альбасете» и спросил: «Ты правда хотел сделать то, что сделал? Скажи честно». Я стоял на поле и смотрел на него, не понимая, что же должен ответить ему. А самое смешное, что игра-то продолжилась, а он все не успокаивался и продолжал спрашивать меня, пока я, наконец, ему не ответил: «Ну разумеется, я хотел сделать пас туда, что мне еще сказать тебе? Если я начну объяснять, как я это сделал, у меня ничего не получится». То же самое касается Андреса и других игроков, обладающих этим особенным талантом.

Мы говорим об Иньесте, выигравшем все на свете, но так он играл еще в 10-летнем возрасте. Теперь он больше играет как центральный полузащитник, он играет в другой манере. В его игре остались некоторые прежние черты, но другие поменялись. Для меня большой повод для гордости в том, что такой игрок, как он, добрался до вершин, начав с таких низов.

И когда я вижу, как он перекидывает мяч с одной ноги на другую, это напоминает мне меня самого. Это такая редкость, что сразу бросается в глаза. Есть и другой финт, ставший теперь более распространенным: посмотреть в одном направлении, а мяч отдать в другом. Я помню, когда первый раз сделал это, люди стали спрашивать: «Что ты делаешь?» А я отвечал: «Обманываю соперника». Этот трюк работает в футболе и в жизни. Ты импровизируешь. О таком не пишут в книгах. Нет никакого рецепта по предупреждению футболистов о том, что их соперник сейчас отпасует совсем в другую сторону, а не туда, куда смотрит. Как всегда говорил Йохан Кройфф: «Самыми сложными оказываются простые вещи. Пас первым касанием – самый легкий вариант, но нужно делать его на высокой скорости, что сильно осложняет исполнение».

Игра Андреса напоминает мне и о других словах Кройффа, сказавшего как-то, что в футбол играют не ногами, а головой,

мозгом. Да, игроки с отвагой и крепкими ногами тоже нужны, но выше всех в этой игре забираются те, кто способен думать. «Физика» важна, но не так, как касания. Сорок лет назад Иньесте, Месси, Гвардиоле, Амору и Милье было бы трудно играть в силу не очень развитой «физики», но сегодня все иначе. Некоторые тренеры говорят: «Какая польза от игрока, отбирающего мяч 40 раз, если при этом он делает 41 неточный пас?»

Помню, что в день финала [чемпионата мира] я был с «Мальоркой» в Швеции, у нас там была предсезонная подготовка. Командный автобус ехал не больше 90 километров в час, и все игроки следили за ходом матча на компьютерах и iPad'ах. Я спросил у водителя, не может ли он слегка поднажать на педаль, но он категорически отказался. Мы добрались до отеля, когда в матче уже наступил перерыв, так что нам удалось нормально досмотреть игру, и гол мы все увидели в прямом эфире. Андрес делает шаг назад, перед тем как получить пас. Любой другой игрок последовал бы своему инстинкту и пошел бы «в атаку» на пространство, чтобы не опоздать к передаче и не дать сопернику отобрать мяч, особенно при условии, что голкипер решил выйти со своей линии, а защитники пытаются накрыть удар. Но Андрес сделал шаг назад, отступив в сторону от ворот.

Казалось, что мяч никогда не прилетит к нему раньше, чем успеют подоспеть защитники. Более того, голкипер тоже начал выходить со своей линии. Нормальным поведением в такой ситуации было бы поддаться неимоверному искушению атаковать свободное пространство и добиться того, чтобы оказаться там первым; нормально было бы не медлить более ни секунды. Но Андрес ждал, пока мяч проследует по всей своей траектории до конца.

Мяч, казалось, завис в воздухе, а исход финала Чемпионата мира теперь зависел от решения Андреса. Проблемы появляются тогда, когда ты начинаешь думать, хотя лучше было бы сымпровизировать. Арьен Роббен, к примеру, слишком долго думал, набегая с мячом на Касильяса. В его голове, наверное, пронеслось два-три приказа: «Бей вправо», или «Бей влево», или «Бей прямо по центру». Когда оказываешься в такой ситуации – все, тебе крышка. Вариантов слишком много. Иньеста, впрочем, сумел принять верное решение. Прямо там, в том зависшем мяче, и крылась победа».

XXI. Сине-гранатовый

Подойди ближе, хочу, чтобы ты был рядом.

Лионель Месси

Он говорит медленно, никуда не торопясь. Словно разговору о своем друге Андресе он может уделить все время мира. Тренировка закончилась, и перед нами Лео Месси появляется свежим после душа и расслабленным. «Я слышал от разных людей об Андресе буквально с того самого момента, когда впервые прибыл в Барселону. В «Ла Масии» я его не встречал. Я ходил туда обедать, но наши с ним пути редко пересекались, потому что в то время я готовился к своим экзаменам для аттестата *Bachillerato*. У нас было три года разницы в возрасте. Потом я стал чаще видеть его на тренировках, нежели чем в матчах. Но он всегда был таким же, и как человек, и как игрок», – говорит он.

Есть в Андресе кое-что особенное, что восхищает Месси, кое-что такое, что делает Иньесту человеком без возраста. «Я всегда представляю его с мячом в ногах. Таким я привык его видеть. Он все делает легко и просто, и у него здорово получается. Временами может показаться, что он словно ничего не делает, но на самом деле он делает все. С Андресом все получается иначе. Самое сложное в футболе – это сделать так, чтобы со стороны все выглядело легким, не требующим усилий, и игра Андреса именно такая.

Он чаще контактирует с мячом, чем я; он тот, кто начинает комбинации, кто дает начало атакам. Я знаю, как сложно делать то, что делает он. Его игра отличается от игры всех остальных, ее стиль не менялся с тех пор, как он был очень маленьким, пусть даже со временем он явно стал лучше, поработав с разными тренерами. Наверно, можно сказать, что у нас обоих есть что-то уличное в манере игры.

Когда ты мальчишка, играющий на улицах, ты обучаешься каким-то вещам, которые оказываются очень полезными в будущем. Ты привыкаешь играть со старшими ребятами и учишься не менять свою игру из-за разницы в возрасте; ты играешь по-своему. Андрес и я похожи в том, что мы оба очень много маневрируем своими телами, чтобы избегать соперников. Но в нем есть нечто такое, что всегда поражает меня: обязательно наступают моменты, когда думаешь, что вот-вот сможешь

поймать его, когда думаешь, что сейчас отнимешь у него мяч, а на самом деле не можешь. Он не то чтобы очень быстр, но он обладает способностью держать тебя на расстоянии, и эта способность напрямую связана с его техникой.

Еще сильнее мы схожи в том, что не любим много разговаривать. Он сидит в одном углу, я в другом. Но мы пересекаемся, мы связаны; одним взглядом мы понимаем друг друга. Большего нам и не нужно. На поле мне нравится видеть его рядом с собой, особенно когда игра начинает складываться неудачно, когда все дается нам с трудом. В такие моменты я ему говорю: «Подойди ближе, хочу, чтобы ты был рядом». Он берет на себя ответственность и контроль над игрой; он ведет за собой команду. В финалах Андрес, Хави, Бускетс и я всегда старались играть плотнее, ближе друг к другу, чтобы обеспечить команде численное преимущество и контроль над мячом и игрой. Вместе мы пережили очень счастливые моменты, особенно мне запомнились наши эмоциональные объятия на «Бернабеу» после гола. Это был замечательный жест с его стороны».

Месси говорит о моменте, когда Иньеста забил третий гол, после которого «Барселона» довела счет до 3: 0 в поединке с «Мадридом» на 54-й минуте матча, состоявшегося в начале сезона 2015/16. Когда мяч влетел в сетку, он развернулся и побежал в сторону скамейки запасных, чтобы обнять Месси, начинавшего матч в запасе по причине травмы. Теперь они оба капитаны клуба. «Это приятно, особенно после стольких лет взросления вместе, – говорит Месси. – Мы очень хорошо друг друга понимаем; нам не нужно кричать, мы и так знаем, что к чему. Когда Андрес заговаривает, он делает это для того, чтобы отколоть шутку или сказать что-нибудь очень важное в конкретный момент времени. И ты его слушаешь. Мы научились очень доверять друг другу, за годы совместной работы мы приобрели уверенность друг в друге, и мы общаемся теперь чаще, чем раньше, мы стали более расслабленными. Восхищаться его человеческими качествами очень легко – он скромный человек, несмотря на то, что совершенно волшебный футболист. Все, что он делает с мячом, – просто невероятно, и со стороны кажется, что ему сделать такое раз плюнуть. У него все получается естественно».

Замедленный повтор.

Неймар

«Я с молодости мечтал оказаться в «Барселоне», чтобы играть в одной команде с Месси, Хави и Иньестой, – говорит Неймар. – Я смотрел за их игрой и думал про себя: «Однажды я буду там, на

поле, вместе с ними».

Неймар обожает говорить об Иньесте. «Ну конечно же! – говорит он. – Он феномен, гений, *craque*, как говорят у нас в Бразилии. Суперзвезда. Футбол должен сказать «спасибо» за то, что он у него есть; нам повезло, что он захотел играть в эту игру». Неймар – дитя пляжа, тогда как на Месси и Иньесту больше влияния оказали улицы и детские площадки родных мест, а потом и «Ла Масия». Однако кое-что их объединяет. «Я был счастлив, что у меня был мяч и импровизированные ворота, – говорит Неймар. – Ничего больше мне не было нужно».

«Когда мяч прилетает к ногам Иньесты, я чувствую себя спокойно, – признается он. – Думаю, что мы все разделяем эти чувства, это ощущение безопасности. Иногда друзья из Бразилии звонят мне и говорят: «У этого чувака, наверное, лед в жилах! Он никогда не нервничает. Ней, хватай шприц и воткни ему в руку, чтобы узнать наверняка». Он никогда не выглядит ошеломленным или испуганным давлением. У него всегда есть верное решение, плюс техника, чтобы добиться того, чтобы мяч приходил к нему в ноги удобно.

Он всегда направляет меня; подсказывает, что я должен делать, помогает принимать правильные решения», – говорит Неймар.

Бразилец во многом повторяет то же, что говорил Месси: «Когда игра становится трудной, я говорю ему: «Андрес, подойди, пожалуйста, поближе. Еще, еще… ближе… так близко, как можешь». То, как он играет, какое счастье излучает, как выражает себя посредством игры, его талант – все это делает его похожим на бразильского игрока. Футболиста старой закалки, какие были раньше среди лучших из лучших.

Ты смотришь на его игру, и она кажется тебе легкой. То, как он обыгрывает соперников, как ведет мяч… кажется, что все происходит в замедленном повторе. Со стороны выглядит медленно, но на самом деле все происходит очень быстро. Быстро, но при этом медленно… в этом вообще есть смысл? Футбол в замедленном времени, но очень быстрый, в этом весь Андрес. Он любит играть прямо на боковой линии; некоторые футболисты начинают нервничать, когда оказываются там, где нет пространства, они начинают суетиться и совершать ошибки. Но не Андрес. Он бежит в сторону фланга, мяч уже выходит из игры, а он тут как тут, довольный, как всегда, обыгрывает соперников с такой легкостью и естественностью, что ты смотришь на это с открытым ртом».

Андрес-игрок впечатляющ; Андрес-человек тоже способен впечатлить, особенно теперь, когда он стал капитаном. «Ты

чувствуешь его присутствие тогда, когда нуждаешься в нем. Ему не нужно делать что-то такое, что делают другие, чтобы привлечь к себе внимание. Мне было непросто делить раздевалку с игроками, которыми я восхищался. Когда я оказался в одной раздевалке с ним, я почувствовал себя героем видеоигры. Но Андрес очень помогал мне с тех пор, как я появился в клубе. Я восхищаюсь им как игроком и как человеком».

Однажды он сказал мне: «Что происходит? До тебя не доходит ни одна из моих передач».

Луис Суарес

Луис Суарес хотел играть за «Барселону» так же сильно, как и Неймар. Как только он узнал, что Луис Энрике заинтересован в его переходе, он попросил своего агента Пере Гвардиолу прекратить любые переговоры с другими клубами и дал ему указание общаться только с «Барселоной». Компания Пере Гвардиолы Mediabase также присматривает и за Андресом, что сыграло свою роль в том, что два игрока поладили еще в тот момент, когда их клубами были столь далекие друг от друга команды, как «Ливерпуль» и «Барселона». У них было много общего, пусть они даже не были знакомы.

«Я до сих пор помню, как сильно были удивлены мои партнеры [по сборной Уругвая], когда я праздновал гол Иньесты в финале чемпионата мира, – говорит Суарес. – Я так громко кричал, что они стали спрашивать, в чем дело. Я сказал им, что моя дочь родится в Испании». Супруга Суареса София была в тот момент на восьмом месяце беременности и находилась в доме своих родителей в Кастельдефельсе, неподалеку от Барселоны.

Луис связался с Жоэлем, который присматривает за игроками, чьи интересы представляет Mediabase, и попросил у него номер телефона Андреса, чтобы отправить ему сообщение с поздравлениями. «Мы обменялись сообщениями. Мы никогда с ним не встречались лично, но те сообщения заложили основу доверительных отношений. Моя жена спрашивала у меня, как вышло так, что я столь внимательно следил за его карьерой, хотя мы с ним даже не были знакомы. Мы не встречались с ним вплоть до товарищеского матча между сборными Испании и Уругвая в Катаре. С того момента мы стали еще ближе и общались вплоть до того момента, как я перешел в «Барселону».

Андрес стал первым человеком, с которым Луис поговорил по приезде в Барселону. «Он даже сказал мне, чтобы я выбрал шкафчик рядом с его шкафчиком в раздевалке; он первым связался со мной, первым успокоил. Он сильно похож на меня во

многих отношениях: мы оба с ним семейные люди, и наше сходство, к счастью, позволило нам быстро поладить. Я никогда не забуду сообщения со словами поддержки, которое он отправил, когда меня обвинили в расизме во времена моей игры за «Ливерпуль». Меня удивило, что он потратил свое время на то, чтобы его отправить. Один из самых важных людей в футболе вышел со мной на связь: это сообщение значило для меня гораздо больше, чем похвала, которую получаешь за забитый гол».

Когда Суарес пришел на свою первую тренировку в «Барселоне», на поле активно шла игра в *rondos*: игроки стояли в двух группах, в центре каждой из которых бегал игрок, пытавшийся перехватить мяч, пока остальные пасовали его друг другу одним касанием. Андрес спросил у него, к какой из двух групп он хочет присоединиться: к испанской группе или группе иностранцев? Или, если быть точнее, к веселой группе или к другой? «Я выбрал его группу, веселую. Он принял меня с распростертыми объятиями. Он приглядывал за мной по ходу всей той тренировки. Прослеживаются некоторые параллели между ним и Стивеном Джеррардом в «Ливерпуле»: они оба очень важные фигуры в футболе, настоящие примеры для подражания, люди со своими четкими представлениями о футболе и жизни в целом, у таких надо учиться. Андресом можно только восхищаться, я всегда буду ему благодарен».

Время свело их вместе; Суарес обнаружил, что под маской серьезной личности в Андресе скрывается шутник. «Нужно какое-то время, чтобы узнать его, чтобы он узнал тебя. Бывает очень нелегко добиться слаженности действий на поле, особенно когда речь идет о полузащитнике, любящем играть в короткие передачи, как он, и о форварде, ищущем забросы за спины защитникам, как это делаю я, стараясь чуть сильнее растянуть игру впереди. Нужно дать какое-то время на то, чтобы это взаимопонимание появилось. Однажды он сказал мне: «Что происходит? До тебя не доходит ни один мой пас. Я не могу сделать для тебя больше! Что ты хочешь, чтобы я еще сделал?!» Я просто застыл. Я не знал, что ему ответить. А потом он как выпалит: «Да я шучу!» Я совсем не ожидал этого; его чувство юмора очень специфическое, он шутит сухо, и тебе может потребоваться время, чтобы привыкнуть; не всегда понимаешь, что он шутит.

Помню, что как-то раз я отправил ему какую-то шутку по смс, но в итоге стал переживать, потому что он не ответил. Я подумал, что, быть может, чем-то расстроил его. Он долго не отвечал мне. Бывают такие моменты, когда все сидят обедают, а Андрес вкинет какую-нибудь свою шутку в общий разговор, а потом продолжит

есть, как будто не сказал ни слова. В *rondo* он ведет себя точно так же: если он сделает тебе плохой пас, после которого мяч невозможно укротить, что бывает нечасто, он даже на тебя не посмотрит. Дело ведь точно не в его пасе, ну да, конечно».

Суаресу проще разгадать Иньесту на поле, чем за его пределами. «Он выражает себя через мяч. Ты думаешь, что сможешь отобрать его у него, но никогда не получается; ты смотришь и видишь, как в последнюю секунду он убирает его у тебя из-под носа. Он тебя уделал, снова. Неважно, сбоку ты на него пойдешь или сзади. Можешь подкрасться к Андресу очень тихо, думая, что сейчас украдешь у него мяч, но он всегда ускользает: внезапно он резко уходит в другом направлении, совсем не туда, куда ты ожидал. И ты остаешься ловить его тень. Когда он получает мяч, я оставляю его с ним один на один. Я сразу убираюсь оттуда.

И он все делает так легко, не прилагая усилий, что во всех его действиях видится естественность. Для меня честь играть с Лео и Андресом, у них много общего. Для меня это сбывшаяся мечта. Я по-настоящему наслаждаюсь этим опытом.

Отчасти я вижу в Андресе некоторые свои черты, особенно в плане усилий, которые мы предприняли, чтобы добиться успеха. Ни одному из нас не было легко и просто. Нам пришлось упорно и настойчиво добиваться цели, и обоим пришлось полагаться на свои семьи. Вдобавок он замечательный отец. За пределами поля я гораздо тише и спокойнее, чем считают люди: временами я могу выглядеть как сумасшедший, но вне игры я совершенно другой человек. Куда более спокойный. Андрес очень хорошо относился ко мне, и я очень ценю это».

> *Андрес и я знаем, что не подведем друг друга. Таков наш кодекс.*
>
> *Серхио Бускетс*

Серьезные по характеру, любящие домашнюю жизнь сыновья матерей, привыкших к долгим разлукам и самопожертвованию. Такие они, капитаны «Барселоны». Иньесту и Серхио Бускетса объединяет очень многое. «Мы оба пережили похожий опыт, – говорит Бускетс. – В том, как наши родители проживали с нами наши карьеры, есть определенное сходство. Мы из тех футболистов, кто не чувствует давления или страха под прессингом, будь то прессинг на поле или за его пределами; ни один из нас не рад своей знаменитости и ни один не отвернется от своих семей или той простоты жизни, к которой мы привыкли за пределами футбола. Мы восхищаемся друг другом и

пониманием друг друга с одного взгляда. Мы неразговорчивые, нам не надо громко кричать, мы редко вообще открываем рты, просто наблюдаем в тишине. Может, это очень по-барселонски: мы чуть тише, чуть консервативнее, чуть застенчивее даже. Нам неинтересно устраивать сцены; мы предпочитаем просто делать работу. Андрес и я знаем, что не подведем друг друга. Таков наш кодекс. Такого соучастия всех в жизни команды достичь очень непросто. Это зависит от стиля игры, но также и от характера личности.

Нужно уметь бороться, уметь ждать, учиться оставаться сильным, много работать и терпеливо ждать шанса достичь вершины. Потом, чтобы на ней удержаться, нужна высокая концентрация, фокусировка внимания, вы должны избегать отвлекаться на посторонние вещи, а также всегда ставить коллективные цели выше своих собственных. Не создавайте проблемы. Однажды, когда мы с ним были со сборной Испании в Альмерии, мы случайно пересеклись в столовой. Тренер дал нам выходной, но мы оба решили остаться в отеле и никуда не идти. Мы решили, что лучше будет восстановить силы, хорошо поесть и отдыхать как можно больше. Мы приехали туда не в отпуск; у нас было всего несколько часов свободного времени для того, чтобы ненадолго отвлечься и забыть, что мы футболисты. Если я не играю, я предпочитаю сиесту, стараюсь отключиться на время, – говорит Бускетс. – Нужно быть психологически очень крепким, нужно быть перфекционистом и стараться улучшить то, что у тебя получается плохо. Конечно, делать все это в клубе, который кажется тебе *твоим* клубом, сложнее вдвойне. Высока вероятность, что ты будешь тащить свои проблемы домой. Андрес и я всегда стараемся сохранять позитивный настрой».

> ОН ЗАСТАВЛЯЕТ ТЕБЯ ВЫКЛАДЫВАТЬСЯ ПО ПОЛНОЙ: СТОП, СТАРТ, ПОВОРОТ, ВСЕГДА НАЧЕКУ. ОН ДОПОЛНЯЕТ ТВОЮ ПОДГОТОВКУ: ЕСЛИ ИГРАЕШЬ ПРОТИВ НЕГО НА ТРЕНИРОВКЕ, БУДЕШЬ БОЛЕЕ ЧЕМ ГОТОВ К МАТЧУ.

Пример: «В прошлом сезоне [в феврале 2015-го на «Этихаде»], когда мы обыграли «Сити» 2: 1, мы вернулись в раздевалки расстроенными, потому что Месси не забил пенальти в самой концовке, а этот гол мог решить исход противостояния. Все смотрели в пол, как будто мы проиграли. Но такой настрой нужно было изменить, нужно было поменять отношение к делу и атмосферу в раздевалке. Это тоже часть существования чемпионской команды».

Серхио и Андрес обсуждают не только «Барселону»; другие

команды тоже. Даже другие виды спорта. И, что еще важнее, жизнь за пределами спорта. «Когда мы видимся не в клубе, мы никогда не говорим о футболе. А когда мы «на службе», нам о нем говорить и не нужно; мы знаем, что от нас требуется».

Когда Андрес страдает, Бускетсу тоже не по себе. «Когда он травмирован, он другой человек. Он мучается, если не может помочь команде; ему тяжело это дается. И в такие моменты ты к нему ближе всего».

Он – молчаливый убийца.

Дани Алвес

Более непохожего на Иньесту человека, чем Дани Алвес, еще поискать… но бразильцу-экстраверту это даже нравится. «Мы разные как день и ночь, но хорошая помесь разных ингредиентов идет на пользу всей команде. Состав должен быть сбалансированным. Безумец тоже нужен. «Барселона» образовывает своих игроков, но я не джентльмен; я атлет, привыкший соревноваться», – говорит Дани.

«Сказать что-то плохое об Андресе просто невозможно. Он каждый день учит тебя новому и делает это скромно. Я очень сильно его уважаю. Может, люди не ценят его так, как следует, не понимают, насколько он важен, потому что видят Андреса в команде уже много лет, следили за развитием его карьеры с самого начала, но в день, когда он завершит карьеру, люди осознают, что Иньеста – один из величайших. Мы не смакуем его игру так, как она того заслуживает, поскольку уверены, что следующий его матч будет таким же блестящим».

Для Алвеса нет большего удовольствия, чем противостоять Андресу на тренировках, потому что, на его взгляд, это лучший способ подготовиться к матчу. «Он заставляет тебя выкладываться по полной: стоп, старт, поворот, всегда начеку. Он дополняет твою подготовку: если играешь против него на тренировке, будешь более чем готов к матчу», – говорит он.

«Опекать Андреса очень сложно, в этом плане он один из самых непростых соперников. Я могу посоревноваться в скорости, если приходится, когда против меня играет по-настоящему быстрый вингер. Но Андрес может обвести даже самого быстрого защитника. Он техничен, ловок и умеет великолепно менять направление атаки. У него как будто есть зеркало заднего вида: он всегда знает, откуда ты прибежишь прессинговать и как этого можно избежать. Даже если на цыпочках подкрадешься к нему сзади, он будет знать, что ты там. Иньеста заметит тебя, а прежде чем ты успеешь что-нибудь сделать, он уже улетит в другом

направлении.

Некоторыми своими движениями он напоминает мне Тьерри Анри. Он смотрел на меня и атаковал, как только видел, что я расслабился. Андрес такой же. Они всегда уходят от меня, переводя мяч на другую ногу, а затем следует быстрое переключение скорости и феноменальное ускорение».

По мнению Алвеса, Иньеста – живой прототип игрока «Барселоны». «Недостаточно просто уметь хорошо обращаться с мячом, иметь талант, нужно также понимать игру. И это отличает Андреса и «Барселону» ото всех остальных. Ты знаешь, что, когда у тебя проблема, ты можешь отдать мяч Андресу, и он найдет решение; то же касается Лео. Его роль скорее *interior*, а не крайний полузащитник в привычном понимании, который много бегает за крайним защитником и от него, но он может играть на любой позиции, кроме вратарской. Он молчаливый убийца; когда он бьет по твоим воротам, будь уверен, мяч влетит в сетку. А еще эти его обводки у лицевой или боковой линии, разгадать которые невозможно. Кажется, что он убегает с поля, хотя на самом деле уходит от опекуна. В этом весь кудесник Андресиньо.

Андрес и капитан отличный; ему не надо ни на кого орать, чтобы заслужить уважение. Я глух к тем, кто кричит и орет. Он как раз полная их противоположность. Он тихий, но это не значит, что он будет мириться и принимать все как есть. Андрес все понимает и относится к жизни и футболу по-своему, вокруг него все течет гладко и спокойно. Когда он злится, он тоже тих, но эмоции различить можно легко: он говорит чуть быстрее, а голос начинает резонировать сильнее».

> *Он обладает способностью двигаться даже на самом крошечном пространстве… как будто играет на одной-единственной клетке доски.*
>
> *Хавьер Маскерано*

«Я помню, как играл против Андреса на чемпионате мира U-20. Поскольку он играл прямо под нападающими, а я исполнял роль опорного хавбека, мы с ним в тот день очень часто пересекались на поле. И уже тогда, хотя все мы были еще очень юными, Андрес выделялся среди всех. Он был игроком, делавшим разницу в счете.

Иньеста отличается от остальных: он атакующий полузащитник, который может начинать и развивать комбинации, прорываться сквозь защиту соперника, нарушать баланс игры и помогать в обороне. Трудно найти другого такого игрока, как он. Есть масса футболистов, играющих на той же позиции, что и он,

но ни один из них с ним не сравнится».

Маскерано считает, что у Иньесты есть дар. «Когда я пришел в «Барселону», в свой первый сезон я много разговаривал об этом с Гвардиолой. Я обсуждал с ним способность Андреса обманывать соперника одним движением тела. Он ведет мяч по одной стороне, спокойно, с поднятой головой, а ты даже не предполагаешь, что тебя ждет. Он не обыгрывает тебя за счет финтов с мячом; он делает это за счет маневрирования телом. Он может двигаться по прямой, но благодаря тому, как он это делает, Иньеста убирает тебя со своего пути. Мячу даже и не надо менять направление при этом. Это нечто особенное.

На все, что он делает, так приятно смотреть, в этом столько эстетики, что его выступление всегда зажигает игру. Все, что делает, Андрес выглядит великолепно. Каждая техническая деталь. Очень мало игроков способны доставить тебе такое же удовольствие своей игрой. Быть может, Зидан, хотя его элегантность была другого рода. Как-то раз я услышал от Хави: «Я бы очень хотел иметь эту черту Андреса, это умение резко изменить скорость при игре один в один. Когда мяч у меня, я могу развернуться и укрыть его от соперников, чтобы не потерять его, но Андрес способен убивать своими ускорениями в разные стороны». Андрес гипнотизирует тебя, заманивает, привлекая тебя мячом, а потом стоит тебе только подойти ближе, ты вдруг теряешь его из виду. Как защитнику мне приходится тяжко в такие моменты. Он выглядит медленным, но это не так. Он кажется слабым, но и это далеко не так. В Аргентине был один игрок, похожий на него: Рикардо Бочини. Он был, конечно, на другом уровне в сравнении с Андресом, но по стилю они были похожи. Физически он казался слабым, но лишить его мяча было невозможно. Андрес тоже держит мяч в ногах так, как будто он приклеен; между ним и мячом никогда не бывает больше десяти сантиметров расстояния, мяч никогда его не покидает. Он как Лео в этом смысле. Кажется, что у них двоих мяч – это продолжение тела».

Игроки не могут не отмечать то качество Андреса, о котором уже упоминалось. «Андрес играет в середине поля, где у тебя всегда мало пространства, а вокруг много соперников, – говорит Маскерано. – Но что более важно, – его умение обращаться с мячом раскрывается еще сильнее у бровки или лицевой линии. Огромное количество эпизодов с его участием случалось, когда между соперниками и линией поля, на которой стоял Андрес, не было вообще никакого пространства, но он все равно умудрялся находить выход из ситуации. Не знаю, как у него это получается, но получается. Он обладает способностью двигаться даже в самом

крошечном пространстве, на квадрате в двадцать сантиметров на двадцать – как будто на одной клетке играет, как мы говорим обычно. Ты видишь, как он это делает, а сам думаешь: «Как он оттуда выбрался?!»

Проблема в том, что, каждый день тренируясь с Андресом, ты начинаешь привыкать к таким вещам и начинаешь считать их чем-то обыденным; перестаешь ценить их так высоко, как следовало бы. Когда ты каждый день, каждый момент времени разделяешь с ним, ты не осознаешь, кто он на самом деле, как он важен. Это как в жизни; быстро привыкаешь к хорошему. Но потом видишь других игроков и думаешь: «Сделай мне такой пас, какой сделал бы Андрес, ну пожалуйста». Но они не такие, как он. В этом и проблема игры в «Барселоне»: в окружении таких игроков. Когда я перейду в другой клуб, я знаю, мне придется помучиться, потому что там уровень будет совершенно другим; я никогда не буду получать там такие же классные передачи, какие получаю здесь. А когда пасовать буду я сам, мои партнеры не будут обрабатывать мяч так, как это делают одноклубники по «Барсе». Здесь мяч ходит на нужной скорости и встречается с тобой в нужном месте в нужное время. Чуть дальше вперед или на пару шагов назад, и разница тут же почувствуется; это обуславливает все остальное. Наверное, среднестатистический болельщик этого не замечает, но мы-то замечаем. Мы замечаем, как игрок доставляет мяч партнеру, помогает ли он ему или доставляет проблемы. Это имеет значение, особенно на элитном уровне игры.

Я такой человек: с самого начала я всегда открыт. А Андрес ярый футбольный фанат, он любит эту игру, так же как и я. Так что, когда ты разделяешь с другим человеком нечто подобное, когда видишь это в нем, тебе становится гораздо легче поладить с ним. Мы говорим о футболе, хотя не только о нем. Мы одного возраста, мы пережили много похожих опытов, преодолевали одинаковые трудности, чтобы оказаться там, где оказались сейчас. Люди помнят последние 7–8 лет карьеры Андреса, но их признание ему пришлось зарабатывать очень тяжким трудом. Мне самому пришлось сражаться и прокладывать себе путь в «Барселону». Это было долгое путешествие, как и в его случае, пускай он даже всегда играл здесь. Было бы легко сдаться и не продолжать борьбу. Но футбол его выбрал; у него есть нечто особенное. Не просто талант, техника или знание тактики, а еще темперамент. Футбол – игра для головы, а не только для ног. Чтобы столько лет выступать за клуб такого уровня, нужно быть очень крепким в психологическом плане, гораздо крепче, чем думают люди.

Помимо всех выигранных титулов, помимо того факта, что он забил самый важный гол в истории своей страны, помимо всего этого, Андреса лучше всего характеризует то, что все это время он крепко стоял на ногах. Он никогда не менялся. Если ты можешь со всем этим совладать, да еще так легко и непринужденно, как он, то ты становишься великим. Любой другой игрок на его месте мог упустить такую возможность или возгордиться сверх меры, ведь все мы люди с эго, со слабостями, тщеславные и амбициозные. Но он каким-то образом сумел этого избежать, продолжив гнуть ту же линию, что и всегда. В трудные времена и в хорошие, он оставался тем же самым Андресом. Его пример похвален и достоин подражания. Мы должны искать людей, которые будут стремиться быть на него похожими».

Маскерано и Иньеста – словно порождения флэшбека, игроки из прошлого. «Да, это так, – соглашается аргентинец. – У нас нет тату, мы не носим сережек, ничего такого. Я не говорю, что это все плохо. Кто я такой, чтобы указывать людям, как им следует одеваться или выглядеть?! Но правда в том, что порой я ощущаю – мы с Андресом из другого века. Мы любим футбол, любим то, чем занимаемся, и на этом все. Мы бы предпочли уйти от всего того, что связано с футболом, и просто играть. С каждым разом, когда мы обсуждаем футбол, мы с Иньестой находим все больше точек соприкосновения друг с другом.

Подлинное лидерство определяют не слова, а мяч. Статус лидера зарабатывается на поле. Там твои партнеры по команде начинают уважать тебя. Если ты ничего не способен предложить команде на поле, то как бы много ты ни болтал, как бы много ни скандалил и ни жестикулировал, ты не сможешь заработать уважение. Андрес – лидер. Он как Лео. Они заработали свое уважение.

На поле мы разговариваем больше, чем кажется людям, – утверждает Маскерано. – Он один из тех игроков, с кем я чаще всего общаюсь на поле; мы зависим друг от друга, от передач, которыми обмениваемся. Когда мяч у меня, мне нужен выход из ситуации, кто-то открытый, кому я могу отдать пас, и Андрес всегда предлагает мне такой вариант».

Маскерано не был студентом «Ла Масии», как Иньеста, но за годы игры за клуб стал убежденным сторонником и защитником футбольной философии «Барселоны», ее верным адептом. Все началось с долгих разговоров с Гвардиолой. «Андрес был одной из слабостей Пепа, он любит его как игрока. Он говорил мне раньше, что дело тут не только в таланте; он любит игроков, играющих со страстью, очень любящих футбол. Ему не нравятся те, кто просто эксплуатирует свою профессию, он ценит тех, кто

всего себя отдает ей. Гвардиола – футбольный романтик. Он любит элемент любительской игры в футболе, его подлинный дух, его привлекает именно это, а не то, как устроена современная игра. Он так высоко отзывался об Андресе потому, что тот всегда был готов делать то, что от него просит игра. Он выходил на поле не чтобы рисоваться, сверкать, позировать или продвигать свой бренд; он выходил, чтобы играть. Пеп всегда говорил, что Хави и Иньеста – замечательные примеры для подражания как раз по этой причине».

Он знает, что важен для раздевалки, а это дает определенную власть.

Жерар Пике

«Андрес не такой, как все остальные, – говорит Жерар Пике. – Если судить о его игре по статистике, следуя только логике *Moneyball,* то никто не захочет видеть его в своей команде, ведь он забивает редко и не так часто ассистирует для человека, играющего на атакующей позиции. Но можете ли вы представить себе «Барселону» без него?

В зависимости от того, играет он или нет, игра команды значительным образом меняется; то, как мы начинаем играть в его отсутствие, как доставляем мяч из обороны в атаку, – все это сильно отличается от тех матчей, когда он в строю. Когда он на поле, игра течет плавно и легко; когда видишь это, начинаешь осознавать, что он незаменим, так важен, что «Барселона» не способна играть без него здорово. Статистика вещь холодная, обезличенная, лишенная понимания игры и не способная к человеческому сопереживанию; она не отражает того, что значит для нас Андрес. Дело тут не в цифрах и показателях; он излучает эмоции, которые невозможно измерить или подсчитать количественно. То есть игра, футбол, те эмоции, которые дарит тебе Андрес.

Мы всегда замечательно ладили с ним. Очевидно, что мы кардинально разные, но абсолютно точно совместимы друг с другом. Пуйоль тоже был интровертом, как и Андрес, а мы с ним как братья. Нужно уметь находить баланс, и в «Барселоне» у нас это получалось. У нас великолепный коллектив, мы очень здорово ладим, и я думаю, это видно на поле. С Андресом у нас всегда была особая химия. Мои отношения с ним не изменились с тех пор, как он стал капитаном. Он всегда был игроком, имевшим колоссальное влияние на команду, и он справляется с капитанской долей естественно и легко, как делал это всегда и во всем. Андрес не пытается требовать от нас больше того, что

раньше. Если игроки выбрали его капитаном по итогам голосования, значит, мы что-то увидели в нем, и нам это понравилось, мы хотели, чтобы он оставался таким же человеком и дальше. Впрочем, одно могу сказать наверняка: он подтянул свои навыки общения с прессой. Теперь он комфортнее ощущает себя перед микрофонами, ему есть что сказать».

А если бы Иньеста не стал футболистом? «Он был бы никому не известен, – говорит Пике. – Может, был бы владельцем киоска с печатью или работал бы в пекарне. Он очень скромный парень из маленького городка, хотя своим поведением и отличается от каталонской версии деревенских парней – они больше похожи на Пуйоля, сильные, впечатляющие персонажи, гораздо больше способные послать тебя к такой-то матери, чем он. Нет, Андрес совсем не такой. Но это одно из его самых больших достоинств. Он счастлив просто одним присутствием рядом жены и детей; если бы он не был футболистом, вы бы даже не обратили на него внимания. Со временем, думаю, Андрес стал лучше осознавать, кто он такой и что из себя представляет, думаю, что он уже не такой наивный, каким был, придя в первую команду. Он знает, что очень важен в раздевалке команды, а это дает определенную власть. Вопрос в том, как ты эту власть используешь. Андрес творит с ее помощью добра.

Что больше всего выделяет его, на мой взгляд, так это то, как он стартует с места – это его первое движение с мячом; его резкое ускорение почти из стоячего положения, внезапная смена скоростей, – говорит Пике. – Эти первые десять метров просто невероятны. Когда он двигается, кажется, что защитники рядом очень медленные. На самом деле это не так, но со стороны кажется именно это. За годы и множество матчей я не раз видел, как он шел в обводку на очень и очень быстрых защитников, но ни один из них не успевал должным образом отреагировать, чтобы предотвратить эту огромную волну. Есть что-то волшебное, магическое в том, как он резко и внезапно от тебя уходит; я не думаю, что видел кого-то другого, проделывающего нечто подобное. Секунду назад он стоял там или бежал легкой трусцой, как вдруг… *фух!* – нет его. Есть другие игроки, великолепные вингеры, одни из лучших: они умеют финтить, умеют исполнить четыре переступания, но на самом деле они стоят на месте и никуда не продвигаются; они не покидают места, на котором начали свои финты. Андрес – их полная противоположность: одно касание или вообще без касания: и все, он убежал, а ты выглядишь глупо. Он очень прост, но остановить его нереально.

Я так много раз видел по телевизору гол Андреса в Южной Африке, что почти забыл, как он смотрелся вживую в тот момент

на стадионе. В моей памяти он отложился совершенно другим. Мы боялись, что игра может скатиться к пенальти. Мы должны были по максимуму воспользоваться численным преимуществом, мы не хотели упускать такую возможность, и в конечном итоге Андрес стал тем самым избранным. Дело тут не в везении. Такое случалось и на чемпионате мира, и на «Стэмфорд Бридж», и на «Бернабеу». Андрес обладает магическими чарами, этой способностью создавать моменты в решающие эпизоды матча и блестяще решать их, когда ситуация того требует. Такой вот он. Я уверен, что он запустил бы мяч на трибуны, если бы такой же шанс, какой выпал в финале ЧМ, представился ему в менее значимом матче.

ОН ОЧЕНЬ СКРОМНЫЙ ПАРЕНЬ ИЗ МАЛЕНЬКОГО ГОРОДКА, ХОТЯ СВОИМ ПОВЕДЕНИЕМ И ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ КАТАЛОНСКОЙ ВЕРСИИ ДЕРЕВЕНСКИХ ПАРНЕЙ.

Дальность передач Андреса просто невообразима. Он может переключать игру и правой ногой, и левой, он движет нашей игрой, нашим футболом. Когда он в лучшей своей форме, все крутится вокруг него. Он очень надежный игрок, несмотря на то, что играет на позиции, где рядовой футболист теряет мяч по 15–20 раз за игру. С Андресом все иначе: он вообще редко теряет мяч. Подобные вещи ускользают от внимания людей на трибунах, но его партнеры по команде это ценят. Он видит вещи, которые не видит большинство из нас, он как Хави, всегда смотрит вокруг, когда мяч к нему прилетает, чтобы наверняка знать, кто где. Когда я играл в полузащите за «Сарагосу», я пытался играть так же, но у меня никогда не получалось. Я начинал озираться, и у меня тут же отнимали мяч. С Андресом такого никогда не случается. На тренировках я прибегаю ко всем возможным приемам, лишь бы только подловить его; я подкрадываюсь к нему сзади, стараюсь спрятаться от него, выбить мяч. Но этот засранец всегда ускользает. Он всегда каким-то образом замечает меня. Я не думаю, что хотя бы раз поймал его».

С Андриу все гораздо легче.

Жорди Альба

Для Жорди Альбы Иньеста не Андрес, только Андриу. Эндрю, на английский лад.

Они встретились в сборной в 2011 году, спустя некоторое время после победы Испании на чемпионате мира. «В день моего дебюта в сборной Испании мне дали футболку с номером «6», –

вспоминает Альба. – Это номер Андреса. В тот день он был травмирован, а когда вернулся, я сразу же отдал ему номер. Разумеется.

Играть рядом с ним – фантастика. Его очень легко понять, он вселяет в тебя уверенность. С Андресом все куда проще.

Пару лет назад меня сильно беспокоили травмы – их было много, прежде такого в моей карьере не случалось; я никогда раньше не получал травм. И Андрес был одним из немногих, кто по-настоящему мне помог, наряду с Хави. Каждый день он интересовался, как у меня идут дела. Я шел на сканирование или на очередное обследование, а они присылали мне сообщения, чтобы пожелать удачи. Представьте, как это было важно для меня, новичка «Барселоны», получившего серьезную травму впервые в карьере. Такие их поступки говорят о том, что они хорошие, добрые люди. Они отлично знают, что, когда ты травмирован, разум не менее важен, чем тело.

На Евро-2012 мы с Андресом здорово комбинировали на левом фланге испанской сборной. Андрес доверял мне и делился со мной мячом всякий раз, когда получалось. Это вселило в меня уверенность. Он тоже понял, какой я: мы с ним совершенно не похожи по характеру. А если так подумать, то в Бускетсе есть что-то от нас обоих. Объединяет нас всех то, что мы не изменились по-настоящему. Мы все так же делаем то, что делали всегда. Когда я покинул молодежную систему «Барселоны» и перебрался в «Корнелью», искушение все бросить было очень велико. Но я захотел продолжать. Как и Андрес».

Можно швырнуть ему дыню, а он все равно идеально ее обработает и отдаст пас.

Марк Бартра

«Я познакомился с ним лично, когда мне было 17. Помню, что увидел его в раздевалке вместе с Карлесом Пуйолем. Казалось, что я попал в какой-то другой мир; они казались неприкасаемыми. Но теперь я могу с гордостью сказать, что Андрес – мой друг. Иногда слова из него приходилось вытягивать клещами, такой он тихий, но как только ему становится с тобой комфортно, он преображается и очень удивляет тебя. Когда такое происходит, с Андресом очень весело, у него отличное чувство юмора, и он играет на том впечатлении, которое производит на людей. Его юмор может быть суховатым, а порой и довольно мрачным. Ты не знаешь, шутит он с тобой или говорит всерьез. Так он и ловит тебя на чем-нибудь.

Как-то раз, по ходу первого тайма матча против «Райо»

в Вальекасе, когда еще Тата Мартино был нашим тренером, мы вместе сидели на скамейке прямо за спиной лайнсмена и постоянно что-нибудь ему кричали, донимая бесконечным трепом. Когда прозвучал свисток на перерыв, Андрес подошел к нему и сказал: «Не обращайте на них внимания. Они немного перевозбуждены, изрядно нервничают. На кону стоит многое». Я поверить своим ушам не мог, потому что, если кто-то и жаловался по поводу судейства, так это Андрес. Когда я напомнил ему об этом, он сказал: «Не волнуйся, я его соблазнил. Увидишь, как они станут работать лучше во втором тайме». Андрес не глуп; он знает, как использовать то уважение, с которым к нему относятся люди.

Помню еще один эпизод, случившийся почти сразу после моего прихода в первую команду, – продолжает Бартра. – Он старался приглядывать за мной. Медленно и неспешно мы узнавали друг друга все лучше, взаимное доверие росло. Мне было непросто, адаптация давалась довольно трудно. Я играл очень редко. А однажды получил от него сообщение: «Это Андрес. Взбодрись, все будет гораздо лучше, не сомневайся. Ты хорошо тренируешься. Продолжай в том же духе. Всех благ!» У меня не было его мобильного номера, так что я заключил, что это шутка, что кто-то специально разыгрывает меня. Так что на следующий день я спросил у него, не он ли отправил мне сообщение через WhatsApp. «Что такое WhatsApp?» – спросил он. Только через пару дней я узнал, что да, это был он. Я был очень благодарен ему за то, что он отправил мне то сообщение, что поставил себя на мое место, пусть даже и не признался в этом.

У Андреса есть свои маленькие пунктики. По утрам нам иногда приносят фрукты или смузи, и он единственный, кто ест кокос. Если видишь на подносе какой-нибудь очень странно выглядящий сэндвич, знаешь, что это его. Он тихий, но в глазах у него огоньки. Невозможно избавиться от ощущения, что он втихую что-то замышляет.

Как-то раз я спросил у него: «Когда ты стал регулярно играть в основе?» Он сказал, что в 23 или 24. Я сказал ему, что сыграл немного матчей к 21 году, а потому, наверное, должен быть доволен. А он ответил: «Я тоже играл матчи в твоем возрасте, Марк. Не позволяй пускать тебе пыль в глаза; не позволяй им скармливать тебе эту фразу про «быть довольным». Это заставило меня задуматься: «В следующий раз, когда кто-нибудь попросит меня потерпеть, скажет, что даже Андресу пришлось долго ждать своего шанса в первой команде, я отвечу им, что в 21 он уже вовсю играл».

Когда Андреса нет на поле, сразу начинаешь по нему

скучать, – продолжает Бартра. – Ему можно швырнуть дыню, выдать невероятно неудобный пас, а он все равно подхватит, обработает и сделает передачу.

Кроме того, он очень чувствительный человек. Переезжать в Барселону из Фуэнтеальбильи в 12-летнем возрасте совсем непросто. Я каждый день приезжал в клуб на такси; но это было совсем не то же самое. Всего полтора часа каждый день. И я все равно стенал и жаловался. Некоторые люди желают тебе всего плохого, когда у них тоже все идет неважно. Андрес поступает наоборот. У него в жизни хватало черных полос и неудачных дней, и он желает тебе всего наилучшего, потому что знает, как трудно бывает в такие моменты. Может, он думает так: «Если бы хоть кто-нибудь помогал мне тогда… ну, значит мне нужно помочь кому-то теперь». В этом весь Андрес».

> *Он сам взял на себя ответственность сделать звонок президенту… и убедить его отпустить меня в другой клуб.*
>
> *Педро Родригес*

В команде образовался «трезубец», и Педро из клуба ушел – его возможности получать игровую практику сильно уменьшились. Он был автором незабываемых голов, таких как, например, голы в ворота «Шахтера» и «Эстудиантеса» из Ла-Платы, которые помогли «Барселоне» завершить 2009 год с шестью титулами из шести возможных, но присутствие на поле одновременно и Месси, и Неймара, и Суареса лишило его большого количества минут, и он, оказавшись в такой ситуации, стал искать из нее выход. Педро просто хотел играть. Проблема же была в том, что «Барселона» не собиралась его отпускать. Так продолжалось до тех пор, пока один из лучших его друзей не взял в руки телефон и не набрал номер Хосепа Марии Бартомеу, президента «Барсы».

«Андрес столько для меня значит, – говорит Педро. – Все знали, что я хочу уйти из команды, что у меня проблемы с конкуренцией. Дни проходили один за другим, но ничего не происходило, словно все зашло в тупик. Андрес знал о моих чувствах; он знал, через что я прохожу. И он решил взять на себя обязательство позвонить президенту и выяснить, нет ли возможности как-то разрешить ситуацию, а заодно убедить его отпустить меня. Он очень мне помог».

Два дня спустя Педро стал игроком «Челси». «Ни один другой игрок не сделал бы для меня то, что сделал он. В нем что-то есть; словно он знает, что произойдет дальше. Он мудр. Например,

могу вспомнить игру с миланским «Интером». Я играл в команде нерегулярно. Никак не мог сыграть несколько матчей подряд, всегда был тем, кто подменял кого-то. А он зашел в раздевалку и сказал мне: «Ты – это ты, ты здесь не потому, что ты чей-то сменщик, идет? Ты выйдешь и сыграешь как Педро Родригес. Так тебя зовут, так ты и сыграешь». Я был молод, и его слова прозвучали для меня так приятно; он наполнил меня уверенностью в себе. Когда такое говорит Андрес Иньеста, это действительно важные слова».

Педро начал матч в основе, «Барселона» победила 2: 0. А сам Педро забил гол.

«Никогда не забуду, как он помог мне в полуфинале чемпионата мира-2010, – говорит Педро. – Висенте дель Боске назвал состав на игру, и оказалось, что я в старте. Когда я услышал свое имя, почувствовал напряжение. Никто не ожидал, что я выйду с первых минут. «Расслабься, Педро, – сказал он. – Играй так, как играешь всегда». В нем есть какое-то особое умение расслабить тебя и снять напряжение. Он всегда настроен позитивно и очень спокоен. В том числе и на поле: хладнокровие, терпение и точный расчет времени. Он до последнего ждет удобной возможности сделать пас. Он уникален».

Андрес – это страхование жизни, с ним всегда выглядишь отлично.

Карлес Пуйоль

Когда Андрес пришел в «Ла Масию», Карлес Пуйоль уже был ее резидентом. Когда он пришел тренироваться и играть на «Камп Ноу», Пуйоль уже был в первой команде. Теперь уже сам Андрес часть команды, а Пуйоль ее покинул – слишком большое количество травм сказали свое веское слово: колени защитника, которые он столько лет утруждал прыжками и отчаянными подкатами, защищая ворота и честь герба «Барселоны», не выдержали нагрузок и окончательно сдали.

Андрес до сих пор помнит особенный подарок, который Пуйоль оставил ему, покидая академию клуба много лет назад. «Вот, забирай мой матрас, – с таким предложением выступил защитник, получивший шанс от Луи Ван Гала (того же тренера, который впоследствии даст шанс проявить себя и самому Андресу) и теперь уходивший на повышение в первую команду. Так Андрес и спал на старом, повидавшем виды матрасе Карлеса, и этот подарок стал еще одним дружеским жестом от человека, всегда старавшегося приглядывать за молодым «подмастерьем». Позже футбол воссоединит эту пару, сделав их состоявшимися

игроками первой команды и символами славной эпохи в истории клуба.

Пуйоль пришел в «Ла Масию» из каталонской глубинки, а Андрес из глубинки испанской: один мальчишка был родом из Ла Поблы-де-Сегур, а другой – из Фуэнтеальбильи, и они объединили свои силы на «Камп Ноу», попав под крыло могущественного Ван Гала. «Он обладает выдающимся даром предчувствовать дальнейшие события в игре, он знает, куда нужно направить мяч, и доставляет его в наименее очевидную и заметную со стороны свободную зону», – говорил голландский тренер, при котором Андрес дебютировал в первой команде. Похвала Франка Райкарда в его адрес была аналогичной. «Когда Андрес исполняет все эти передачи, со стороны это все выглядит так, как будто кто-то раздает друзьям вкусные конфеты», – говорил он. И, наконец, Пеп Гвардиола как-то раз говорил со своим ассистентом Тито Вилановой, которому поведал о довлеющем искушении оставить Андреса отдыхать на лавке. «В следующий раз, когда я решу оставить Андреса вне состава, при том, что он будет здоров и готов играть, тресни мне как следует по башке, чтобы придя в чувство, я вернул его обратно в «старт», пусть даже в роли левого защитника».

Пуйоль тоже поддавался этим магическим чарам, порой становясь беспомощным статистом, наблюдавшим, как Андрес на тренировках раздавал партнерам мячи, словно делясь с ними сладостями – как говорил Райкаард. Журналисты тоже трепетали, у них не оставалось никакого другого варианта, кроме как похвалить элегантность Иньесты, легкость его касаний, безмятежное спокойствие, отсутствие лишних усложнений в игре и эту его способность быстро перемещаться вокруг, пока время, казалось, застыло на месте.

> В ПРОТИВОСТОЯНИЯХ С АНДРЕСОМ ОН НИКОГДА НЕ МОГ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НАВЯЗЧИВОГО СТРЕМЛЕНИЯ ЗАЩИТИТЬ СВОЕГО ПАРТНЕРА.

«Я старался никогда не идти в подкат против Андреса. Не знаю, по какой причине. Но если меня посещало даже малейшее сомнение, я не шел ногой в стык, потому что в противном случае он просто легко ускользнул бы от меня, и я бы ни за что не поймал бы его», – признает Пуйоль, всегда честный игрок, никогда не включающий «заднюю» на поле, даже играя против хороших друзей. Но в противостояниях с Андресом он никогда не мог избавиться от навязчивого стремления защитить своего партнера. Это чувство регулярно посещало его в «Ла Масии», вплоть до того дня, когда он ушел в первую команду, оставив

Андресу прощальный подарок. Тот же инстинкт подсказал ему свести Андреса с Раулем, физиотерапевтом сборной, сыгравшим столь важную роль в жизни Иньесты во время чемпионата мира-2010.

Как всегда сильный экс-защитник «Барселоны» полагает, что физические габариты Андреса многих вводят в заблуждение. «Он кажется слабым, но он совсем не такой: Андрес выглядит так, словно ты можешь свалить его с ног легким толчком, но на самом деле ты не сможешь; он выглядит так, как будто ты легко можешь лишить его мяча, но на деле ничего не получится. Андрес таким образом обманывает тебя, вводя в заблуждение, – говорит Пуйоль. – Для нас, защитников, большая удача играть с ним впереди, быть его партнерами, а не соперниками. Когда попадаешь в сложную ситуацию, просто отдаешь ему мяч, поскольку знаешь, Андрес – это как страхование жизни, с ним на поле ты всегда будешь выглядеть достойно».

Привыкшие иметь личное неприкосновенное пространство Карлес и Андрес, тем не менее, выстроили крепкие дружеские отношения друг с другом за все эти годы. «Он мало разговаривает. Все это знают. Но когда он говорит, люди слушают», – говорит Пуйоль, и он легко может вспомнить 4–5 долгих и глубоких разговоров с Андресом о жизни за пределами футбола. Иньеста способен исчезать на какое-то время, когда у него появляется какая-то проблема, но потом он обязательно снова всплывает на поверхность, становясь еще сильнее, чем прежде, и уже с найденным решением проблемы. По словам Пуйоля, нет никого лучше Андреса по части умения собрать всех вместе и добиться того, чтобы в конечном итоге все спросили: «Что ты хочешь, что бы мы сделали?»

Он нуждается в том, чтобы его любили, но не хочет, чтобы эта потребность звучала излишне требовательно и стала надоедающей всем. Он упертый как его отец и загадочный, как мать; всегда элегантный – такой человек Андрес, существующий за пределами образа Иньесты-футболиста.

«Он близко держался корней».

«Андрес знает, как быть терпеливым».

«Он не перебарщивает, его жизнь течет в идеальной гармонии».

«Ему интересна только игра, только чистый футбол».

«Он человек чести, как игроки прошлого».

«Семья» «Барсы»

Анхель Мур много десятилетий проработал массажистом в клубе. Он говорит: «Андрес – выделяющийся на общем фоне член очень узкой группы избранных, вышедший из школы, переполненной талантами, блистающей стилем и изяществом касаний; она научила его воспринимать игру очень специфическим образом. Образование – жизненно необходимая вещь для человека вообще, но также и для футболиста. Нужно знать, как жить, быть терпеливым, нужно понимать, чего пытается добиться твоя команда, нужно уметь читать игру, но кроме того, нужно осознавать, зачем тебе знать слова гимна и почему тебе нужно его петь, нужно знать, что значит клуб. У меня всегда было такое ощущение, что Андрес – человек, способный слушать и впитывать информацию, способный мотать ее на ус и правильно интерпретировать, а кроме того, в конце карьеры он обязательно поймет, какой след оставил. А ведь все это далось ему нелегко. Его жизнь поменялась коренным образом, когда он еще был очень молод: новая школа, новые друзья, новый город. Но несмотря на все это, Андрес остается верен своим корням – порой кажется, что он все еще тот маленький мальчик из деревни, хотя в то же время он гордый житель Барселоны и блестящее олицетворение того великолепного футбола, которым знаменит клуб. Он известен своим уважительным отношением к клубу как к институту, организации. Так поступали игроки прошлого, а нынче таких осталось совсем мало».

Карлос Наваль, все еще работающий официальным делегатом «Барселоны» на матчах, эхом повторяет эти сентиментальные рассуждения Мура. «Андрес знает, как быть терпеливым – прямо как Гильермо Амор тогда или Серхи Роберто сейчас. Помню, как однажды отец Серхи Роберто сказал мне: «Каждые выходные мы ожидали одного из трех исходов: либо сын не попадал в заявку вовсе; либо попадал, но не играл в матче; либо оказывался в составе и все-таки выходил на поле». Игрок должен понимать, каково это – быть футболистом, всегда находиться в распоряжении тренера, и как важно не бежать впереди паровоза и не делать заявлений в прессе, идущих во вред команде. Нужно быть частью коллектива. Андрес всегда знал, как это делать».

Наваль впервые услышал об Андресе от Ориоля Торта, рассказавшего ему о том, что новичок клубной академии – далеко не рядовой талант. Увиденное не разочаровало Карлеса. «Иньеста начинает говорить только тогда, когда чувствует необходимость в этом, но он все понимает, потому что внимательно наблюдает за всем; он знает, как читать ситуации, и если ситуация сложная, он не убегает от ответственности. Когда ему пришлось появиться на пресс-конференции после того, как Эдмилсон заявил, что в клубе

есть «паршивые овцы», Андрес сделал это». Наваль добавляет: «За день до вручения Золотого Мяча в 2010 году клуб подготовил специальный репортаж, в котором должны были принять участие матери трех финалистов премии: Месси, Иньесты и Хави. Мы делали все, чтобы он не прознал об этом. Но стоило только матери Андреса выйти из дома и перейти дорогу, как ее телефон зазвонил – это был Андрес с вопросом: «Куда направляешься, мам?» Иньеста был разочарован тем, что не выиграл Золотой Мяч, но был счастлив, что его вручили Месси. «Андрес знает, как высоко его ценит Лео, и именно по этой причине он так положительно воспринял итоги церемонии». Подытоживая, Наваль говорит: «Он всегда подчинялся правилам, всегда вел себя очень уважительно. Если, к примеру, каждый игрок получает четыре бесплатных билета на игру, а ему был нужен пятый билет, он без проблем платил за него. Андрес любит порядок во всем, даже на поле, он перфекционист и в спортзале, и в жизни; ему нравится вся эта рутина, тренировочные планы и указания».

Эмили Рикарт разделяет мнение Наваля. «Он привносит стабильность и покой в команду, диктует ритм игры и выводит соперников из равновесия. Я никогда не нервничаю, смотря со скамейки за игрой «Барсы», если Иньеста на поле. Он игрок-Rolls-Royce, и если его физическая форма в порядке, ничто его не остановит. Его мускулатура очень сильна и развита, – говорит физиотерапевт, не понаслышке знакомый с особенностями тела Андреса. – Он знает, как ухаживать за собой. Он не перебарщивает, его жизнь течет в идеальной гармонии. Иньеста – олицетворение футбола, его воплощение в чистом виде. И у него все здорово получается. Он на 9,95. Только Надя Команечи[6] на десять баллов; если поставить ему десять из десяти, он может начать зазнаваться», – шутит Рикарт.

«Разгадать натуру Иньесты непросто, – считает Рауль Мартинес. – Он загадка, никогда не знаешь, о чем он думает; он тот самый Мистер Икс. А может, он одновременно и тот мальчишка, сидевший у тебя за спиной в классе школы и дошедший до вершин игры. Такой никогда вроде не был лидером, и ты спрашиваешь себя: «Почему ему удалось преуспеть, а мне нет?» Андрес всегда делает правильный выбор. Он выбирает правильных людей точно так же, как выбирает правильных адресатов для передач на поле. И что более важно, – продолжает Мартинес, один из доверенных физиотерапевтов Андреса, – он человек чести и слова. Он старомоден, как игрок и человек, он старой школы. И точно так же, как у музыкантов совершенно уникальные и особенные отношения со своими инструментами, так и у Андреса особые отношения с мячом. Он не

экстравагантная личность, он настоящий художник», – говорит Рауль.

«Он хороший человек и футболист, – считает Пако Сейруло, сотрудник методологического департамента «Барсы», в прошлом тренер первой команды по физподготовке, а по совместительству один из самых уважаемых людей в клубе. – У всего, что он делает, есть причина; Андрес никогда не делает на поле что-то только из желания это сделать. Он не дает никаких преимуществ сопернику, и вследствие этого команда играет плавно и легко. И хотя порой кажется, что он хочет остаться незамеченным на поле, он всегда знает, где и когда должен помочь команде».

Сейруло подчеркивает умение Иньесты резко менять скорость и его способность протаскивать мяч, но при этом он даже не пытается скрыть свою пристрастность в отношении Андреса. «Чувство такое, что он мой сын. Помню, когда он учился в колледже, он никогда не хотел выделяться из остальной массы студентов. Некоторые люди считают, что ему не нравится проявлять чрезмерную радость, потому что ее выражение может расстроить тех, кто не так доволен положением дел. Андрес всегда вел себя очень естественно и никогда не имел склонности подолгу рассуждать о прическах, брендах футбольных бутс и фильмах. Ему интересна только игра и все, что с ней связано. Насколько я могу судить, когда он в порядке физически, он лучший в мире».

XXII. Направляющие руки

Андрес – очень преданный человек. Он никогда не подводит своих близких. Он нуждается в них и любит, когда они рядом.

Жоэль Боррас

Есть четыре человека, в чьи профессиональные обязанности входит забота об Андресе: Пере Гвардиола, Жоэль Боррас, Рамон Сострес и Дани Марин. Но их взаимоотношения выходят за рамки сугубо профессиональных; они личные. Они очень близки, настолько, что их можно считать одной семьей. Доверие между ними росло и крепло годами – порой свой вклад в это вносил и отец Андреса Хосе Антонио – и теперь окончательно оформилось.

Пере Гвардиола какое-то время работал на Nike, занимаясь поиском новых молодых талантов – тогда он и заприметил Андреса. «В первый раз, когда я увидел его игру, он выступал за категорию Кадет Б в «Барселоне», – говорит Пере. – У меня были очень хорошие отношения с Альбертом Бенайхесом, одним из директоров, отвечавших за молодежный футбол в «Ла Масии», и я спросил у него: «Кто у вас там лучший?» Выделялось человека три-четыре, но лучшим из них был Андрес. «Последи за Андресом, Пере», – сказал он. И хотя мы знали, что он еще очень молод – тогда ему было 14–15 лет, в таком возрасте никогда не знаешь наверняка, что ждет игрока в будущем, – и понимали, что нет никакого смысла оказывать на него лишнее давление, так как всегда лучше дать игроку время и пространство для маневра, мы все же решили, что хотим подписать с ним контракт. Мы уже знали, что он получил предложение от Adidas. Но он согласился перейти к нам перед самым стартом Nike Cup, турнира для 15-летних футболистов, проходившего на «Камп Ноу».

Именно тогда Пере Гвардиола, в то время решавший различные маркетинговые вопросы, открыл для себя то, что уже видели другие люди, наблюдавшие игру Андреса вживую. «Иногда я приходил в «Ла Масию» и просил разрешения вывести его на ужин в ресторан неподалеку от «Мини Эстади». Он всегда заказывал спагетти-карбонара. Я начинал говорить и говорил, говорил, а он едва вставлял слово в ответ: «Да, нет, ну, хорошо…» – и ничего более. Мы просиживали там по три четверти часа, а эти слова были единственными, которые он произносил. Но я все равно чувствовал, что внутри него что-то

такое есть; мне казалось, что мы хорошо ладим, что я становлюсь к нему все ближе, и не только к нему, но к его отцу Хосе Антонио и всей его семье. Понемногу, шаг за шагом мы начали узнавать друг друга лучше. Андрес был и остается очень приятным человеком; он такой человек, к которому хочется относиться с теплотой, которому хочется помогать. Были моменты, когда просто хотелось взять его с собой домой, как младшего брата. И такие чувства к нему испытывал не только я; спросите о нем кого угодно в Ла Масии и услышите тот же ответ. Он был таким человеком, который всем своим существом почти что «заставлял» тебя любить его и хорошо к нему относиться».

ЕСТЬ ЧЕТЫРЕ ЧЕЛОВЕКА, В ЧЬИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ВХОДИТ ЗАБОТА ОБ АНДРЕСЕ: ПЕРЕ ГВАРДИОЛА, ЖОЭЛЬ БОРРАС, РАМОН СОСТРЕС И ДАНИ МАРИН.

Nike Cup стал первой большой сценой, на которой Андрес блеснул. «Барселона» выиграла тот турнир, а мы поняли, что за этим парнем нужно начинать охоту. Он играл центрального полузащитника и придавал команде такое спокойствие, такую надежность. Андрес никогда не терял позиции, но если все начинало складываться неудачно, он знал, что должен сделать шаг вперед и со всем разобраться. Так он и поступал. В финальном матче против «Росарио Сентраля» он забил золотой гол при счете 1: 1.

Тогда мы увидели первый намек на то, как он будет играть на протяжении всей своей карьеры: может, нам подсказало то, как он каждый раз в одиночку справлялся с трудностями. Андресу не надо рисоваться или выпячивать вперед грудь, он делает шаг вперед и берет на себя ответственность, когда того требуют обстоятельства. Я не знаю, что происходит в его голове, но, кажется, он всегда принимает верные решения. Он, пожалуй, не из тех, кто регулярно забивает, не из тех, кто выпрыгивает высоко, чтобы пробить головой, но если вы присмотритесь, вам станет ясно, что он всегда в эпицентре решающих эпизодов, всегда участвует в комбинациях, которые приносят победы в матчах».

К тому времени Пере уже рассказал об Иньесте своему брату Пепу. «Есть в молодежной структуре один парнишка, он лучший из них. Заметить его легко: он самый маленький, тощий и бледный. Его зовут Иньеста», – сказал он ему.

«Тот первый сезон с Пепом в роли тренера был очень важен для Андреса, – говорит Пере. – Я уверен, что он думал: «В команду приходит мой идол, мой кумир и учитель, тренер,

который сделает нас сильнее и лучше; он будет поддерживать меня, поднимет мою значимость, сделает меня более важным для команды». Я говорю «думал», потому что вслух он никогда не произносил таких слов: Андрес редко делится тем, что надумал. Я убежден, что он говорил себе: «Я должен показать ему, что могу быть лучшим; я должен отплатить ему за все, что он дал мне».

Тогда в жизни Андреса совпало сразу много факторов: он был возбужден приходом нового тренера, но и давление чувствовал в связи с этим. Он получал травмы и ощущал напряжение. Эмоционально это было то еще приключение: сначала высочайшие требования и невероятный успех, потом печальные вести о смерти Дани Харке. Первый сезон при Пепе завершился треблом, но за год накопилось столько всякого, что в итоге привело к тому, что в жизни Андреса наступила самая черная полоса. Настали мрачные дни, когда он почувствовал, что все ускользает из рук и он утрачивает контроль над собой и своей жизнью.

«Андрес плохо спал, постоянно получал травмы, терзавшие его тело и разум, и скатывался в депрессию, – говорит Пере. – Помню, что его отец рассказывал мне, как они дошли до того, что решили посетить некоего шамана или мистика с юга Испании, который, срезав волосы с головы Андреса, сказал ему, что над ним висит какое-то проклятие, что кто-то любил его настолько сильно или ненавидел его так яростно, что это не давало ему спокойно жить – дескать, в этом причина жизненного кризиса. Пути из него не просматривалось. Андрес говорил, что что-то не так с его желудком, что он не может тренироваться, не может ничего делать и не понимает, что с ним происходит, хотя по идее должен быть очень счастлив. Пеп дал ему свободу, поскольку знал, что Андресу нужно время, что ему нужно все 24 часа в сутках посвящать самому себе и поиску ответов на мучившие его вопросы. Это было тяжело, очень тяжело. В конечном счете он выбрался из этого болота, став сильнее. Но все это далось ему непросто.

Никто ничего не дарил Андресу просто так. Он очень упорно работал, чтобы оказаться там, где оказался теперь, – говорит Пере. – Он сделал это все сам. Было легко сказать: «Этот мальчишка – лучший», но самому мальчишке предстояло доказать это, а такое удается далеко не каждому из них. Вначале он постоянно был запасным или первым, кого убирали с поля во время замен. Он никогда не жаловался и не ворчал. Ему приходилось латать дыры собой, подменяя тех, кто играть не мог, пробовать себя на разных позициях, и из матча в матч показывать классную игру. Так продолжалось до тех пор, пока люди, наконец,

не увидели очевидной правды: команда должна состоять из Андреса и еще десяти человек.

Даже теперь, когда столько всего случилось и все поменялось по многу раз, можно увидеть двух разных Андресов. Скромняга за пределами поля и тот, другой, которого вы видите на поле, настоящий Андрес, свободный от всех оков и живущий полной жизнью. Это его естественная среда обитания, его ареал: трава и мяч. Думаю, он уникален. Да, его футбол вписывается в философию «Барселоны», но Андрес так хорош, что, куда его ни помести, в какую систему ни определи, какую тактику ни выбери, он все равно будет блистать и продолжать прогрессировать. Если бы он играл в каком-нибудь английском клубе, у ворот на стадион уже стоял бы памятник в его честь.

Андрес всю свою жизнь был победителем, настоящим чемпионом. Но он никогда об этом не говорит, никогда не бахвалится. Только когда он нужен тебе, команде, друзьям, он предлагает свою помощь. В плохие моменты он всегда говорит: «Я здесь, готов помочь». Андрес живет ради футбола, и в этом плане он пример для нас всех.

АНДРЕС ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ БЫЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ, НАСТОЯЩИМ ЧЕМПИОНОМ.

Я бы сравнил его со Скоулзом или Хави, людьми одного клуба, стабильно выдающими качественные матчи и никогда не прячущимися за спины других: они всегда хотят забрать себе мяч и умеют им распоряжаться, они улучшают тех, кто играет с ними в команде. Для любого тренера он настоящее благословение свыше. Вот почему Андрес играет: не потому что кто-то ему что-то дал просто так, а потому что он лучший из всех. Заменить его проще простого, ведь он никогда не жалуется, не шумит и не закатывает истерик, он просто блестяще тренируется на следующий день. Если однажды его поставят на позицию правого защитника, он сыграет на ней хорошо. Он где угодно хорошо сыграет. И тренеры это знают. Как и его партнеры».

* * *

«Как-то раз ко мне пришел его отец, повидаться, – говорит Рамон Сострес. – До сих пор стоит перед глазами, как он входит ко мне. Он хотел расспросить меня по теме налогов, которая беспокоила его. Одна юридическая фирма допустила ошибку, заполняя налоговую декларацию Андреса, но с этим вопросом мы сумели разобраться довольно легко и быстро. С того момента мы

с ним поладили.

Хосе Антонио не по душе вся эта бумажная работа, у него слишком много других дел и вопросов, но он человек организованный и собранный. Он отлично понимает, что происходит вокруг него, оценивает, что лучше для Андреса, он очень открытый и честный человек, с таким легко иметь дело. Помню после того первого раза, когда мы разобрались со всеми вопросами Андреса, он спросил у меня: «Сколько я вам должен?» Я ответил: «Ничего, это была просто пара звонков и письмо в налоговую. Не волнуйтесь». И с того момента между нами установилось доверие. Хосе Антонио начал объяснять мне какие-то вещи и просить совета по разным вопросам, не только касающимся налогов. Он хотел, чтобы мы помогали Андресу со всеми его контрактами, спонсорами, имиджевыми правами, и в особенности в отношениях с Nike, который делал для него бутсы. Потом мы стали заниматься и непосредственно отношениями с «Барселоной», и со временем он попросил нас стать его официальными представителями. Для нас это была одновременно и большая ответственность, и серьезный вызов. В конечном итоге мы стали сотрудничать с ним по самому широкому спектру вопросов: юридическому, налоговому, спортивному, финансовому, коммерческому, профессиональному и личному. Отец Андреса – центральная фигура во всем, что связано с финансовыми вопросами в семье Иньесты, он краеугольный камень семейного благосостояния. Он руководит «Iniesta Bodega», растущим и развивающимся брендом вин – его настоящее сокровище – и заведует всеми семейными бизнес-делами. Конечно же, он держит Андреса в курсе всего, но руководит процессом отец. Цель в том, чтобы не слишком нагружать Андреса подобными вещами, дать ему возможность прочистить голову и сфокусироваться на футболе – единственном по-настоящему важном аспекте его жизни.

Когда Андрес искал помощи от кого-нибудь, искал того, кому можно довериться, Хосе Антонио спрашивал совета у очень многих людей из мира футбола. Но я не думаю, что он принимал какие-то решения без консультации с Андресом. И я уверен, что Андрес сам внимательным образом отслеживал происходящее. Андрес задает мало вопросов, но когда он делает это, вопрос всегда оказывается задан верно: он сразу переходит к делу. Он добивается того, чтобы полностью понять ключевой момент проблемы, а затем погружается в привычную рутину. Если что-то менять в ней или нарушать его привычную жизнь, он перестает чувствовать себя комфортно. Андрес не меняет дома или машины просто ради самой смены обстановки. По правде говоря, я

подозреваю, что он до сих пор владеет своей первой машиной: как и для большинства игроков, она служит символическим напоминанием о том, как упорно они трудились, чтобы достичь вершин, и как далеко зашли в своих стремлениях.

Он не капризный по натуре, не балует себя, не делает что-то просто по первой прихоти. Совсем нет. Он очень уравновешенный. Андрес придерживается одних и тех привычных маршрутов: ужинает в ресторанах, где прежде его хорошо кормили – и где есть его собственное вино в ассортименте! – или где он чувствовал себя комфортно вместе с членами семьи и друзьями; в отпуск ездит в одни и те же места; делает одно и то же. А еще в его жизни есть Фуэнтеальбилья, куда он убегает от мира, и делает это чаще, чем думают люди. Когда дело доходит до организации собственной жизни, Андрес очень прямолинеен и прост; по части решения проблем он действует так же. Его жизнь не всегда была усеяна лепестками роз, но он прагматично подходит к вещам, почти так же, как к игре на поле: увидев проблему, он сближается с ней и идет на нее напрямик».

Сострес утверждает, что отношение Андреса к делу и его поведение не меняются, независимо от того, насколько сложная и важная проблема перед ним стоит. «Андрес осторожный и очень рациональный, он все воспринимает очень спокойно, – говорит Рамон. – Он просто хочет удостовериться, что знает, как все складывается. «Все в порядке, Рамон?» – спросит он. И в общем-то на этом все. Он просит предоставить ему краткий и четкий конспект предложения, которое ему поступило, взвешивает все «за» и «против», а потом спрашивает совета у отца. Хосе Антонио, как правило, не присутствует на встречах, хотя периодически ему приходится это делать. Андрес не из тех игроков, которые становятся одержимыми поступающими им предложениями и новыми контрактами. Он не из тех, кто, проведя классный матч, использует это как аргумент для получения нового контракта. На самом деле в его случае все ровно наоборот: ему не нравится мысль о том, что качество игры может быть лучше или хуже в зависимости от того, есть ли у игрока желание погнаться за большей зарплатой или нет. Он ценит то, что имеет, во всех смыслах. Дело не только в контракте. Дело во всем, что происходит вокруг него.

> ОН ЖИВЕТ РАДИ ФУТБОЛА, И В ЭТОМ ПЛАНЕ ОН ПРИМЕР ДЛЯ НАС ВСЕХ.

Андрес весьма безмятежен, пассивен. Хотя на самом деле «терпелив» тут подходит лучше. Он знает, что в конечном итоге все встанет на свои места и здравый смысл возобладает. Словно

он сам контролирует время, никуда не спеша. Чем-то напоминает его игру на самом деле. Я не могу вспомнить ни одного раза, когда переговоры по контракту или какое-либо событие в его жизни за пределами поля как-то повлияли на его игру, даже если случались непростые ситуации, грозившие обернуться потенциальными проблемами. Обычно всегда находились решения, как правило, быстрые».

Будущее Андреса в «Барселоне» никогда не стояло под вопросом, даже если в прошлом случались такие моменты, когда оно было не до конца предопределено. Бывали моменты сомнений, несмотря на тот факт, что его друзья и советники отлично знают, что ему будет очень трудно переходить в какую-либо другую команду или переезжать в другую страну. «Бывали моменты, когда он очень злился, как и все мы, – говорит Сострес. – И еще он предпочитает, чтобы ему записывали слова, а не говорили. Андрес чаще общается со мной текстовыми сообщениями, нежели звонками; он редко звонит. Мы, конечно, видимся друг с другом: после матчей, у него дома, в офисе, в клубе. Когда телефон звонит и на экране высвечивается его имя, я всякий раз думаю: «Что случилось?» Заставить позвонить его может только очень важный вопрос. А если Андрес звонит, то лучше поднять трубку; велик шанс, что он чем-то обеспокоен.

Он позвонил мне в день парижского финала Лиги чемпионов, – вспоминает Сострес. – Я был в автобусе вместе с членами его семьи. Он был зол, очень зол, потому что начинал матч в запасе. Андрес не сказал, что хочет покинуть «Барселону», но зато сказал мне другое: «Рамон, думаю, я заслуживаю права играть». Момент был не из приятных».

Не всегда было легко и просто вести переговоры от лица Андреса, особенно когда наступала пора определять дальнейшую стратегию, как это было, например, в 2006-м, когда переговоры по контракту с Чики Бегиристайном, спортивным директором клуба, казалось, зашли в тупик и выхода из него нет. «Я рассказал Андресу о том, что происходит, и поделился мыслями о том, что случится дальше, – говорит Сострес. – Он ответил мне так: «Делай, что делаешь, Рамон, но я отсюда никуда не уйду, это понятно?» Ну ладно, хорошо. Но об одном я его все же попросил: «Не говори, что не хочешь уходить. Если скажешь это, работа Чики будет окончена».

У Состреса есть таблица с полной выкладкой по каждому матчу Андреса, которые он провел, она детализирована настолько, что в ней описана каждая минута, проведенная им на поле. Столь подробная информация играет ключевую роль в любых переговорах и способна повлиять на размеры бонусов в

контракте или срок будущего соглашения. «В тот год, когда я сражался с Чики за новый контракт для Андреса, он сыграл больше матчей, чем кто-либо другой, но не больше всех минут, – объясняет Рамон. – Он выходил на замену Жюли почти в каждой игре в районе 60-й минуты. Последний матч чемпионата игрался в Севилье, а после него оставалась только игра в Париже, финал. Андрес стоял на краю. Если бы он не сыграл в финале или не вышел бы на поле в Севилье, он бы не достиг статистических показателей, необходимых для получения бонуса, от которого в значительной степени зависела сумма его дохода. Иначе говоря, он потерял бы огромное количество денег. Я позвонил Чики и сказал ему, что будет нечестно дать ему «отдохнуть» в Севилье по причине надвигающегося финала Лиги чемпионов, так как в этом случае Андрес не сможет претендовать на бонусную выплату. Клуб согласился с моими доводами, и я сообщил Андресу, что поводов для волнения стало на один меньше.

Андрес – хороший человек; он и его семья – очень благодарные люди, они не забывают тех, кто когда-то им помог. Если кто-то относится к нему хорошо, он запоминает. Неважно, болельщик это, партнер по команде, физиотерапевт, журналист или агент, – он не забывает. У него крепкая память. И она должна быть такой: в конце концов, с тех пор как он стал футболистом, с ним пересекалось очень большое количество людей. Вокруг футболистов происходит очень много всего; тот факт, что он помнит людей, даже неизвестных, а не только громкие имена, уже о многом говорит. Это видишь, когда люди подходят к нему, чтобы поздороваться; они не думают, что он запомнит их, но он узнает их, и по их лицам ты понимаешь, что это осчастливило их на целый день. В Фуэнтеальбилье он помнит всех: может назвать поименно каждого тренера, с которым работал за всю жизнь.

Андрес счастлив и в Барселоне, и в Фуэнтеальбилье – эти места его дом. А то, как счастье в личной жизни влияет на его игру, вы можете видеть и сами. Его домашняя жизнь – во многом причина его профессионального успеха. Анна, его жена, из тех людей, которым нравится распространять вокруг себя счастье: она первая приходит к нему на помощь в трудные моменты. Она очень позитивная, счастливая и оптимистичная девушка, очень сильная по характеру и вдобавок отличная мать. Она показала это, когда они столь печальным образом потеряли ребенка, который должен был стать их вторым сыном».

* * *

Жоэль Боррас впервые повстречал его как-то вечером в Матаро, неподалеку от Барселоны, – в тот же вечер Андрес познакомился с Анной в баре под названием El Teatre. С Жоэлем Андрес поделился «тысячью разных» откровений. Мало людей обращает внимание на Жоэля, но он всегда рядом, тщательно следит за каждым нюансом. «Андрес написал мне, наверное, тысячу электронных писем; ему нравится писать, – говорит Жоэль. – Я по-настоящему узнал его однажды, когда пришел в дом его родителей. Ему было неинтересно играть в PlayStation или куда-то выходить; он просто сидел за компьютером и читал послания, которые люди оставляли на его новом вебсайте, а потом писал им ответы. Ему нравится общаться с людьми инкогнито, и он настоящий перфекционист. Помню, как-то раз мы отправились помочь ему с переездом: я, Гилье Перес и коллега из Mediabase, три друга. В конце дня он раздал нам кроссовки и коробки с вином в качестве благодарности. Немногие игроки поступили бы так же, эта история раскрывает вам его характер: он очень щедрый и благодарный человек. В этом весь Андрес. Когда я заболел, он приходил ко мне в госпиталь каждый день, чтобы проведать. Он многого требует, но и отдает немало.

> ЕМУ НРАВИТСЯ УСТРОИТЬСЯ ПЕРЕД ЭКРАНОМ, НЕСПЕШНО И ВНИМАТЕЛЬНО ВСЕ ПРОЧЕСТЬ ИЛИ ОБДУМАТЬ ТО, О ЧЕМ НАПИСАТЬ: БУДЬ ТО ФУТБОЛ, ПОЛИТИКА ИЛИ ЖИЗНЬ.

Однажды я совершил «ошибку», рассказав ему, сколько электронных писем приходит на почтовый ящик его вебсайта с просьбами о футболках, фотографиях, видео, автографах для болельщиков и благотворителей и так далее… он заставил меня ответить на все письма и попросил разослать все, о чем просили. В какой-то момент мы дошли до того, что мне приходилось приносить ему распечатку каждого электронного письма, поступившего к нему за неделю. Ему было все равно сотня их была или больше, он хотел их все прочесть. Не знаю, где он брал время на это, но к понедельнику он снова выходил на связь. «Жоэль, не мог бы ты сходить в тренировочный центр и принести оттуда мою футболку? Ее надо отправить по адресу… Жоэль, не забудь о тех фотографиях… Жоэль, меня попросили о видео. Я запишу его и отправлю тебе, идет? Можешь отослать его дальше?.. А не мог бы ты достать футболку для школьной лотереи в Галисии? Они собирают деньги…» И так без конца. Андрес был таким с самого первого дня. Я никогда не слышал, чтобы он говорил «нет», ни разу за всю жизнь. В другой раз он попросил меня отвезти детские игрушки в район Раваль, что в Барселоне.

Валерия, его дочь, больше не играла с ними, но он не хотел просто выбрасывать их. «Они ведь почти новые, Жоэль», – сказал он мне.

Андрес говорит, что Жоэль – тот человек, с которым он общается чаще всего. «Я не знаю, много мы говорим или на самом деле очень мало, – шутит Жоэль. – Но нас многое объединяет. Если он чего-то хочет, он может весь день донимать тебя. Я здесь, чтобы помогать ему, изо дня в день, помогать во всем, в чем он нуждается. Это может быть что угодно: разобраться с раписанием, договориться о какой-нибудь встрече или мероприятии, помочь отыскать то, что ему нужно. Я просыпаюсь вместе с ним и ложусь спать одновременно с ним; по утрам меня обычно ждет сообщение от него, а последнее, что я вижу, перед тем, как лечь спать, – это, как правило, электронное письмо от Андреса. Так что я не знаю, тот ли я человек, с кем он общается чаще всего, но я тот, кому он чаще всех пишет, это факт.

Ему нравится устроиться перед экраном, неспешно и внимательно все прочесть или обдумать то, о чем написать: будь то футбол, политика или жизнь. Иногда я думаю, что эта деятельность, должно быть, расслабляет его. Самое странное: у нас во многом очень разные представления о вещах и мы довольно часто с ним спорим. Может, лицом к лицу вести такие споры было бы сложнее; в переписке это проще. Андресу нравится писать и читать, рассылать сообщения. «Как дела?», «Все в порядке?» Это обязательно. А вот сами звонки? Это вряд ли. Три-четыре раза в год, может.

Андрес – человек привычки, методичный, пунктуальный до мозга костей, полная противоположность меня. Я хаотичный и неорганизованный. Но наши отношения со временем эволюционировали. Прежде они были исключительно профессиональными; теперь находится время не только для работы. Последний отпуск мы, к примеру, проводили вместе. Он вовлекает тебя во все аспекты своей жизни; хочет, чтобы ты был рядом. Я разве что на поле вместе с ним не выбегаю!

С появлением детей, Валерии и Паоло Андреа, он немного изменился. Теперь он папа. Но в большинстве аспектов он остался прежним. Он все тот же человек: щедрый, тихий, не жаждущий выделяться, любящий проводить время со своими близкими. Андрес создает положительное впечатление о себе, потому что не притворяется – он тот, кто есть. У него все складывается естественно. Глядя на Андреса, ты видишь, кем он является на самом деле».

* * *

«Я познакомился с ним чуть позже, в 2011 году, когда пришел в команду Nike, – говорит Дани Марин, бывший каталонский футболист с отличной левой ногой. Он с самого начала нашел общий язык с Андресом. – У меня было преимущество над остальными – я сам играл в футбол; я знал этот мир от и до». Дани играл за команду «Дамм» U-19, а оттуда перешел в «Мальорку», свой первый профессиональный клуб. Он выступал за ряд испанских команд, пока не завершил карьеру в возрасте 36 лет.

«Андрес никогда не перестает удивлять. Ты видишь, как он что-нибудь делает, и думаешь: «Какой же перфекционист». Он погружается в мельчайшие детали. Он в курсе всего и к тому же очень благодарный по натуре: он быстро отблагодарит тебя и обязательно выразит признательность. В этом виде спорта есть такие детишки, которые тебе слова не скажут – они все считают само собой разумеющимся. Ты отправляешь им что-нибудь и потом гадаешь, дошла ли посылка до них, потому что они никогда не отвечают. Но только не Андрес: кажется, что он приходит в больший восторг от новых бутс, чем какой-нибудь игрок молодежки. Такое чувство, что он до сих пор ребенок и эта пара – первая пара хороших бутс в его жизни. Какой-нибудь молодой мальчишка? Да, он бы так отреагировал. Но Андрес? Человек, выигравший все на свете? Его энтузиазм никогда не иссякает».

Андрес никогда не забывает, что для Хосе Антонио и Мари значило потратить деньги на первые бутсы для него. Они стоили целое состояние, больше, чем они могли себе позволить потратить. И что-то от той благодарности живет в нем до сих пор, он испытывает ее всякий раз, когда приходит новая пара бутс. «Андрес любит добиваться того, чтобы вокруг него все были счастливы», – говорит Дани. Он уже привык, что с началом каждого сезона Андрес присылает ему электронное письмо с просьбой разослать его новую футболку «Барселоны» всем членам семьи: детям Валерии и Паоло Андреа, сестрам, кузенам и кузинам, дядьям, теткам, друзьям и так далее… «Он сам это делает, всегда хочет, чтобы его семья ощущала заботу. Он нравится людям, и он старается для них, для каждого».

XXIII. Анна

Благодаря детям Андрес стал смотреть на жизнь иначе. Они изменили в его восприятии все.

Анна, жена Андреса

«Втот вечер наши пути пересеклись. Наверное, это была судьба; совпадение, какие бывают в жизни. Я не знаю почему, но в тот вечер, 23 июня 2007-го, все это случилось. Я не знаю, как все так вышло; что я знаю наверняка, так это то, что в тот день я – сама того не ожидая и не предполагая – нашла любовь всей своей жизни, спутника в своем путешествии по ней, человека, которому могу доверять свои тайны, и одновременно отца моих детей. Превосходный отец и мужчина, готовый сражаться за счастье своих детей, он посвящает Валерии и Паоло Андреа много времени и всегда готов ради них на все. А они, в свою очередь, тоже дали ему кое-что – позволили иначе взглянуть на жизнь».

Это слова Анны, супруги Андреса, дизайнера интерьеров и имиджмейкера, а заодно и большой поклонницы водоемов: ей нравится, когда близко к дому можно найти бассейн, а лучше даже море. Для молодой девушки из Маресме это неудивительно. Сейчас она плавает в свое удовольствие, но когда-то серьезно занималась плаванием в одном из клубов Матаро и даже участвовала в соревнованиях. Свою карьеру она начала в очень юном возрасте и к 18 годам уже ее завершила, блестяще освоив кроль и плавание на спине. Участие в соревнованиях оставило ей массу приятных воспоминаний. Путешествуя по Каталонии и Испании на соревнования, она завела своих лучших друзей. «Те дружеские отношения получались здоровыми и искренними, – говорит Анна. – Потому что формировались в обстановке, требовавшей от нас прикладывать много усилий, и в атмосфере спортивной солидарности.

Каждый знает, каково это, когда дети занимаются плаванием на серьезном уровне. Вставать на тренировку нужно очень рано, в 5.30 утра, потом нужно идти в школу, потом есть, возвращаться в класс, а затем снова посещать бассейн, после чего идти делать домашние задания, ужинать и засыпать. А на следующий день все начинать заново. Такой распорядок дня едва ли позволит выкроить какое-то свободное время, но те времена я вспоминаю с ностальгией, как один из самых лучших периодов своей жизни. Занятия плаванием оставили отпечаток на всех, кто занимался

им, кто проживал с нами такую же жизнь, они научили нас ценностям, которые будут с нами до конца жизни.

Мне нравится возвращаться в Льеванерас, где живут мои родители Висенс и Пили. Мы до сих пор очень близки; а кроме того, там я могу повидать друзей и других членов семьи. Это совсем не так далеко от того места, где живем мы с Андресом, и поездка туда сродни глотку свежего воздуха: там повсюду море, спокойствие, умиротворение и радостные воспоминания. Визиты туда часто погружают меня в приятную меланхолию. Я чувствую, что там живут мои люди, мой народ; в этом месте я родилась. Также поездки туда дают возможность повидаться с сестрой Мартой, которая там тоже больше не живет. Она очень много для меня значит. А мои друзья оттуда были со мной всю жизнь, эта компания из семи девчонок, с которыми мы вместе плавали. Они все там и до сих пор тесно общаются».

Таким был и остается мир Анны. А что она скажет о мире Андреса? «Легче и комфортнее всего ему в маленькой компании друзей. Если бы кто-нибудь увидел их всех вместе, он бы подумал: «Это точно не Андрес!», но да, это он. Там появляется тот Андрес, в которого я влюбилась, – говорит Анна. – Очень интересный, умный и загадочный человек, с которым не надо долго разговаривать, чтобы понять, насколько он замечательный».

История Анны продолжается, она написана ее собственной рукой. «Он очень любящий, уважительный, внимательный и всегда стремящийся позаботиться о других людях. Но лучшие качества Андреса скрыты от глаз; это черты, которых люди не видят, о которых известно только по-настоящему близким, из-за этих черт мы все так счастливы, что повстречали его в своей жизни. Он появился в нашем кругу со своими шуточками (мне нравится его чувство юмора) и всех удивил, потому что все привыкли к его привычному серьезному, внушительному тону. Но потом, когда узнаешь его по-настоящему, понимаешь, что в нем есть что-то особенное. Я не знаю что, но оно цепляет. И в один момент я сказала себе: «Я люблю этого парня!» А прошло с того момента уже девять лет. Может показаться, что существуют две разные версии Андреса, но это совсем не так. Есть только одна, и она уникальна. Я не могу указать пальцем на что-то конкретное в его характере – просто такой он человек.

На этом долгом пути, который мы прошли с ним вместе, мы узнавали друг друга все лучше и лучше и многому друг у друга научились. Быть может, поэтому часто нам даже не нужно разговаривать, я могу просто посмотреть на него и сразу понять, что его гложет. Ему не нужно даже ничего говорить. «Ты в порядке, Андрес? – спрошу я. – Не волнуйся, – ответит он. –

Просто неудачный день». Он не вдается в подробности, а я и не стараюсь их из него вытянуть. Если он захочет обсудить это, он знает, что в любой момент может это сделать. Я знаю, какой он глубоко внутри. Андрес не тот, кто любит подолгу рассуждать о вещах, и не любит, когда люди задают ему слишком много вопросов. Если он хочет, то начинает углубляться в тему. Он знает, что я всегда рядом и готова помочь, предоставив другую точку зрения».

Таков Андрес или таким он был. Потому что, по словам Анны, что-то такое случилось в его жизни, что изменило его взгляд на мир.

«Андрес прежде держал все в себе, пока в какой-то момент он, наконец, не понимал, что настало время поговорить. Предположу, что это как-то связано с отношениями, которые были у каждого из нас в детстве. Андресу это всегда непросто давалось. Его детство отличалось от детства большинства других детей. Не может быть так, чтобы тебе легко далось расставание с родителями, особенно в 12-летнем возрасте, когда формируется твой характер. Думаю, что все, через что он прошел, очень сильно повлияло на его личность и стало одной из причин его превращения в того человека, которым он является. Мы с ним немного непохожи в этом смысле. В моем близком кругу мы всегда делились друг с другом нашим опытом, нашими переживаниями и сомнениями. И всегда были вместе. Мне очень повезло в том, что я могла жить с родителями и сестрой; Андресу повезло куда меньше. Теперь, когда мы живем вместе и делим друг с другом жизнь, мы научились улавливать настроение друг друга, хотя это непросто в любых отношениях.

Мне тоже было нелегко обвыкнуться с таким количеством резких перемен, случившихся в жизни с началом наших отношений. Сначала смена места жительства – семья и друзья больше не жили со мной рядом, но я пошла на такой шаг, потому что хотела быть с Андресом. Он был и остается для меня замечательной поддержкой. Вот почему в моменты сомнений и беспокойств, когда казалось, что все подвисло в воздухе, а нас захлестывает водоворот всего нового, он показал мне, что все эти испытания того стоят. И совместными усилиями мы создали самое замечательное, что есть в наших жизнях, – наших детей».

Анна раскрывает подробности своего старого мира, одновременно погружаясь в новый. «И хотя моя семья живет всего в 30 километрах от нас, я тоже по ним скучала, мне не хватало тех дней, что мы проводили вместе. Внезапно моя жизнь круто поменялась. Но понемногу, с помощью Андреса и его семьи, поддерживавшей меня и не дававшей заскучать, и, конечно,

благодаря собственной семье я сумела адаптироваться к переменам. Думаю, что, если спросите у него, он ответит то же самое. В конце концов, мы оба смогли преодолеть все трудности. Мы были терпеливы, и в конечном счете все стало на свои места; наша жизнь потекла размеренно. И теперь с каждым днем наша связь только крепнет и делает нас ближе. Если задуматься, то жизнь за последние годы, что мы провели вместе, совершила столько крутых поворотов! Произошло столько перемен, мы обрели столько нового опыта и так много узнали о самих себе как о паре и как о личностях.

Он мне из раза в раз повторяет, что я положительно на него повлияла! Это он сказал мне *сам*. Я повлияла на его жизнь, а он на мою. Вместе мы стали лучше как люди. В этом и смысл любви, вам так не кажется? Учиться чему-то новому вместе, испытывать друг к другу уважение и восхищение: я могу с полной уверенностью сказать, что у нас в жизни это есть».

Я СУПРУГА АНДРЕСА, НО Я ВСЕ ТА ЖЕ АННА, ЧТО И РАНЬШЕ.

Внезапно Анна возвращается в самое начало. «Каким был Андрес, когда я впервые повстречала его? Могу только сказать, что сложилось впечатление, будто я знаю его всю жизнь. Тогда он добивался меня, и как же он наслаждался этим процессом! Как и сегодня, тогда он был очень хорош по части организации сюрпризов. Он мог появиться у моих дверей без предупреждения и отвезти меня в совершенно неожиданное место. Я до сих пор храню записочки, которые он оставлял мне раньше и оставляет до сих пор; эти нежности так важны для меня. Не всегда замечаешь это, но он всегда стремится каждый момент наших отношений сделать особенным. Разные ли мы? О, да, очень разные! Хотя он так не считает. Но у нас есть что-то общее, что-то, что объединило нас с первого дня. Многое в нем мне еще предстоит открыть. И мне это нравится. Мое любимое изречение: лучшее впереди. Так все было в наших отношениях, и так будет всегда.

Я не любила футбол до встречи с ним. Я даже скажу, что он совершенно меня не интересовал. Но, по крайней мере, в семье у меня все болеют за «Барсу». Мы смотрели матчи «Барселоны», но если я пропускала эти матчи, меня это абсолютно не беспокоило, для меня все они были одинаковыми. Теперь я не пропускаю ни одной игры, в которой играет Андрес. Обожаю смотреть на его игру. Наслаждаюсь ею; наблюдая за ним, я испытываю огромную гордость и восхищение, но бывает, что слишком возбуждаюсь и даже расстраиваюсь. Как все меняется в жизни! Когда я рассказала папе, что хожу на свидания с Андресом, его реакция

меня удивила. Он человек, напрочь лишенный предрассудков, но однажды он подошел к моей матери – обычно она у нас самый беспокойный человек в семье – и спросил: «А, Пили! Что думаешь об Анне и этом игроке «Барселоны»?» То был момент, когда он включил свой инстинкт папы-защитника, но этим комментарием все и ограничилось. С того момента все было гладко».

* * *

«Это правда, в тот момент я немного опасался за нее, – говорит Висенс, отец Анны. Он и его супруга Пили до сих пор помнят момент, когда их дочь вернулась с летнего фестиваля, проходившего в Барселоне в середине лета, фестиваля Сан Хуан, и сказала им: «Вчера я познакомилась с Иньестой». Естественно, они подумали: «Иньеста? Иньеста из «Барсы»?» Ей пришлось уточнять для папы: «Да, тот самый, пап». В доме семьи Ортис все занервничали.

«Пили, ты можешь представить нашу дочь Анну рядом с футболистом «Барсы»?» – спросил Висенс. «Не волнуйся ты так, я думаю, все будет хорошо», – сказала Пили. «Да, но… кто знает?» – задавался риторическим вопросом все еще обеспокоенный Висенс.

«Потом мы познакомились с ним, и это нас окончательно успокоило. Так влияет на тебя Андрес, – говорит Пили. – Люди до сих спрашивают у меня, каково это – иметь зятем Иньесту. Но я не думаю о нем как об Иньесте, для меня он просто Андрес. Говоря по правде, каждый раз, когда кто-нибудь произносит «Иньеста», я чувствую себя немного странно. Говоря о нем, я начинаю поддаваться эмоциям».

«Для нас он просто Андрес», – говорит Марта, беззаботная младшая сестра Анны, единственный член семьи, абсолютно не интересующийся футболом, вообще. На контрасте ее лучший друг Сержи, огромный парень почти под два метра ростом, ярый фанат «Барсы». Но Хави, парень Марты, так же как она, не питает никакой любви к этому спорту. Марта и Хави словно пришельцы из другого мира в мире Андреса, вращающегося вокруг того, что он делает, – футбола. «Мой парень тоже не из футбольных фанатов. Но глубоко внутри я чувствую, что для Андреса это служит успокоением. Он так предан футболу, так много требует от себя… И тут появляемся мы, которые понятия не имеют о том, что творится в мире футбола. Мы обсуждаем столько всякого, но почти никогда не говорим о футболе. Он всегда был очень замкнутым, с самого первого дня нашего с ним знакомства. Я

сдавала экзамены на получение степени, когда он в первый раз пришел к нам домой», – рассказывает Марта. В плане характеров они с Андресом полные противоположности. Она разговорчивая, веселая, с заразительным юмором; он тихий, спокойный, даже скрытный. «Мой шурин, знаешь, чему я у тебя научилась? Научилась вести себя тихонько. Иногда не нужно слишком много говорить, чтобы понять, что чувствуешь. Внезапно ты задаешь один простой вопрос и одним им говоришь все, что хочешь выразить», – говорит она.

«Никогда не забуду то, что он сделал для нас в трудные времена: когда отцу понадобилась операция или когда Анна потеряла ребенка, – говорит Марта. – То, через что прошел Андрес, – удивительно. Каждую секунду каждой минуты в каждом часе он рядом и готов нам помочь; он помогал и мне, когда у меня в жизни была черная полоса. Андресу не всегда нужно говорить, чтобы окружающие знали о его любви к ним. Я знаю, что он очень знаменитый футболист. Я знаю, что он очень хороший игрок и что его очень любят, но кроме того, он замечательный человек. Когда Андрес открывается тебе, быть с ним рядом замечательно. Он классный. С ним всегда все идет гладко. Он стопроцентно предан своей семье».

* * *

«Разумеется, встреча с Андресом изменила мою жизнь кардинальным образом, – признает Анна. – Теперь у меня совершенно другой стиль жизни. Но это не означает, что я изменилась как человек. А почему должно было так произойти? Я супруга Андреса, но я все та же Анна, что и раньше. Я все так же беспокоюсь по тем же пустякам и все так же получаю удовольствие от тех же вещей. Дружу с теми же людьми».

По словам Анны, чем больше перемен происходит в жизни, тем больше все в ней остается прежним. «Тот факт, что мы с Андресом нисколько не изменились, тоже помогает в отношениях, потому что наш мир остается нашим миром. И только нашим», – говорит она.

«Я уже упоминала о том, что Андрес любит устраивать сюрпризы. На кухне, в ванной или в спальне то и дело появляется конвертик. На нем будет написано «Мамочке» (теперь, когда мы стали родителями, он называет меня именно так, а я его зову «Папуля»), а внутри будет какая-нибудь поездка или выход в свет. Люблю я эти записки! Вначале, когда он говорил мне: «Анна, собирай чемодан, мы едем в путешествие», я отвечала: «Андрес,

предпочту сначала узнать, куда мы отправляемся». Теперь же он говорит мне: «Это сюрприз, Анна, но так как я помню, что ты предпочитаешь знать, куда мы едем и что будем там делать, то вот тебе план». И конечно, теперь нам надо планировать чуть тщательнее, потому что появились дети. Мы так здорово проводим с ними время, стараемся отдавать им все время, какое есть. Андрес любит играть с ними, а они его обожают и каждый день об этом напоминают, стоит ему только прийти домой.

Появление наших маленьких принцессы и принца помогло ему взглянуть на свою жизнь иначе. Раньше после поражений он приходил домой мрачнее тучи. Теперь же ему достаточно увидеть детей – и его лицо тут же меняется. Футбол остается очень важной частью его жизни, но дети – это и есть жизнь для него. В этом плане он сильно изменился. Теперь если он проигрывает матч, кажется, что он лучше засыпает или, по крайней мере, пытается заснуть. Все равно случаются ночи, когда он то и дело ворочается с боку на бок – таков уж Андрес.

Если и есть что-то, что я знаю наверняка, так это то, что я нашла своего спутника жизни, и с каждым новым опытом в наших жизнях я все больше и больше в этом уверяюсь. Он есть и всегда будет МОЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНКОЙ».

Заглавные буквы здесь поставила Анна. Она случайно повстречала свою вторую половинку незадолго до фестиваля Сан Хуан, в одном из пабов Матаро под названием El Teatre. Андрес позволил своему другу отвезти себя туда и никак не мог отвести глаз от девушки, разливавшей напитки за барной стойкой. В ту ночь он ходил за ней как тень и не оставлял ее в покое до тех пор, пока они не поженились, отметив свою любовь большой и громкой свадьбой, ставшей лучшим способом разделить со всеми свое счастье, прежде чем вернуться в уют интимной домашней обстановки.

* * *

«С того момента, как я увидел ее, я понял – Анна будет моей женой», – говорит Андрес. И во всех подробностях рассказывает, как случился этот первый момент. «За несколько дней до фестиваля Сан Хуан в 2007-м мой бывший одноклассник по колледжу Сан Игнаси, что в Саррии, парень по имени Жорди, спросил у меня, не хочу ли я отправиться на вечеринку, которую он организовывал в Матаро. Я сказал ему: «Ты знаешь, что я не большой любитель вечеринок. Посмотрим. Я дам тебе знать свой ответ». В последующие несколько дней я пытался убедить своего

друга Жорди Месальеса пойти на вечеринку со мной. Проблема была в том, что я не взял у Жорди, пригласившего меня на вечеринку, его номер. Я привык удалять сообщения с телефона – там просто не хватает места, чтобы уместить их все, – и оставлять только последние несколько. Так что, когда мы с Месальесом добрались до пляжной зоны Матаро, у нас не было номера, мы никак не могли найти место и, поискав какое-то время, решили поехать обратно в Барселону. Только мы собрались в обратный путь, как зазвонил мой телефон, и сюрприз-сюрприз – звонившим был Жорди. Это был знак судьбы. Мы пошли встретиться с ним и познакомились с четвертым членом нашей компании: парнем по имени Жоэль.

ТОТ ФАКТ, ЧТО МЫ С АНДРЕСОМ НИСКОЛЬКО НЕ ИЗМЕНИЛИСЬ, ТОЖЕ ПОМОГАЕТ В ОТНОШЕНИЯХ, ПОТОМУ ЧТО НАШ МИР ОСТАЕТСЯ НАШИМ МИРОМ.

На самой вечеринке, в самом ее начале, наступил такой момент – такие бывают в начале многих вечеринок, – когда мы не знали, чем себя занять, и снова начали думать о том, чтобы поехать обратно в Барселону. Потом кто-то упомянул о том, что в Матаро открылся новый паб под названием El Teatre, и мы решили отправиться туда выпить. Именно там я заприметил девушку с длинными темными волосами, стоявшую за барной стойкой, – она была абсолютно сногсшибательна. Я не мог отвести от нее глаз. Это была любовь с первого взгляда. Это была Анна. Она даже не работала в том пабе – в тот вечер она подменяла свою подругу Сильвию – вот вам еще один знак свыше.

Так все и случилось. Я безумно на нее запал, но вначале не мог найти возможность снова повидаться с ней. Жорди, парню, который пригласил меня, потребовалась почти неделя, чтобы передать мне ее номер, даже несмотря на то, что я просил его об этом по два-три раза на дню. Я не мог понять, почему Жорди, называвший себя другом Анны, не мог достать для меня ее номер. Так что я поставил ему ультиматум: «Достань мне номер Анны или больше не появляйся в моей жизни!»

Андрес часто смотрит так на многие вещи. Он не понимает полумер и не принимает извилистых обходных путей: либо Жорди достает номер и отдает его ему, либо нет и тогда конец всей истории. Он хочет, чтобы люди были с ним откровенны и честны, а взамен они получают его преданность. Жорди впоследствии доставил Андресу номер Анны.

«Я писал ей, – говорит он. – Ничего такого особенного в первое сообщение я не вложил. Просто поздоровался и все. Я подумал, что это поможет, но никакого эффекта это не оказало».

Андрес еще не знал, что Анна не интересовалась футболом или теми, кто играл в него за «Барселону». «Мне пришлось поменять тактику. Я подружился с ее лучшей подругой Сильвией, девушкой, которую Анна подменяла в ту ночь в El Teatre. Я придумал историю о том, что мне нужно сделать какую-то работу для университетского курса, и все время спрашивал у Сильвии информацию об Анне, каждый день. История продлилась какое-то время, но это было за много месяцев до того, как мы официально стали парой. Казалось, что понадобилась целая вечность, чтобы мы наконец ею стали. Не стоит забывать, что я по гороскопу Телец, очень упрямый, своевольный и всегда пру напролом!

Но как только мы стали общаться, мы быстро спелись. С ней все было легко. У нас было столько всего общего – в том, как мы думали, как вели себя. Много раз я говорил: «Мы один и тот же человек в мужском и женском варианте». Анна вернула меня к жизни. Я переживал непростое время, а она помогла мне заново обрести радость и восторг жизни. У меня нет слов, чтобы описать, что она для меня значит.

Я из тех, кто верит, что в жизни, как в профессиональной, так и в личной, человек должен проходить через трудности, через светлые и темные полосы, чтобы стать лучше и вырасти, и когда я повстречал Анну, со мной произошло именно это. Мы сильно выросли в человеческом отношении, став парой, мы научились понимать и уважать друг друга. Она появилась как раз в нужное время, чтобы я не сбился с верного пути. Я убежден, что без Анны не был бы и вполовину так счастлив, как сейчас, и близко бы не получал от жизни столько удовольствия. Было непросто, но она всегда была рядом.

Я всегда считал, что жизнь и футбол идут вместе; что они подпитывают друг друга и что обе эти составляющие должны быть в порядке, чтобы ты чувствовал себя хорошо. Но с течением времени я осознал, что самая важная на свете вещь – это жизнь личная. Теперь для меня нет никакого смысла в успехах на футбольном поле, если дома я не счастлив. И точно так же я могу быть счастлив и доволен жизнью, даже если как игрок переживаю скверный момент по причине проигрыша или травмы. Валерия, моя дочь, сильно повлияла на это. Как и Паоло Андреа, мой сын. Я вижу живое доказательство этого, когда прихожу домой после игры. Как только я их вижу, всякий утомляющий меня гнев и разочарование от игры испаряются, и я забываю о футболе. В такие моменты осознаешь, что действительно важно в жизни. Как могу я казнить себя за игру, когда в мире есть больные люди, которым очень плохо? Зачем мне злиться, если я не играю? Кто будет критиковать меня за плохую игру, когда я всего себя отдаю

на поле? Сначала Анна, потом Валерия, а теперь Паоло Андреа заставили меня пересмотреть в жизни все».

Андрес подводит итоги: «Много раз я думал о том, что случилось бы с моей жизнью, если бы Жорди позвонил мне, когда мы бы уже ехали обратно в Барселону. Что-то уверяло меня, что Анна и я обязательно сойдемся; это была судьба. Она даже не работала в том пабе, а я даже не жил в Матаро, но…»

Неслучайно, что их предсвадебная вечеринка прошла в том же El Teatre, и далеко не совпадение то, что Андрес и Анна попросили владельцев паба, теперь обновленного и сменившего вывеску, ненадолго возвратить ему прежний облик, который они помнили по той ночи, когда впервые увидели друг друга. «Мы думали об этом столько раз», – говорят они оба.

Андрес, впрочем, заготовил для Анны еще один сюрприз.

* * *

За восемь, почти уже девять лет, что мы вместе, мы пережили так много всего вместе, что мне очень трудно всего несколькими строчками выразить то, что я испытываю по отношению к тебе, Анна, и всему тому, что ты пробудила во мне как в человеке. Я хочу, чтобы ты знала: о многих вещах я не упомянул на страницах этой книги, но по отношению к тебе как к другу, спутнице, жене и матери моих детей я могу говорить только слова признательности, уважения, любви и гордости. Мы с тобой прожили бесчисленное количество самых разных эпизодов и событий. Первая встреча и знакомство, совместные путешествия и отпуска, рождение наших детей, свадьба, ставшая таким волшебным днем. Мы наслаждались всем, каждой минутой всего этого. Но ты также показала мне, насколько особенный ты человек и в менее приятных ситуациях. Ты уникальна, ты отважна, у тебя огромное сердце. Ты показала мне все то, что мы сделали вместе в жизни. Спасибо тебе за твою невероятную силу и крепость духа, которую ты проявила, когда пришли печальные новости о том, что мы потеряли ребенка. После всего того, через что мы прошли, мы все утратили ее, но ты сохранила, ты была сильной. Не каждый способен преодолеть такие деликатные моменты, Анна. Но ты смогла. Я был рядом с тобой, как и все мы. Но именно ты, Анна, прошла через это все сама. Это сделало нас сильнее, и теперь нас всегда и во всем сопровождает ангел. Этот опыт помог нам вырасти и стать лучше. И если в чем-то я уверен, то это в том, что с тобой… лучшее всегда впереди.

Твой ‘Papi’

XXIV. Мама

Я видела гол в финале чемпионата мира, но не поняла, что забил он. Его отец игры не видел. Он выключил телевизор.

Мари, мама Андреса

«Только недавно люди здесь узнали, кто я такая». Мари – олицетворение осторожности и осмотрительности. Она ходит незаметно, но стоит вам с ней познакомиться, вам уже ее не забыть: она мать, воссоединившаяся со своим сыном, чье детство поглотил футбол. «Мы живем в одном и том же доме в Барселоне вот уже 16 лет, а соседи только недавно начали осознавать, что к чему, – говорит Мари. – Мы никогда не хотели выделяться. Зачем? Какой смысл? Я никто; я просто одна из мамаш, каких много. Я мама Андреса и Марибель, и это все».

Мари не говорит просто ради того, чтобы сказать; она вообще мало разговаривает. Примерно как Андрес. Во всем естестве Мари угадывается Андрес. Иногда она кажется отстраненной, порой думаешь, что до нее трудно достучаться, а еще труднее понять. В другие моменты она кажется доступной, близкой, мягкой и очаровывающей.

«Помню как-то раз, когда наша семья уже переехала в Барселону, я пошла на прием к врачу, – говорит Мари. – И вот одним утром, когда врач записывала мое имя, чтобы выписать рецепт, она сказала: «Знаете, Мари, у меня есть один очень известный пациент».

«О, вот как?»

Она сказала: «Да, да, очень знаменитый, игрок «Барселоны». Андрес Иньеста. Вторая фамилия у него Лухан, прямо как у вас. Вы его знаете?»

«В некотором роде да», – сказала я, чувствуя себя неловко.

«Он не ваш сын ведь, правда?» – спросила она удивленно.

«Ээ, да, он мой сын».

Врач была ярой болельщицей «Барселоны», у нее в голове не укладывалось, что такое может происходить. «Почему вы мне сразу не сказали, что вы его мама?»

Я подумала: «А почему я, собственно, должна? Я не хожу и не рассказываю всем вокруг, что я мать Андреса Иньесты. Я предпочту, чтобы люди вообще не знали, кто я такая. Так будет лучше и для меня, и для него, для всех. Мы обычные люди. Он

футболист, да, но не я. Не я, не его отец, не сестра, только он».

Мари предпочитает говорить о своем сыне, а не об Андресе Иньесте-футболисте, игроке «Барселоны» и сборной Испании, которого все знают, который принадлежит всем, пусть даже именно она дала им Андреса в первую очередь. «Бывает трудно смириться со всем утраченным временем, которое я могла бы провести с сыном, – говорит она. – Порой я не чувствую, что у меня есть сын. Я знаю, это звучит очень жестко, но такова правда». И она объясняет, каково это – быть матерью, разлученной с сыном. «Мы жили счастливо в нашем маленьком городишке, в своих жизнях, окруженные близкими людьми. А он захотел поехать в Барселону. Многие люди считают, что это мы силой заставили его, но все было не так. Андрес сам принял решение последовать туда за мячом. Я знаю, что вначале он страдал, что у него был непростой период. Как и у всех нас. Я также знаю, что теперь, став отцом, Андрес понимает то, что мы испытывали, когда его не было рядом с нами. Были дни, когда больше всех страдал он сам; в другие дни мучился его отец; в другие я. Мы все боролись с этим, и каждый справлялся по-своему.

Вот почему в ту первую ночь, когда мы потратили столько сил, чтобы довезти его до Барселоны, а его отец Хосе Антонио решил забрать его домой, я стала сопротивляться. «Я поеду и верну мальчика домой!» Я понимала его, конечно; глубоко в душе я желала того же. Как я могла не понять его стремлений? Андрес был таким маленьким. А когда мы оставили его в «Ла Масии», все вышло не так, как мы ожидали: мы думали, что он останется с нами на ту ночь в отеле Rallye, а на следующий день мы отвезем его в школу. Но господин Фаррес, директор «Ла Масии», сообщил нам, что он остается у них. Хосе Антонио, я, мой папа… мы втроем остались без него. Я не знаю, как я пережила ту ночь. Было бы проще ответить: «Ладно, заводи машину, поедем за ним». Я не знаю, почему мы этого не сделали на самом деле, но мы знали, что после всех приложенных нами усилий мы должны дать ему шанс, рискнуть; дать ему хотя бы попытаться. Мы не могли просто развернуться и поехать домой, словно ничего и не случилось. Я хотела бы, но не стала этого делать. До сих пор не знаю почему. Материнская интуиция, полагаю. Я понимала Хосе Антонио, потому что он терял родного сына, этого мальчика, которого водил на каждый матч, которому посвящал все свое время, ради которого жил. Хосе Антонио предстояло потерять все. *Все*».

Мари считанное количество раз видела игру Андреса. «Кто-то ведь должен был приглядывать за баром, не так ли? Хосе Антонио

и мой отец присматривали за Андресом больше всех. Как я могла запретить его дедушке ходить смотреть его матчи? Я смотрела только турнир в Брунете, и то по телевизору. Но Хосе Антонио всегда был с ним рядом».

«ТВОЙ БРАТ, МАРИБЕЛЬ. ГОЛ ЗАБИЛ ТВОЙ БРАТ».

Хосе Антонио готов был рассказать любому желающему послушать, как быстро прогрессирует его сын-футболист. Мари на контрасте даже не знала, что отвечать на вопросы соседей. «Вы знаете, какая жизнь в маленьких городках, – говорит она. – Некоторые люди насмешливо смотрели на нас, думая: «Кем они себя возомнили?» или «Как могут они так поступать со своим ребенком, отправлять его куда-то в таком маленьком возрасте?» Были, конечно, и те, кто поддерживал нас. Но решение было за Андресом».

Мари проглотила все: нелицеприятные комментарии, непростые времена, ощущение, что потеряла своего сына. Она скучала по нему. Она знала, что он никогда не будет жить жизнью, которой живут обычные дети в Фуэнтеальбилье. Но это было его решение, и она знала, что, как только он что-то для себя решит, обратной дороги нет. «Никогда не забуду один эпизод, когда он был очень маленьким, – говорит она. – Обе его бабушки хотели, чтобы он играл в городской группе; они даже пришли вдвоем сообщить мне об этом. Каждый раз, когда мы с ними виделись, они повторяли мне одно и то же: «Андрес должен присоединиться к ансамблю Фуэнтеальбильи». Так что я отправила его туда. Он сходил туда максимум два или три раза. На тот момент он уже играл в футбол за «Альбасете», и я попыталась разыграть эту карту: «Смотри, Андрес, если не будешь играть в группе, в футбол тоже играть не будешь». Но он разгадал мой блеф: «Хорошо, в футбол играть не буду… но и в ансамбль этот не пойду». Ему было лет 10 или 11».

Как только он перебрался в «Ла Масию», события начали разворачиваться очень стремительно. По крайней мере, так казалось Мари. «Кажется, что мы до сих пор до конца не осознаем, что случилось, – говорит она. – И даже теперь я не очень-то счастлива тому, как все вышло. Каждое поражение «Барселоны» – поражение моего малыша».

* * *

«Андрес такой, каким ты его видишь, никаких масок, никакого притворства, – говорит его сестра Марибель. – Одного

только не видишь: его страданий. Их он носит в себе. Закупоривает в себе. Все до единого. Так поступают в нашей семье все, особенно бабушка по маминой линии».

Марибель на два года младше Андреса, и когда ее брат уехал в Барселону, она только совершила первое причастие в Фуэнтеальбилье. «Мне было десять лет, я была очень мала; мне было трудно без старшего брата в доме. Я виделась с ним раз в месяц максимум. Иногда мы по пять недель не выбирались к нему в Барселону. Когда я, наконец, переехала туда жить, казалось, что мы два незнакомых друг другу человека: одному 17 лет, другой 15. Я не выпускала его из виду, не готова была отпускать его ни на секунду. Я все хотела делать вместе с ним. Как будто пыталась наверстать упущенное время. Я видела, как терзаются мои родители, дедушки и бабушки, а сама я проводила время с ним только летом и на Рождество. Никогда не забуду эти поездки в Фуэнтеальбилью из Барселоны после визитов к нему. В машине стояло молчание, никто ничего не говорил. Казалось, что поездка всегда получается невыносимо долгой. Мне было 12, 13, 14… и мы все ночевали в одном и том же номере, спали в одной кровати, чтобы можно было потом поехать в Барселону и повидать его в «Ла Масии».

В Фуэнтеальбилье наши спальни были рядом, – говорит сестра Андреса. – Так что каждый раз, проходя мимо его комнаты в свою, я думала о нем. И думала особенно часто, когда у папы случались плохие дни или когда в семье назревал кризис – а за пять лет, что он провел вдали от нас, их было немало. Мне было все равно, что говорили друзья: «Твой брат будет играть за «Барселону»! Это так круто!» Это не было утешением для меня. Тогда мобильных телефонов не было. Вечерами, когда у него получалось, он звонил, часов в 10 вечера. Но не мог рассказать многое, потому что в «Ла Масии» выстраивалась длинная очередь к телефону из детишек, хотевших позвонить домой».

«Его мечтой всегда была игра в футбол, и он обязан был попытаться – ради себя и папы, – говорит Марибель. – Мы все четверо довольно упрямые. Андрес в точности как папа; им нравится все держать под контролем, за всеми присматривать. Они всегда на связи, всегда готовы прийти на помощь».

Так если они так похожи, значит, Марибель тоже переживает и нервничает, смотря на игру Андреса? «Да, я действительно очень переживаю, – говорит она. – Но в отличие от них я на матчи хожу, стараюсь залезть ему в голову, узнать, что он думает и чувствует. А когда ты на трибунах, ты порой слышишь такое, после чего думаешь, что больше не сможешь молчать. Хочется крикнуть: «Эй, ты о моем брате говоришь! О моей плоти и крови!»

Но приходится просто проигнорировать, проглатывать. Мой парень, Хуанми, всю жизнь болел за «Барселону», а теперь фанатеет от нее еще сильнее, само собой, вот он склонен отвечать, гораздо чаще, чем это делаю я. Я ответила только раз, и то потому, что они все не умолкали: казалось, что их слова звучат как работающая у самого уха дрель».

Когда настал момент, именно Хуанми сообщил новости Марибель. «Марибель не видела гола в финале Чемпионата мира, – объясняет Хуанми, – и это несмотря на то, что мы были на стадионе в Йоханнесбурге. И хотя мы сидели довольно низко, неподалеку от скамеек запасных, где-то посередине испанской половины поля, мы находились довольно далеко от тех ворот, в которые был забит гол. Я смотрел за тем, как раскрывается комбинация, и со стороны было понятно, что такой эпизод обязательно закончится голом, я каким-то образом предчувствовал это. Даже был уверен.

Там были Анна, жена Андреса; Жоэль, один из его лучших друзей; Марибель и я; эта комбинация получалась типично голевой в том смысле, что с каждым ее ходом ты привставал с кресла все выше, словно ожидал, что сейчас что-то произойдет. Мяч приближался и приближался к штрафной, и вот я уже стою, мяч попадает к Андресу, и я кричу: «Бей! Бей! Бей, Андрес!» Когда мяч влетел в сетку, я сошел с ума. Реально обезумел».

Настолько, что Марибель сказала: «Успокойся, а то сердечный приступ заработаешь. Еще четыре минуты играть вообще-то».

А я ответил: «Дорогая, ты знаешь хотя бы кто забил?»

«Нет. Я в восторге, что забила Испания, но матч еще не кончился».

Я поверить не мог. И потому спросил еще раз: «Марибель, ты знаешь, *кто* забил гол?»

«Нет».

«Твой брат, Марибель. Гол забил твой брат».

И тогда уже она сошла с ума. А я сказал: «Успокойся, матч-то еще не кончен. Еще четыре минуты играть»».

Те четыре минуты получились самыми долгими в их жизни.

* * *

Мама Андреса Мари очень нервничает и переживает – такой уж она человек. Есть в ней что-то такое, наталкивающее на мысль, что для нее жизнь – это драма. «Мы переживали ненормальные для обычных людей вещи: титулы, успех. Но спорт – это и

поражения. Иногда тебе кажется, что ты должен выигрывать каждый матч, а иногда люди относятся к тебе так, словно ты обязан выигрывать каждый матч, и если ты этого не делаешь, случается катастрофа. Иногда сам начинаешь относиться к себе так. Андресу очень трудно мириться с поражениями. Хорошо, что у него есть Анна и дети, иначе…»

Мари до сих пор помнит выражение лица своего сына в тот день, когда он не забил пенальти в Террассе. «Ему было 18 лет, он играл свой первый финал с «Барселоной», финал Кубка Каталонии. Он был раздавлен, плакал так, что не мог говорить или есть… на поле он такой же, как и за его пределами. Он все воспринимает очень серьезно; все берет на себя, таскает в себе эту ответственность, эту жажду побеждать, пока все не накапливается настолько, что становится невыносимым».

Мари помнит, как он мучился перед чемпионатом мира-2010. «Его голова была забита кучей всего, а потом случилось то, что случилось. Он как я. Тихий? Спокойный? Контролирующий себя? Внешне да, разумеется. Но внутри мы с ним подобны вулкану. Он обдумывает все снова и снова, даже то, что значения не имеет; кажется, что он заполняет голову до тех пор, пока из нее не польется наружу.

Я никогда не смотрю его матчи; я смотрю только его самого. Стоит ему только коснуться мяча в первый раз за игру, я уже знаю, как он себя чувствует», – говорит Мари. Она признает, что редко ходит на матчи сына; только на несколько домашних или финальных матчей, плюс раз на игру в Мальорке, так как там работал Хосе Антонио со своим братом, и один раз на матч в Альмерии, где жила ее сестра. «Мне не нужно быть на стадионе; я и по телевизору все могу определить. Вижу по его лицу, по жестам, по тому как он двигается. Я ничего не знаю о футболе, я не Хосе Антонио, но своего сына я знаю».

Что Мари больше всего нравится в игре ее сына, так это *pausa*, эта мгновенная пауза и то спокойствие, что он излучает в этот момент. Ведь она знает, что внутри он совсем другой. «Я не знаю, откуда это в нем, ведь Андрес очень похож на меня и свою бабушку; я знаю, что он совсем не такой спокойный, каким кажется внешне, – говорит она. – Когда он счастлив, все идет гладко. Все кажется легким и непринужденным. Если он в порядке, он никогда не чувствует паники, напряжения; он контролирует ситуацию. Ответственность на него не давит, как раз наоборот, даже теперь, когда он стал капитаном. Вы видите, как он вступает в конфронтацию с арбитром, как высказывает то, что должен высказать, раньше он такого не делал. Он едва вообще что-то говорил, но теперь я его иногда предупреждаю:

«Андрес, тебя так удалять начнут». А он смеется и ничего не отвечает».

ВЗГЛЯНИТЕ НА АНДРЕСА: В «ЛА МАСИИ» ОН ПЛАКАЛ ВСЕ ВРЕМЯ, В КАЖДОМ ЕЕ УГОЛКЕ, НО НИКОМУ НЕ ГОВОРИЛ, ОН ПРЯТАЛСЯ.

Бывают моменты, когда мама Андреса нервничает, даже если он сам спокоен. Когда момент этой паузы кажется длинным, как целая жизнь. «В день, когда он забил пенальти за Испанию в Украине в 2012-м, я была на стадионе вместе с Марибель, моей дочкой. Когда дело дошло до серии пенальти, нам пришлось покинуть свои кресла. Мы остались на стадионе, но ушли со своих мест и направились внутрь. Нервы больше не выдерживали. Пенальти – это слишком, – говорит она. – Такое бывает и когда я смотрю матчи дома, по телевизору. Не могу смотреть пенальти. И это при том, что Андрес обычно пенальти не бьет. Я не могу заставить себя смотреть. Но могу слышать, и когда эпизод заканчивается, я прихожу посмотреть повтор. Но в тот вечер в Украине в полуфинале Евро я не могла усидеть на месте. «Марибель, давай удем отсюда, – говорила я. – Да, давай, – сказала она. – Я тоже не могу». Мы не знали, что происходит. Внезапно один из друзей прислал Марибель сообщение: «Твой брат собирается бить!» Она показала мне сообщение, а я подумала: «Зачем он решил бить? Что-то тут не так». И тут мне вспомнилось: тот промах в Террассе. Как он не мог вспомниться? Но потом пришло следующее сообщение: «Забил». Я испытала облегчение. «Спасибо Господу за это». Маме Икера Касильяса пришлось еще хуже. Она заперлась в туалете. Должно быть, для нее это было ужасно! Ей пришлось еще хуже, чем мне. Андрес редко исполняет пенальти, а Икер-то всегда в воротах, как в хорошие времена, так и в плохие. Впрочем, в одном ей повезло больше, чем мне: ей удалось вернуться на свое место. Мы с Марибель не смогли вернуться, чтобы отпраздновать».

Отец Андреса в этом смысле еще хуже. «Я даже не знаю, где был в тот момент Хосе Антонио, – говорит Мари. – Он должно быть ушел куда-то, отправился так далеко, где его никто не мог найти. Он часто так делает: садится в машину, врубает музыку так, чтобы ничего не слышать, и едет. Марибель тоже нервничает. Ее не заставишь перестать о нем думать. А кроме того, все время думаешь о том, что случится после, если они не победят; как все будет, каким будет все то, через что придется ему пройти. Это ведь твоя плоть и кровь там, на поле. Ты страдаешь вместе с ним».

Мари не была и на «Стэмфорд Бридж», когда ее сын забил.

Тот момент вышел еще более болезненным. «Я сидела прямо здесь, в этой гостиной, с травмой. Я повредила ногу на мероприятии фан-клуба: Андрес ушел оттуда с памятным значком, а я с повязкой на колене, мне ее наложили после того, как я поскользнулась на ступеньках. Я упала, держа на руках маленькую племянницу, и разбила колено в кровь. Когда я увидела гол Андреса по телевизору, я подпрыгнула, что только ухудшило дело. Чудо, что я ничего не сломала».

Ни Мари, ни Хосе Антонио не поехали на чемпионат мира-2010, финал они тоже не смотрели вдвоем, величайший момент в карьере своего сына. «Мы остались в городе. Его жена Анна и сестра Марибель поехали на матч, как и Хуанми. Я была с членами фан-клуба Иньесты в баре «Лухан», который когда-то был нашим, а теперь превратился в мини-музей Андреса, который там устроил мой папа, развесивший по его стенам вырезки из газет и фотографии. Народу было очень много, бывший бар был полон подзавязку. Я была безумно рада, когда Испания забила, но не осознала, что гол забил он [Андрес], пока люди не начали прыгать вокруг меня и обнимать. «Что? Что случилось?» «Иньеста забил, Мари!» Я выбежала оттуда, направившись прямиком к дому Андреса, который стоит очень близко, едва ли в сотне метров от бара. Я хотела как можно скорее добежать до Хосе Антонио, чтобы все ему рассказать. Наш сын забил гол. И вот там я увидела его: он сидел в одиночестве в гостиной, телевизор выключен. Он понятия не имел, что случилось.

«Хосе Антонио, наш малыш забил! Он забил! Андрес!»

«Что? Когда? Сколько осталось до конца?»

«Я не знаю… знаю только, что Андрес забил!»

Когда игра закончилась, в Фуэнтеальбилье начался праздник. Все вышли на улицы. Люди приезжали из соседних городков, чтобы отпраздновать победу с нами. А я все прокручивала и прокручивала в голове события; переживала игру заново. Я не видела гола Андреса, но видела все остальные детали матча, включая и красную карточку, которую Ван Боммел так и не получил, Бог знает почему. Этот Ван Боммел…»

Это говорит в ней материнский инстинкт: всегда стремится защищать своих детей, всегда опасается, что с ними произойдет что-то плохое. И этот инстинкт, этот страх порой оказывается сильнее разума. В сознании Мари гол уже исчез и растворился, а удар Ван Боммела нет.

«Когда он был молод, я не думала, что он станет футболистом. Я знала только, что официантом в баре он не будет точно. Он совсем не помогал с ним, в отличие от сестры, готовившей пиццу и подававшей напитки с самого начала. Андрес

просто приходил вместе с кузеном Ману и сидел, ожидая, что кто-нибудь его обслужит. Я до сих пор вижу эту картину: они вдвоем сидят как два барина, ждут, что их кто-нибудь обслужит… и мечтают стать футболистами. Я никогда и мечтать не смела о том, что однажды он забьет победный гол в финале чемпионата мира. Да и как я могла?

Однажды, я уверена, наступит такой день, когда мы осознаем, что он сотворил, но сейчас это больше похоже на сон, все эти события, что случились с ним и со всеми нами, – говорит Мари. – Я знаю, что школьная площадка была смыслом его жизни, знала, что он делает только то, что по-настоящему хочет делать. Я знала, что футбол был для него всем, самой жизнью. И эти чувства настоящие: он *чувствует* «Барселону», Испанию, футбол. Все это знают. Вот почему все люди были так счастливы, что забил именно он. И все-таки я спрашиваю себя, почему я не чувствую себя счастливее, думаю, что и другие задавались тем же вопросом: ведь это мой сын забил победный гол в финале Чемпионата мира. Мой сын! Я была счастлива, конечно же, но не плакала, ничего такого, все держала внутри. Внешне я могу казаться холодной как лед, но это только внешне.

ПОТОМУ ЧТО У МОЕГО СЫНА ЕСТЬ ТАЛАНТ, ЕСТЬ НЕЧТО ОСОБЕННОЕ В НЕМ. Я НЕ ГОВОРЮ О ФУТБОЛЕ.

Взгляните на Андреса: в «Ла Масии» он плакал все время, в каждом ее уголке, но никому не говорил, он прятался. А когда приходил на тренировки, никто по нему не мог сказать, что он плакал. Они не знали, как тяжело ему приходится. Ну, большинство из них не знали. Другие дети точно. Но потом некоторые сотрудники клуба, повара и уборщики рассказывали нам, как больно им было смотреть на него: они понимали, что глубоко внутри он так же горько плачет, хотя и скрывает это от всех. Я потеряла своего сына на шесть лет. Мы все потеряли. Все вышло удачно, факт. Но что если бы ничего не получилось? Тогда что? Никто не мог пообещать нам, что у него все получится; что однажды мы увидим его играющим в «Ла Масии» и выводящим сборную Испании с капитанской повязкой. Теперь же все, чего я хочу, – это вернуть утраченное время. Хочу наслаждаться жизнью с ним, его талантом. Потому что у моего сына есть талант, есть нечто особенное в нем. Я не говорю о футболе. В нем есть что-то такое, не знаю, что именно, но что-то… он хороший человек».

notes

Примечания

1

Высший дивизион региональной лиги, идет сразу после Терсеры. – *Прим. пер.*

2

Четвертый по старшинству дивизион профессионального испанского футбола после Примеры, Сегунды и Сегунды Б. – *Прим. пер.*

3

Очень, очень много *(исп.)*. – *Прим. пер.*

Очень, очень много *(исп.)*. – *Прим. пер.*

5

Фактическая ошибка. Иньеста дебютировал в игре с «Брюгге» под номером 34. – *Прим. пер.*

6

Первая гимнастка, получившая высший балл 10,0 на международных соревнованиях. – *Прим. пер.*